

Олег Верещагин
Горны Империи

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3084295
«Верещагин О. Н. Горны Империи»: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-55612-0

Аннотация

После ядерной войны и долгих лет Безвременья человечество восстало из пепла! На Земле образовались две мощные империи – Русская и Англо-Саксонская, и множество более

мелких государств.

Денис Третьяков никак не ожидал, что ему придется покинуть родной Петроград, но его отца – штабс-капитана ОБХСС – направляют наводить порядок в Республике Семиречье, где обосновались нечистые на руку дельцы, сбежавшие из Русской Империи. Вместе со штабс-капитаном едет и его семья. Денису пришлось расстаться с друзьями и оказаться в поселке Седьмой Горный, где власть фактически принадлежит могущественной компании «Энергия», которая заинтересована в получении прибыли любой ценой. Местные нравы разительно отличаются от петроградских, и не в лучшую сторону. Но Денис не пасует перед трудностями. Ведь он же пионер! А пионерская клятва гласит: «Всё, что смогу, – Отечеству! Всё, что смогу, – нации! Всё, чего не могу, – смогу!»

Олег Верещагин Горны Империи

*Тяжелый толчок и вспышка у глаз,
И злая капля со лба...
Он вдруг покачнулся и медленно лег
Средь огненной темноты.
Вперед укатился и набок упал
Красный его барабан...*

В.П. Крапивин

От автора

Мне было четырнадцать лет, и я читал «Голубятню на желтой поляне» Крапивина.

В это время я уже и сам «писал книжки», как гордо называл это, но у меня хватало самокритичности не ставить себя в один ряд с «настоящими писателями». Крапивина же, как это ни странно, я для себя открыл только два года как (даже в «Пионере», верным подписчиком которого я был с первого по восьмой класс, я почему-то пролистывал без интереса и пропускал его повести!), и книги его мне очень и очень нравились.

«Голубятня на желтой поляне» была совершенно новой, выданной мне из читального зала, в котором я имел разрешение хозяйничать и брать книги на дом. В те времена я еще не знал, что «Те, Которые Велят» – печальная реальность, что в наше время можно убивать детей... да и вообще считал, что мир устроен довольно разумно и приятно. Хотя бы потому, что было жаркое лето, и никто не мешал мне валяться на раскладушке в своем кильдике и – читать, читать, читать...

Надо сказать, что в нашей компании чтение было ОЧЕНЬ распространенным занятием. Но я не только читал больше остальных – я еще серьезно любил думать о прочитанном. И иногда додумывался до выводов, которые заставляли моих друзей крутить пальцами у виска... или восхищенно говорить «ух ты е!»... или просто пожимать плечами – «да ну и что?».

Но в тот раз, я это хорошо помню, я, – наверное, впервые в жизни! – прочитал между строк.

Сейчас то самое издание (не та самая книжка, но такая же) лежит передо мной. По нему и цитирую строки, которые вдруг заставили меня напрячься – как будто в зеркале за твоей спиной что-то шевельнулось и мелькнуло легкой тенью...

«Яське нравилось барабанить. Нравилось придумывать всякие боевые марши. Стучишь в барабан, а за тобой будто встает армия. Качаются султаны на киверах, полощут знамена, блестят вскинутые палаши. Как в старой книжке про Бородино.

Давно уже порвался и пропал игрушечный барабан. Яська успел закончить четвертый класс, но игру свою не разлюбил. Когда в доме отключали газ и мама посылала Яську за керосином, он выбирал дорогу подлиннее, переулки попустынее и шагал по ним, выбивая

марши на доньшке жестяного бидона...»

И еще...

«Мальчишка улыбнулся беззлобно, доверчиво.

– Я так... Я слышу, кто-то каждый день барабанит. И вчера, и позавчера...

– Потому что керосина третий день в лавке нет. Вот и хожу... – насупленно объяснил Яська».

Я отложил книжку и задумался.

Как же так? Если я правильно понял, Ярослав Родин – а это именно он вспоминает про свое детство – житель БУДУЩЕГО нашей Земли. Далекого будущего, где есть звездолеты, стерео, разные хитрые технические штуки и даже бесплатные столовые. Будущего определенно СЧАСТЛИВОГО – милиция без оружия (у наших милиционеров только-только начали появляться «макаровы»), развлечения-праздники и вообще... счастливого, в книжке это чувствовалось, а что подросший главный герой ворчит – взрослые всегда ворчат...

И все-таки...

Я взял книжку и перечитал несколько строк.

«Когда в доме отключали газ и мама посылала Яську за керосином... Потому что керосина третий день в лавке нет...»

Странно. Я толком не знал, как выглядит керосин, и не понимал, зачем отключать газ. А в этом будущем, похоже, такие штуки – обычная вещь.

Именно перечитывая эти строки, я вдруг – как озарение! – понял: ЗА СТРОКАМИ ЛЮБОЙ ХОРОШЕЙ КНИЖКИ МОЖЕТ СТОЯТЬ – НЕТ, ДВИГАТЬСЯ! – КАКАЯ-ТО ВТОРАЯ ЖИЗНЬ. Может быть – даже независимо от автора. Как же добилось человечество этого счастливого будущего? Что оно оставило В ПРОШЛОМ, если главный герой еще помнит время, когда нужен был керосин и выключали газ?

Мне стало как-то не по себе. Я был умным и развитым парнишкой и вполне мог составить логическую цепочку...

Вот он – МОЙ мир. У нас нет бесплатного хлеба, и мы не летаем на другие планеты. Но у нас не отключают газ, и нам не нужен керосин.

Раз.

Вот – мир БУДУЩЕГО. В нем есть все, что душе угодно. Коммунизм, как я его представлял.

Два.

Но – ВНИМАНИЕ! – где-то МЕЖДУ этими мирами лежит промежуток времени, когда СНОВА керосин (как в войну) и человечество сэкономило газ.

Три.

«А о чем еще НЕ НАПИСАЛ Крапивин? – осторожно подумал я. – Может быть, не было никакого «постоянного движения вперед, к счастливому будущему»? Может быть, был какой-то обрыв, овраг, яма, из которой человечество выкарабкалось, поумнев?»

Помнится, тогда я так ни до чего не додумался. Смутные мысли так и остались смутными мыслями...

...Когда два года назад я начал переделывать роман «Мир вашему дому!» (а я признаюсь, что я его не ПИСАЛ, а именно ПЕРЕДЕЛЫВАЛ – из несколько иной книги о несколько других людях), а затем – полгода назад – отсканировал машинописные листы и выложил рукопись на своей страничке в Интернете, то по завершении работы наполучал кучу оплеух от интернет-читателей. Судя по статистике, роман пользовался большой популярностью (простите мне нескромность), но от критики это его не избавило.

Несколько (всего двое или трое) человек откровенно и тупо злобствовало, раздраженные тем, что я посмел живописать тоталитарный мир и осмелился назвать его «счастливым», да еще и СДЕЛАТЬ его таковым. Я не о них.

Я также и не о тех людях, которые прислали мне многочисленные толковые замечания – то-то я пропустил, то-то не учел, а того-то быть не может В ПРИНЦИПЕ. Этим критикам моя искренняя благодарность, но и только.

Однако были люди, указывавшие именно на то, что я – четырнадцатилетний – увидел интуитивно в той книге Крапивина. Тогда я еще не знал, что это называется «лакуна». А сейчас – вот уже как лет пятнадцать – знаю.

В самом деле – роман оказался полон таких лакун. На мой взгляд, он от этого не проиграл (как не проиграли, скажем, книги Ефремова от того, что он не описал подробно путь становления коммунистического общества, прежде чем засесть за «Туманность Андромеды»), но вот что поле для деятельности и размышлений осталось огромное – это точно.

Поэтому примерно год назад я набросал целую кучу отрывков к новому – тогда еще безымянному – роману, который должен был стать как бы предысторией «Мир вашему дому!» и пояснить хотя бы вкратце, что откуда растет и как все было «на пути к светлому тоталитарному будущему» из «похабного либерал-демократического настоящего». Потом, как у меня бывает в семи случаях из десяти, запал прошел, начатый роман переместился сперва в папку «отложенные», потом и вовсе в папку «на сюжетное растаскивание»... Ну, а потом случилась интернет-публикация и вышеупомянутая критика. Все это наложилось на пополнение моей фотоколлекции большой серией «пионерских» и «гитлерюгендовских» фоток – и вот как-то, рассматривая счастливые и гордые лица русских и немецких мальчишек и девчонок, я понял, что книгу все-таки НАДО писать.

Я сел. И стал писать...

...А теперь – и впрямь немного «от автора». Чтобы с самого начала не оставалось неясностей.

Я действительно считаю, что:

а) капитализм с любым «лицом» нежизнеспособен как экономический и социальный строй;

б) не умея на самом деле развивать общество, нынешняя политико-финансовая элита завела человечество в тупик, где изо всех сил старается остаться, с пеной на губах убеждая людей, что этот тупик – и есть их родной дом;

в) выход из этого тупика терапевтическим путем невозможен – увы, нас может спасти только путь хирургического вмешательства без наркоза, так как наркоз больному давать нельзя;

г) человечеству были даны два шанса: Третий рейх и СССР. Но первый предусматривал будущее для германцев и только для них, а второй был сознательно погублен – изнутри и снаружи страны! – теми, кто страшился размаха замыслов строителей будущего для всех;

д) или наше будущее окажется похожим на описанное мною в книге – или мы рискуем остаться без будущего вообще. Так пугающего многих мира «Матрицы» не будет, а будет просто полное вырождение – скачком, за каких-то три-четыре поколения – и пустая планета, скорее уж как в финале печального фильма «Искусственный разум»;

е) спасти нас может лишь героическое мировоззрение и полный отказ от демократии как таковой и «опыта мирового развития». Вокруг нас – НЕ НАШ мир. Жить в нем мы не сможем. МЫ В НЕМ УЖЕ НЕ ЖИВЕМ.

* * *

Критикам

Да, я люблю барабаны и горы. ОНИ РЕДКО ФАЛЬШИВЯТ.

Автор

Что было...

Ядерная война ...-х годов ХХI века фактически уничтожила земную цивилизацию, изменив не только природу и погоду, но во многом и саму географию Земли. Все прежние силы – государства, церкви, корпорации, преступные синдикаты – исчезли. Под покровом

атомной зимы воцарился мрачный холодный хаос, в котором остатки людей, не выкошенные радиацией, болезнями, голодом, сцепились в бесконечных междоусобных войнах, больше похожих то ли на феодальные схватки, то ли на стычки бандитских группировок. Наступили времена Безвременья...

В этих условиях центрами притяжения тех, кто не поддавался всеобщему одичанию, стали две организации: контролировавшая значительную часть Сибири и Севера бывшей России славянская РА и действовавшая на берегах Гудзонова залива англосаксонская «Фирд». Тоталитарные и глубоко военизированные, они начали «умиротворение» окружающих земель, действуя во имя благой цели возрождения цивилизации с не меньшей жестокостью, чем их противники – банды людоедов и работорговцев. Серые Войны – так позднее называли историки этот период в развитии Земли из-за того, что ожесточенные бои шли в мире, скрытом пологими бушующих туч. Во главе обеих организаций стояли кланы (или классы) воинского дворянства, возродившегося на благодатной почве бесконечного конфликта.

Это продолжалось несколько десятков лет.

Ушла в прошлое зима. Снова светило солнце. Земля с трудом возрождалась из пепла. Но это было уже совершенно новое общество. После долгих лет битв Планета оказалась полюбовно поделена между двумя этносами, к которым присоединились остатки некоторых существовавших ранее других наций (большинство их погибло). Русская и Англо-Саксонская Империи, сотрудничая и соперничая, сумели построить мир, в котором при минимуме законов и очень суровом управлении люди обладали огромным чувством собственного достоинства и действительно доверяли своим властям, где в конце концов за счет нравственного и физического совершенствования и воспитания человека были побеждены болезни, голод, преступность, эгоизм и многое другое – именно то, что и привело к краху предыдущей цивилизации. Отброшены были догмы демократии, причинившие человечеству так много бед. Две расы воинов и тружеников решительно вышли в космос и раздвинули границы обитаемого мира человека до пределов Солнечной системы, освоив практически все мало-мальски пригодные для жизни планеты.

На довольно долгое время порыв экспансии был погашен отсутствием средств передвижения, которые могли бы позволить людям достичь звезд. Человечество обустроивало свой новый мир. Но вызов, брошенный Вселенной, не забывался...

Выдержка из предисловия к научно-популярной электронной книге для детей П.С. Охтина «Первая Галактическая война».

Издание 40 года Реконкисты. Земля.

Русская Империя. Великий Новгород

Глава 1

Снег над Петроградом

Всю ночь на город валил снег.

Он падал с хмурого низкого неба медленно, в полном безветрии, плавно, но в то же время увесисто опускаясь на крыши, улицы, летнюю зелень и тротуары. На фонарных колпаках выросли белые папахи. Отовсюду капало – немолчными длинными струйками, – в дренажных желобах сперва журчали, а потом начали взрывать и бурлить потоки, но снег словно не желал верить в свое бессилие и упорно падал, падал, падал...

Снег разбудил Дениса почти в три. Мальчишка спал, как обычно, с открытым окном и долго не желал просыпаться, хотя на подоконнике и вырос уже целый сугроб, часть которого в конце концов обвалилась на голову Денису. Во сне на него рухнула лавина в горах; мальчишка проснулся со сдавленным воплем и сел.

В небольшой комнате царил загадочный «снеговой» полусвет. Предметы казались то излишне четкими, то, наоборот, теряли свои очертания. Плакат над кроватью обрел реальную глубину и выглядел окном в увлекательный нездешний мир. Но снег, таявший на

полу, подушке и подоконнике, быстро вернул Дениса к реальности.

– Ой ч-ч-черт... – процедил он, откидывая простыню и садясь. Сгреб ладонью мокрые комья с подушки, выкинул в окно, перевернул подушку и, подумав, встал. Скинул снег с подоконника и, опершись о него локтем, начал смотреть на улицу, приобретающую не менее загадочный вид, чем плакат.

Вообще-то вчера, когда город с полудня прихлопнула тяжелая непроницаемая духота, а небо задернулось сизыми тучами, уже было ясно, что случится нечто подобное. Снега летом не выпадало уже года три, не меньше. В детстве – Денис помнил это, хотя и смутно – такое было почти каждый год по несколько раз. И солнце то и дело пряталось за тучи – иногда на несколько месяцев. А как-то раз солнца не было целый год... Денису тогда было просто тоскливо, а многие взрослые ходили прямо пришибленные и то и дело смотрели на небо почти с ужасом. Денис сам видел, как на углу Невского стоял и плакал генерал имперской авиации. Просто смотрел в небо и шептал: «Опять, опять, опять... нет, не надо, не надо...» – а по щекам прямо текло... Денис тогда поспешил скорее уйти, убежать. Невыносимо и страшно было это видеть даже такому мелкому и несообразалистому сопляку, каким он тогда был.

Дед, к которому Денис часто ездил, рассказывал, что в первый раз увидел солнце, когда ему было десять лет. Увидел и заплакал тогда – тоже впервые. Не от страха или там чего-то, а почему-то очень стало больно в груди. Не физически больно, а... просто **больно**. И взрослые плакали, но от радости... Это было еще в Безвременье, даже до Серых Войн. Тогда во всем Петрограде жило не больше десяти тысяч человек. Не то что сейчас – почти триста тысяч! Больше только в Великом Новгороде, да и то ненамного...

Денис иногда пытался представить себе этих людей всех сразу. И не мог, но каждый раз захватывало дух от грандиозности этой картины. Как на праздничных демонстрациях, когда видишь, как идут колонны, а еще лучше – сам шагаешь в них и ощущаешь себя... Снова не получалось – но уже сказать, **как** ощущаешь. Или когда его принимали в пионеры – запели фанфары, внутри что-то оборвалось, но не больно, а сладко и жутко. Свой (и чужой) звонкий высокий голос: «Я, Денис Третьяков, вступая в ряды пионеров Империи...»

Снег падал. Но сейчас это было не страшно. Потому что – Денис знал – утром снова будет лето. Что погода налаживается. Потихоньку, но налаживается. Утихают чудовищные штормы, из-за которых надводное океанское сообщение было почти невозможным. Отступает к северу ледяная болотистая тундра, а на ее месте встают леса (и люди им помогают...). Все реже приходят с юга ураганы. В кинотеатре «Солярис» за два квартала от дома, куда Денис обожал ходить, перед фильмами часто показывали в журналах, как работают метеорологи, лесничие, – иногда эти журналы смотреть было интереснее, чем сами фильмы. Даже если фильмы были про космос, войну или про Безвременье.

Хотя... Мальчишка оглянулся на плакат. На фоне дороги между мрачных развалин под угловатой надписью: «ЛЮДИ ДОЛГОЙ ЗИМЫ» стояли плечом к плечу два человека, два молодых парня – с оружием, в старой полувоенной форме. Это были офицер РА по прозвищу Генерал и казачий хорунжий Лёвка. Лёвка сначала был просто бандит, пока не познакомился с Генералом, которого сперва хотел даже убить. И они стали вместе сражаться за будущее – освобождать рабов, истреблять бандитов и людоедов, собирать людей, готовых тоже биться за справедливость... Когда в конце фильма Генерал сам подорвал себя фугасом, спасая беженцев, захваченных бандой, в зале стояла такая тишина, что аж звенело. А Денис только потом с трудом разжал кулаки. А как сжал – и не заметил... И как было здорово, когда Лёвка с остальными бойцами привел беженцев в какую-то долину – и оказалось, что там уже наша власть, что все не так безнадежно, как иногда казалось на заснеженных мертвых равнинах, когда звучала негромкая и страшная песня про то, что никаких на небе звезд нет, что это просто миллион дыр... Но потом – в момент гибели Генерала – песня вдруг менялась. И звучали слова, что «там, далеко, за стеной тьмы – несказанной красоты сад, где и встретимся с тобой мы, если вдруг не попадем в ад...». Эти слова были полны упрямой надежды.

Конечно, смешно было бы даже думать, что тринадцатилетний пионер Денис

Третьяков верит в бога. Но он знал, что в те далекие и страшные времена многие еще верили, и верили крепко. И так же крепко верил, что, будь на самом деле разные там рай и ад, – Генерал, конечно, попал прямиком в рай. Туда, в «несказанной красоты сад». И это было справедливо. Так справедливо, что сжималось горло. Как-то раз Денис рассказал об этих своих мыслях Войко, своему лучшему другу. Они были на рыбалке, у вечернего костра, когда говорится легко. И Войко, подумав, сказал: «Да, я тоже так думаю...»

С таким фильмом ничего не сравнится, это точно! Даже кино про космос. И ведь это правда, настоящая правда, так было... Там в начале и было написано, что фильм основан на реальных событиях.

Хотя космос – тоже страшно интересно. В классе Дениса учились двое мальчишек, родившихся на Марсе, в Краснограде, и еще один, который совсем недавно перебрался с родителями с лун Юпитера, почти совсем еще не освоенных. А Кобрин, Пауэлл, Артамонов, Пашенко?!¹ Да такими фамилиями любой мальчишка (и многие из девчонок!) будут сыпать час и не запнутся, и не повторятся! Раньше Денис хотел стать летчиком – именно потому, что это первый шаг на пути в космофлот, что в военный, что в гражданский, что в исследовательский! Да, хотел стать летчиком, хотел. До одного разговора с отцом...

Раньше Денис часто огорчался, что его отец не дворянин. Не потому, что это дало бы что-то ему лично (не жить дома – это что, хорошо?! А ведь дети дворян все воспитываются в интернатах), а именно из-за отца. Но потом однажды он увидел, как эти самые дворяне – и не один, а несколько! – внимательно слушали его отца, кивали, а потом каждый пожал штабс-капитану ОБХСС руку.

ОБХСС. Денис рассеянно улыбнулся в окно. Он долго не знал, что означает эта аббревиатура. И строил самые разные предположения. Конечно, самые таинственные, вроде Организация Борцов Хитрого Союза Спасения. (Очень мешала «неудобная» буква «Х».) Самыми удачными вариантами он делился с одноклассниками и не раз дрался, отстаивая свою правоту. А как же иначе? Таинственная ОБХСС отца подчинялась МВД, а это – Денис знал точно – Министерство Внутренних Дел. Там же, где милиция и КГБ!²

Но вот три года назад (как раз когда Денис познакомился с Войко) отец, узнав об этом, не стал смеяться, а почти час говорил с сыном. Оказалось, что отец не ловит англосаксонских или там бандитских шпионов. А ОБХСС – это Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности. Но это не просто важная работа – это **очень** важная работа. Потому что есть (в это Денис так тогда и не поверил до конца) люди, иногда **не рядовые** люди, которым не нравится, что в Империи недра, леса, вода, воздух, большие заводы, школы принадлежат всем. **Народу**. То есть они хотят, чтобы было как тогда, до

¹ Мирослав Александрович Кобрин в конце Серых Войн стал первым человеком, высадившимся на Луну на корабле «Прыжок». Джеффри Рэнсом Пауэлл во 2-м году Реконкисты командовал кораблем Англосаксонской Империи «Воден», высадившим на Марс первых людей. Олег Сергеевич Артамонов в 7-м году Реконкисты командовал кораблем «Святогор», высадившим первых людей на Венеру; экспедиция трагически погибла при взлете. Экипаж Юрия Тимофеевича Пашенко в 11-м году Реконкисты за пять месяцев совершил облет Солнечной системы на первом фотонном корабле «Хиус». (Здесь и далее – примечания автора.)

² В указанный период Русская Империя имела следующие спецслужбы:

– Военное Министерство – разведка ОВИ (Отдел Внешней Информации) и контрразведка ОВБ (Отдел Внутренней Безопасности);

– Министерство Внутренних Дел – внутренняя служба безопасности КГБ (Комитет Государственной Безопасности), экономическая служба безопасности ОБХСС (Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности) и служба безопасности колоний и поселений вне пределов Земли ОКБ (Отдел Колониальной Безопасности);

– Министерство Иностранных Дел – разведка ДРУ (Дипломатическое Разведывательное Управление);

– Собственная Его Императорского Величества Канцелярия – личная служба Императора ООСЕИВК (Особый Отдел Собственной Его Императорского Величества Канцелярии).

Координировал действия всех этих спецслужб (за исключением, как это ни смешно, ООСЕИВК) Второй Секретарь СЕИВК.

Третьей мировой и из-за чего она и началась, если подумать: им – все, остальным – ничего. Власти у них нет. Они не могут все это отнять. Для этого как раз и есть КГБ, например. Но они могут воровать. Не в карман залезть, как в исторической книжке, а воровать много и не у людей, а у страны – сразу у всех и помногу. Воспользоваться наворованным они тоже толком не могут, их сразу арестуют. Но все равно воруют и иногда убегают на границу или даже в экваториальную зону, где еще есть бандитские «государства». Вот с ними отец и воюет. И ОБХСС боятся все, кто нечестный. Потому что вот шпионы англосаксов, например – они враги, но они **честные** враги, они хотят принести пользу своим. А тех, с кем борется Борис Игоревич, даже людьми-то назвать трудно. Многие из них и есть сумасшедшие. От жадности.

Денис тогда долго размышлял над сказанным. Нет, он понял, как важна работа отца. Но думал о тех людях, с которыми воюет отец. Какие-то они и правда странные. Зачем тебе вещь, которую даже показать никому не можешь? И вообще – это ведь так здорово: делиться! Когда у тебя что-то есть, чего нет у других – это приятно. Но когда ты можешь сделать, чтобы это было и у других – это... Денис не мог тогда найти слово, но твердо знал: это здорово. И еще. Как можно хотеть, чтобы лес или вода были у кого-то **одного**?! Даже смешно. А остальным что – не пить, в лес не ходить или правда **покупать** все это? Ведь даже Император не может сказать про землю: она **моя**. Потому что она – **всех**. И его, Дениса, тоже. А как иначе-то?!

В его сознании не укладывалось, что могут быть люди – не в истории, а сейчас! – которые этого не понимают. А раз понимают, но все равно хотят по-другому – значит, они и правда сумасшедшие.

Именно тогда он расхотел быть летчиком. Потому что смутно ощутил, что есть вещи, с которыми нужно бороться немедленно и беспощадно.

Иначе – **не будет космоса ни для кого**. И получится, что правда никаких на небе звезд нет...

...Снег шел и шел. Денис замер у окна, бездумно следя за падением больших медленных хлопьев. Красиво. Он не боялся снега, как многие из старших. Просто красиво, и все тут.

За воротами плавно скользнули лучи фар, послышалось урчание мотора. Денис насторожился – он мог поклясться, что это был отцовский служебный «Волк»... точно! Угловатый силуэт легковушки проплыл за оградой и остановился около калитки. Хлопнула дверца, отец что-то сказал – и через несколько секунд уже входил во двор по заснеженной дорожке.

А Денис был уверен, что отец давно дома и спит.

Борис Игоревич шел неспешно, чуть покачивая так не идущим к его форме возмутительно гражданским портфелем. Портфель злил Дениса. В школу даже первоклашки бегали с ранцами – копиями армейских рюкзаков или рейдовых рюкзаков космической разведки. Конечно, отец не будет ходить с рюкзаком. Но мог бы хотя бы взять «дипломат».

Правда, когда-то именно с этим портфелем дед вошел в бандитский штаб на берегу Московского моря и сказал: «Складывайте оружие, тут десять килограммов тротила – и палец у меня на кнопке».

И штаб последней в Центральной России бандитской армии сдался одному-единственному «витязю» с портфелем, в котором был речной песок. Так что отец, может, и прав...

Отец на ходу снял фуражку. Посмотрел в небо. И, опуская взгляд, увидел сына, глядящего на него из окна.

– Ну и как это понимать? – негромко осведомился Борис Игоревич, подходя ближе.

Денис пожал плечами и спросил:

– Ты где был?

– Мать спит? – Штабс-капитан Третьяков оперся локтем о подоконник небольшого окна.

– Все спят. Весь город спит. Один мой отец где-то...

– Я не где-то, – возразил Борис Игоревич. – Ну-к...

Повинуясь его жесту, Денис чуть отступил в сторону – и отец ловким движением проник в окно. Выпрямился и закрыл его, не глядя. Денис покачал головой:

– Ну и ну.

– То-то и оно. – Третьяков-старший поставил портфель на пол и увенчал его фуражкой. Расстегнул китель и подмигнул сыну: – Снег над всем северо-западом.

И какое-то предчувствие шевельнулось в Денисе. Не то чтобы нехорошее, недоброе. Нет. Но отчетливое предчувствие перемен – не просто перемен, а перемен **абсолютных**.

– Что случилось, па? – тихо спросил он, садясь на кровать.

– Сейчас поговорим, – рассеянно ответил Борис Игоревич. – Раз уж ты не спишь, то чего утра-то ждать? Как думаешь, маму будить?

– Что случилось? – повторил Денис. – Па, ну не тяни, пожалуйста.

– Ну что ж, – штабс-капитан Третьяков сел на кровать рядом с сыном. – Поговорим.

Глава 2

Командировка в прошлое

Нельзя сказать, что отец заговорил сразу. Он довольно долго просто сидел, думая о чем-то своем – и, похоже, то ли сложном, то ли неприятном. Денис тоже молчал. Предчувствие перемен нарастало и становилось непереносимым, как физический позыв, но он молчал. Ждал. Отец должен был заговорить, как обещал.

Штабс-капитан ОБХСС Третьяков повернулся к сыну и посмотрел ему в глаза:

– Сын, ты слышал, что такое Семиреченская республика?

Денис на секунду задумался – и перед глазами словно сама собой встала карта из учебника географии.

– Семиреченская республика? – переспросил он. – Ну, это такое государство у западных берегов моря Балхаш. Между Балхашем и хребтом Голодный. Главный город – Верный. Три четверти территории – субтропический лес. Миллиона три населения, кажется. Ну... – Он еще честно подумал и пожал плечами: – Все, больше ничего не знаю... У нас политическая география только на будущий год начнется.

– Четыре, – дополнил Борис Игоревич. – Четыре миллиона населения, и еще ты забыл добавить, что оно возникло в самом конце Безвременья, и в период Серых Войн было нашим союзником. Раньше такие государства были полезны. Как крепостная стена... Их было штук десять – Желтороссия, Крымское княжество... ну, ты учил. Но сейчас многое изменилось. Осталось всего несколько; Семиречье – одно из них. Начать с того, что туда свалила всякая шушера, которую здесь прижали. От обычных жуликов до рыбки покрупнее. Мы, соответственно, постепенно присоединяем эти земли. Но стараемся делать это осторожно. Все-таки там живут наши сородичи, пусть и немного с другими взглядами на мир, – Борис Игоревич над чем-то задумался и тяжело вздохнул. – Вот и с Семиречьем та же история. Живут те же самые русские. А в головах... В общей сложности в Семиречье насчитывается восемь партий. На мой взгляд, это на восемь больше, чем нужно. Далее. В этих партиях состоит около пяти миллионов человек...

– Погоди, – Денис захлопал глазами. – Как – пяти? Ты же говорил, что там всего четыре...

– Ну, это, сын, и есть одна из главных загадок демократии, – невозмутимо ответил Борис Игоревич. – Это еще не все. На последних выборах эти партии в сумме набрали пятьсот шестьдесят процентов голосов избирателей, что составило порядка семи миллионов голосов...

Денис ошалело помотал головой. Отец засмеялся:

– Что, дикая арифметика? То-то... Идем дальше. Три партии из восьми к нам настроены абсолютно враждебно...

– Па, но там же тоже русские! – возмутился Денис.

– Во-первых – не только. Там есть восемь автономных немецких деревень, но немцы политикой не занимаются. А во-вторых – а ты что думаешь? Есть русские, и есть русские. И кое-какие русские не очень-то хотят, чтобы там наступила наша власть. Потому что тогда очень многое уплывет в руки государства, а значит – всей нации. Добывающие комбинаты, например. И еще до фига всего, как вы выражаетесь.

Денис распахнул глаза так, что они стали вдвое больше:

– Там **частная собственность на природные ресурсы** ?!

– Молодец, – похвалил Борис Игоревич, – хорошо знаешь историю. Самая настоящая частная собственность. Как в учебнике.

Денис молча открывал и закрывал рот, пытаясь осмыслить сказанное. Партии, выборы правительства, частная собственность на полезные ископаемые – все это было действительно как будто из истории, из времен до Безвременья. Как из смешной и нелепой сказки. Может, там и капиталисты есть?! Настоящие... Но спрашивать об этом было как-то даже неудобно. Да и стыдно – получалось, что он никогда не задумывался о том, что рядом существует совершенно другой мир! Отец же продолжал:

– И есть там, конечно, РА. Но наших «витязей» мало. И все-таки за прошлый год из них убили двадцать семь человек. Это радует. А почему радует? – Борис Игоревич испытующе посмотрел на сына.

– Значит – боятся... – медленно сказал Денис. – Да?

– Да, – удовлетворенно кивнул отец. – Боятся, потому что знают: их проигрыш неизбежен. А смириться с этим не могут – жадность мешает. И пугающая мысль, что потеряют то, что имеют сейчас.

Денис сел удобнее. Поставил подбородок на кулаки. И спросил:

– Так. Ладно. А к чему вообще этот разговор? – хотя уже, кажется, начал догадываться – к чему.

И очень не хотел, чтобы его догадка сбылась, оказалась верной...

– А к тому, – Борис Игоревич обнял Дениса за плечи, – что ближайшие два года как минимум мы все трое проведем именно в Семирежье.

Денис поперхнулся воздухом.

Он угадал.

Отец и раньше ездил в командировки, в том числе – довольно длительные и явно небезопасные. Но такое... И Денис задал первый вопрос, который пришел ему в голову, чтобы успеть собраться с духом для дальнейшего разговора:

– Ну а ты что там собираешься делать? ОБХСС – это же не спецслужба...

– Да понимаешь... – Отец довольно долго смотрел в окно, потом pokrивился: – Семь месяцев назад президентом Семирежья стал наш человек. Он собирается издать указ о национализации добывающей промышленности. Реакция местных воротил предсказуема. А своя налоговая полиция в Семирежье, во-первых, очень слабая, а во-вторых – довольно продажная. Тебе это, конечно, трудно представить... но вот такая командировка в прошлое...

Он еще что-то говорил. Но у Дениса уже появился – а точнее, оформился – второй вопрос, и вопрос этот был тяжелым. Таким тяжелым, что глаза защипало, как ни смешно это звучит и выглядит по отношению к тринадцатилетнему пионеру.

– А как же Войко? – спросил Денис, перебив отца. – Па-а?

Борис Игоревич замолчал. И молчал довольно долго. Денис глотал эти дурацкие неожиданные слезы и ждал.

– Да, – отец вздохнул. – Войко... Я понимаю.

Денис промолчал сперва. Казалось бы, что на это было сказать?... Но потом молчание прорвалось.

– Па... – выдохнул Денис. – Но друг – это же не просто слово...

– Мы уезжаем через три дня, – ответил Борис Игоревич. – И тут ничего не поделать. Но

с Войко вы успеете попрощаться по-настоящему.

Меньше всего Денису хотелось прощаться. Потому что его слова «друг – это же не просто слово» – тоже не были просто словами.

Он не очень-то любил бросаться словами, Денис Третьяков. И от этого сейчас было только хуже. И, чтобы как-то справиться с собой, он встал и сказал, глядя в окно:

– Па, я пойду в отряд. Может, Войко там. Я хочу... поскорее.

– Иди, – негромко ответил отец и тоже поднялся. – А я немного посплю.

* * *

Пятая городская школа, в которой учился Денис, располагалась в трех кварталах от дома Третьяковых. Сунув руки в карманы форменной куртки, мальчишка медленно шагал по улице, слушая, как хлюпают под ногами лужи стремительно тающего снега. Поднялся теплый ветер с Ладожского залива, и высокие сосны размахивали кронами в покрытом стремительно уносящимися на север клочковатыми облаками ночном небе.

Сосны, по рассказам, вымахали за несколько лет. Еще полвека назад тут, на месте этих кварталов, был настоящий лес, выросший в годы Безвременья и поглотивший руины. Когда людей стало больше и они принялись вновь расселяться по городу, то лес не стали рубить совсем, а лишь проложили в нем просеки, превратившиеся в улицы – такие, как Бассейная, родная улица Дениса. Он раньше часто думал – почему Бассейная? Даже узнать пытался, но узнал лишь, что так улица называлась век назад, до войны. Почему?

Редкие дежурные фонари горели цепочкой посреди проезжей части. Город был пустынен и спал, только далеко-далеко, над Парголовским лунадромом, стояло вечное синеватое зарево. Денис прошагал мимо «Соляриса» – и остановился. Отсюда было видно его школу и чудовищное колесо ветряка-генератора, неутомимо вращающееся над нею. Ветроэнергетика была широко распространена на Земле, но не слишком надежна из-за непредсказуемости вихрей – поэтому везде вместе с ветряками стояли мощные аккумуляторы. Ну и, конечно, все очень надеялись на космическую разведку и на ученых – первые неустанно искали по всей системе трансураниды, вторые – так же неустанно изыскивали новые способы сделать более компактными и доступными пока что очень громоздкие генераторы искусственного вихря. Денис не раз представлял себе, как это будет – электростанция в каждом доме...

Но не сейчас. Мальчишка ссутулился. И необычайно тяжелым шагом, медленно, пошел к школе. Пока я иду, думал он, Войко ничего не знает. Он думает, что у нас впереди – много-много дней. Ну и пусть – пока буду знать о плохом только я. Пока иду... пока иду...

Он протянул руку и повел пальцами по начавшейся школьной ограде – живой изгороди из можжевельника, за которой ухаживали всей школой, у каждого класса был свой участок. Ободрал пальцы и, неожиданно улыбнувшись, вспомнил, **как** познакомился с Войко.

Вон там, наискось от школьных ворот, есть магазинчик «Находка».

Этот магазинчик Денис знал хорошо с первого класса. Тут торговали всякой всячиной, которую находили в еще заброшенных кварталах и вообще в окрестностях города. Принимали все, кроме исправного оружия, взрывчатки и всего такого. Магазин был непритязательный – так, длинное помещение, столы поперек, а на них небрежно лежали вороха чего угодно с наклеенными ценниками. Цены были смешные; кроме того, хозяин магазинчика почти никогда не был против, если мальчишки не покупали, а меняли. Денис с друзьями не чурался обшарить окрестности, чтобы совершить мену – и даже когда многие из них стали пионерами, то не оставляли промысла. Да и, если честно, не ради покупки-размена они этим занимались. Просто... просто это было интересно: копаться где-то, поднять своими руками вещь, которая... в общем, кто делал, тот поймет. Правда, бывало, находили такие вещи, что от поисковиков оставались куски по округе. Мальчишки обмирали, родители сатанели, власти и общественность усиливали контроль... но только на время. Желание ощутить дыхание тайны прошлого оказывалось сильнее «мер» и собственного страха.

У Дениса дома стоял проигрыватель для найденных или выменянных лазерных дисков – почти таких же, как современные у отца на работе, только больше. Вот только слушать или смотреть их удавалось нечасто. Свет с центральной электростанции в жилые дома давали централизованно пока только с семи утра до четырех вечера...

...Он остановился в воротах школы, глядя, как развевается на флагштоке черно-желто-белый флаг Империи – знак того, что в школе есть люди. И среди них Войко.

Магазинчик «Находка». Да, с него все и началось... Точнее...

Глава 3 Не просто слово

Ни один нормальный мальчишка не может дожить до десяти лет без друзей. Это совершенно противоестественно, да и просто невозможно. Денис Третьяков не был исключением. Он вполне искренне считал, что у него «друзей – полный класс». Еще друзья были везде, куда Денис приезжал хотя бы на неделю. В «Блокноте пионера» на специально отведенных страницах были записаны полтора десятка адресов мальчишек из Владивостока, Магадана, Варшау, Тегерана и еще черт-те откуда – следы летнего пребывания в «Орленке», «Таежном» и «Киваче».

Но, встретив Войко, Денис понял, что немного ошибался.

Можно знать человека с рождения и даже искренне считать его своим другом – но не испытывать особых сожалений, если он, например, уезжает на лето или даже переезжает в другой город. А можно узнать человека три года назад – и ощущать его даже недолгое отсутствие, как отсутствие воздуха.

Так было у Войко и Дениса. Практически все время мальчишки проводили вместе. Денис не мог сказать о Войко, но сам он буквально обомлевал при мысли, что мог **не познакомиться** с сербом – трудно было представить, как бы он тогда вообще жил?! Конечно, эту дружбу то и дело омрачали споры, ссоры, а то и драки по самым разным поводам (если Войко не удавалось навалить Денису сразу, с ходу, то победителем, как правило, оказывался именно Денис), но поссориться по-настоящему им не удалось ни разу. Кстати, курить Войко все-таки бросил, когда они с Денисом вступили в пионеры. Как-то так получалось, что совпали их интересы, желания, взгляды на жизнь и свое место в ней... По мнению обоих, девчонки «не стоили внимания», а что до места в жизни – ни тот, ни другой не сомневались, что займут хотя бы по паре строчек в учебниках истории.

Ну и, конечно, не подвергалось сомнению, что расставаться им не придется.

До сегодняшней ночи.

А тогда – три года назад – было утро...

* * *

...С Войко Денис познакомился три года назад, когда еще не был пионером. И произошло это при весьма приключенческих обстоятельствах, связанных именно с самовольными поисками-раскопками, которые Денис учинил на восточной окраине Петрограда, среди руин Кольцевой Зоны...

...В самом начале Третьей мировой враг хотел бомбить Санкт-Петербург – так тогда назывался Петроград. Но наши летчики отбили атаку. И тогда по городу выпустили ракеты.

Не все долетели. Но одна боеголовка упала именно сюда. И в какую-то минуту разом сгорели больше миллиона человек... Так и появились эти развалины, к которым еще только-только подбирались даже не строители – команды очистки, потому что в руинах было наверняка много такого, что лучше сначала вытащить и отвезти подальше. Рук не хватало.

Именно поэтому мальчишки обожали бывать среди развалин, про которые ходили самые разные слухи. Говорили, что тут можно увидеть кусочки **тогдашней** жизни – какой она была до той войны. Но это было просто интересно. А были слухи жуткие. Что погибшие

там люди **ходят** , например. Глупости, конечно... когда слушаешь это на школьном подоконнике. А когда пробираешься среди этих самых руин, то порой накатывает такое...

Поэтому Денис предпочитал бывать там с приятелями. Когда все вместе – то как-то спокойнее. Говорили, что кое-кто – из самых отчаянных – рисковал в Кольцевой ночевать. Денис не очень-то верил. И вышло так, что в тот день пошел на поиск один.

Планы Кольцевой Зоны если и имелись, то во всяком случае не у десятилетнего мальчишки. А старые планы города не годились. Он привычно обошел вдоль Невы кордоны и оказался в царстве развалин и перепутанных улиц-переулков, полагаясь лишь на свое чутье. Впрочем, Денис не очень боялся. Потому что понимал: как ни крути, а те сотни тысяч давно погибли. Да и не осталось от них ничего, даже костей... Вот это было грустно – не страх, а грусть ощущалась. Как будто вся их боль насквозь пропитала развалины и застыла в них навсегда. Денис, может, даже повернул бы. Но совершенно неожиданно проехали несколько грузовиков с веселыми парнями и девчонками, они рассыпались, попрыгав наземь, среди развалин и принялись, перекликаясь, за разборку. От этой картины стало поспокойнее. Но встречаться с ними в планы мальчишки не входило – и он уже повеселее полез дальше.

Вскоре кончилась та территория, которую он более-менее знал. За площадью, окаймленной развалинами, с остатком какого-то памятника в середине, виднелись деревья – то ли сквер был и уцелел, то ли позже проросли. Прямо из-под стены одного из домов пробивался ручеек. Вода в нем была холодной и чистой, Денис напился и наполнил прихваченную с собой фляжку. На стене виднелась табличка с предупреждением об опасности обстрела. Такие таблички были даже не с Третьей, а со смутной Второй мировой, почти сказочной, когда воевали русские и немцы – непонятно даже, из-за чего. Из-за сквера доносился мерный шум – там начинался Невский пролив, протока в Ладожский залив Балтики.

Там Денис еще никогда не был и, посидев минутку у ручья, решительно направился через сквер.

Решительность была вознаграждена почти тут же. За крайними деревьями Денис буквально наткнулся на самолет.

Это была машина времен войны, а точнее – ее остатки. Время слизало с металла краску, он тускло блестел окислившимся сплавом. Фонарь кабины был вырван – летчик катапультировался.

– F/A-18, палубный истребитель-штурмовик ВМС США, – шепотом сказал Денис, касаясь сломанного крыла рукой. Любой мальчишка в школе мог с ходу перечислить с десяток марок самолетов той войны – наших и вражеских. Но Денис, мечтавший тогда стать летчиком, считал себя обязанным знать больше остальных. Он стукнул по крылу кулаком и добавил: – Так тебе и надо!

На всякий случай мальчишка вскарабкался в кабину. Внутри она была почти цела. Но сидеть там и играть в летчика было противно, потому что самолет – вражеский. Денис прыгнул наземь и уже уверенно зашагал дальше.

Несколько домов за парком, на берегу хмурого пролива, были почти целыми. На нижних этажах сохранились кое-какие вывески, почему-то через одну на английском. Они звучали, как магические заклинания, но не переводились, хотя в свои десять Денис знал английский совсем неплохо. Правда, он знал и то, что это названия торговых корпораций того времени – огромных промышленных империй, более могучих, чем правительства большинства стран. Но это тоже звучало, как сказка, причем сказка глупая – как могут торговцы быть сильнее воинов; ведь правитель – всегда воин! В это почти не верилось, хотя Денис знал, что это правда, и так было. Он рассеянно почитал вывески. В таких магазинах сохранилось немало аппаратуры, но смысла в ее использовании не было. Ну, притащишь ты домой телевизор. И что будешь принимать, а главное – как, если он работает совсем не так, как немногочисленные нынешние аппараты видеосвязи? В журналах Денис читал, что со временем у каждого дома будут похожие и даже лучше, но пока только видел их несколько раз.

Иногда Денис удивлялся: люди того времени жили в окружении необычной и зачастую, по мнению мальчишки, ненужной техники (унитаз на фотоэлементах!!!), но не могли летать в космос, или, например, сконструировать универсального робота, который заменил бы две трети всей той ерундистики, которой они напичкали свои дома. Вот оружие бы найти – это да! Но в те времена оружие имели только бандиты, военные и милиционеры, а обычный человек должен был исписать гору бумаг, чтобы купить его. И это тоже было смешно: мужчина – без оружия! Да и редко попадалось оно среди руин – оружейные магазины вымели еще в начале Безвременья. Конечно, среди мальчишек ходили слухи, что «такой-то нашел там-то то-то...», но на поверку почти все это оказывалось выдумкой, а реальные случаи почти всегда заканчивались двумя вещами:

- а) изъятие;
- б) порка.

Он заглянул в один из подъездов – осторожно, вполне реальной опасностью тут были не призраки, а падение балки или стены. Тут оказался уже рухнувший потолок – здание виделось целым только снаружи. На полу среди штукатурки и проросшей травы и деревьев лежали полуистлевшие листы порнографических журналов. Порнографических – это когда женщин фотографировали голыми. Иногда эти журналы было интересно посмотреть, но чаще всего они вызывали брезгливость – женщины были некрасивые и какие-то неестественные, как надписи английскими буквами в русском городе, которые даже по-английски не читались.

Денис без интереса попинал журналы и опять вышел наружу...

...Минут через десять он добрался до берега. Когда-то пролив был рекой Невой, но с тех пор превратился в часть моря. На берегу лежали несколько кораблей – на боку. Подальше проходили остатки моста. В те давние времена он был разводным – делился на две половинки, которые поднимали на ночь. В этом было что-то романтическое. Да и сейчас мост выглядел солидно. Старшие мальчишки иногда забирались на мощные, взметнувшиеся в небо фермы и ныряли с них. Или загорали на второй половинке, поднимавшейся подальше над водой примерно на высоту одноэтажного дома.

А что, если... Денис покусал губу, пострелял глазами из-под пушистых коротких ресниц, как будто кто-то мог оказаться рядом и запретить ему. Ну, подумал он, я же просто так... я просто думаю, а делать, конечно, не буду. Но пойти-то посмотреть можно? Можно, разрешил мальчишка сам себе и стал спускаться на древнюю набережную.

Тут он никогда еще не был. Скользя кедами по густой, яркой, хотя и короткой траве, которой порос склон между вставших дыбом, налезших друг на друга и съехавших к воде плит облицовки, мальчишка почти поехал вниз, тормозя рукой.

И, доехав до низа, вскрикнул, не удержался на ногах и сел, замерев в ужасе.

Вдоль высоких бетонных блоков – ими когда-то, в годы Безвременья, уцелевшие люди пытались укрепить берега, но потом бросили – лежали груды костей.

Человеческих костей...

...Несмотря на свой тогдашний возраст, Денис уже знал страшную статистику. Во время Третьей мировой – за какие-то полгода – погибла треть стосорокамиллионного населения Российской Федерации. В последующий год погибло еще шестьдесят миллионов, и за следующие четыре года до нового появления Солнца – двадцать миллионов. Был момент, когда все население на территории бывшей РФ составляло едва три миллиона человек.

Впрочем, русским еще повезло. Их спасли сразу несколько факторов – невероятная неприхотливость, почти полное отсутствие крупных поселений по берегам взбесившихся океанов (тогда как в большинстве других стран люди селились гуще всего именно там), огромная территория... Северная Америка, например, практически начисто вымерла южнее пятидесятой параллели – континент стал кладбищем почти трехсот миллионов человек. В первый же год полностью обезлюдел почти полуторамиллиардный Китай. Сохранившиеся от тех времен немногочисленные хроники не показывали даже старшеклассникам на уроках

истории – не из соображений какой-то секретности, а просто в силу их непереносимости. Операторы – частные лица и офицеры РА – бесстрастно фиксировали кошмарные пандемии тифа, мутировавшего гриппа-огневика и чумы, массовое людоедство и суициды целых населенных пунктов, безжалостные боины по серьезным и несерьезным причинам и вообще без причин, замерзшие города-«миллионеры», невероятных масштабов голод...

Но одно дело читать или даже смотреть отрывки хроник. А другое...

Поеживаясь, Денис рассматривал скелеты. Их было непредставимо много. Сотни. Или тысячи. Кости перепутались, скалились черепа, белесый острый забор ребер не имел конца. Денис различил, что среди скелетов много детских.

Земля была усыпана проеденными временем гильзами – шелестящим ковром. Людей привозили или приводили сюда и резали из пулеметов. Потом – новых... И это была не бандитская расправа. Наоборот. Денис знал, что это, потому что не скрывалось: такое было.

Тут «витязи» РА расстреливали пленных бандитов и людоедов, смертельно больных, сумасшедших, неполноценных по каким-либо причинам людей. Именно так – приводили и привозили со всего Северо-Запада – и...

Дед рассказывал, как это было. Что у пулеметов плавилась стволы. Их меняли и стреляли снова. Деду было двенадцать лет, и он, кадет школы РА, как раз и менял стволы одному из расчетов. Не здесь, но в таком же месте.

Но благодаря вот таким бойням, в которых погибли десятки тысяч, уцелели сотни людей. Сотни – зато здоровых, нормальных, целеустремленных, которые в противном случае потонули бы в диком потоке больных, сумасшедших, «идейных» преступников.

Уцелели – и дали начало новой цивилизации. Ему, Денису, дали начало.

Но представлять себе то, что тут происходило, все-таки было страшно. Так страшно, что внутри все сжималось и во рту скапливалась кислая слюна. И он знал: увиденная картина будет сниться. Долго.

Денис заставил себя пройти мимо этого жуткого вала, не глядя в ту сторону. И с облегчением, не оглядываясь, припустил вдоль набережной, едва скелеты кончились. Страх отставал – он не мог бегать так же быстро, как мальчишка, – и к тому месту, где начинался мост, Денис подбежал уже почти спокойный. Призраки прошлого остались позади...

Правда, теперь рядом был еще один призрак. Но не страшный, а угрюмо-величественный.

Мост поднимался в высоту с берега. Рыжий от ржавчины, он отбрасывал холодную тень.

– Ого, – сказал мальчишка и шлепнул по основанию – балке толщиной в десять таких, как он, десятилетних пацанов. Внезапно ему стало жалко мост. Что с ним будет? Разберут на металл, наверное... Здорово было бы, если б восстановили, но зачем? Давно превратился в море другой берег древней Невы...

Еще минуту назад Денис уверял себя, что идет «просто посмотреть». А теперь, глядя в облачное небо, которое поддерживал мост, мальчишка уже примеривался – а вот туда вполне можно... и туда... и будет даже не очень и высоко...

Он огляделся. Щелкнул пальцами левой и правой руки – так полагалось делать «на удачу», если что задумал. Сдернул ногу об ногу незашнурованные кеды. Подпрыгнул, ухватившись за балку – и, коротко качнув гибкое тело, забросил себя на нее.

Металл был холодный, почти жег пятки. Зато на балке, оказывается, можно было удобно стоять – она была намного шире, чем казалась снизу, целый стол, а не балка. Денис, ободренный этим, легко поднялся до того места, которое наметил снизу – на высоту примерно трехэтажного дома. Физически очень крепкий, не страдавший никакими древними «фобиями», упрямый мальчишка встал на балке, придерживаясь одной рукой за несущую. Посмотрел вверх. А ведь и дальше совсем не трудно... Можно будет залезть во-он туда. И там нацарапать на ржавчине что-нибудь... такое. **Такое**, вроде «Денис Третьяков. Я люблю свой город!». Конечно, сто раз можно сказать, что этой надписи никто не увидит – разве что рабочие на заводе, когда будут плавить металл... Ну и что? Они-то увидят! И, может, будут

гадать, кто был Денис Третьяков, расписавшийся... во-о-он там, на высоте примерно девятого этажа.

И он, полюбовавшись на пролив, полез дальше.

Лезть было по-прежнему легко, хотя немного начало саднить пальцы рук. Добравшись до загаданного места, Денис постоял, удивляясь тому, какая панорама открывается – к тому, что он видел, подходило только это громоздко-величественное «взрослое» слово. А потом решил пройти по перпендикулярной балке до фермы, которая когда-то была нижней опорной, если мосты сводили.

Она была толстенная, в пятерых Денисов. И со всех сторон шли другие, на которые можно было опереться и за которые можно было ухватиться. И что с того, что внизу – тридцатиметровая пропасть?

Правда, когда мальчишка наступил на нее, стало чуть-чуть не по себе. Самую капельку. Ветер какой-то начался – несильный, но холодный, неласковый. И вообще казалось, что мост немного шатается... Но все это было мелочами, на которые не стоило обращать внимания.

Денис и не обращал. Пока на середине балки вся конструкция разом не поехала куда-то в сторону. От скрежета заложило уши... мальчишка не успел испугаться, когда схватился за первое, что попало под пальцы...

Испугался он потом. Когда, подтянувшись, сел на балку... и понял, что выбраться отсюда не сможет.

Он сидел на пологом на трапецию дрожащем куске, от которого до основной массы моста было метра три в сторону. Три метра Денис мог перепрыгнуть запросто... **с разбега**.

А там, где он сидел, и шагнуть-то просто было негде.

Когда до Дениса дошел весь ужас его положения, он первым делом пустил слезу. В первый раз за два года. Но ревел он недолго, потому что это не имело смысла, да и ветер, раскачивавший его на трапеции, сушил слезы быстро.

Прыгнуть? Мальчишка посмотрел вниз, и пустота злорадно загудела и стала раскачивать мост. Денис плавал хорошо и нырял хорошо... вот только с такой высоты о воду хрястнешься – и, скорее всего, гроб.

Со своего места Денис хорошо видел не только панораму разрушений. Он видел и то, как среди развалин тут и там движутся люди и техника, слышал шум работ... Оставалось одно – орать.

И Денис угрюмо понял, что орать не будет, даже если полетит вниз. Потому что, когда его спасут... что его выпорют – это ладно. Но как над ним будут смеяться в школе!!! Потом!!! Полез за приключениями – и его снимали спасатели!!! Смотрите, ха-ха, герой-поисковик! А в кого ты играл? А кто тебе стирал трусишки? Девчонки, смотрите, вон тот сопляк, которого...

Нет уж.

Лучше вниз головой.

Хмурая решимость умереть, но не сдаться, была вознаграждена тут же.

Денис услышал свист – и, судорожно клюнув головой, увидел внизу, на набережной, маленькую фигурку.

– Э-эй! – донеслось снизу приглушенное, но явно невзрослое. – Ты что там де-ла-е-е-ешь?!

Мальчишка!!! От облегчения Денис чуть не спикировал с насеста на автопилоте. Но тут же подумал – еще какой мальчишка: скажешь ему, что к чему, а он запаникует – и рванет за взрослыми... Поэтому Денис ответил тонким спокойным голосом:

– Пейзажем любую-у-усь!

Мальчишка внизу потоптался. Потом крикнул:

– А к тебе можно-о-о-о?!

Денис возликовал.

– Залеза-а-а... – Он подавился воздухом и икнул: – Й!..

...Наверное, ни за одним спортивным соревнованием, ни за одним фильмом в своей

десятилетней жизни (а если подумать, то и меньшей – уберите годы младенческой несознанки...) Денис не следил так напряженно и заинтересованно. И с удивлением и даже завистью какой-то понял, что мальчишка лезет ловче, быстрее и уверенней его самого.

Вскоре Денис уже различал своего спа... нового знакомого. И, грешным делом, как говорил дед, подумал: мальчишка не настоящий. В смысле – **не нынешний**. А из того, **прошлого** времени...

Армейскую куртку перетягивали ремни – широкий поясной с ножом и лопаткой, узкий плечевой с фляжкой и большой сумкой. Дранные джинсы подкатаны под колено, тоже босиком – но, судя по цвету его ног, он не разулся где-то тут, как Денис, а и шастал тут босой. Мальчишка был повыше Дениса, но еще тоньше, смуглый, черноволосый, а глаза – когда он посмотрел на Дениса с соседней уже балки и подмигнул – оказались большущие и синюшие.

– Ну и как пейзаж? – спросил мальчишка, усаживаясь на балку верхом и болтая ногами.

– Нормально, – улыбнулся Денис. Улыбка получилась кривой и дрожащей, и он это понял.

Но мальчишка не стал смеяться.

– Может, назад полезем? – поинтересовался он, быстро и ловко разматывая с пояса репшнур – потертый, как и его хозяин.

– Я согласен, только б не полететь... – ответил Денис, и голос все-таки сорвался.

– Да нормально все будет, – спокойно сказал мальчишка, умело крепя веревку за балку сбоку от себя булинем. Денис только теперь сообразил, что его спаситель (ох, хоть бы!..) говорит с каким-то акцентом – легким и приятным. – Ты же высоты не боишься, иначе как тут оказался?

– Лучше бы боялся, – отозвался Денис. – Не полез бы.

– А, никуда не лазить неинтересно, – легко ответил мальчишка, делая из второго шнура «беседку» и завязывая свободный конец за ту же балку. – На, под мышки пропусти... и это держи, крепи у себя. – Киповым, знаешь?

– Знаю, – кивнул Денис. Он усердно готовился к сдаче пионерминимума и узлы уже знал.

– Вот и крепи, а то шнур жалко терять. Там длинно, хватит с запасом.

От его спокойствия и даже какой-то веселости Денис тоже успокоился. Совсем как-то. Как будто ничего и не происходило особенного – так, школьный скалодром...

Он ловко завязал узлы, держась ногами. Мальчишка напротив что-то насвистывал – веселое и безалаберное. Потом, увидев, что Денис пропустил под мышками «беседку», придвинулся ближе и протянул руку:

– Ну, давай.

Денис хотел гордо сказать: «Я сам!» – но духу не хватило. Он кивнул, прополз до края висящей конструкции, зажал в зубах свободный конец кипового узла и, помедлив всего миг, переполз на веревку.

Ух, вот когда стало страшно!!! Повиснув спиной к пропасти, мальчишка, стиснув зубы и почти жуя шнур, перебирал руками.

«А если я киповый неправильно завязал... он сейчас...» – бессвязно подумал Денис, но вокруг запястья уже сомкнулись твердые, сухие, горячие пальцы – и пацан неожиданно сильно почти втащил Дениса на балку.

Они сидели друг против друга. Денис тяжело дышал, потом подергал, выплюнув, шнур – киповый послушно распустился. Мальчишка помог Денису вылезти из «беседки», они отвязали шнуры от балки, смотали их и полезли вниз.

Когда они спустились, Денис сразу сел и спрятал голову в коленках, накрыл сверху руками. От страха все тело дрожало, как студень. Мысли были ленивые и противные. Потом внутри все туго сжалось; быстро выпрямившись, мальчишка вытошнил в сторону завтрак и опять спрятал голову, надеясь, что его спаситель уйдет. Чтобы не смотреть на труса... и чтобы самому Денису не пришлось смотреть на него – трусу на смельчака...

Но, когда Денис поднял голову, мальчишка не ушел. Он сидел рядом и смотрел на клубы облаков. Потом перевел взгляд на Дениса – и во взгляде не было ни насмешки, ни даже превосходства.

– Пить хочешь? – Мальчишка отстегнул от ремня фляжку.

Денис мотнул головой, снял свою, прополоскал рот и напился. Встал, подобрал кеды. Хмуро сказал:

– Я... пойду...

Даже не сказал, а спросил, как будто мальчишка был тут полным хозяином и мог разрешать и запрещать что-то делать.

Тот поднялся тоже. Кивнул:

– Ага, пойдем... – И вдруг, задрав голову, признался: – Я туда не лазил никогда. Поднимался так, – он чиркнул в воздухе ладонью, – на один этаж, на два. А дальше гляну – страшно лезть.

– Врешь, – недоверчиво сказал Денис.

Мальчишка пожал плечами:

– Зачем мне врать? А сегодня иду, глянул – а там ты сидишь. Ну, думаю, вот это смельчак...

– Ага, – горько сказал Денис. – Смельчак. Повис, как попугай на жердочке...

– Ха, – ухмыльнулся мальчишка. – Можно подумать, ты виноват, что ферма лопнула. Это, если хочешь знать, форс-мажор. Непреодолимые обстоятельства.

– Я боялся, что ты за взрослыми рванешь, – сказал Денис по-прежнему хмуро.

Мальчишка изумился:

– Я что, контуженный?! Мне мой зад дорог, я на нем сижу часто. Меня отсюда и так гоняют, а дома вообще... Сказали бы: «Ах, слов не понимаешь?» – ну и... – и он звонко шлепнул себя ладонью по мягкому месту. Поморщился: – Ой, больно...

Денис хихикнул. Посмотрел на мальчишку уже внимательно. Спросил с заминкой:

– А у тебя... ты... в общем, у тебя дом есть?

– А как же? – удивился мальчишка и засмеялся: – А! Ты думал, что я как в книжке – этот, беспризорник?!

– Ну, – признался Денис. – Вернее... я сперва подумал, что ты... призрак, что ли.

– Не, я не призрак, – мальчишка опять засмеялся. – Я Войко. Войко Караджич, мы сюда в начале лета переехали. А так я хожу, – он потоптался на месте, – потому что так удобнее... и вообще, я все равно изгваздаюсь весь. Я эту одежду и домой-то не ношу...

– А, вот почему я тебя не знаю! – обрадовался Денис. – Денис... Третьяков, – он протянул руку, перепачканную ржавчиной. – Ой, вот это я... – он оглядел себя с головы до ног. – Мне тоже будет по попе... Пошли искупаемся?

– Пошли, – охотно согласился Войко.

– погоди, а почему у тебя такое имя странное? – заинтересовался Денис. – Войко. Да еще Караджич...

– А я серб, – просто сказал мальчишка.

– Се-е-ерб?!.

...Денис никогда в жизни не видел сербов. И все, что он знал о них буквально до позавчерашнего дня – это что на юге, на Балконском полуострове (так он тогда называл Балканский полуостров), живет такой народ. Несколько маленьких княжеств. Какие-то собираются присоединяться к Империи, какие-то чего-то медлят (хотя чего тут медлить?!). Но... бывают же в жизни такие совпадения! Как раз позавчера он пробрался на «взрослый» сеанс в «Солярис». На фильм «Люди из Черных Гор». Одноклассники, которым уже повезло, округляя глаза, рассказывали, что фильм «прямо страшный, но такой!...» – и малосвязно пересказывали содержание, захлебываясь словами.

Да, фильм был **такой**. Денис понял, что он будет такой, еще в самом начале, когда на фоне горящего дома стоял, стиснув кулаки, молодой мужчина и глядел остановившимися глазами на то, как у самого порога горят два лежащих в обнимку тела – женщины и ребенка.

И сквозь треск огня прорывалась рычащая песня про ненависть... Денис запомнил строчки:

Ненависть – юным уродует лица!
Ненависть – просится из берегов!
Ненависть жаждет и хочет напиться
Черною кровью врагов!

И страшным фильм был тоже. Конечно, там были объятия-поцелуи, но его сделали «для взрослых» точно не из-за этого. Денис, сидя в углу за верхним рядом с еще несколькими такими же «зайцами», иногда зажимал глаза, не выдерживал. Все равно никто не видит в темноте... Раньше он ни разу не попадал на такой фильм.

Фильм был про сербов. Как на них – тоже тогда, в начале войны, напали те, кому враг заплатил деньги. И начали жечь деревни и городки. Вот тут смотреть было почти нельзя. Зато потом!!! Денис захлебнулся от гневного ощущения справедливости, когда те, кто выжил, объединились вокруг главного героя – бывшего молодого инженера. Ух, они дали бандитам! И потом еще дали – когда высадились морские пехотинцы врага, понявшего, что наемники сами не справятся. И пусть у тех была техника разная, и было их больше – сербы и их били. И про Россию там тоже было. Сербы иногда говорили про нее – как про старшего брата. И погибли за нее... Взорвали авианосец, который шел вдоль их берегов в Крым. Могли не делать этого, потому что осталось мало людей и все очень устали и измучились воевать (такого тоже Денис не видел раньше в кино). Но когда серая громадина поползла мимо их берегов – не выдержали. Разбили авианосец катерами со взрывчаткой и почти все погибли. А оставшиеся в живых еще долго оборонялись на прибрежных скалах. И последняя картина врезалась в память – разрушенные позиции, лезущие со всех сторон вражеские солдаты, флаг на кривой палке и голос последнего оставшегося в живых – пацана-пулеметчика, немногим старше самого Дениса. Как он сидит около разбитого пулемета, держит в руках по гранате с вырванными кольцами, улыбается и поет – громко так, сильно:

Марш! Марш,
Генерал наш...

Изображение смещается, враги с ликующими воплями прыгают в окоп сразу с нескольких сторон.

Двойной взрыв.

Флаг стоит.

На его фоне – всплывает надпись:

СЕРБСКИМ БРАТЬЯМ, В ГОДЫ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ СТОЯВШИМ
ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ РЯДОМ С НАМИ

Все. Экран чернеет. Надпись: КОНЕЦ. И почему-то нет обиды за погибших героев...

... – Серб?! – повторил Денис и недоверчиво оглядел мальчишку. Войко был совсем обычный. Не киношный. Хотя... и там люди тоже были обычными и часто совсем не героическими на вид. Вот и Войко – какой бы ни был, а залез-то на мост он. – А как же ты здесь?

– А мы в начале лета приехали, – ответил Войко. Мальчишки как-то незаметно уже шагали вдоль реки, выискивая место для того, чтобы окунуться. – Ойце... отец приехал учиться.

– Учиться? – захлопал глазами Денис. – Это как это учиться, он же...

– Ну да, он у меня уже старый, – подтвердил Войко, хлопая ладонью по фляжке. – Ему сорок почти. Да, учиться. У нас инженеры нужны, гидроинженеры, которые с водой работают, – неуверенно пояснил Войко. – Отца сам князь Лазар попросил, они друзья, с

детства. Поезжай на Россию и учись сам, заодно за молодыми присмотришь. Человек двадцать наших приехало, но семья у одного отца – я и майка... мама... – Видно было, что, несмотря на правильный русский, эти слова – отец и мать – Войко привык произносить на родном языке. – Есть еще две сестры, но они уже взрослые совсем, замужем, в Београде живут... А Драже, старший, тоже тут... А твой ойце кто?

– Он... – Денис понял, что не знает толком, как объяснить. – В общем, он жуликов ловит.

– А, милиционер, – кивнул Войко. – Я тоже хотел милиционером стать. Смотрел «Рысенок»?

– Конечно! – фыркнул Денис, запнулся о какой-то камень и, сказав «уй-а!», пару шагов пропрыгал на одной ноге. Кто же не смотрел многосерийку про веселого и бесшабашного подпоручика милиции Яроша Таркириана по прозвищу Рысенок?

Денис, ступая на пятку и шевеля рыжими от ржавчины пальцами, совсем хотел уже начать разговор про фильмы вообще, но заинтересовался:

– А сейчас кем хочешь быть?

– Косморазведчиком, – сказал Войко. – Ты думаешь, чего я тут брожу? Готовлюсь... А ты?

– Кем стать хочу или что тут делаю? – уточнил Денис. – Вон, место хорошее... Стать хочу как папка. А тут я так. Разное ищю. На продажу, на обмен или просто... так. Для интереса.

– А кому ты продаешь? – удивился Войко.

– А ты не знаешь?! – удивился в ответ Денис. – Есть магазинчик такой, там покупают. Хочешь, потом покажу?

– Конечно... – Войко осмотрелся. – А тут можно купаться, дно какое?

– А тут сразу обрыв, – со знанием дела пояснил Денис, уже вылезая из маскировочных штанов. – Бух, и двадцать этажей. Ты как плаваешь?

– Нормально, – Войко положил на землю свою сбрую. Гремнул ножом о лопатку. Он был такой же коричневый от загара, как и Денис, только Денис – белокожий от природы – был золотисто-коричневый, а Войко – смуглый – оказался именно ореховый.

Мальчишки с внезапным смущением поглядели друг на друга. Денис не знал, что думает Войко, а он сам подумал:

«Ну, вот, и что теперь-то? Мы **кто** ? Просто пацаны встретились – или уже что-то больше?»

Ну, может, он и не так думал – в десять-то лет. Но суть быстрых мыслей была именно такова. И так продолжалось не меньше полуминуты. А потом Войко вдруг крикнул:

– Смотри, вот как! – разбежался, прыгнул, собрался в тугой комок и уже перед самой водой резко выпрямился и ушел в воду стрелой, без брызг, только бухнуло утробно. И тогда Денис тоже коротко разбежался и прыгнул следом, выкинув впереди сложенные «лодочкой» руки и ощущая в мгновения полета, как мгновенно и сладко захватывает дух – у-у-у... рраз!..

...Они никуда не пошли, когда накупались и вылезли на берег. Если честно, Денис почему-то очень-очень боялся – вылезут, и Войко оденется, кивнет дружелюбно – и пошагает куда-то домой и... и все кончится. Как будто надломится что-то тоненькое, только-только появившееся. Поэтому Денис дурачился, плескался, бултыхался, пока не заломило плечи и дрожь от холодной водички не проникла уже до самого сердца.

А Войко никуда не ушел .

Они сели на каменные плиты и долго весело тряслись, косясь друг на друга и сдувая с губ и носов капли, пока мелькающее в быстрых тучах солнце не заставило их обоих распрямиться и растянуться в рост, блаженно шурясь в небо. Войко подтащил свою сумку. Денис посмотрел с интересом. Спросил:

– А там у тебя что?

– Находки, – значительно ответил Войко, ложась на живот. – Вот, смотри...

...Находки оказались и правда значительными. Небольшими, но ценными по

мальчишеским понятиям Петрограда. Металлическая тяжелая зажигалка, совсем не потемневшая, с выпуклым рисунком-рельефом – распростерший крылья орел. Браслет с чеканными стеблями трав и цветов, пара сережек – серебряных, с алыми камешками («Я маме подарю», – без смущения признался Войко). Набор солдатиков – пластмассовых, довольно аляповатых, но интересных незнакомой формой. Две модельки машинок («Это «Волга», я знаю», – ткнул Денис в одну пальцем, и Войко уважительно спросил: «Да?»). Совсем целый набор цветных открыток с видами того, старинного Петрограда-Петербурга, только было написано даже «Ленинград» – так город назывался совсем-совсем давно. Еще разное, много – мелкие, но ценные находки, некоторые из них вызвали у Дениса легкую зависть.

– Слушай, – Денис вытянулся на животе нос к носу с Войко. – Давай зажигалку менять? У меня есть солдатик, только не такие, а оловянные, там все прямо точно-точно, как скульптуры маленькие. Как сейчас делают, но они правда-правда тогдашние, я нашел прошлой осенью... Выберешь, какого хочешь. Будешь?

– Она не работает, – предупредил Войко, но в глазах серба зажегся интерес.

– Ну и что? – Денис провел пальцем по орлу. – Вон какая... Будешь?

– А когда? – Войко явно заинтересовался.

– А завтра заходи, я тебе покажу, где живу... – сказал Денис и смутился.

Но Войко кивнул легко:

– Ладно, я приду... – и подтянул к себе открытки.

Разложил их веером. Перебрал.

– Жалко, – неожиданно сказал Войко, сорвав проросшую в щели плит травинку и покусывая ее. Денис **понял**, о чем он говорит, и ответил негромко:

– Ну... они сразу сгорели. Раз – и все... Это ведь не больно...

– Я не про это, – Войко поморщился. – Это... понимаешь... это нечестно! – он посмотрел на Дениса потемневшими глазами. – Это подлая война. Вот какой бы ты ни был сильный, смелый, как бы ты ни готовился – раз – и все, как ты говоришь. Огонь – и никого нет. Нечестно... По-моему, честней десять миллионов человек убить в бою, чем миллион вот так... подло сжечь.

Денис задумался. И неожиданно понял, что Войко **прав**. Да, прав. Было что-то в такой войне... что было хуже любых убийств.

– А наши? – осторожно спросил Денис. – Ведь это наши... первыми...

– Наши, – согласился Войко. – Но они, во-первых, не по городам сначала стреляли, ты же знаешь. А во-вторых, их же вынудили. У них хотели отобрать Родину и честь. А они просто защищались. Не сделай они так, сейчас на планете жило бы не триста миллионов, а семь миллиардов человек. Но что это была бы за жизнь? Тюрьма...

И опять Денис подумал с уважением, что Войко говорит правильно. И у него это получилось так просто и естественно, про Родину и честь... Денис и сам про это думал, но вслух говорить не осмеливался – боялся, что прозвучит смешно. Скажут: сопляк десятилетний расфилософствовался! А у Войко – ничего смешного.

«Родина и честь. За это не страшно...» – отрывисто не додумал Денис и отвернулся к воде, чтобы не показывать новому знакомому глаз.

Войко лениво дотянулся до своих штанов и достал пачку сигарет – синюю, с белой надписью «Герцеговина Флор» – и зажигалку. Денис с интересом и недоумением наблюдал, как его новый знакомый, ловко выбросив из пачки коричневую палочку – неуловимым движением кисти, – поймал ее зубами, запалил и с явным удовольствием затянулся. Выдохнул струйку дыма – сладковато пахнущего, синеватого. Покосился на Дениса и протянул пачку:

– Хочешь?

– Не, спасибо... – Денис опасливо отодвинулся. – Ты куришь?

– У нас почти все курят, – Войко снова выцедил из ноздрей уже две струйки.

– А у нас почти никто, – Денис продолжал наблюдать за этим процессом, испытывая

острейшее желание попробовать.

Мальчишки долго сидели молча. Войко курил, потом сунул в трещину плиты окурок. Денис смотрел, как с запада над проливом идет туча, потом поднялся:

– Давай одеваться и пошли, сейчас будет дождь...

...Дождь их все-таки достал – теплый и бурный, с ветром. Улица, по которой они мчались, за секунду превратилась в бурлящую белую реку, и мальчишки, чувствуя, как у них из-под ног вырывает землю, с хохотом влетели в какой-то полуразрушенный дом, где в подвале Войко, оказывается, содержал «базу».

Пока Войко переодевался, превращаясь во вполне обычного мальчишку, а Денис выжимал одежду, дождь кончился и стало душно, жарко и туманно – от земли, как от мокрой тряпки под утюгом, перли вверх испарения.

Войко как-то притих и поскукнел и, когда Денис показал ему свой дом и повторил приглашение заходить завтра, серб только кивнул, бросил: «Ну, пока», – и зашагал по улице...

...На следующий день Денис мучился с самого утра. А вдруг Войко не придет?! Он, Денис, даже не спросил его адрес, постеснялся. Поди найди в четвертьмиллионном городе одного-единственного мальчишку! Нет, конечно, найти можно, тем более такого необычного – серба. Но найдешь, а дальше что? Вдруг Войко и не хочет больше знаться с Денисом. Глупо получится и... и стыдно.

Он так и метался. С утра и до полудня. Поминутно бегал к окнам, выскакивал на улицу. Перебирал все, что хотел показать Войко. И уже совсем отчаялся, когда мама вдруг сказала, заглядывая в комнату:

– Дениска, а к тебе какой-то мальчик. Я такого не знаю.

– Мам! – Денис метнулся мимо нее – наружу.

Но Войко, оказывается, уже вошел в коридор и стоял там, оглядываясь. Денис затормозил и смущенно улыбнулся.

А Войко улыбнулся тоже и сказал, поправив на плече сумку:

– Вот, я пришел...

Сумка – это все, что осталось в нем от вчерашнего. Войко совсем не был похож на себя, в черной жилетке поверх белой рубашки, в черных брючках, в черных туфлях... И Денис, еще больше смутившись, сказал:

– Ну, это... проходи...

...Когда через полчаса Валерия Вадимовна, мучившаяся удивлением и любопытством – уж больно не похож был на приятелей сына этот аккуратный тоненький мальчик, говоривший с приятным акцентом, – уже совсем собралась «невзначай» заглянуть в комнату Дениса, там ахнуло, бухнуло – и женщина, быстро вошедшая на шум, увидела, что аккуратный гость сыночка, пробравшись ползком за двумя опрокинутыми креслами, как раз размахивается, чтобы метнуть в Дениса, сидящего за письменным столом, муляж гранаты. По столу были разбросаны разные мальчишеские сокровища, а на постели явно проходил чемпионат по вольной борьбе (вообще-то это была борьба «рванье за надлаkitцу», как позже объяснил Войко, и именно ей он учил нового русского друга).

В общем, все было нормально.

Валерия Вадимовна кашлянула и сказала строго:

– Ну вот что, юноши...

... – А ты завтра придешь? – спросил Денис, когда они – уже в сумерках – шли по улице.

– Приходи ты ко мне, – предложил Войко. И Денис просиял:

– Ага, я приду!

Глава 4 Наш город

Вот так они и стали дружить.

Пришла осень, потом зима, весна, лето... И снова – осень, зима, весна, лето... И опять – осень, зима, весна, лето... Кстати, Денис знал, что еще два года – и семья Караджичей вернется в Београд. Но два года – это уйма времени. Это почти столько, сколько они уже дружили, а дружили они **вечность**. Так казалось обоим. Да и потом – они к тому времени как раз закончат школу и будут почти взрослыми. Во всяком случае, им исполнится по шестнадцать, и они смогут сами распоряжаться собой. Нет, ни Войко не передумал стать косморазведчиком, ни Денис – офицером ОБХСС. Но оба училища – в Рязани. Так что ж думать о расставании? Тем более что обе семьи – так получилось – тоже сдружились, хотя первый раз родители встретились друг с другом, когда разыскивали – через полмесяца после знакомства чад – этих самых чад, которые решили посмотреть, как выглядят Балтийские острова с развалинами древнего Дальринга, и, пробравшись вместе с грузом в транспортный самолет... ну и так далее. Поскольку выяснить, кто был зачинщиком, не удалось, выпороли обоих одинаково. Ну а дальше было первое приглашение на совместный праздник (это был День Солнца) и еще, и еще, вплоть до прошлогодних двух недель в июле, вместе проведенных Третьяковыми и Караджичами на Урале, в горах.

Мальчишки менялись – в смысле росли, но, как казалось родителям, ничуть не умнели. Сами они так не считали. Да и, пожалуй, делали в жизни не больше глупостей, чем любые другие мальчишки. Когда же оба стали пионерами, то их глупости обрели твердую идеологическую основу. Попробуй запрети «ребенку» явиться домой в три утра, если он ясно и точно рапортует, что они собирали стереоколлекцию для пионеров Тегерана. Или как отнестись к тому, что сын трое суток напролет пропадает в Кольцевой, если было официально сказано – отряд работает на разборке завалов?..

...Денис грустно улыбнулся и вошел в ворота школы...

...Хотя пионерский отряд и располагался в здании **школы** – **к школе как таковой** он не имел никакого отношения. Пионерами в Русской Империи была примерно треть мальчишек и четверть девчонок десяти-шестнадцати лет; остальные почти все хотели этого неистово, но отбор был очень серьезным, учитывалась масса критериев. Поэтому в отрядах имени Жени Арефьева и Лены Тарьянен³ были мальчишки и девчонки со всего юга Петрограда, в большинстве своем даже учившиеся не в пятой школе.

Денис обогнул главный школьный корпус по аллее, обсаженной все теми же соснами и можжевельником, – и оказался у парных дверей, фосфоресцирующие таблички над которыми утверждали, что именно здесь, и нигде более, располагаются вышеуказанные отряды и что время работы круглый год с 8.00 до 19.00. Ниже было подписано:

Хе-хе

и

и с 19.00 до 8.00

Еще ниже – нарисован символ пионерорганизации – золотая прямая ладонь, только вместо горящего на ней огня с тремя лепестками было написано:

Подайте будущему нации на новые спальники.

Надпись про спальники была относительно свежей. У Дениса при виде ее даже слегка

³ Женя Арефьев – в самом начале ядерной войны тринадцатилетний питерский беспризорник Женя Арефьев в течение нескольких дней уводил в отлично изученные им подземные лабиринты города не успевших выбраться за его пределы детей и взрослых. Умер от лучевой болезни после одного из рейдов, которые не прекращал даже после того, как спасенные им люди его пытались оставить «внизу» силой. Лена Тарьянен – пятнадцатилетняя карельская девочка, в период наземных боев после ядерной войны расстреляла из брошенной установки ЗСУ 23-2 колонну прибалтийских оккупантов недалеко от Парголово. Погибла в этом бою.

исправилось настроение. Он хотел почитать, что там прибавилось на большущей доске объявлений справа от входа, но потом как-то сразу вспомнил, что пришел сюда не за этим...

...Внутри становилось совершенно ясно, что официальная надпись на двери и правда «хе-хе» для здешних обитателей. Черные береты, алые галстуки плюс нашивки всех рангов и специальностей кишели прямо с вестибюля; островок спокойствия был лишь у знамени отряда и Стенда Славы, возле которых с палашами наголо замерла дежурная смена с горнистом. Дня явно не хватало; впрочем, если бы кто-то предложил мальчишкам растянуть сутки до двадцати шести часов и выключить сон – они бы с радостью согласились. Денис отлично знал, что такое эти ночные смены, хотя ему лично лучше работалось днем.

Войко следовало искать на подземном этаже, скорее всего – в мастерской, где создавался образец вездехода для разведчиков Марса. То приветствуя салютом знакомых, то отмахиваясь от других очень похожим жестом, Денис пробился к лестнице и спустился по ней в обычной манере – через три ступеньки. Мало ли что горе. Это не причина для того, чтобы наступать на каждую ступеньку... В третьей школе в прошлом году сконструировали воздушный лифт – кто-то прочитал где-то, что такое вроде бы возможно, и лифт склепали, и он даже месяц исправно работал, доставляя всех с этажа на этаж слегка потрепанными, но зато веселыми и быстро... Накрылся лифт, когда в него заманили школьного заведующего учебной частью по воспитательной работе. О подробностях тамошние пионеры умалчивали.

Нижний этаж был не такой шумный. Вернее, шум тут был деловитый, а кое за какими дверями, снабженными изоляцией, вообще царила суровая тишина. Денис остановился перед дверью, на которой висела исполненная рукой Войко табличка: «Не входить! Идут ходовые испытания!»

Ниже все еще покачивалась другая: «Второй год. Продукты, воду, гигиенические пакеты оставлять у двери, условный стук три раза».

Улыбнувшись, Денис постучал три раза...

* * *

– Уезжаешь, – сказал Войко.

– Да, – вздохнул Денис, не глядя на друга. – Вот так... Но еще целых три дня есть...

Мальчишки сидели на краю затопленной части моста. Вставало солнце – в окружении причудливых облаков, похожих на раскинутые крылья. С моря дул сильный теплый ветер, отшвыривал назад волосы мальчишек и раскачивал свисающие над водой ноги. Срывал с идущих волн высокие брызги, и Денис с Войко были мокрыми до колен.

– В море опять ураган, – сказал Войко, глядя вперед. – Драже там где-то... мать беспокоится очень.

– Да все нормально будет, – бессмысленно сказал Денис и, поняв, что сейчас разревется, пружинисто встал и беззаботно сказал: – Икупаюсь.

Он вскинул над головой руки и без разбега прыгнул вверх. Сделал сальто и без брызг вошел в воду – как брошенное копьё.

Он погружался, пока хватало инерции, потом отчаянно заработал руками и ногами, стремясь уйти еще глубже. Вода была теплой; говорят, когда-то в Балтике всегда была холодная вода, но вот уже лет тридцать здесь даже зимой не видели льда.

Мальчишки часто ныряли здесь. В километре от берега лежало на дне трехсотметровое чудовище – остов американского авианосца, потопленного в самом конце Третьей мировой. Громада отталкивала и притягивала одновременно. Правда, все мало-мальски ценное с корабля давно было снято и сейчас вроде бы стоял вопрос о поднятии огромного корпуса...

«Буммм!» – грянула вода. В подсвеченной алым рассветом толще Денис увидел отвесно уходящего вниз Войко – руки прижаты к бокам, только ступни работают, да извивается все тело. Денис остановил погружение – Войко упрямо проплыл мимо него, мелькнуло лицо со стиснутыми губами. Денис поймал серба за щиколотку, показал глазами – вверх! Тот мотнул головой, рывком выдернул ногу, пошел еще глубже. Денис извернулся

всем телом – и ринулся за ним.

Мальчишки достигли дна и встали там, держась за какие-то ржавые конструкции – кажется, фонарные столбы. Стояли друг против друга, чуть поводя свободными руками. Легкие Дениса начали гореть, он поднял руку. Войко повернул голову – нет. Тогда Денис силой оторвал его руку от скользкого и колкого чугуна – и они вместе ринулись вверх...

...На поверхность Денис поднялся слепой от красных кругов в глазах. Когда проморгался, то увидел Войко – серб плавал рядом, из носа текли и тут же размывались водой струйки крови. Пролив разбушевался не на шутку за какую-то минуту, пока мальчишки были под водой, расходились тяжелые валы.

Не сговариваясь, оба поплыли обратно к мосту – к берегу, где осталась одежда. Швыряло все сильнее, пока наконец не приложило последний раз об облицовку набережной – вышвырнуло, прокатило, обдирая кожу. Денис первым встал на ноги, втащил выше Войко, и они рухнули на траву возле своего барахла, тяжело дыша.

– Ты чего фокусничаешь? – выдохнул Денис, приподнимаясь на ободранных локтях. Все ссадины начало печь морской солью, в голове и горле плескалось пол-пролива. – А не выплыли бы?!

– А... – Войко отмахнулся. – Выплыли же.

– Дубина балконская, – улыбнулся Денис, снова падая животом на траву. До них долетали брызги мгновенно разбушевавшегося моря.

– Поедем завтра на Васильевский полуостров? – спросил Войко. – Туда. Помнишь, в прошлом году?

– Конечно! – обрадованно кивнул Денис, привставая на локте снова...

...Прошлой весной мальчишки синхронно, как у них всегда бывало, увлеклись пением. Петь они и раньше не стеснялись, а тут оказалось, что у обоих хорошие голоса, но ни тот, ни другой категорически не пожелали петь в хоре – их не устраивала тамошняя форма для выступлений, а главное – репертуар. Подумав немного, они решили делать не что-нибудь, а сольную программу из старых песен. Песни надергали откуда попало, а в качестве костюмов выбрали джинсы и жилетки. Жилетки вообще были сербские национальные, но, вывернутые, сошли за жилетки просто. После того как мальчишки решили выступать босиком, волосы подвязали золотисто-черными лентами и повесили гитары на мохнатые ремни-самodelки, получилось нечто не определяемое точно, но у публики с завидной согласованностью ассоциировавшееся с чем-то средневеково-первобытным, неуловимым, но романтическим. Это парни поняли, когда на репетицию к ним просочились в совершенно неприличном количестве «соседки» и просидели до конца, явно не **слушая**, а **глядя**. Ну... не сказать, что это было неприятно. Скорей наоборот. Почему и решено было закрепить имидж.

Первое же выступление – в стенах родной школы – прошло на ура. Как и последующие несколько – у соседей. А потом – уже осень была и они слегка подзабыли про увлечение – их просто пригласили от городской Думы на Васильевский полуостров – на празднование Дня мальчиков, 14 сентября.

Конечно, ни о каком отказе речь не шла – для отряда это был плюсик во весь фасад, да и мальчишкам захотелось «тряхнуть стариной», как серьезно выразился под общий смех Денис. Правда, выяснилось, что за два летних месяца мальчишки подросли и раздались в плечах, так что пришлось повозиться с одеждой – но эти заботы взяли на себя девчонки, сочтя это почти за честь. Да и репертуар пришлось припомнить.

Если честно, Денис не взялся бы сказать, хорошо или плохо они выступали. Да он и не претендовал ни на что **такое** – на празднике было полно разных коллективов. С тех пор как профессиональная эстрада канула в Лету вместе с прежним миром, глупый и нездоровый ажиотаж-скандал вокруг искусства закончился раз и навсегда. Люди – и взрослые и нет – хотели именно **выступать**, даря свои выступления будущему Родины – растущим мальчишкам.

Просто они оба еще никогда не выступали перед такой большой аудиторией. Распорядитель указал одну из площадок, объявил номер очередности и скрылся, бросив

мальчишкам: «Не робеть!» А они и не робели. Стояли за сценой и смотрели, как переливается вокруг море разноцветных огней и все еще горят вдали линии огромных факелов – там, где днем проходил парад и прием в пионеры. В прошлые разы они начинали с «Песня моя, Россия». Но тут вдруг Войко сказал:

– Денис, давай споем первой «Роль»?

Денис подумал – и согласился. Они оба не знали, кто автор этой песни, да вроде бы она и не очень подходила к празднику... Но сейчас просто кивнул. «Роль» так «Роль».

У Дениса голос был пониже, у Войко – повыше. Этим мальчишки всю пользовались для создания гаммы оттенков. Поэтому, когда на табло показался их номер и прозвучал голос, объявивший их выступление (снаружи активно зашумела группа поддержки), мальчишки вышли оба. Но Денис встал чуть в стороне, опираясь на гитару, как на меч, и опустив голову. А Войко, подойдя к самому краю сцены, вскинул гитару, как винтовку, наперевес... Но запел тихо и задумчиво – почти заговорил...

Вот уже который год
Сам себя, как роль, играю...
То смеюсь – то умираю,
Выходя на эшафот...

Он поднял взгляд от струн:

Дубль первый!
Дай господь...
Я закона не нарушу...
Выкорчевываю душу,
Замурованную в плоть...
Мне сегодня казнь приснилась...
И душа со мной простилась,
А потом у пьедестала
Птицей черною летала...
За грехи, видать,
За несмирение
Получил под стать
Оперение...

Дубль третий!
Дайте свет!
Бьется грешная в запоры
И, просачиваясь в поры,
Обретает
Белый цвет...
Из гримерной смрад вина,
А из ложи – смрад «шанели».
Для продажи на панели
Подходящая цена...

Он ударил по струнам, и тут же вступила гитара Дениса, который, играя, широким шагом подошел и встал рядом с Войко, незаметно подменив его голос своим в следующих куплетах:

На груди рвану рубаху
Перед выходом на плаху!

Там уже стоят с мечами
Прокуроры с палачами —
Вон вчера как сцену раскурочили...
Да вы ж мне сами цену напорочили!

Удар по струнам, взмах головой, все громче и громче голос и гитара:

Снова — жест!
Пригублю свой нательный крест
И красиво шагну вперед...
Эх — раздайся, честной народ!
Пятый дубль, прощальный взор,
Бабий крик и толпы напор,
Крупным планом пошел топор...⁴ —

почти выкрикнул Денис и замолчал.

А Войко тихо сказал:

— ...Мотор.

...Мальчишки не очень понимали, о чем песня. Вряд ли так уж поняли и слушатели. Но хлопали им здорово. Хлопали им на десять баллов (так и табло показало). И другие их песни встречали такими же аплодисментами.

Приз — гитару из хрусталя с оборванными серебряными струнами — они по очереди хранили друг у друга дома. По неделе.

* * *

— А как же та гитара? — спросил Войко. — Ну, приз?

От ночной непогоды и утреннего шторма не осталось и следа. Дул теплый ветер, светило солнце на необычайно безоблачном небе... Вагон струнника скользил над проливом — в сторону Васильевского полуострова. Мальчишки устроились на заднем полукруглом сиденье пустой прозрачной капли. Обычно они в таких случаях прилипали к окнам и восторженно обменивались впечатлениями. Смотреть на город не уставали ни его уроженец Денис, ни приезжий Войко. Да город и не был никогда одинаковым. Он менялся каждый день — и менялся только к лучшему. И мальчишки радостно отмечали — а вон там еще кусочек Кольцевой превратился в стройку... или в парк... а там — новые мачты струнника... а вон — гляди, гляди! — новая башня связи... О, глянь — новая облицовка на набережной у сфинксов!

Но не сегодня.

— Приз тебе, — твердо сказал Денис. — Это ты придумал тогда петь сначала «Роль».

— Ладно, — кивнул Войко. — Знаешь... мне не верится, что ты уедешь послезавтра. Правда.

— Мама тоже не очень верит... — Денис хрюкнул. — Что было-о-о-о... Бой за Севастополь. Я из дому-то так рано смылся, чтобы взрывной волной не зацепило.

— Да ну? — Войко хихикнул. — Ну и что?

— Да что, что... Куда она денется? Пошумела, а потом собираться станет, точно. Думаешь, ей нравится в городской лаборатории сидеть? Она же полевой врач, — гордо сказал Денис. — А там, в Семирежье — развернись, рука!

— «Размахнись, рука» у вас говорят, — поправил Войко. — А вообще знаешь, я тут смотрел литературу... Там и правда развернуться есть где. Если не убьют.

⁴ Песня В. Третьякова.

– Нас этим не остановишь, – заявил Денис. – Да, Драже вернулся?
– Они в Хельсингфорсе отстаиваются. Сообщили... Ребята говорят, чтобы ты непременно пришел сегодня вечером, будет сбор. Специально по тебе.

– Конечно, приду, – Денис недовольно нахмурился. – Мне о таких вещах напоминать не надо. И писать буду. Подробно. Пусть публикуют в «Колючке», раздел «Наши зарубежные друзья».

Мальчишки рассмеялись. «Колючкой» называлась еженедельная отрядная газета, которая вполне оправдывала свое название. Но мысль о том, что он станет «зарубежным другом», Дениса тут же опечалила снова, и он уставился в пол.

– Там и пионеров нет, – пробормотал он.

– Ну, наши же живут, как же нет? – возразил Войко.

– Да это ты не знаешь... Наши живут, да. Но мы-то едем знаешь куда?! Какой-то Седьмой Горный поселок. Рядом с хребтом Голодный. Шахты, лес, поля, ближайший другой поселок – казачья станица Лихобабя.

– Как? – Войко разинул рот.

– Лихобабя... Там пока вообще никого наших нет. Откуда там пионеры?

– Будешь первым, – заметил Войко, и Денис перестал сетовать.

В какой-то степени это было даже заманчиво. Антон Ковалев тоже был один и первый. И Жан Саймонс... хоть он и не пионер, а скаут⁵. Но все равно.

– Ну, может, и так... – он хотел добавить «эх, если бы ты со мной поехал!», но промолчал. Такое и правда бывает только в самых детских книжках...

...Мальчишки вышли на Большом Проспекте. На том месте, где они когда-то выступали, вот уже полгода высилась спираль Дворца молодежи, которую немного портили кружащиеся ветряки. Но это было временно, дураку ясно.

Около входа, рядом с флагштоками, на которых развевались имперские флаги, стояли статуи – мальчишки их еще не видели, подошли ближе. Статуи были в натуральный человеческий рост. Слева – группа юношей и девушек, справа – медведь, рысь, волк... Мальчишки постояли минутку. Статуи были красивые, но какие-то безотносительные друг к другу, непонятно, зачем...

– Смотри, – вдруг сказал Войко, тронув локоть Дениса, – а они похожи.

– А? – удивился Денис. И неожиданно **понял**...

Молодые люди слева – именно люди, сильные, красиво одетые, с уверенными благородными лицами – были людьми вне всяких сомнений. Красивые, настороженные звери справа – вне всяких сомнений зверями. Но скульптор как-то добился **сходства**. Ничего похожего!!! И – сходство.

– Правда, – пробормотал Денис.

– А вы кто, молодые люди? – раздался сиплый мужской голос.

Мальчишки обернулись. Прямо на них смотрел высоченный мужчина. Нестарый, прямой. С неприятным лицом – острым, каким-то темным. Седой, короткостриженный. В черной куртке, в серых брюках, в черных мощных ботинках. С тяжелой палкой в левой руке. И вопрос был задан грозно.

Вот только в глазах – прищуренных, серых – у мужчины было доброжелательное

⁵ Антон Ковалев с родителями – витязями РА и мелиораторами – приехал в разгар Серых Войн в окрестности Тегерана, где проживало большое количество русских, беженцев с севера, и их потомков. Заправляли всем в их среде полубандитские «конторы». Именно Антон организовал среди детей Тегерана первый пионерский отряд, который сыграл большую роль в борьбе за подрастающее поколение. Во время покушения на него Ковалев был тяжело ранен, но выжил и в описываемый период является городским головой Тегерана. Примерно так же складывалась несколько раньше судьба канадца Жана Саймонса, который жил и действовал в районе Венесуэльского залива – с поправкой на то, что его родители и старший брат были рыцарями «Фирда», профессиональными военными, и его «достать» боевикам наркокартелей так и не удалось. Но позже уже взрослый офицер исследовательского космического флота Англо-Саксонской Империи Жан Джереми Саймонс погиб во время экспедиции в Пояс астероидов.

любопытство.

– Мы? – удивился Войко. – Я – Войко, а он...

– Я, наверное, медведь, – сказал Денис, перебивая друга. Войко замолчал, быстро покосился на Дениса, на статуи... широко улыбнулся и сказал, вскинув глаза на мужчину:

– А я, наверное, рысь.

– Угу, угу, – мужчина покивал. – Сразу углядели?

– Нет, – покачал головой Денис. – Это Войко увидел. А я уже потом разглядел... ой! – вырвалось у него совсем по-детски. – Это... **ваши** скульптуры?!

Войко подтянулся. Мужчина оперся на палку. Кивнул:

– Мои... не подумайте, – он словно бы спохватился, – я не скульптор... почти. Не знаменитый. Даже не известный. Просто как раз вернулся в город и подал заявку на конкурс. Сам удивился, когда выиграл.

– А кто вы вообще? – спросил Войко.

– А вообще я космонавт, – как-то неохотно ответил мужчина и поднял голову, глядя на скульптуры. Улыбнулся. – Хорошо получилось. Честное слово, сам не ожидал, как хорошо!

Секунду мальчишки, не отрываясь, глядели в улыбающееся лицо. Потом переглянулись. Снова уставились на мужчину.

– Вы... – начал Войко изумленно.

– Капитан Крапивин! – почти крикнул Денис, опять перебив и опередив друга.

* * *

Мороженое было вкусным. Мальчишки съели две порции – с малиновым сиропом и с лимонным. А Петр Владиславович неспешно ел первую порцию и посмеивался.

– Не умеете вы есть вкусные вещи, молодые люди.

«Молодые люди» опять засмущались, как в тот первый момент, когда Петр Владиславович пригласил их в «Прибрежное». Это их даже оглушило. Петр Владиславович Крапивин, капитан исследовательского «Рубина»! Скульптуры были мгновенно забыты, куда там! Если бы в тот момент Крапивин пригласил их изображать зайчиков, прыгая по газонам, они бы согласились немедленно и с радостным визгом. **Капитан «Рубина»**! Орбита Нереиды! Высадка и закладка поселения на Тритоне! Бросок к Плутону! Город Рейнджеров на Хароне! Сенсационное возвращение! А они его не узнали сразу, не узнали, пока он не улыбнулся и не сделал глаза, как на знаменитом фото!

Войко немного смущенно, но весело ответил:

– А вы в детстве мороженое ели так же медленно?

Денис под столом пнул его кедом в щиколотку, но Петр Владиславович сказал, улыбаясь:

– А я в детстве мороженого не ел. Первый раз – уже когда в Гагарин приехал поступать.

– Не ели?! – потрясенно выдохнул Войко и широко облизнулся. – Ой, извините...

– Не ел, – подтвердил капитан Крапивин. – Мороженую картошку пробовать приходилось, она тоже сладкая!

И он искренне засмеялся.

– Вы в отпуске, да? – наконец осмелился спросить и Денис, выскребая металлической ложечкой стеклянную вазочку.

Петр Владиславович на миг похмурил, но тут же снова улыбнулся и сказал:

– Ага. В длительном. Будете еще? Только теперь я опять плачу.

Первую порцию – и себе, и Крапивину – Войко и Денис купили на свои деньги. Второй угостил их уже он сам.

– Не, хватит, – покачал головой Войко.

Денис согласно кивнул, и какое-то время все трое – мальчишки и мужчина – сидели, глядя на воду пролива. На небо опять быстро заходили облака, но ветер оставался теплым.

– А знаете, люди, – начал капитан Крапивин и вдруг смутился, помолодел, – я покаюсь. Есть у меня в нашем неожиданном знакомстве корыстный интерес. Я к этим скульптурам часто прихожу с тех пор, как поставили их. Люди смотрят, любуются, да, все так, все приятно... и мне смотреть приятно, не скрою. Вот и сегодня... Только сегодня... вы как-то так стояли... Я плохо объясняю, – он поморщился. – Понимаете, я тысячу лет не разговаривал с... с людьми вашего возраста. Ну, если неофициально, так сказать... В общем, я посмотрел и подумал: вот мой город. Вот мои скульптуры. А вот ребята из этого города. Из **нашего** города, – сказал он с нажимом. – Что вы скажете, если я сделаю **вашу** скульптуру?

Мальчишки онемели, глядя на капитана Крапивина. Потом Войко коснулся своей груди – там, где под распахнутой легкой ветровкой на черной рубашке алел галстук:

– Нашу?!

– Ну да, – Петр Владиславович увлеченно оперся на палку, подался чуть в сторону от стула. – Прямо вот тут. На набережной. Стоят двое ребят и смотрят вдаль. И назову «Ребята из нашего города»!

– Денис! – Войко засветившимися глазами посмотрел на друга.

А Денис, опустив глаза, провел ложечкой по вазочке и сказал:

– Не выйдет ничего. Это ведь надо позировать. Долго. Я знаю. А я... – Денис поднял голову. – А я послезавтра уезжаю.

И проглотил комок в горле. Но, наверное, по глазам капитан «Рубина» умел читать, как по книге – и как же иначе?

– Расскажи, – просто предложил он...

... – Значит, у вас послезавтра разлука, – подытожил Петр Владиславович.

Денис кивнул. Войко вздохнул, глядя в пол веранды, выложенный строгим геометрическим узором – синим на белом. Крапивин провел палкой по плиткам вокруг своего тяжелого ботинка. Сказал тихо:

– Да-а... Вот оно как бывает. Но это ничего, это ведь... – он оборвал себя, досадливо поморщился. – А! Глупость сказать хотел, – признался он поднявшим на него глаза мальчишкам. – Типичную взрослую глупость. Но знаете... – встал и тяжело оперся на палку, но глаза у Петра Владиславовича снова стали молодыми, веселыми. – Знаете, кое-что я для вас сделать могу. Правда...

...Капитан Крапивин сделал всего четыре снимка – спереди, сзади и с боков, как Войко и Денис стоят на набережной. Потом качнул на ремне небольшой аппарат и сказал:

– Ну вот. Ребята по этим снимкам живо склепают трехмерную модель. И я сделаю скульптуру с нее. **Обязательно** сделаю! – с нажимом добавил он, протягивая руку. – Вот тут поставят. Обязательно, – повторил он. – И будете вы всегда вместе и всегда в этом городе.

Мальчишки быстро переглянулись. И так же быстро – и вместе – посмотрели на Петра Владиславовича благодарными и удивленными глазами, как на волшебника.

– Это мало, но это хоть что-то, – словно оправдываясь, сказал капитан. – Раз вы разъезжаетесь.

– Это то, что надо, – твердо сказал Денис.

Хотел подать руку капитану, но смутился. И Войко пожал руку первым – капитан Крапивин, то ли угадав желание Дениса, то ли собираясь это сделать давно, сам подал мальчишкам руку. Денис спросил, смутившись опять:

– А вы успеете ее сделать... ну, до отлета?

– Успею, – кивнул Петр Владиславович. – Спасибо вам, мальчишки.

– За что?! – искренне изумился Войко.

Крапивин улыбнулся. Двинул плечом:

– Так... И еще вот.

Он достал из кармана своей черной куртки значок космической разведки – золотая молния и серебряная восьмиконечная звезда в синем круге.

– Держите. Один, правда... Это мой.

Видя, что ребята медлят, Петр Владиславович засмеялся, взял руку Войко и вложил в

нее значок. Потом повернулся и пошел, постукивая палкой и не оглядываясь.

– До свидания! – крикнул Войко и разжал кулак. Удивленно сказал: – Во да-а-а... А как...

– Как делить? – усмехнулся Денис. – Бери себе. Ты же будешь разведчиком...

Он видел, что Войко не находит душевных сил спорить. И улыбнулся – стало вдруг очень хорошо и тепло.

– Ладно, – сказал Войко. – Но тогда наш приз ты возьмешь!

– Возьму, – кивнул Денис. – Пошли еще мороженого съедим?

– Пошли, – Войко уже спрятал значок...

...Капитан Петр Владиславович Крапивин уходил по набережной.

Уже не капитан, отметил он спокойно. Покачал головой, думая о мальчишках – Войко и Денисе.

Успею, подумал он. Скульптуру сделать успею. Точно. Не могу не успеть. Я им должен. Они и сами не понимают, наверное, но я им должен.

Жаль, что...

«Успею», – оборвал он себя.

И перестал постукивать палкой, хотя в ноге росло проклятое онемение...

...Петр Владиславович Крапивин умрет от неизлечимой прогрессирующей лучевой болезни – памяти о внезапном ударе с Солнца, пришедшемся по «Рубину» в последней экспедиции – через двадцать семь дней.

Скульптуру «Ребята из нашего города», которую он закончит за день до смерти, поставят у древнего разводного моста, законсервированного, как памятник, – там, где уже начали разбивать большой городской парк.

Войко будет на похоронах. А Денис узнает об этом лишь из газет.

Глава 5

Поезд идет на юг

Денис проснулся посреди ночи.

Вагон раскачивало – нехорошо как-то, тяжело. Пожалуй, даже страшновато, с сильным креном влево-вправо. За окном была глубокая темнота. Как будто в батискафе, который погрузился на самое дно Нью-Йоркской впадины и исследует руины разрушенного и затонувшего города. Только с чего батискаф так качает? Денис представил себе огромного кальмара, схватившего аппарат щупальцами (он читал, что еще есть такие, архитойтисы называются) – и сам испугался, жутко стало смотреть в темноту. Он отвернулся от окна и только сейчас понял, что внизу горит свет – синеватый ночник – и слышатся негромкие голоса.

Отец и мама не спали.

Денис чуть высунул голову над краем полки.

Мама сидела, поджав ноги и прислонившись виском к вздрагивающей стене вагона, в углу, и смотрела, как Борис Игоревич разбирает на разостланном большом носовом платке пистолеты. Один – хорошо знакомый Денису табельный отцовский «Бердыш» – был уже весь разобран. Но на той же салфетке лежали еще аж два, и третий отец держал в руках, снимая затвор. Денис хорошо знал эти модели: на платке – восьмизарядные курносые «Байкалы-442», а в руке маленький «Байкал-441». Отдельно в ряд стояли поблескивающие золотом патрончики: девятимиллиметровые и шесть-тридцать пятые.

– А стоило ли? – спросила мама, явно продолжая начатый раньше разговор.

– Работа там и для тебя есть, – отец снял со ствола боевую пружину, посмотрел сквозь нее на жену. – Не беспокойся.

– Ты же знаешь, о чем я.

– У меня приказ.

– Я не о тебе. И даже не о себе. Я о Дениске. Тебе ведь предлагали его оставить.

– Он не имперский дворянин, чтобы в интернате воспитываться. Жирно будет.

«Новости, – обеспокоенно подумал Денис. – Ну, мамочка...»

Он прислушался – конечно, подслушивать нехорошо, но... в конце-то концов, тут дело касается его напрямую!

Борис Игоревич довольно долго молчал, даже пистолет бросил крутить. Потом тихо заговорил:

– Лера... Понимаешь, я ведь не просто так его с собой везу. Если хочешь знать – это жест политический.

– Политический? – сделала ударение на этом слове мама.

– А ты зря иронизируешь. – Борис Игоревич, кажется, рассердился. Денис тихонько поерзал на полке – разговор был интересным, даже очень. – Зря! Именно политический. Как ты не поймешь, Лер? Я как бы показываю: вот он, я – и мы ничего не боимся и это наша земля, раз уж семью с собой привожу! Да и ты сама много думала о своей безопасности, когда в семнадцать лет поехала на юга – с холерой бороться?

– Мне почти восемнадцать было, – поправила женщина, и Денис по голосу понял, что мама улыбается. – И потом, я сама за себя решала.

– Думаешь, Денис решил бы по-другому?

– Еще бы его спрашивать. Им дай делать, что они хотят, – так от подвигов не продыхнешь.

– Да, это есть... Да и потом – все не так страшно, как может показаться. Не посмеют нам ничего сделать... – Борис Игоревич помолчал и добавил: – Я скорей боюсь, что наш сын начудит. У него это хорошо получается, тут ты права.

Потом внизу стало тихо, и Денис услышал звук поцелуев. Осторожно перевел дух, медленно вытянулся на полке. Улыбнулся.

Он все понимал. И очень хотел, чтобы мама родила ему брата. И еще – знал, что это **невозможно**.

Там, на юге... в Крыму. В какой-то дикой деревне... где были холера и почти первобытные от ужаса и жизни вокруг люди, непохожие на людей. Там восемнадцатилетнюю Лерку Исаеву – тогда еще не Третьякову – ударили вилами в пах. Ударил один из тех, кого она спасала от холеры.

Денис видел это иногда, как наяву. Как девчонка в защитной форме Медкорпуса с алым крестом на повязке хватается за вилы и падает под стену на пыльной кривой улице. Не выхватив пистолет. Не потому что не успела, а потому что она приехала **спасать**, а не убивать. Как разбегаются опомнившиеся люди. Как девчонка, которая станет его, Дениса, мамой, сдерживая стоны, ползет ближе к стене, садится, бинтуется... и сидит, глядя на лужу крови, к которой собираются мухи...

Когда в деревню влетел отряд местных драгун, первое, что попросила почти умершая фельдшер, было: «Не трогайте их. Они просто испугались. Они не виноваты...»

Когда Денис был помладше, он очень хотел как-нибудь найти того гада, который... Но прошло полтора десятилетия. Все там изменилось, и Крым уже давно не вечевая республика, а часть Империи... Денис подрос и понял, что это не будет мстью. Это будет просто убийством. Убийством человека, который, наверное, и сам уже сто раз себя наказал...

Когда мама рожала Дениса, она чуть не умерла во второй раз. И... и все.

Когда-то раньше в таких случаях детей брали из специальных организаций – приютов. Но таких уже давно нет.

И у Третьяковых есть **один** Денис.

Он уже снова спал, думая об этом...

* * *

Оказывается, долгая поездка на поезде – вещь довольно скучная.

Всего три дня назад Денис со сдержанным интересом рассматривал локомотив на

Южном вокзале Петрограда. Это был не привычный ему паровоз, на каких он не раз ездил, а мощнейший электровоз марки «Россия ЭЛ-1» – обтекаемая машина, позволявшая буксировать сцепку из двадцати пассажирских вагонов со скоростью около ста километров в час без дозаправок или чего-то подобного. Сердцем электровоза был таинственный вихревой генератор – чудесная машина, изобретенная еще до Третьей мировой, фактически вечный двигатель. Производство таких было ограничено нехваткой необходимых материалов, которую испытывала не только Империя, но и вся Земля. Экипаж локомотива – четыре человека в темно-синей с золотом форме гражданского Инженерного корпуса, облокотившись о перила, смотрели сверху на пассажиров и здание вокзала с легким чувством превосходства. Их можно было понять – они соединяли мир там, где еще не протянулись стройные мачты опор струнных дорог Юницкого. А это не везде было возможно пока... Вот и до Семиречья они пока что не дотянулись.

Правда, на этот раз сцепка составляла всего двенадцать вагонов, из них четыре – багажные. Рейс Петроград – Владивосток шел на юг в обход Уральского хребта, через джунгли хребта Голодный, берегом моря Балхаш и дальше насквозь через леса Южной Сибири до конечного пункта. Среди пассажиров большинство составляли такие же, как Третьяковы, командированные на долгие сроки. И вещей они с собой везли немало.

Денис здорово взгрустнул, когда на дверь их петроградского дома повесили табличку: «ДЛИТЕЛЬНЫЙ ОТЪЕЗД. ОХРАНЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВОМ». Дом тоже выглядел грустным – все окна забраны изнутри и снаружи щитами, в комнатах все зачехлено, отключены все системы. Мальчишке даже совсем расхотелось уезжать. Войко – он пришел с утра и помогал грузиться, молча, хотя Денис порывался заговаривать, – смотрел понимающе, и Денис почти уже решил взмолиться, чтобы его оставили у Караджичей. Почему-то мальчишка был уверен – отец и мать согласятся, стоит ему лишь попросить.

Но он перетерпел секундную слабость. А потом на улице появилась целая делегация.

Отца и мать никто не провожал. Друзья, начальство – все они побывали у них вчера, на небольшой вечеринке – и все. А Денис вроде бы со всеми попрощался в отряде еще днем, предупредил, что никакая помощь не нужна и проводов не нужно тоже. И совершенно не ожидал появления почти десятка человек – из их с Войко отряда и из отряда имени Лени Тарьянен. Причем, судя по лицам, настроены все были серьезно.

– Чего пришли? – угрюмо сказал Денис, спускаясь с крыльца и чувствуя, как возвращается желание остаться – не такое сильное, как раньше, но явственное.

– Слушай, – решительно сказала Инга Брондукова, протягивая большой тяжелый пакет. Лицо у нее было суровое и решительное. – Вот тут номера «Пионера» и «Костра», последние – по три штуки. Восемь Уставов. И пленка с нашим фильмом – ну, ты помнишь, про «Кивач». Возьмешь с собой?

– Конечно, – кивнул Денис. Он не представлял себе, зачем это ему может понадобиться, но правда хотел взять все это с собой. Не так уж тяжело это, а...

Что «а» – он и сам не очень понимал. Делегация сдержанно сопела. Больше всего Денис боялся, что сейчас кто-нибудь что-нибудь ляпнет про наше знамя и про благородную миссию. Станется еще... Но все промолчали, и Денис вдруг искренне сказал то, что чувствовал:

– Спасибо, ребята, девчонки. Я постараюсь...

Он снова не договорил, что он «постарается»-то?..

...Войко провожал его на вокзал. Они ехали в кузове грузового «Люся» и молчали. В голове у Дениса кипела сумятица мыслей – ну же, ну же, надо что-то сказать, что-то самое. Самое... самое... Ведь он сейчас уедет, насовсем же уедет!!! Но Денис с ужасом понимал, что сказать нечего.

Войко тоже молчал. Глядел по сторонам и молчал. И когда помогали грузить вещи в багажный вагон – молчал. И на перроне, когда Денис отвлекся от печальных мыслей и стал разглядывать ЭЛ-1 – молчал. И только когда послышался низкий гудок сирены – минута до отправления, всем занять свои места – Войко посмотрел в лицо Денису почерневшими

синими глазами и сказал:

– Знаешь, я тогда сразу понял – вот друг на всю жизнь.

– На мосту? – спросил Денис и охрип. Войко кивнул. – Я сразу адрес пришло. Как только приедем. И на каникулы приеду.

– Конечно, – сказал Войко. Мальчишки несколько секунд разглядывали друг друга в упор, потом крепко обнялись и расцеловались. – Иди, – попросил Войко. – Не оглядывайся. Я тоже сразу уйду и не оглянусь. Все будет хорошо. Будь готов.

– Всегда готов, – прошептал Денис, повернулся и забрался в вагон.

Он не оглянулся. И знал, что Войко не оглянулся тоже. Это было тяжело. Но легче, чем долгое прощание...

...Это было три дня назад. А сегодня поезд пересекал границу Семиречья... ого, через двадцать минут!

Лежа на полке, Денис сонными глазами смотрел на наручные часы. И только через какое-то время понял, что из динамика в коридоре раздается песенка про с добрым утром и еще что-то. И что правда пора вставать. И еще – что в купе никого нет.

Мальчишка соскочил со второй полки на мягкий коврик. Потянулся, потом несколько раз подтянулся на скобе для одежды. В четвертый раз скоба предупреждающе хрустнула, и Денис, приземлившись на ноги, с опаской на нее посмотрел. Потрогал – вроде держится. Мальчишка вздохнул, пожал плечами и, откинув умывальник от стены, занялся туалетом. Потом стал одеваться, невольно подпевая динамику в коридоре.

Уделять много внимания своей внешности в среде пионеров Петрограда считалось дурным тоном. Таких называли непонятым, но обидным словом «кутюрье» – кажется, из французского языка. Правила хорошего тона требовали, чтобы в одежде наличествовала некоторая небрежность, как бы подчеркивающая устраненность хозяина от мелких бытовых проблем.

Но форма – это не одежда. Кроме того, в какой-то степени, размышлял Денис, причисляясь перед зеркалом, он не просто приезжий, а, как точно сказали, «посол доброй воли». А послу не пристало выглядеть перекошенным.

Защитного цвета рубашка, забранная в синие шорты. Широкий ремень, на котором висит пионерский нож в чехле. Португепя с набедренной сумкой. Алы галстук с трехцветным эмалевым зажимом. Защитные гетры. И высокие коричневые ботинки – легкие и плотно облегающие ногу. Синий берет с кокардой – под левый погон.

Денис еще раз собирался осмотреть свое отражение, когда услышал голос отца:

– Хорош.

Чувствуя, что краснеет стремительно и неудержимо, мальчишка повернулся. Но отец был серьезен и официален, в бутылочного цвета мундире ОБХСС, даже с пистолетом в кобуре на поясе. Денис мгновенно вспомнил про пистолеты, которые видел ночью, хотел было задать вопрос, но в дверях, оттеснив отца, появилась мама – елочки зеленые, тоже в парадной форме, бело-алой.

– Идут, – объявила она. И Денис сообразил, что поезд уже стоит. – Вот ведь... – Валерия Вадимовна неловко улыбунулась. – Знаю же, что ничего противозаконного не делаю, а все равно... – она хмуро уселась к окну.

Денис не понял, что она имела в виду, но тоже сел ближе к окну, а отец, чему-то усмехаясь, устроился у дверей, поставив рядом свой портфель, на который Денис покосился неодобрительно, как только мог.

За окном был лес. Точнее – лес и угол какого-то белого здания. И все. Ни людей, ни надписей, ни знаков каких-то – ни даже просто ветра, листья могучих лип были неподвижны. А по коридору приближались с двух концов сухие деловитые голоса. Денис уже даже различал повторяющиеся одни и те же вопросы – цель приезда, предметы, запрещенные к ввозу и вывозу... Глупость. Он невольно скривился. Нет, чем скорей закончится эта ерунда с границами поперек одного народа...

– Что кривишься? – поинтересовался отец. И подмигнул.

Денис ответил подмигиванием – и в открытых дверях купе появились двое.

– Поручик Дягилев, пограничные войска Русской Империи.

– Хорунжий Мигачев, погранстража Семиреченской Республики.

Пока отец передавал документы и отвечал на дежурные вопросы, Денис разглядывал первого человека Семиречья... и испытал легкое разочарование.

Правда, рядом с простой табачно-зеленой формой и ярко-зеленой фуражкой имперского пограничника семиреченец казался ярким и нарядным: фуражка с синим верхом и желтым околышем, синий френч, синие штаны с алым лампасом, начищенные сапоги... На плече висел стволом вниз короткий «АК-74» со сложенным рамочным прикладом, а не «сотка», как у имперца. Но в остальном – человек как человек, с загорелым лицом, лет тридцати, усы – щеткой. Выглядел семиреченец устало, но Денису вдруг улыбнулся и спросил:

– Пионер?

– Пионер, – немного вызываясь ответил Денис.

Хорунжий козырнул, потом еще раз – отцу и сказал:

– Хорошо поработать у нас.

– Спасибо, – кивнул Третьяков-старший. И обернулся к жене, едва пограничники вышли: – Вот и все. Мы в Семиречье.

– Незаметно, – осторожно сказал Денис.

Борис Игоревич поднял брови:

– А ты чего ожидал? Оркестра – или, наоборот, протестной демонстрации? Ну, извини...

– Даже про оружие не спросили, – напомнил Денис.

Борис Игоревич хмыкнул:

– Мил друг, да ты что думаешь, они не знают, кто мы? Это так. Чтобы не зря хлеб есть. Может, еще отпечатки пальцев надо было снять – вдруг мы не мы, а надевшие наши личины вражеские агенты?

– А что, так не бывает? – уточнил мальчишка.

– **Так** – нет, – подвел черту Третьяков-старший. – Ибо дураки вымерли как вид в начале Безвременья. Кстати, – он запустил руку в портфель, достал и передал Денису, держа за ствол, 442-й «Байкал», потом – два магазина, уже снаряженных патронами. – Твое имущество.

Стараясь ничего не показывать, небрежным движением бывалого человека Денис зарядил пистолет, передернул затвор, поставил на предохранитель, убрал со второй обоймой в набедренную сумку. Все это время он косился на мать, но Валерия Вадимовна разложила на своем краю стола какие-то бумаги и на оружие посмотрела лишь мельком. Впрочем, у нее на ремне тоже висел 442-й «Байкал» в белой кобуре. А 441-й, надо полагать, у отца под формой...

Отец между тем уже разложил на столе свой бумажник. Денис с интересом сунулся ближе. Оказалось, что отец обналичил где-то выданный ему аккредитив – и мальчишка с еще большим интересом, чем форму семиреченца, рассматривал здешние деньги.

Деньги тут тоже назывались рублями – копеек и вообще металлических монет не было. Но здешние рубли здорово отличались от привычных Денису имперских. Во-первых, они были квадратные и большие, а не прямоугольные и всего с ладонь (и это был как раз минус – Денис недавно обзавелся бумажником, очень им гордился, а теперь получалось, что купюры не поместятся там). А во-вторых – были куда красочнее имперских рублей, выдержанных в сумрачной сине-вишневой гамме, со строгим геометрическим орнаментом, стилизованными «под кириллицу» цифрами и надписями и хмуро-медальными фасадами Петра I, Екатерины II, Жукова, Пушкина, Ломоносова, Столыпина... Здешние рубли были разноцветные, как калейдоскоп: ярко-желтые, огненно-красные, густо-синие, да еще и в переливчатых разноцветных разводах и пятнах, вместо портретов – красивые сочные пейзажи, имевшие стереоскопическую глубину. Смешали цифры – ни одной бумажки ниже ста рублей, были по

миллиону и по сто миллионов!!!

– Рассматриваешь? – спросил Борис Игоревич, присаживаясь рядом с сыном. – Не удивляйся.

Это вот, – он тронул «миллион», – всего лишь один «жук»⁶. Средняя зарплата здесь.

– Мало, – пробормотал Денис. Отец получал жалованье двести двадцать имперских рублей, мать – сто семьдесят.

Считалось, что это очень много. Большинство родителей Денисовых одноклассников получали сто – сто пятьдесят рублей и жили вполне в достатке.

– Мало, – подтвердил отец. – Средняя зарплата для тех, у кого есть работа.

– А почему нет мелочи, пап? – Денис посмотрел на просвет одну из купюр.

– А потому что нет смысла ее штамповать при таких числах. Тем более что металлы у них дороги. А так привыкай, нам долго такими пользоваться.

– Мы теперь миллионеры, – уныло сказала мама, поднимая голову от своих бумаг. – Всю жизнь мечтала сорить миллионами.

– А что, – охотно подтвердил Борис Игоревич, обнимая жену за плечи, – тут на базарах даже песенку такую поют... – Он прокашлялся и дурашливо пропел:

– Кого бы осчастливить миллионом?!

Купить коробку спичек иль пару папирос...

И еще:

– Да здравствует страна миллионеров,

Где временные беды переживаем мы...

Дай бог нам до начала новой эры

Не сдохнуть от холеры или еще какой чумы...

Преувеличено, конечно, но, по-моему, отличная песня.

– Отличная, – охотно согласился Денис, – если ты мотив не переврал.

– Никакого почтения к отцу... – Борис Игоревич щелкнул сына по уху и снова взял одну из купюр. – Д-да-а, защита очень неплохая. И все-таки подделывают.

⁶ На денежных купюрах Русской Империи еще с середины Серых Войн (до этого деньгами служили «чеки» – расчетные обязательства РА) изображены:

1 рубль – мужчина, женщина, два мальчика и девочка (как символ русской семьи);

3 рубля – А.С. Пушкин;

5 рублей – предприниматель Демидов, основатель династии;

10 рублей – М.В. Ломоносов;

25 рублей – П.А. Столыпин;

50 рублей – Г.К. Жуков;

100 рублей – Екатерина II;

200 рублей – Александр II;

500 рублей – Петр I;

1000 рублей – Птица Рух и Хадарнави (персонажи арийской мифологии, известные в наше время как «двуглавый орел» и «Георгий Победоносец»).

Соответственно, русский народ, склонный к неизлечимой самоиронии, окрестил купюры (по порядку): «пикничок», «Саша», «Дема», «нос», «Аркашка», «жук», «Катя», «Шура», «Петя» и «штука».

Купюры в 1000 рублей используются, как правило, в расчетах между структурами (не людьми) внутри страны и для международных расчетов. Сама денежная система Империи жестко привязана к золотому стандарту и не подвержена инфляции.

Монеты – медные копейка, две, три и пять копеек – помечены Хадарнави, алюминиевые десять, пятнадцать, двадцать и пятьдесят копеек – Птицей Рух. Рублевая алюминиевая монета помечена профилем князя Святослава Отважного. Помимо этого, как раз в описываемый период стал выпускаться золотой червонец – средство денежного накопления, международных расчетов и знак престижа Империи. Он котировался на 30 % выше номинала (официально равен 10 рублям или 20 граммам чистого золота) и был помечен Птицей Рух.

– Подделывают деньги? – недоверчиво спросил Денис.
Отец кивнул. Потом посмотрел в окно и сказал:
– А на твоём месте, сын, я бы пошел в коридор и посмотрел. Там скоро будет примечательное зрелище – море Балхаш.

* * *

Море, скользящее за окнами поезда, казалось бесконечным и завораживающим в своей однообразности. На его поверхности не было ничего – ни кораблей, ни лодок – кроме мелкой ровной ряби, да еще где-то вдали порой смутно угадывались очертания островов. Или, может, это были просто тучи над горизонтом?

Тем не менее Денис смотрел на море достаточно благосклонно. Может быть, потому что оно напоминало ему Балтику.

– Впечатляет, не так ли?

Мальчишка излишне резко повернулся на прозвучавший рядом густой бас. И столкнулся взглядом с глазами, глядящими на него из зарослей рыжих с проседью волос, казавшихся сплошной массой – борода-усы-шевелюра... Впрочем, серые глаза глядели вполне благосклонно, и Денис кивнул:

– Да, – а затем присмотрелся к их обладателю.

Грузный высокий мужчина лет сорока подошел, тем не менее, совершенно бесшумно и теперь стоял у соседнего окна, так же, как и сам Денис, облокотясь о перильца. Он был одет в серый костюм-тройку – такие Денис видел только в кино и на картинках – и обут в зеркально сверкающие туфли с тупыми квадратными носами; по солидному пузцу пролегла золотая цепочка карманных часов.

– Меня тоже, – сообщил сосед. – Сколько раз проезжаю вдоль этих берегов – каждый раз восхищаюсь и ужасаюсь.

– Почему ужасаетесь? – любопытствовал Денис.

Рыжебородый повел рукой:

– По площади – половина территории Европы. Там, под водой – города Талды-Курган, Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Урумчи... весь восточный Тянь-Шань, самые высокие пики которого стали островами... пустыня Такла-Макан с древним Кашгаром... А там, где были пески Бетпак-Дала и Муюнкума – горы Голодные и субтропические леса... И это произошло по вине человека... – Он с непонятной строгостью взглянул на замороженного его речью – какой-то распевной и плавной – Дениса и улыбнулся: – Лет сорок назад, когда я был помладше тебя, то нырял к развалинам поселков...

– У вас была экспедиция? – Денис с нетерпением ожидал продолжения рассказа.

Рыжебородый неожиданно спросил:

– Ты из Империи? – И, ничего не пояснив, покачал головой: – Нет, не экспедиция. Просто многое из найденного там, на дне, можно было продать за хорошие деньги. За относительно хорошие, конечно – человек, которому мы сдавали найденное, получал за это в десять раз больше. Но все-таки и это было подспорьем. И неплохим... – Он улыбнулся уже каким-то своим мыслям и потрянул головой: – Да, неплохим.

– Я тоже так делал. В смысле – искал старые вещи. Но просто потому, что интересно искать, – сказал Денис доверительно. И спохватился: – Сорок лет назад тут же еще война была?!

– Да и позже... и сейчас не очень-то спокойно, – подтвердил рыжий. – А ты что, один едешь?

– Нет, с родителями, – Денис кивнул на приоткрытую дверь купе. Отец не делал секрета из поездки, и Денис продолжал: – Отца перевели в Семиречье. По просьбе президента. Их. В смысле, вашего.

– Он строитель?

– Он офицер ОБХСС, будет бороться с капиталистами, – гордо ответил Денис.

– Бороться с капиталистами? – рыжий широко улыбнулся, зубы у него были отличные, только один клык сломан пополам. – Неплохо... Тогда позволь представиться, – он протянул широкую короткопалую руку. – Смаль Игорь Иванович. Владелец строительной компании «Обслуга» и серии магазинов стройматериалов «2И + С». Самый настоящий капиталист, и не из мелких.

– Капиталист? – Денис обалдело уставился на мужчину, забыв представиться.

А тот явно забавлялся недоумением мальчишки и продолжал:

– Капиталист и большой почитатель вашей Империи.

– П-почему? – выдавил Денис.

Игорь Иванович вздохнул:

– Трудно объяснить... Самым простым объяснением будет вот какое: я не сырьевик, я производитель. А насколько мне известно, по вашим законам, преступлением считается частный сырьевой бизнес на полезных ископаемых или перепродажа не тобой произведенных товаров. Понимаешь?

Денис кивнул, он действительно понимал, о чем речь.

– Ну, вот. Это первое. А второе – там, где Империя – там сплошные стройки. Где стройки – там мой товар... Хотя... – он смерил Дениса взглядом. – Твоему отцу будет нелегко. Вот около этого моря кормятся не меньше десятка фирм-перекупщиков. Оно снабжает рыбой не только нашу республику, но и пограничные районы Империи. Так вот: в переводе на ваши цены при вылове килограмм окуня стоит сорок семь копеек...

– Ну и у нас столько же, – пожал плечами Денис. – В смысле, не окунь, окунь дороже, кажется, а вот селедка даже сорок три...

– Не перебивай, – прервал его головой рыжий. – А до покупателей окунь доходит по рублю двадцать за килограмм. Представляешь, какие деньги на этом делаются?

– И следовательно, это нужно принять как данность, и ничего нельзя изменить – даже учитывая, что тридцать процентов ваших детей недоедают, а сорок процентов населения живет ниже далеко не шикарного прожиточного минимума?

Денис с досадой вздохнул – он не заметил, как подошел отец.

– Третьяков Борис Игоревич, – представился офицер, становясь рядом с сыном и кладя ему руку на плечо. – Капитан ОБХСС, как уже успел сообщить мой сын, которого, кстати, зовут Денис.

– Смаль Игорь Иванович, – рыжеволосый рассматривал отца.

– Я слышал... Так как с этим, господин капиталист? – Голос отца был не неприязненным, но насмешливым.

Смаль какое-то время молчал. Потом сказал:

– Вы уже почти сорок лет строите новое общество. Небезуспешно, надо признать. Вы смогли победить организованную преступность в стране и разгромить бандитские «государства» за ее пределами. Смогли выйти в космос. И тем не менее ваша служба все еще существует и не бездействует. Так, может быть, то, что вы считаете преступлением, в природе человека? Кто-то стремится в космос, а кто-то – в собственную виллу с мраморной лестницей. И можно лишь уменьшить причиняемое этим зло... – Он помедлил. – На моих предприятиях работают восемь тысяч человек. У всех есть семьи. Я трачу большие деньги на бесплатное образование, лечение, отдых, досуг тех, кто дорог моим рабочим.

– Фирма «Энергия» добывает в горах хребта Голодный дешевые трансураниевые элементы, – сказал Борис Игоревич, и Денис удивленно посмотрел на отца: голос того стал странным. – Более дешевые – **пока** более дешевые, – чем Империя добывает на Венере. Год назад совет директоров «Энергии» предложил Его Величеству контракт. Очень выгодный контракт. На тридцать процентов более дешевое сырье, чем привозят наши корабли. Его Величество мог согласиться, и по крайней мере, в большие города свет подавали бы круглосуточно. Но Император отказался. Он вообще объявил представителям «Энергии» запрет появляться в Империи. Потому что в шахтах фирмы...

– Я знаю, – поморщился Смаль.

– Вот именно – знаете, – жестко сказал Третьяков. – Знаете, что туда вербуют детей из нищих семей. Платят им сдельно за добытое сырье. По системе «давай-давай». И через год умирает две трети, а треть возвращается домой искалеченными лучевкой и тратит заработанное на то, чтобы протянуть еще года три. Знаете, что пять лет назад наш «Точмаш» предложил «Энергии» скафандры высшей защиты. Мы готовы были сделать их... **нужного размера**. Но это оказалось слишком дорого. Слишком дорого, – повторил Третьяков и бессознательным жестом погладил волосы сына. Денис замер. – И еще вы знаете, куда уходит значительная часть добытого – в район Золотого Треугольника! – отец почти выкрикнул это. – Туда, где кучка ненормальных тщится вернуть прошлое и отравить вот его! – он тряхнул Дениса за плечо. – Его отравить своим ядом! А ваши деловые люди снабжают их энергией! Их, а не нас, потому что там все понятно: ты мне, я тебе! Вы правы, мы уже много лет строим нового человека. И поверьте – у нашего человека хватит сил разрубить тот узел проблем, который кажется вам неразрешимым... – отец улыбнулся. – Извините, Игорь Иванович. Я сорвался. Просто...

– Я понимаю... – кивнул Смаль. – Я вот рассказывал вашему мальчику... про свое детство. Почти каждую неделю кто-то из нас тонул. Захлебывался. Я... я знаю, что это такое, о чем вы говорите. Но мы бессильны, – лицо Смаля стало горьким. – Мы в самом деле бессильны. Если у вас получится – в добрый путь. Но... – он безнадежно покачал головой опять и вздохнул. – И тем не менее я рад знакомству. И всегда готов помочь – в любой момент по мере сил.

– Вы можете помочь прямо сейчас, – предложил Третьяков. – Время завтрака. Давайте пройдем в вагон-ресторан и поговорим за едой.

– С удовольствием, – в голосе Игоря Ивановича прозвучало облегчение. – Но... вы едете с женой и сыном. Могу ли я пригласить и их?..

– Никого не надо приглашать, Игорь Иванович, – улыбнулся Третьяков-старший. – Мы идем есть. Вы – есть. И мы – есть. А не угощать друг друга, чтобы потом говорить о полезных связях. Ведь так?

Смаль несколько секунд смотрел в лицо офицеру. Потом кивнул:

– Ну что ж. Значит, так. А кормят в ваших поездах вкусно.

* * *

Вообще-то странный капиталист был прав. Кормили и правда вкусно, но... но, если честно, Денис не знал, что ему делать – есть или вслушиваться в разговор отца и Смаля.

– Никакой войны не будет, – Третьяков-старший легонько постукивал ножом по краю тарелки. – На их стороне окажутся только наемники. А наемники не смогут противостоять нам.

– Воевать можно по-разному, – задумчиво возразил Смаль. – И потом – большинство людей слабы и не уверены в себе. Когда вы станете отнимать у нынешних хозяев их добро... – Борис Игоревич покривился, Смаль засмеялся: – Станете-станете, без этого не обойдется! Так вот, люди решат, что вы просто хотите занять место этих самых хозяев. И вряд ли захотят менять знакомое зло на незнакомое. Знаете, как у Шекспира – мириться лучше со знакомым злом...

– Я читал «Гамлета», – резковато ответил Третьяков.

– А, извините... Так вот. Не захотят просто из страха потерять то, что все-таки имеют. А если вы поставите на тех, у кого нет вообще ничего – они примутся первым делом примитивно грабить и вас же опорочат. И вас, и идею.

Третьяков-старший довольно долго молчал. Молчал и Смаль – не с превосходством, а скорей сочувственно, как человек, приведший неотразимый аргумент и теперь жалеющий оппонента.

– Вы исходите из нехитрого постулата, кажущегося вам аксиомой, – медленно заговорил офицер ОБХСС, – что каждый человек больше всего в жизни хочет урвать себе

жирный кусок. Но и у вас таковы не все. Даже не большинство, иначе Бахурев не пришел бы к власти. Мы помним, как мужественно сражалось ваше казачество в Серых Войнах... да и сейчас. И мы о вас куда лучшего мнения, чем вы сами о себе.

Смаль посмотрел удивленно. Поморгал. Нерешительно улыбнулся и пожал плечами:

– Ну, хорошо, ладно... Но вы зря везете семью. Вашего предшественника снайпер застрелил у дверей дома. Прямо у входа.

– Я знаю, – кивнул Третьяков-старший. – Но еще я знаю, что до этого ваши местные хозяйчики просто распоряжались налоговой полицией, открыто говорили, что ей делать и куда не соваться. А убийство исподтишка – уже прогресс. В мирное время так убивают те, кто боится. Я заставлю их бояться еще больше. Если не хватит сил у меня – мой преемник покончит с ними навсегда.

– Да, с такой убежденностью можно рассчитывать на успех... – задумчиво согласился Смаль. – Но жена и сын...

– Оставьте. Жена – офицер гражданского медицинского корпуса. Сын – пионер и член совета отряда... Поймите, Игорь Иванович, – неожиданно горячо добавил он, – мы с вами одной крови. И мы не дадим вам сгнить за здорово живешь. Вам же известен опыт Желтороссии – там все было куда как хуже вашего! Ну и где же «всемогущая и бессмертная триада»? Кто не застрелен и не повешен «витязями» – шестерит на побегушках в том же «треугольнике». А на месте их дворцов – детские сады, школы и Дворцы Пионеров. А как англосаксы разделались с Империей Картелей на берегах Венесуэльского залива? Не спасли ни джунгли, ни целая наемная армия с танками и самолетами!

Денис аккуратно отрезал вилкой кусочек зразы, но есть его не стал. Вместо этого мальчишка поднял на Смалья глаза и спросил в упор:

– Почему вы боитесь надеяться?

На мальчишку обернулись все трое – мать, отец, Игорь Иванович. Непонятными глазами посмотрели. Денис почему-то оробел, но и рассердился. Немного. И повторил вопрос – с вызовом, громче, так, что обернулись и несколько человек за соседними столиками:

– Почему боитесь надеяться? – И, смешавшись, уже тихо сказал: – Извините.

Смаль помолчал, играя ножом. Положил его на тарелку. Кажется, надеялся, что Третьяковы-старшие снова заговорят. Но они молчали, только в глазах у отца Денис читал немного насмешливый и немного печальный вопрос – тот же самый. И Игорь Иванович сказал так же тихо, как извинялся Денис:

– Понимаешь... это страшнее всего. Когда начнешь надеяться и...

Он не договорил и снова начал есть. Потом вдруг положил прибор, скомканно извинился – еще более смущенно, чем Денис – и вышел.

– Несчастный человек, – тихо сказала Валерия Вадимовна и покачала головой. – Не может позволить себе надежды...

– Но почему?! – недоуменно и звонко спросил Денис.

Он правда не понимал!

– Не понимаешь? – спросил отец, чуть шевельнув ртом.

И неожиданно добавил весело:

– Ну и хорошо, что не понимаешь, сын!

Глава 6 Верный

Море Балхаш по-прежнему тянулось за окнами слева. Справа были леса, из которых время от времени, но все чаще и чаще высовывали свои бока какие-то поселки. При той скорости, с которой двигался поезд, рассмотреть ничего толком не удавалось, но вроде бы умирающие от истощения люди нигде не валялись и манифестации не появлялись в пределах видимости. Зелень была намного гуще и как-то ярче привычной Денису, но это он и раньше

заметил...

Вообще-то на море, да и на лес Денис мог смотреть бесконечно. Но надо когда-то и впечатления записывать... Тем более что купленные им приложения к «Блокноту пионера» требовали заполнения. А писем ждали и Войко, и в отрядах.

Устроившись за столиком в купе, Денис почти час добросовестно заполнял желто-серые листы при помощи новенькой, заправленной до отказа ручки. Правда, как он честно сказал сам себе, перечитывая написанное, вышел не столько отчет о четырех днях пути, сколько какая-то гнилая философия. Ну, ладно. Пусть пока так.

Он уже собирался добавить еще кое-что по поводу капиталистов, когда из коридора позвала мама:

– Дениска, иди скорее, где ты?!

Голос у нее был веселым и нетерпеливым. Мальчишка, поспешно закрыв ручку колпачком, выскочил из купе.

К окнам высыпали почти все обитатели вагона – так что Денис даже заопасался: а вот перекинемся?! Тем более... ой мамАААА! Было куда!

В полном восторге, смешанном с опасением, Денис втиснулся между родителями и не запротестовал даже, когда мама обняла его за плечи. А Третьяков-старший сказал тихо:

– Большой Каскад. Отсюда вся энергия республики... – И не удержался: – И поэтому они так лихо торгуют редкоземельными.

– Боря, помолчи, – попросила Валерия Вадимовна.

Денис ошалело моргал. Он был в поезде – маленький по сравнению с этим поездом. Но... но и этот огромный поезд казался крохотной гусеницей на стене бетонного дома по сравнению с...

Рейсовик с бешеной скоростью мчался по идущему над пропастью высоте в сотню метров... нет, больше!.. пандусу, который поддерживали ряды колонн. Слева – откуда-то сверху – рушились колоссальные массы белой от пены воды – рушились медленно и (слава звукоизоляции) бесшумно, пропадая вниз. А справа и ниже – в зелени и синей дымке – лежал город.

– Вот он, наш Верный, – сказал кто-то дальше по коридору. Женский голос ответил:

– Какая красота... Но если прорвет эту плотину?!

Денис усилием воли заставил себя посмотреть вниз, насколько позволяло окно. Там, внизу, был белый пар и шевелящаяся тьма. И вертолет, летевший **ниже** поезда, а еще – несколько белых с алым домиков на каком-то уступе. У мальчишки заперло дух, но в то же время ему захотелось орать от восторга.

– Па, кто построил эту плотину? – спросил он отца, высвобождаясь от маминой руки.

Борис Игоревич ответил:

– Когда-то тут был лавиноотбойник, – он кивнул чуть в сторону от трассы движения поезда. – Во-он в той стороне знаменитое Медео... Так вот. А потом, когда появилось море, строили дамбы, кое-как отгораживались... А двадцать семь лет назад отгрохали вот это. Феодалскими методами, чуть ли не голыми руками. Если бы мы не помогли – были бы вторые пирамиды по количеству погибших.

– Но впечатляет, – заметил сосед справа, молодой инженер в новенькой форме. – Я еду сюда работать... Лёвшин Антон... – он чуть замялся, – ...Станиславович.

Третьяковы представились. Мужчины заговорили про энергетику, Валерия Вадимовна то и дело вставляла замечания про заболоченность и эпидемии. Послушать это было интересно, да... но Денис ринулся в купе – записывать впечатления... а лучше сначала скорее достать и наладить фотик.

Однако сделать ему не позволили ни того, ни другого. Выяснилось, что «уже приехали» и «надо собираться». Правда, фотоаппарат Денис все-таки достал и повесил на сумку, чтобы был под рукой.

Поезд замедлял ход; уже сделали объявление, что прибываем в столицу – так и сказали, «столицу», и Денис про себя хмыкнул. Кто там, на объявлениях, сидит? Какая это столица?

Для него столица – Великий Новгород. Конечно, надо честно сказать, Верный намного больше, если вот так глядеть. Зато столица Империи красивой. А уж саму-то Империю сравнивать с Семиречьем... Мальчишка хмыкнул уже вслух, и мама поинтересовалась:

– Ты чего, мыслями подавился?

Денис ничего не ответил. Они как раз начали вытаскивать чемоданы...

...На перроне давила влажная духотища. Небо скрывали плотные серые облака, бегучие и изменчивые, хотя тут, внизу, царило безветрие. Изогнувшееся буквой «С» здание венчали огромные алые буквы – «ВЕРНЫЙ» – и еще какие-то надписи, плакаты, всякая всячина... Народу было полно уже на перроне, самого разного. Прямо вдоль стены Денис с изумлением увидел каких-то одетых в рванье людей, в том числе – стариков, детей! – которые попрошайничали. Кто вслух, кто протягивая плакаты с безграмотными надписями. Моргая изумленно, мальчишка протянул было руку за фотоаппаратом, но потом передумал. Скользнул взглядом по сидящей на корточках невероятно грязной девочке лет восьми-девяти, одетой только в рваные трусики неопределенного цвета. Посмотрел на отца:

– Па...

– Что? – отец осматривался. – Ах, это... Нет, сын. Деньги, которые ты им дашь, все равно пойдут не им, а их хозяевам. Тут не листики обрывать надо, а под корень рубить...

– Хозяевам?! – Денис поперхнулся, провожая взглядом нескольких девушек, одетых с вызывающим неприятным шиком – они, громко пересмеиваясь и перебрасываясь каким-то репликами, прошли мимо, тоже явно кого-то высматривая. Но тут внимание мальчишки было отвлечено чьим-то голосом:

– Извините, вы – Третьяковы?..

...Человек, встречавший Третьяковых на перроне, Дениса немного удивил.

Во-первых, он сперва показался Денису совсем мальчишкой – ну, не мальчишкой, но очень молодым мужчиной, намного младше отца – высокий, но тонкий, стройный, что особенно подчеркивалось черной водолазкой, приталенным черным пиджаком и узкими брюками – в такую жару! Кроме того, был он смуглый, черноволосый и неожиданно синеглазый, чем напомнил мальчишке отца Войко. Во-вторых, он возник словно бы из ниоткуда, хотя и одеждой, и манерой поведения был очень заметен.

– Очень рад вас видеть, – черноволосый, широко улыбаясь, потряс отцу руку, наклонился к руке матери, выпрямился, тряхнул руку Дениса. – Позвольте представиться, товарищи, – Муромцев Виктор Анатольевич, полномочный представитель Его Величества в Семиреченской Республике... – Денис хлопнул глазами: это значило, что смуглый – дворянин. А тот продолжал: – Ну, пойдемте к моему экипажу, недельку поживете у нас, освоитесь, а потом – и на место службы, так сказать. О вещах не беспокойтесь, наши люди их выгрузят, погрузят и доставят. Они знают, куда.

Нет, он был не молодой, постарше Третьякова-старшего. Это становилось видно по глазам. Прежде чем Денис успел поднять мамин чемодан, Виктор Анатольевич сделал это сам и зашагал впереди к выходу в город. Очевидно, отец знал о встречающем, потому что спросил только:

– Едем, как договаривались, Виктор Анатольевич?

– Конечно, – кивнул Муромцев. – Нас ждут уже... Вот сюда, через вокзал.

В самом здании было прохладно и даже, пожалуй, красиво, но тоже многолюдно и очень шумно, на взгляд Дениса. Это был не деловой и не веселый шум, а какой-то торопливо-истеричный, как будто все разом боялись, что идущий рядом человек займет какое-то очень важное место, а остальным уже не достанется. Впрочем, Муромцев шел через этот шум совершенно невозмутимо, и перед ним все расступались. И на большой площади за вокзалом, где почти ко всем приезжающим бросались самые разные люди, к нему и его подопечным никто не сунулся; Денис услышал краем уха, как один загорелый мальчишка с каким-то ящиком на бедре бросил своему младшему напарнику: «Ты че это, витязь, в приют захотел?!» – и тот, сделав огромные, по-настоящему испуганные глаза, растаял в сутолоке.

– Вот такие басни о нас тут и распускают, – неожиданно сказал Муромцев. – «В

приют». Можно подумать, я его за руку потащу... Хотя это вопрос, между прочим, где лучше – толкаться по двенадцать часов в сутки тут или жить в нашем приюте... Везешь – режут, убегают. А проживут неделю – и все, не выгонишь. Ну, вот и экипаж. Прошу.

«Экипаж» оказался длинными широкими посольскими «Жигулями» с газогенератором. Высокий мужчина с бесстрастным лицом, одетый в форму охранного корпуса дипмиссий, предупредительно распахнул заднюю дверцу перед Третьяковыми, погрузил багаж.

Муромцев сел на переднее сиденье справа. Денис поместился у окна сбоку от отца – и с огромным любопытством огляделся. Он ездил из легковых машин только в отцовском служебном «Волке» и отметил, что «Жигули» и правда как на картинке – большой мягкий салон, диван, обтянутый черной кожей, включившийся кондиционер... ой, оказывается, они уже едут. Над капотом автомобиля невесть откуда взялся имперский флажок.

– Везти в сеттлмент или ко мне домой? – Виктор Анатольевич развернулся к пассажирам, небрежно-красиво положив локоть на спинку сиденья.

Борис Игоревич с интересом спросил:

– Разве ваш дом не в черте сеттлмента?

– Нет, – покачал головой Муромцев. Усмехнулся и важно добавил: – Так исторически сложилось. Я бы рекомендовал ко мне. Будет с вашей стороны просто оскорблением отвергнуть гостеприимство моей семьи; жена с утра делает манты.

«Что такое манты?» – подумал Денис, глядя, как за окном все быстрее разгоняются широкие, очень зеленые и, на его взгляд, слишком многолюдные улицы Верного.

Слово противное... Мальчишка представил себе здоровенного морского ската, запеченного в тесте. Бррр... Гадость. Кроме того, ему не очень хотелось жить в чужой семье, пусть даже с родителями рядом. Это значит – подчиняться чужим и непривычным правилам, ну его... Но мальчишка понимал – его спросят в последнюю очередь... и ошибся. Его **совсем** не спросили.

– Тогда мы принимаем ваше предложение, Виктор Анатольевич, – согласился Третьяков-старший.

Валерия Вадимовна добавила:

– Если это можно, давайте поедем через город, хочется посмотреть.

Муромцев передал Третьякову-старшему большую кипу ярких газет, извлеченную из перчаточника:

– Это сегодняшние утренние, изучайте... А через город – конечно, можно ехать через город... Маршрутом, каким обычно возим туристов... Коля! – обратился он к водителю.

– Сделаем, товарищ лейб-гвардии полковник, – сказал Коля, и Денис отвлекся от окна.

Лейб-гвардии полковник?! Между Муромцевым и отцом – аж **три** ступеньки?! Лейб-гвардии полковник – это же генерал по общему счету!

Муромцев засмеялся и извиняющимся тоном сказал:

– Коля так дает понять, что со мной надо обращаться уважительно...

Денис покосился на отца. Но тот как будто ничего не слышал – разложив газеты не только на своих коленях, но и частично на коленях жены и сына, просматривал их, держа в руке канговый карандаш и что-то отчеркивая быстрыми движениями.

Денис понял – отец **уже работает**. Вот именно сейчас и именно так. И стал просто смотреть в окно, в то время как Муромцев действительно тоном экскурсовода (в котором была ка-а-апелька самоиронии) объяснял Валерии Вадимовне, что и как за окнами.

Денис всегда считал экскурсоводов самыми страшными врагами всего интересного. И не слушал, а смотрел.

У него оставалось странное впечатление. Машин почти нет; вдали мелькнула линия струнника, недостроенная. Много верховых и колясок, хорошо... но вот проехал красивый автомобиль, Денис даже не знал, какой, видно только, что с бензиновым двигателем (!), а на перекрестке промчались через улицу двое пацанов и одна девчонка, лет по десять-двенадцать – все босые. Причем видно, что не для удовольствия, а и одеты так, что прямо снять все и на переработку сразу, а самих – в душ. Среди яркой, умелой рекламы было много «черной» – то

есть такой, цель которой не оповещать о новинках, а заставить людей покупать ненужные им вещи, Денис знал о таком. И дети в рекламе! Разные малыши в колясках, подростки с конфетами... Как это разрешают?! А вон даже реклама сигарет!!! Шваброй заколоться... И нищие, сколько **настоящих нищих**! Убиться о косяк, как же так можно?!

– Ничего город, красивый и зеленый, – сказала Валерия Вадимовна. – И зелень ярче, чем наша.

Денис сердито покосился на мать. Но не мог не признать про себя, что сказала она правду. Верный и правда тонул в густой, сочной зелени. Денис пытался себя убедить, что она слишком пестрая, но не получалось. Как и всякий нормальный мальчишка, он любил деревья и кусты. Он уже почти совсем собрался сказать – просто из вредности, – что в городе много лишнего, но... что это такое?! Да нет, правда!!!

Он закрутил головой, вызвав недовольный взгляд матери (она свела брови и шевельнула губами сердито: «Дениссс!»). Но Денис не обратил внимания. Сквозь мягкое урчание мотора неслась явная мелодия – ее вели горны и поддерживали рассыпистым треском барабаны – «Бей, барабан, не умолкай... в ногу, дружище, бодрей шагай...».

Колонна пионеров – человек сорок, мальчишки, в подогнанной форме, не хуже, чем у самого Третьякова-младшего, с музыкантами впереди, знаменной группой и двумя вожатыми по флангу – прошла навстречу. Быстро. Нет, не прошла быстро, а мелькнула быстро – из-за того, что машина ехала. Денис вертанулся на сиденье – но знаменитая зелень уже скрыла все от жадного взгляда мальчишки. Денис вздохнул печально и, повернувшись, наткнулся на взгляд Муромцева.

– Ну, давай, спрашивай, – улыбнулся Виктор Анатольевич Денису.

Тот смутился:

– А как вы...

– Трудно не догадаться, – продолжал улыбаться Муромцев. – Ты хотел спросить про пионеров?

– Да... Этот отряд, который мы встретили. Он что, местный?

– Местный, – кивнул Виктор Анатольевич. – В Верном семь отрядов. И два в сэтльменте.

– Семь – это же капля в море, – пробормотал Денис. – Сколько у вас ребят и девчонок подходящего возраста?

– Детей много, – Муромцев погрузился. – Но половина из них и в школу-то не ходит.

– Кстати, – вмешался вдруг Третьяков-старший, – а сколько всего в Верном населения?

– Почти восемьсот тысяч, – ответил Виктор Анатольевич.

Денис хлопнул глазами изумленно, Валерия Вадимовна сказала что-то не очень приличное, кажется, а Третьяков-старший пробормотал:

– Пятая часть населения республики. В два раза больше психомаксимум. Так, кажется? – он покосился на жену, та сердито кивнула. – И что люди делают?

– В основном, перебиваются случайными заработками. Очень высока преступность.

– Надо думать... – буркнул отец и снова вернулся к газетам.

«Жигули» вдруг свернули на какую-то совершенно негородскую улицу, даже травой подзаросшую. Посреди улицы мальчишки играли в лапту – человек двадцать, все тоже плоховато одетые, они раздались перед машиной, и Денис запомнил прочно взгляд крепкого паренька со спутанной гривой каштановых волос – ловко подбрасывая мячик концом биты, он неотрывно смотрел на машину со смесью зависти и неприязни. Потом кто-то резко свистнул – и сразу за проехавшими «Жигулями» игра возобновилась. Пожилые люди с лавочек тоже провожали машину взглядами, но скорей равнодушными. Маленькие домики тоже тонули в зелени, как будто маскируя за ней свою непритязательность. Если не сказать **нищету**...

– Это еще ничего, – сказал Муромцев, когда машина проехала по красивому мостику через узкую речку. – Это не трущобы. Тут живут люди, у которых есть работа. Худо-бедно, но постоянная...

– Дерьмо, – неожиданно высказалась Валерия Вадимовна.

Денис вытаращил глаза. Мать выглядела не просто сердитой – злой, даже ноздри у нее то и дело раздувались и твердели.

– Дерьмо, – подтвердил Муромцев. «Жигули», плавно кренясь, выехали на широкий проспект, разделенный полосой лип. Тут был довольно много машин. – А вот и еще одно дерьмо – здание Совета директоров знаменитой «Энергии», нашего главного оппонента. Кстати, примечательно, – Муромцев засмеялся, – оно построено на месте так называемого ханского дворца. Одно время часть Верного была столицей уйгурского каганата. Есть довольно примечательные фотографии этого величавого сарая... – На взгляд Дениса, десятиэтажная сверкающая башня, украшенная знаменитым символом атома, тоже походила на сарай, только для элитных свиней. **Такое** – в минуте езды от кочковатой улицы с плохо одетыми пацанами! – А теперь вот... – Виктор Анатольевич указал в окно, но там уже возникла, медленно наплывая, высокая бело-голубая церковь с вознесенным в высоту тонким золотым крестом.

– Простите, это церковь Тридцати Тысяч? – спросил Денис, глядя на здание – стройное, не столько широкое, сколько высокое, совсем не похожее на виденные им сохранившиеся древние храмы.

– Да, – немного удивленно сказал Виктор Анатольевич. – Ты читал о ней?

– Я только знаю, что это самая знаменитая церковь города, – немного смущенно отозвался мальчишка. – Я не успел больше...

– Самая знаменитая, да... – с непонятной интонацией ответил Муромцев. – В самом начале Серых Войн на ее месте уйгуры похоронили заживо более тридцати тысяч русских детей. Был огромный котлован, туда сбрасывали живых и засыпали глиной, потом – следующий ряд... И так всех. Потом разожгли на этом месте огромный костер.

В машине стало очень тихо. Денис чуть опустил голову. Потом поднял ее.

– Что, страшно? – тихо спросил Муромцев, глядя в окаменевшее лицо мальчишки – со сведенными бровями и выступившими желваками на скулах.

– Нет, – отрезал Денис. И, помедлив, признался: – Непонятно. Непонятно, зачем?

– И хорошо, что непонятно, – сказал Муромцев. – Слышал старую поговорку: «Понять – значит простить»? Тебе хочется это простить?

– И все-таки, – тихо и упрямо сказал Денис, провожая взглядом в заднее стекло тонкую башенку храма. – Я хочу понять, какова **цель**. Цель, понимаете? **Зачем**?

– М-м? – Брови Муромцева поднялись. – Вот какие вопросы возникают?

– Конечно, – кивнул Денис. – Ведь у всего на свете есть своя цель. Даже у жестокости.

– У жестокости человека – да, – Виктору Анатольевичу явно доставлял удовольствие разговор. – А у жестокости муравья? Человек не может и не должен стараться понять ядовитого гада. Человек должен сделать так, чтобы гад никогда больше не жалил... – Он оглянулся на оставшуюся сзади церковь и негромко прочитал:

Тонкий крест стоит под облаками.
Высоко стоит – над светом белым.
Словно сам Господь развел руками,
Говоря: «Ну что я мог поделать?»⁷

– Это... ваши стихи? – спросил Денис.

Муромцев улыбнулся и покачал головой:

– Нет, что ты, Денис? Я даже не знаю – чьи. Просто прочел когда-то обрывки одной старой книги... и запомнил. Наверное, это было всегда. Вот такие несчастья...

– Ну и... – Денис хотел добавить слово, очень популярное среди мальчишек

⁷ Стихи В.С. Крапивина.

Петрограда, но смягчил реплику: – ...Плохо, что всегда было. Было, а быть не должно.

– Не должно, – подтвердил Виктор Анатольевич. И добавил: – Кстати, ты и сам-то будь осторожней, когда приедете на место. Буржуи буржуями, уйгуры уйгурами, но в наших местах немало сектантов. Хасиды, например.

Димке слово ничего не говорило. Но Валерия Вадимовна посмотрела на сына тревожно, а Третьяков-старший, оторвавшись от газет, перекопился:

– Откуда эта плесень?!

– Щуку съели, зубы остались, – брезгливо ответил Муромцев. – Где-то кучкуются, как говорится. Не открыто, конечно, открыто никто не потерпел бы даже при здешнем бардаке. Но вот этой весной по республике от их рук погибло по меньшей мере восемнадцать детей. Мерзкое дело, даже здешние органы рыли землю всеми конечностями... Каких-то исполнителей нашли, но ничего не добились – фанатики, полоумные. Рады были «пострадать за веру».

– Кто это такие? – недоуменно спросил Денис.

Муромцев объяснил:

– Древняя секта. Весной, во время старинного праздника, приносят в жертву мальчишек. Пытают, потом обескровливают, кровь используют для приготовления ритуальных блюд.

– Правда, что ли? – Денис, если честно, не поверил.

– Иногда даже по несколько человек крадут, – угрюмо сказал Муромцев, явно начиная думать о своем.

– Мальчишек? – Денис улыбнулся.

Это в сказочке про вампиров было самым смешным. Он представил себе, что кто-то попытался украсть хотя бы двух ребят из их школы. Хотя бы первоклашек. Ну вот получилось так. Да они бы любого загрызли до смерти, а голову принесли на палке в родной класс и сделали бы из нее пособие в подарок для старшаков... Что-то путают взрослые. Как всегда. Он решил не продолжать эту тему, удивляясь, что отец-то с мамой на него тревожно поглядывают. Тем более что впереди вдруг появилось – именно «вдруг», выросло из-за высоченных тополей – приземистое, похожее на старинный форт, здание, над которым развевался большой государственный флаг. Это было первое, что заметил Денис. Второе – виселицы.

Мальчишка онемел и распахнул глаза. Нет, самые настоящие виселицы, только каменные. Восемь штук стояли на площади перед зданием. И пять не пустовали.

Правда, как-то страшно это не выглядело. Трупы напоминали длинные темные мешки. И Денис сразу отвлёкся, потому что «Жигули» резко остановились и Муромцев неприятным голосом сказал:

– Ну вот и еще одна... достопримечательность. Смотрите на бульвар.

Денис не верил своим глазам. Он не представлял себе, что такое можно увидеть наяву!

Со стороны бульвара – справа от дворца, за деревьями – надвигалась огромная толпа. Над нею мотались лозунги, какие-то портреты, флаги – государственные Семиречья (голубые с золотыми солнцем, лопатой и плугом), еще какие-то – белые с зеленой полосой поверху и с большим красным персиком в середине... Стало слышно, как люди слитно кричат: «От-став-ка! От-став-ка!»

От площади тоже шли люди. В центре – уступом – двигался клин пеших в черной форме и золотых глухих шлемах. Они шли медленно и тяжело, сдвинув, как древние воины в кино или учебнике истории, большие щиты с тем же гербом, что и на знаменах впереди. Сходство усиливали просунутые между щитами длинные палки, на концах которых то и дело вспыхивали сиреневые искры. На флангах пешего строя тоже неспешно двигались конные. Справа – казаки, все уже в возрасте, усаые, пригнувшиеся в седлах и покручивающие нагайки, с азартно-охотничьими лицами. Слева – в неправдоподобно ровном даже для пеших строю, на огромных лошадях – ехали кавалеристы в черно-алых мундирах и черных с золотым султаном каскетах, державшие на плече длинные палаши.

– Антипрезидентская демонстрация? – с интересом спросил Третьяков-старший, откладывая газеты. – Ого, все серьезно. Сто лет такого не видел.

– Она самая, – Муромцев подался вперед. – Организована, судя по всему, партией «Плоды Азии». Зачуханная партейка, хотел бы я знать, откуда у нее деньги на такое...

– А можно выйти посмотреть? – Денис приготовил фотоаппарат, у него даже пятки зазудели от азарта.

Взрослые – все четверо, включая водителя, – уставились на мальчишку недоуменно.

– Ну, а чего?.. – сбавил тон Денис.

– Это не спектакль, – покачал головой Муромцев. – О, небо, началось.

Денис жадно уставился вперед. Конные лавы, гарцуя, потекли с боков пешего строя вперед. Кто-то истошно орал в мегофон:

– Уберите фрицев! Фрицев уберите, вы что, очумели?!

– Идиоты, и правда, что они делают... – пробормотал Муромцев, вытаскивая откуда-то трубку рации. – Муромцев!!! Да! Почему...

Дальше Денис не слушал. Он приоткрыл дверь и боком бесшумно выскользнул из машины, наводя фотоаппарат.

На площади творилось невообразимое. Чем-то это напоминало, как ни странно, «стенку» – кулачный бой на двадцатое июля, например. Денис уже несколько лет ходил на них. Может быть, поэтому у мальчишки преобладал интерес – ему все еще казалось, что люди просто разминаются.

Пешие щитами и разрядниками теснили толпу обратно. Конные обтекали ее – точнее, только казаки, черно-алый строй замер и остался на месте. До Дениса только сейчас дошло, какие гул и шум стоят над площадью. И что кругом еще довольно много людей – в основном жавшихся к кустам и стенам домов.

Он успел сделать несколько снимков, когда сообразил, что прямо к нему скачут рысью двое всадников в черно-алом. Мальчишка шелкнул и их – и отшатнулся, его чудом не задело колено кавалериста. Совсем рядом захрапел конь, Денис поднял руку, отстраняясь; колено снова его толкнуло. Молодое, загорелое, синеглазое лицо склонилось ближе. Окованный бронзовой чешуей подбородочный ремень проходил под нижней губой.

– Пайонир! – выкрикнул молодой всадник, удерживая руку своего напарника, который...

Денис изумленно приоткрыл рот; всадник собирался ударить его палахом плашмя!!! Но почти тут же прогремел голос Муромцева:

– Zu stehen! Es ist der Bub aus dem Imperium, es ist der Gast des Landes! Zu stehen, Soldat!⁸

А еще через секунду Денис оказался в руках матери – Валерия Вадимовна обняла сына и рывкнула:

– Убери металлом, козел!!!

Сам же Денис уже в следующую секунду был буквально заброшен на сиденье и сопровождается толчком отцовского колена под зад.

– Должен сказать, Денис, это было редкостно глупо, – заметил как ни в чем не бывало Муромцев, садясь впереди и закрывая дверь. – Это Черные Гусары, немецкие гвардейцы президента. Не знаю, какой кретин выпустил их для разгона демонстрации... впрочем, я позвонил вовремя. А вот ты рисковал как минимум переломами. Если бы не галстук, мы могли бы и не успеть.

– На месте поговорим, – сказал Третьяков-старший, сбрасывая газеты на пол. – Мы можем ехать, Виктор Анатольевич, а то этот юный следопыт еще чего-нибудь натворит... Кстати, чем вызвано это буйное помешательство около президентского дворца?

– А все тем же, – охотно ответил Муромцев.

⁸ Стоять! Это мальчик из Империи, это гость страны! Стоять, солдат! (немецк.)

«Жигули» тронулись через площадь, и Денис мельком увидел за стеклами вестибюля дворца стоящих людей – они смотрели наружу напряженно, замерли неподвижно.

Ха, подумал мальчишка, а что ни говори, кадры-то получились наверняка! Жаль, он растерялся и не снял скачущих на него гусар!

– Все тем же, – повторил Муромцев. – Политикой Бахурева, в данном конкретном случае – тем, что три дня назад он национализировал «Фрукты-овощи», крупнейшую в республике компанию сельхозпродуктов, а генерального директора... – Муромцев выразительно провел рукой вокруг шеи. – Было за что, он содержал гарем на двадцать мест из несовершеннолетних девочек, отчислял в «фонд развития» по десять процентов заработной платы персонала и привлекал к уборке семи-восемилетних детей, выплачивая им... не буду даже говорить. В общем, Функа повесили, компанию передали в госуправление – и тут же поползли слухи, что собираются сократить половину рабочих мест, как только закупят машины в Империи.

– Бред какой-то, – пробормотала Валерия Вадимовна.

Муромцев вздохнул:

– Это и есть самая сложная сторона нашей работы. Если у людей есть копейки, то они в горло вцепятся любому, кто попробует их отнять. И ни за что не поверят сразу, если сказать – я тебе копейки твои на рубли поменяю. Трудней всего не отмыть, одеть, обуть, накормить, это все можно прямо сейчас сделать, даже без нашей помощи, пожалуй, Бахурев справится. Трудней всего людям дать понять: ты – хозяин. Ты сам. Ты – человек, а не раб. Как же тяжело эта вера прорастает... а ее еще и топчут изо всех сил те, кому без рабов – крышка... Ты им все дашь – а они побегут себе властелина выискивать, который этим всем помог бы распорядиться. И найдут, будьте уверены, найду-у-ут... – Муромцев тяжело вздохнул. И горько добавил: – Такой красивый город, такая щедрая страна... И так несчастны люди. А главное – не верят они, что можно жить иначе. Почти никто не верит. Боятся верить... Просто бояться.

Денис слушал Муромцева внимательно, как будто впитывал слова. Новые ощущения переполняли его – и это после короткой, в общем-то, поездки! А что будет дальше?! Как тут жить? Что делать? Как быть? Справится ли отец? Впервые в жизни Денис усомнился в возможностях Третьякова-старшего. Чужая страна. Тут нет его помощников, тут нет телефона, который связывает с управлением ОБХСС по Петрограду... Есть непонятные люди с непонятными взглядами и непонятными желаниями. И даже те, кто вроде бы «хороший», кто защищает закон – даже они готовы без раздумий ударить человека только за то, что тот фотографировал...

Всю жизнь мальчишка твердо знал: за его спиной – Империя. От него нужно лишь быть честным и верным. Империя не бросит, Империя не покинет в беде даже самого маленького и слабого, даже самого старого и вроде бы бесполезного человека. **Так не бывает**. Но разве бывают девочки, попрошайничающие на вокзале? Виселицы на площади? Роскошный домина – и рядом хибары? Нет. В мире Дениса – нет. Но...

«Это и правда командировка в прошлое, – подумал Денис. – Не только для отца. Для нас всех. Вот оно, прошлое – за окнами, а скоро оно станет еще ближе и встанет **и перед тобой**, пионер. Глаза в глаза.

Зажмуриться и отступить?! Закричать, что ты ничего не можешь, и бежать?! Так оно этого и ждет, оно бросится следом, как зверь бросается на бегущего. Следом – это значит в Петроград...

Ну, нет...»

...Глядя в окно, Денис ощупал в сумочке пистолет. И стал тихонько насвистывать «Взвейтесь кострами»...

Глава 7

Родовое гнездо

Дом Муромцевых оказался большим двухэтажным зданием, построенным в виде креста посередине аккуратного маленького парка. Над всем нависали лесистые горы хребта Голодный, взбиравшиеся по склонам леса тонули в синеватой дымке испарений. У въезда рядом с черно-желто-белым имперским знаменем развевался узкий черный флаг с белым силуэтом корабля времен Третьей мировой – и, глядя на него, Денис неожиданно вспомнил наконец, **какой** это Муромцев – да тот самый, дед которого защищал Владивосток от банд и отстоял и его, и остатки флота!!! Вот это да! Денис, чуть выгнувшись, осторожно заглянул сбоку в лицо хозяина дома. Тот сразу повернулся и с улыбкой подмигнул мальчишке, страшно его смутив.

Прохаживались несколько человек в такой же, как у шофера Коли, форме охранных корпуса – и в черно-белой форме, явно дружинники самого Муромцева, все – с компактными автоматами «Гепард». Справа от дорожки лежал большой, в полпарка, пруд. Денис почему-то ожидал увидеть лебедей, но увидел только одинокого рыбака на причале. Рядом с рыбаком сидел огромный черно-белый (родовых цветов!) кот. При виде кота Денис неожиданно оробел. Кот выглядел тут хозяином.

«Жигули» подкатывали к главному входу в здание.

С высокого крыльца, по широкой лестнице, опережая высокого мужчину в черно-белом – явно слугу, – сбегал, торопясь, мальчишка, одетый в зеленый с желтым мундир Селенжинского Императорского Лицея. Он махал рукой и улыбался.

– Мой старший, – сказал Виктор Анатольевич. Машина затормозила точно у крыльца. – Приехал как раз... Даже переодеться не успел.

– Пап! – Мальчишка безо всякого стеснения повис у отца на шее, едва тот вылез из «Жигулей». – У-ухх, па-а-а-а-а!!!

– Славян, погоди, – Виктор Анатольевич деликатно освободился. – Это наши гости. Третьяковы – Борис Игоревич. Валерия Вадимовна. И Денис, их сын.

Третьяковы тоже выбрались из машины. И Денис видел, что и мама с отцом чувствуют себя немного неловко. Он же сам с трудом заставлял себя не начать ковырять ботинком дорожку.

А мальчишка тем временем преобразился. Он стал прямым и чуть окостеневшим, слился с мундиром, отцовские глаза похолодели, смуглое лицо построжало.

– Очень рад, – послышался отчетливый щелчок каблуками форменных туфель, мальчишка кивнул, как хорошо отлаженный автомат. – Вячеслав Муромцев, – он нагнулся к руке Валерии Вадимовны. – Надеюсь, вы почтите своим присутствием ужин – все почти готово.

Денис заметил, что их чемоданы уже движутся в дом – не сами, конечно, в руках двух слуг.

– Благодарю, – Борис Игоревич ответил кивком. – Очень рад видеть такого воспитанного юношу.

– Славян, – сказал Муромцев, – проводи Дениса, покажи ему гостевую. Борис Игоревич, Валерия Вадимовна, ну а вы – со мной.

– Конечно, – Славка опять кивнул и повысил голос: – Максим Федорович, чемодан Дениса в гостевую!

– Хорошо, Вячеслав, – ответил один из слуг.

Славка посмотрел на Дениса. Взрослые уже поднимались по ступеням крыльца. Муромцев-младший показал рукой:

– Пошли?

– Пошли, – согласился Денис.

За всю свою жизнь мальчишку-дворянина он видел так близко в первый раз... если не считать спортивных соревнований с пацанами из Минского Императорского Лицея. Славка был выше Дениса, тоньше – и двигался со странной пластикой. На Дениса смотрел открыто и тоже с любопытством, обычным любопытством дружелюбного пацана, который просто не знает, как отреагирует новый знакомый, а сам готов дружить хоть сейчас... а если не хочешь

– ладно, я не обижусь.

– А кот там, на пруду, ваш? – вдруг спросил Денис.

Славка кивнул:

– Это Найд.

– Собачье имя какое-то.

– Ну... так вышло. Просто он НАЙДенный. Я его пять лет назад из помойной ямы вытащил... – Славка поморщился, придержал дверь, давая Денису пройти в полукруглый прохладный зальчик, где журчал фонтан и откуда наверх уводили изгибами две лестницы, а вправо-влево – две двери. – Тут, на окраине. Я гулял, а тамошние пацаны котят топили. Одного я спас.

– Сильно досталось? – понимающе спросил Денис.

Славка вновь кивнул:

– Порядком... Ребра переломали и копчик отстучали здорово. Ну, и сотрясение было... Сперва просто отталкивали, смехом. А потом я в драку полез. Их пятеро было, всем лет по десять, двенадцать. Ну, одному я нос сломал, еще одному руку, другому болталки отбил... Но все равно повалили и давай ногами месить, хорошо, что босиком были... Потом я вырубился, они испугались, наверное, убежали. Я в себя пришел, кое-как встал, глянул – а один котенок еще барахтается. Я его и принес... И получилось – Найд... Нам сюда.

Денис оказался – предупредительно пропущенный вперед – в совершенно безликой, удобной гостевой комнате. Небольшой, с красивой мебелью. Рядом с дверью был поставлен у стены его чемодан.

– Ой-е... – печально вздохнул Денис, глядя на закрытое чехлом кресло.

– Жуть, да? – понимающе спросил Славка.

– А если я чего поцарапаю? – уточнил Денис.

– Тебе отрубят пальцы, – совершенно серьезно ответил Славка. И, когда Денис уставился на него, предложил: – Пошли ко мне. Я в прошлом году стол сжег, когда опыт ставил по химии. Так что моя территория под моей властью, а мне твои пальцы не нужны. На раскладушке спишь?

– Сплю! – обрадованно ответил Денис, хватая чемодан. – Стоп. А что твой отец скажет?

– Чтобы спать ложились не позже полуночи, – ответил Славка.

В комнате Славки Денис перевел дух. Это была совершенно обычная комната мальчишки. Ну... нет. Намного более аккуратная, чем у всех Денисовых знакомых. Видно было, что ее обитателя с пяти лет муштруют хорошие специалисты. Но под потолком болтался самодельный мобиль, в шкафу торчала модель трансплутонника «Вектор», на стене висели портреты Кобрин, Арсеньева⁹ и Бауэрли¹⁰, а на кровати разинулся неразобранный чемодан. Над кроватью крест-накрест висели фехтовальный палаш и две «Сайги» – мелкокалиберная под 5,6г39 и под охотничий патрон 12-го калибра, с прикладом и ложем красного дерева. Над ними скалился лесной тигр – огромная башка с шерстью зеленоватого отлива, жемчужные клыки в пол-ладони...

– Ого! – Денис опустил чемодан. – Твое?!

– Мое, – Славка аккуратно вешал форму на плечики. – Вот, – он показал левый бицепс: от плеча и до локтя кожу бороздил белый широкий шрам. – В прошлом году, на Голодном... Папка сказал – вон твой, иди и бери... Я бах, бах – обе ему в грудак. А он все-таки прыгнул и меня подмял. Пришлось ножом докалывать, ну и он меня рванул. Хорошо, что только так.

⁹ Арсеньев Рош Арсеньевич – исследователь Марса, офицер гражданского геокорпуса. Именно им были составлены первые подробные карты Большого Сырта и найдена там же нефть. Пропал без вести за семнадцать лет до описываемых событий во время экспедиции на Южный полюс Марса.

¹⁰ Артур П. Бауэрли – исследователь Меркурия, основатель постоянного поселения Купол, блестящий физик и энергетик.

Если бы он не издыхал, лежал бы я сейчас на кладбище...

Славка рассказал все это без намека на обычное мальчишеское хвастовство. Просто – **рассказал**, и все. И, между прочим, переоделся в такую же, как у Дениса, пионерскую форму (только вместо ботинок оказался в форменных кедах), ловко повязал галстук и отсалютовал:

– Будь готов!

– Всегда готов! – ответил Денис, отметив, что у Славки на рукаве значок командира звена, а не члена совета отряда, как у него самого. Это слегка примирило Дениса с головой тигра и двумя стволами.

– Три года стаж? – с легкой завистью уточнил Славка, тоже оглядывая форму Дениса.

– Три, – подтвердил Денис, снимая сумку и кладя на чемодан. – А у тебя?

– Два... – вздохнул Славка. – Принимать не хотели.

– За что? – нарушил Денис правила мальчишеской этики: не спрашивать, почему было плохо.

Славка снова вздохнул:

– Младшего избил... ну, не хочу вспоминать. Со зла избил. Самому потом стыдно стало... Вообще из лица выгнать хотели, но я сам все рассказал и на порку с карцером напросился. Оставили, но с пионерами год мурыжили. Я из кожи вон лез... Пошли за раскладушкой тебе, а то уже через пять минут ужин...

...За большим столом – почти черным, из мореного дуба – собралось человек тридцать. Денис до такой степени перепугался чопорной обстановки, серебряных приборов, слуг и общей атмосферы, что начисто расхотел есть и тут же забыл не только всех, кого гостям представили, но и все правила приличия. Но, поглядев на то, как непринужденно ведут себя отец с мамой, оттаял. Тем более что блюда были самые обычные и немногочисленные – вкусный салат с колбасой, яичница с ветчиной, свежий хлеб (вот только серый, не черный, к которому привык и который любил Денис), апельсиновый сок, чай, горячие белые булочки с маслом и какое-то вино. Денис удивился, что и Славка, и еще несколько детей и подростков – Славкины младшие брат с сестрой, двоюродные сестры и братья – находившихся в нижнем конце стола, преспокойно подставляли фужеры под разливаемое слугами вино и привычно пили его. Сам Денис, покосившись на родителей, не осмелился последовать этому примеру, хотя и очень было любопытно.

Во главе стола сидела пара, которую дед Дениса назвал бы «калорийной» – так он принципиально извращал слово «колоритная». Совершенно белый, серебрино-седой, худой старик в сером с искрой костюме-тройке возвышался рядом с потрясающе красивой старой женщиной (слово «старуха» по отношению к ней казалось оскорбительным) в простом платье, но с тяжелым, нарочито грубым колье из изумрудов, бриллиантов и серебра на высокой шее. У старика была только одна рука – правый рукав был приколот к груди пиджака крестом ордена Олега Русского.

– Это дед, – тихо сказал Славка, ловко прикрыв рукой рот и подавшись к Денису. – Он потерял руку сорок лет назад, в бою с уйгурской ордой. Тогда дед был военным комендантом Верного...

Денис только кивнул.

Из-за стола вставали кто когда хотел, громко благодарили и кланялись в пояс сперва «старшим», а потом стоящему в дверях усатому человеку в белом – повару, как понял потом Денис. Когда он сам выбрался из-за стола, уже за дверью его поймал отец. Мальчишка приуныл, думая, что сейчас будет проведено краткое и болезненное разбирательство по поводу его поведения у дворца президента, но вместо этого отец отсчитал из бумажника солидную стопу ассигнаций и сказал как ни в чем не бывало:

– Это тебе до конца года. До ночи с тридцать первого на первое. На что потратишь – твое дело, но больше карманных денег не получишь. Так. Дальше. Тут мы пробудем дней пять. Можешь делать, что хочешь, и влипать, куда желаешь, но – от Славы ни на шаг. Считай, что я тебя ему отдал в пажи. За все твои художества будет отвечать в первую

очередь он. Понял?

– Понял, – немного ошарашенно ответил Денис. И проводил взглядом отца и маму, которых у крыльца ждала какая-то машина...

– Уехали? – спросил подошедший Славка.

Денис кивнул и смущенно сказал:

– И это... меня тебе навязали.

– Папка сказал, – произнес Славка спокойно. – Глупости – навязали. Ты пионер, я пионер. В чем дело-то?

– Покажешь мне город? – спросил Денис по-прежнему смущенно. – Я мало посмотреть успел, из окна-то...

Славка пожал плечами:

– Да пожалуйста, только тут ничего интересного, по-моему. Слушай, – он внезапно загорелся, – поехали на Медео! Вот там есть что посмотреть! Ты на коньках катаешься?

– Конечно! – воспрянул Денис.

– Ну вот завтра и поедem, сегодня уже поздно, – заключил Славка.

Денис уточнил:

– А на чем поедem-то?

– А завтра увидишь.

* * *

Стемнело мгновенно. Солнце на минуту выглянуло из ватных туч и бухнулось за хребет Голодный. На аллее зажглись фонари; где-то в глубинах дома играла музыка и одновременно – на пределе слуха – приятно урчал вихревой генератор.

Славка – по крайней мере этим вечером – оказался плохим собеседником. Наверное, очень устал за день, великодушно подумал Денис, услышав, как после пары реплик с кровати донеслось ровное сопение, довольно громкое.

У Дениса тоже день выдался насыщенным, грех жаловаться. Может быть, именно поэтому никак и не засыпалось. Мальчишка рассматривал клыки тигра, серебристо светящиеся в темноте, и думал обо всем, что сегодня видел. Потом тигр плавно зевнул и подставил Денису спину, на которую тот сел... и поскакал над хребтом Голодный – все выше и выше, держа упертым в бедро серебряный горн – играть сигнал побудки там, где за тучами всходит солнце...

Глава 8

Пасторальные нравы-1

Мальчишки проснулись одновременно. Именно – совершенно одновременно и даже одинаково. Денис за собой знал такое: как только проснулся – садись в постели. И совершенно не ожидал (просто не понял спросонья, где он находится, почему не в поезде), что на него уставится точно так же севший в кровати у другой стены мальчишка, чем-то похожий на Войко.

– Вой-ко-о? – пробормотал Денис, усиленно и совсем по-малышовому протирая кулаками глаза.

Славка пришел в себя раньше.

– Доброе утро! – Он сел уже не в , а на кровати, потянулся изо всех сил и широко зевнул. – Уф. Дома. Мне снилось, что опять экзамены. Мне всегда всю первую неделю дома экзамены, экзамены, экзамены снятся... – Он передернулся и вывесил язык: – Фэ! Пошли умываться. Есть хочешь?

– Угу, – кивнул Денис. – А куда?

– Тут рядом по коридору моя умывалка. Личная... оюшки, сколько времени! И как это отец... а! – Славка весело уставился на Дениса. – Это из-за тебя. Решил, наверное, что ты

должен выспаться, ну и меня будить не стал.

– Мы завтрак проспали? – уныло спросил Денис, обратив внимание, что на часах уже начало десятого.

– Да ерунда! – Славка легко кувыркнулся, сделал стойку на руках и пошел к двери. – На кухне дадут всегда. Ну, ты идешь?

– погоди... – Денис совершил такой же кувырок.

– Ничего, – одобрил Славка, оставаясь на одной руке и другой открывая дверь.

Мальчишки на руках вышли в коридор. Проходивший мимо молодой мужчина в офицерской форме поприветствовал их совершенно обычно: «Доброе утро!»

– Гимнастикой занимаешься?

– Не специально, просто гоняют... – Денис, если честно, уже ощущал, что руки подрагивают, но не подавал виду.

Славка толчком пятки открыл дверь умывалки:

– Рукопашкой занимался?

– А как же, обычный комплекс, – Денис с облегчением принял нормальную позицию.

Славка встал рядом и предложил:

– СБС, самбо-бокс-сават? Поспаррингуемся? До первой крови?

– Согласен, – кивнул Денис.

– Туалет вон там, – показал Славка на дверь. – Давай, ты первый, потом я.

Когда они уже умывались и чистили зубы, в дверь просунулась голова девчонки лет восьми-девяти, Денис ее вчера видел за столом, но, конечно, не запомнил.

– Слава... – робко начала она.

– Брысь! – цыкнул Славка. – Пошшла, кыш!

Девчонка исчезла.

– Во как надо, – Славка сжал кулак и набрал полный рот пасты.

– Мы же на Медео собирались, – напомнил Денис, беря полотенце, на которое указал булькающий пастой Славка.

Тот пожал плечами, выплюнул в раковину шипящую струю и кивнул:

– И поедем, чего нам? Позавтракаем, я тебя пару раз кину и поедем.

...На кухне никого не было, и мальчишки деловито утащили в Славкину комнату полбулки белого хлеба, брусок желтоватого масла, не успевший остыть чайник, две кружки и пакетик чая. Усевшись к столу, заварили чай, по очереди макая пакетик то в одну кружку, то в другую, потом каждый намазал себе по большущему бутерброду – и начался завтрак.

Денис продолжал вертеть головой, рассматривая то, что не успел разглядеть вчера. На глаза ему попался старый проигрыватель лазерных дисков, стоявший на выдвижной полочке.

– О, у меня дома такая же штука осталась! – обрадовался Денис и провел пальцем по надписи на круглой крышке, под которую вставлялись диски. – Я ее в брошенном магазине нашел. Только включаю редко – свет...

– Я тоже. – Славка оседлал стул, выдвинул из-под стола длинный ящичек с радужными кругляшами в пакетах. – Вот, мне это очень нравится.

Он ловко достал из одного пакета диск, положил в «вертушку». И Денис дернулся, изумленно приоткрыв рот, когда услышал:

Никаких на небе звезд нет...

Но ничего не сказал, дослушал песню молча. Славка тоже молчал – сидел, широко расставив ноги, руки – одна на другой на спинке стула, подбородок – на руках. И только когда песня закончилась, а Славка словно бы нехотя ткнул пальцем кнопку паузы, Денис нерешительно сказал:

– Но это... это же из кино?

– А, ты тоже смотрел? – Славка поглядел в окно. – Да, из кино... Но это не для кино написано, это песня тех времен. Певца звали Виктор Третьяков. Вот еще, послушай... – И

спохватился: – Хочешь?

– Конечно! – тихо завопил Денис.

Славка улыбнулся и снова ткнул кнопку.

Что кричишь, юродивый?
Помолчи, братушка...
Нету больше родины —
Померла, матушка!
Храбростью прославившись,
Верою и родом...
Да, померла, не справившись
С собственным народом.

Где теперь виновные?
Да мы же все смертные:
Господа верховные
И разные бедные...
Эх, победили вроде бы
И царя, и Бога...
Оглянись, юродивый!
Эх, дальняя дорога!..

Мимо красных, как кровь, знамен.
Мимо стройных рядов, колонн.
Мимо лжеоснов, снов и звонких слов,
Мимо фальши,
Мимо сборников всей речей,
Мимо тридцать седьмых ночей,
Кровь рекой течет, плоть мою несет
Дальше, дальше.
Мимо зон и тройных постов,
Мимо храмов, что без крестов,
Вдоль дворцов царей и секретарей,
Мимо воли,
Мимо дач аппаратных шлюх,
Мимо нищих, больных старух,
Мимо цинковых гробов и детей-рабов
В поле...

Отчаянная была песня и страшная. Денис примолк, даже не двигался. И только краем сознания отмечал, что и Славка как-то нахохлился на стуле и спрятал глаза. А певец кричал...

Ах, Русь! Неужто это ты?
А где же твой победный клич?
И лишь на фоне нищеты
Рыдает бронзовый Ильич.
А сколько, блеклых от дождей,
Повсюду гипсовых вождей...
И значит – в омурах речей
Рыдают тыщи ильичей!

Но только
Дальше река течет.
Кто не с нами был —
Тот не в счет.
Ведь были разными —
Но в речке красными стали флаги!
И плыву я, такой, как есть,
Мимо лозунгов «Ум и честь!»,
Мимо счастья всех людей
И других идей
На бумаге...

И так, проплыв по крови до моря,
Я узнал совершенно точно,
Что это Сталин принес нам горе,
А теория – непорочна!
Я снова слышу: «Ум и честь!»!
Не зря же создан генофонд!
Ты дай убогому поесть —
И он опять пойдет на фронт!

Но я кричу не для того,
Чтоб встать на модный пьедестал.
Я сам от этого всего
Смертельно, в общем-то, устал.
Устал смеяться и рыдать
(А на семь бед – один ответ!)...
...Мне просто больно наблюдать,
Как нас дурачат столько лет.

Песня В. Третьякова

Славка протянул руку и выключил проигрыватель. И сказал, не поднимая глаз:

– Когда я в первый раз ее слышал, я подумал: сколько же хороших людей **тогда** погибло. Нет, я знаю, я тогда уже знал, что... что, в общем, по-другому было нельзя. Но это я умом понимаю, а так... Миллионы хороших людей погибли. По-настоящему хороших...

– В Парголово... – Денис помедлил и пояснил: – Это такое место недалеко от Петрограда... сейчас там лунадром недалеко... Вот. В Парголово наши старшеклассники – я тогда был во втором классе – нашли подвал. Такой большой, там цех какой-то был. И больше семисот детских скелетов. В общем, ребята наши доискались. Там детский дом погиб. Когда зима началась. Они из города выбирались, а власти уже никакой не было, и вообще никому ни до чего... Они там просто замерзли, наверное. Устали идти, оголодали и замерзли... Я только фотографии видел, но мне потом долго-долго сон снился. Что я там... – Денис помолчал. Славка молчал тоже, и Денис продолжал тихо: – И даже не страшно, а просто уныло так. Снег падает, падает снаружи, а мы лежим и смотрим. И ждем, чтобы все кончилось. Не снег перестал, а чтобы... чтобы умереть поскорее. А впереди – ничего-ничего-ничего... Никаких звезд.

– Это не просто сон, – сказал Славка. – Это генетическая память.

– Может быть... Я не об этом. Страшно, что впереди ничего нет, понимаешь? Не что смерть, а что вообще все кончается. А ведь тогда только так и казалось... Большинству, наверное. И ты даже не понимаешь, за что тебя убивают. А эти ребята... они же, наверное, не понимали... И другие...

– И какое мужество нужно было иметь, чтобы не поверить в смерть и начать бороться... – кивнул Славка. – Но ведь не у всех этого мужества хватало. Да, я и про это думал. Я даже иногда не понимал, как мы вообще выкарабкались. Ведь не должны были. Точку невозврата прошли. Это...

– Я знаю, мы учили. Только людей наукой не померяешь.

– Да, это верно... Один детей подбирал и делал из них боевой отряд, чтобы у них и у России было будущее. А другой тоже подбирал – и на бойню. А потом мясо засаливал, чтобы холода пересидеть.

– Бррр... – Денис без наигрыша передернулся. – Не надо, а? Про это я даже думать не могу.

– Было и такое, сплошь и рядом...

– Да знаю, что было. Просто не хочу.

– «Витязи» таким сразу живот распарывали и внутренности солью засыпали...

– Слав, ну не надо!

– Ладно, – Славка кивнул. – Пошли на кухню все это отнесем, и я тебе покажу моего конька-горбунка.

* * *

Честно говоря, Денис и правда ожидал почему-то увидеть коней. Но на улице Славка тут же свернул в дверцу гаража – сбоку от крыльца – и мальчишки оказались возле мотоцикла.

Денис изумился. Мотоцикл был огромен, черен и сверкал хромом, тугой кожей и зеркальцами. Перед украшал металлический флажок с гербом Муромцевых. Сзади крепился тоже металлический имперский флаг.

– Это что? – Денис удивленно обошел вокруг рогатого чудовища.

Славка гордо хлопнул по обтянутому кожей сиденью:

– Мой «Харлей». Раритет, даже бензиновый. На все Семиречье таких два – у меня и у... у еще одного человека.

– Твой друг? – уточнил Денис, с уважением трогая бензобак с надписью «УМРИ ПОД МОИМ КОЛЕСОМ!!!».

Славка дернул бровями:

– Он ничей друг. Просто интересный парень. Ну что, вот на этом и поедем, ты не против?

– Да конечно нет! – Денис в жизни не ездил на бензиновых аппаратах. – Поехали сейчас?

– Сейчас и... нет, сейчас мы точно не поедем. – Славка быстро шагнул к выходу. – Ой... смотри, это же...

Денис встал рядом с Муромцевым-младшим:

– Что там... – и тоже не договорил.

По аллее ехали четыре машины – приземистый броневик и трое «Жигулей» с флажками республики. Машины заворачивали одна за другой на кольцевую дорожку и останавливались; из них выбирались люди в форме.

– Это кто? – Денис забеспокоился.

Славка одернул шорты:

– Это президент, Денис. Идем встречать. Опять он не предупредил...

– П-кхр-езидент?! – подавился воздухом Денис.

И тоже одернул шорты, прежде чем сделать первый шаг...

Скорее всего, президент Семиречья и в лучшие годы красотой не отличался. Чудовищно широкоплечий, кривоногий, грудь бочкой, с длинными узловатыми руками и ладонями шириной с две Денисовых, он еще и заработал когда-то шрам через все лицо – чудом уцелевший глаз уехал выше другого, синего и веселого, надо лбом огромное красное

пятно обозначало место, где снесло скальп, часть подбородка была стесана... Денис даже не смог заставить себя отвести взгляд, так и смотрел, пока Бахурев, отмахиваясь от свиты, как от мух, тяжелой быстрой походкой взлетал на крыльцо. Костюм сидел на президенте и бывшем казачьем полковнике нелепей нелепого, видно, подогнать его было просто невозможно.

Президент остановился перед мальчишками, которые отдали синхронный салют.

– Третьякова сынок? – Денис кивнул, силясь отвести взгляд. – Ну, чего смотришь? Красивый я? – Бахурев вдруг подмигнул Денису одним глазом, другим, и мальчишка растерянно сказал:

– Я... н-не смотрю... Здравствуйте... товарищ президент.

– Смотришь, смотришь! – Бахурев захохотал, широко открывая зубастый рот – зубы у него были белые и острые, даже жутковато. – Все смотрят! Ну а мне да и лучше – не забудут, какой на лицо президент-то, а то знаешь как бывает – ты свинья, я свинья, у ты рожа не твоя... Это меня, – он провел по лицу, – один уйгурский кутак, батыр недоделанный, на герце аж двадцать лет назад так – мне тогда лет было сколько вот... да не, на пару годков твоего постарше, точно, сразу после первой моей бабы, чуть не на другой день... А герць – это поединок, грамотно говоря... Уж тот кутак нас и так! И сяк! И наперекосяк! Орыс, орыс, бла-бла-бла... А здоровый, морда – как жопа у слона... Ну, я и подался вперед, кричу – а вот я сейчас тебя натяну по помидорки, иду, штаны сымай, готовься... – станишники и остановить не успели... Съехались, кэ-э-эк он меня... Ах ты ж, думаю, пропала моя юная красота! Ну, падать-то с коня я не стал, да й-иххх... как пизданул батыра напересек шеи... – Бахурев кашлянул. – Рано тебе такое слушать. Слова такие, в смысле. А уйгура я свалил, башка все каталась, глазами луп-луп, где ж остальное на х... куда делось, я хотел сказать! – повысил он голос, оглядываясь на свиту. Обнял Дениса за плечи своей лапищей и прошептал, буквально таща сбоку от себя вверх по ступенькам крыльца: – Батя твой где? Давай, веди! Веди, веди, чего ждешь... Муромцев, а ты где прячешься?! – заорал он так, что зазвенела люстра. – Славян, твой-то где?!

Денис знал уже, что Бахурев матерщинник, «кулачник», «разносчик», буйный самодур, но кристально честный, очень храбрый и на самом деле почти болезненно добрый человек, которого и в президенты-то привела жалость к русскому народу и желание ему помочь. А еще он не знал, дома ли отец.

Но выяснилось, что отцы обоих мальчишек дома и уже выходят из дверей вместе с мамой Дениса. Мальчишки подались в стороны. Бахурев расцеловался с Муромцевым-старшим, с изяществом кабана поцеловал руку Валерии Вадимовне и уставился в глаза Третьякову-старшему.

– Знаешь, как вашу контору расшифровывают у нас? – в лоб спросил он, называя штабс-капитана с ходу на «ты». – ОБХСС – Один Будешь Хапать Скоро Сядешь! – и Бахурев сам захохотал своей шутке. Потом поставил локоть на широкие перила. Наклонился к Борису Игоревичу и шепнул заговорщически: – А я ведь вешаю. Прямо перед дворцом. Не боишься?

– И много наших вы повесили? – уточнил Третьяков-старший.

– Ни одного! – Бахурев хлопнул себя по колену и сокрушенно покачал головой. – Не воруют! И другим не дают – ну не сволочи?! Что ты будешь делать, не за что вешать! Не просто ж за шею или там х... прочие места, извиняй, хозяйка... – Валерия Вадимовна, подрагивая губами в сдерживаемой улыбке, кивнула благосклонно. – Нечем прямо душу мою злодейскую потешить! Читал небось, как я кровь пью и сырым костным мозгом сырым заедаю? Не читал?! Ну, это мне даже и обидно... А про мой гарем на Медео читал?! – с надеждой продолжал президент. – Ну?! Тоже нет?! Я тебе газету пришлю, от сердца оторву, один номер у меня – раритет! Но самая страсть знаешь что?! – Бахурев понизил голос: – Лизка, дура моя старая, поверила. Седина в бороду, говорит... Я говорю – окстись, дура, я ж без бороды! А она меня... в общем, был скандал в семье. Про него тоже писали, но этот номер мне не достался, расхватили... Ну, пошли, пошли, поговорим про виселицы...

– Вы куда-то собирались? – спросил, задержавшись, у мальчишек отец Славки. Он выглядел обеспокоенным и раздраженным, не в пример вчерашнему себе.

– Да, но, пап... – начал Славка.

– Вот и валите, – отрезал Виктор Анатольевич. – Быстро.

Он сказал это так, что мальчишки тут же скатились по ступенькам.

– Пасторальные нравы, – сказал Денис изумленно, оглядывая конвой Бахурева.

– Что-то у них неладно, – Славка поморщился. – Ладно. Пошли, вернее – поехали, пока не досталось нам на кокосовые орехи... Ты пистолет взял?

– Взял... – пробормотал Денис и повторил: – Пасторальные нравы.

Глава 9

Пасторальные нравы-2

Мотоцикл давал не меньше двухсот километров в час. Хорошее шоссе не несло – летело по сторонам и внизу, под колесами. На поворотах Славка клал своего «горбунка» так, что прямо возле голого колена Дениса опасно свистел асфальт. Но это было здорово! Денису очень хотелось сдернуть шлем, чтобы ветер шарахнул в лицо. Однако на такой скорости от малейшего камешка можно остаться слепым. Жук какой-нибудь контузит, как удар боксера. Да и шлемы – копии шлемов все той же косморазведки – стоили того, чтобы их носить.

Машин было мало, попадавшие попутки Славка обходил, как стоячие. Денису нравилось все. Как летит над асфальтом «Харлей». Как бьется над правым плечом галстук. Как хлещет по ногам ветер. И даже то, как в небе движутся тучи, цепляясь за Голодный и где-то над горами проливая дождь...

...А вот знаменитый Медео Денису не понравился.

Нет, спорткомплекс был огромен. Но он выглядел чем-то вроде руин Колизея – у нормального человека руки так и чешутся привести их в порядок. Денис ни разу не видел таких гигантских и таких запущенных сооружений. Имперские стадионы почти все были меньше (кроме, разве что, петроградского «Динамо» на тридцать тысяч мест... да столичного сорокатысячного «Космоса»). Но они оставляли ощущение веселья и бодрой подтянутости – чистые, светлые, украшенные десятками флагов спортивных обществ, многолюдные... А тут... Со всех сторон – горы, покрытые мокрым туманным лесом. Сам лед, правда, был на удивление хорош (со здешними-то запасами энергии – конечно...). Но тут и там трибуны были провалены, большинство хозяйственных помещений явно заброшено, а то и просто разрушено. Да и люди... От большинства у Дениса осталось неприятное впечатление все той же истеричной вокзальной толпы, странной и глупой в своей торопливости. Только эти нелепо **торопились отдохнуть**. Жгли костры, спешно пили что-то, что-то готовили... Настоящего веселья не было видно даже там, где собрались компании подростков. Более-менее приятно выглядели несколько домиков на дальнем склоне гор – наверное, какие-то... о, а уж не президентские ли это дачи, где он «свой гарем содержал»?

Впрочем, Славка тут нигде и не задерживался. Мотоцикл, правда, сбросил скорость, но достаточно уверенно шел по все той же дороге – как ни странно, по-прежнему хорошей, – постепенно спускаясь все глубже и глубже в котловину, где был расположен каток. Тут было безветренно и душновато. Это Денис ощутил, как только «Харлей» встал и, соскочив с него, мальчишки стащили шлемы.

На обложенной кирпичами площадке горел большой костер, с нескольких краев на отодвинутых углях жарились шашлыки из сочных кусков мяса и кипел большой котелок. На скамейках – по два бревнышка с прибитой сверху доской – сидели человек двадцать, не меньше, ребят и девчонок, ровесников или немного постарше-помладше Дениса и Славки. Они все уже издали наблюдали за подъезжающим мотоциклом. Когда же Славка положил шлем на сиденье, послышались возгласы:

– Ого, Славян со своей быстрокрылой птицей!

- Привет, Славян!
- Славян приехал!
- А это кто с тобой?!
- Погоняем, Славян?

Какая-то девчонка, поднявшись, крепко чмокнула Славку в щеку – тот скривился и сделал вид, что стряхивает поцелуй в огонь. Вокруг костра проскочил хохот, девчонка замахнулась кулаком:

- У-ух, ты!
- Всем привет! – Славка плюхнулся на скамейку. – Это Денис, он из Империи приехал.
- Из Империи-и-и?
- Да хоть с Севполюса, садись, Денис!
- Чай будешь?
- Ты его не слушай, он живет по принципу – «чай будешь, а шашлык я сам съем...».
- Привет, я Олег...
- Я Нина.
- Тимка.
- Сашок.
- Ксана...

Денис почти сразу всех перезабыл, конечно. Но эта компания здорово отличалась в лучшую сторону от остальных, виденных по пути сюда. Собственно, Денис решил бы с ходу, что попал в обычную компанию имперских ребят. Но тут же различил среди пионеров «гражданских» мальчишек, нескольких – в какой-то серо-золотой форме, вроде бы уже виденной на улицах Верного, но пока неизвестной... Однако ясно было одно – ребята хорошие. И правда рады не только знакомому Славке, но и незнакомому Денису – то есть ведут себя именно так, как должны вести нормальные мальчишки и девчонки. Он охотно уселся в общий ряд, взял на себя заботу о «шашлыках по правому флангу», как выразилась девчонка с роскошным золотистым хвостом до лопаток, и стал просто прислушиваться и приглядываться.

Довольно быстро выяснилось, что вокруг – и ребята из сэттльмента, дети имперских специалистов, и местные пионеры, и просто «сочувствующие», а эти, в серо-золотом, из кадетского корпуса Верного. Разговор вращался вокруг самых разных тем и, на взгляд Дениса, выглядел как ничего не значащая для него смесь обрывков, смеха и непонятных реплик. Но потом возникла в руках одной девчонки гитара – и все сразу утихло, а ее голос, задумчивый и спокойный, поднялся над огнем, как тонкая струна:

Мама, что это за горы —
Там,
На горизонте?
Я хочу туда домчаться,
Посмотреть
С кручи...
Тихо я пойду, чтоб не спугнуть
Сон тех,
Кто при жизни был сильнее скал,
Круче...
Тихо я пойду, чтоб не спугнуть
Сон тех,
Кто при жизни был сильнее скал,
Круче...¹¹

¹¹ Из песни А. Земскова «Верю».

– А ну дай, – Славка протянул руку, когда девчонка допела, и все молчали, как это часто бывает после хорошей песни. – Дай-дай.

– Держи, оп! – Она перебросила дворянину инструмент, и Денису показалось, что Славка начал играть, еще когда гитара находилась в полете. И это была совсем другая песня, а голос у Славки оказался сильным и хорошо поставленным – в лицах учили петь по специальной методике, развивая даже бесталанных, казалось бы, в этом отношении, так как считалось, что без умения петь дворянин неполноценен.

Может, в чем-то бывал неправ и я,
Власть бандитскую зло кляня,
Но пока страной правит мафия,
 Попрошу не держать меня!..

Кругом оживленно зашевелились, у всех заблестели глаза. Многие – неосознанными жестами – положили руки на плечи соседям. Денис не знал этой песни и подумал, что она, наверное, местная. Да и неудивительно – в Империи просто не могли петь о таком.

Попрошу не читать нотации,
Дескать, молод ты и горяч.
Мне от вас не нужны дотации,
И силком меня не запрячь.

Мне не нужно искать нынче модных тем,
Я б очистился от грехов,
Звезданув по холеным мордам тем
Плетью, скрученной из стихов!

Попируйте, попейте кровушки
Средь народной лютой беды!
Будет время – слетят головушки
И растают ваши следы.

И хватило бы вам везения
Хоть за гробом спастись от слез.
Но и там не видать спасения
Тем, кто людям мученья нес.

По гулянке выйдет похмелие,
Толпы нищих развеселя.
Кровью выльется то веселие
И оплатятся векселя.

Враз раскаетесь, твари злобные,
Повалитесь вы в ногах,
И придушат крики утробные
Парни в кованых сапогах.

И никто, ни теперь, ни в будущем,
Не проронит о вас слезы.
Пейте ж водку в море бушующем

И разбейте свои часы!¹²

Славка завершил игру финальным красивым аккордом и предложил Денису как ни в чем не бывало:

– Пошли покатаемся. Зачем ехали-то?..

...Коньки выдавали тут же напрокат несколько шустрых пацанов, вооруженных солидными дубинками и державшихся сплоченной кучкой. Впрочем, когда подошли Славка с Денисом, местные мальчишки не стали брать деньги вперед и даже предложили покараулить ботинки Дениса и кеды Славки.

– Чего это они такие вежливые? – спросил Денис, защелкивая магнитный замок. Коньки были старые, но ухоженные и хорошо наточенные.

– А чего им не быть вежливыми? – Славка перепрыгнул через бортик. – Это хорошие ребята. Вот тут зарабатывают, как могут, – они и каток в порядке содержат, и даже охраняют от разной шпаны.

– Они сами на шпану смахивают. – Денис повторил прыжок и крутнулся на месте, с удовольствием вспоминая ощущение от коньков – он не катался уже полгода. – И что они, со всеми так?

– Во-первых, они меня знают, – сказал Славка. – А во-вторых, они видят, что мы пионеры. Тут это много значит. Нас или вообще не трогают, или...

– Или? – Денис с удовольствием и завистью наблюдал, как Славка закрутился на месте и, остановившись, продолжил ничуть не сбившимся голосом – просто, как о самом обычном:

– ...или убивают. Ты спарринговаться не раздумал?

– Потом, а? – сказал Денис. И предложил: – Давай, кто больше поворотов накрутит?

– Давай, – легко согласился Славка. – Эй, – окликнул он кого-то из «надзирателей», – посчитай повороты! И – раз!

У Дениса был отличный вестибулярный аппарат. На школьной центрифуге в прошлом году он как-то ради шутки выжал шесть «жэ», крутил их сорок минут, вышел своими ногами, почти не пошатываясь – и присутствовавший при этом выпускник школы, уже семь лет как офицер космолота, предложил мальчишке после школы сразу поступать в Гагарин, обещая протекцию на физподготовке. Денис тогда посмеялся, а Войко побелел от зависти, в чем потом и признался другу, стыдливо сопя.

Но в этом соревновании Денису выиграть было не суждено. Славка все еще продолжал кружиться, когда Денис, тяжело дыша, поймал его за руку:

– Сто-ой, надежда русского дворянства.

– Это шутка? – Славка остановился, громко дыша. Но даже не покачнулся. – Жаль, что мы не на желание соревновались.

– А что бы ты загадал? – Мальчишки рядом заскользили по льду – отсюда, снизу, каток казался вообще огромным, десятки людей терялись на его пространстве.

– Чтоб ты упросил своего отца меня с вами взять хотя бы на каникулы, – выдал Славка.

Денис даже споткнулся, но тут же выправился и присвистнул:

– Ого. Во-первых, я бы не уговорил, ты что?! А во-вторых, твоего отца кто стал бы уговаривать?

– А я бы сбежал, – то ли в шутку, то ли вполне серьезно ответил Славка, делая «ласточку».

Мальчишки катались довольно долго, пока им не замахали от костра, что шашлыки готовы.

Шашлык оказался из баранины, как объяснили Денису, который обратил внимание на необычный вкус мяса. Мальчишка привык к шашлыку из свинины, но, когда он об этом сказал, со всех сторон только что не плевки посыпались, пока голос одной из девочек не

¹² Из песни Д. Лялева «Тост».

перекрыл голоса всех:

– Тихо, что вы, как дикие?! Человека пожалеть надо, это ж так жить... – И протянула Денису еще палочку: – Кушай, мальчик, и не слушай злых дядей.

Денис не обиделся, взял шашлык и сказал:

– Спасибо, добрая тетя, – после чего вокруг начали смеяться, и к теме баранины разговор больше не возвращался.

Центром внимания был Славка. Он перебрасывался фразами с другими, задавал вопросы, смеялся, отмахивался, острил, серьезнел и вел какие-то полупонятные разговоры. Впрочем, значительная часть разговоров Денису была понятна вполне – речь шла о делах пионерских, хотя и с явным местным колоритом. Так, на вопрос об экскурсии в планетарий и лекции решительная девчонка с грубоватыми чертами лица, но роскошной косой цвета пшеницы огрызнулась на Славку:

– Да моим подопечным не про луны Юпитера, а про хлебобулочные изделия... и желательно с демонстрацией и дегустацией... Славян, ты хоть отцу скажи... Им жрать нужно, иначе что из них вырастет?! И молоко нужно вместо той синей водички, которую им в столовке наливают. Я эту столовку, Славян, подожгу коктейлем, а дверь припру, чтоб персонал выскочить не успел. В окна они не пролезут – жирные больно...

– Тебе года в спецшколе мало? – осведомился Славка.

Девчонка ответила:

– Потому и ратую, что хватило... А вообще это было при неправильной власти, – добавила она сердито. – В раньшие времена.

– Ты что, сидела в тюрьме?! – изумился Денис.

Девчонка поправила спокойно:

– В спецшколе. Сидела, за покушение на убийство.

– Между прочим, жилфонд тоже совсем херовый, – задумчиво ругнулся тоненький парнишка в гражданской одежде. – Батька на улучшение списки подал, а к нему вчера вечером на улице подошли двое и говорят – прямо в лицо: не лезь, как твои неудачники в своей грязи сидели, так и будут сидеть...

– Так и сказали? – спросил Славка, сузив глаза. Парнишка кивнул. – Ладно. Посмотрим.

– Да и сами... – парнишка вздохнул. – Как в норах сидят, грязь... А подойдешь к ним – шарахаются. Слухи эти дурацкие – что детей будут отбирать, что выселят вообще в леса на Голодный...

– Я вообще начисто не понимаю, что с ними чикаться, – зло сказал беловолосый мальчишка с чуть раскосыми серыми глазами, в пионерской форме с нашивкой командира звена. – Этих взять за шкуру и вытряхнуть из этих трущоб силой. А к тем немцев из гвардии прислать – и... – он сделал короткий резкий жест.

– Ты, Димочка, левак, – заметила девчонка, которая пела под гитару. – Помнишь, мы по истории проходили про леваков? Нельзя людей в счастье тащить за шкуру. Ну, поселишь ты их в новые дома, ну, заставишь отдать детей в школу... Они эти же новые дома специально, назло тебе загадят. Из прынцапа.

– Дурь это, а не принцип! – отрезал Дима.

Девчонка кивнула, соглашаясь:

– Дурь. Это мы с тобой знаем, что дурь. А для них – принцип жизни. Не верить никому. Особенно тем, кто обещает хорошее.

– Ладно, – Дима кивнул. – Вот сидит парень из вашей Империи, – он указал на слегка смутившегося Дениса – потому что за этим жестом проследили все. – Только приехал. Вот пусть он и скажет.

– Скажи-скажи, – подбодрил Славка, – а то они никак не договорятся. От этого все зависит в нашей жизни...

– Не иронизируй, – холодно заметила девчонка. – Тебе легко и просто. Ты дворянин.

– Моя жизнь настолько легка и проста, что ты этого даже не подозреваешь, голуба, –

ласково сказал Славка. – Ты, должно быть, путаешь меня с Ветерком¹³.

– Что до Ветерка... – начала девчонка, но Дима прервал разговор:

– Ну так как, Денис – ты ведь Денис?

– Я... – Денис пожал плечами. – По-моему, когда люди живут плохо – это неправильно, – наконец выдал он.

– Свежая мысль, – кивнула девчонка.

– Может, и не свежая, – внезапно рассердился Денис, – но лично мне не нравится, когда люди живут в хибарах!

– Ага, мои слова! – злорадно сказал Дима и подмигнул Денису.

Девчонка спокойно подняла плечи:

– Это всего лишь доказывает, что и в Империи есть леваки.

– Ну, а что ты предлагаешь?! – в голос заорал Дима. – Дождаться, пока...

– ...остынет шашлык и тогда сказать: «Ну, вот, шашлык остыл», – произнес Славка.

Денис огрызнулся – ему спор был интересен:

– Ну что ты шутишь все?!

– Ну что ты, – спокойно сказал Славка, – какие шутки. Шашлык и правда остыл...

...А по морям да по волнам, сегодня здесь,
а завтра там,
Я целый день плескаюсь в море голой жопой
к рыбакам,
Дурдома нет без дураков, рыбалки нет
без рыбаков,
А я рыба, а я рыба, а я рыба без трусов! —

распевал Славка, дергая струны, под хохот мальчишек и возмущенные окрики девчонок.

А рано-рано поутру я корчу рожи осетру,
Его подруга всю неделю мечет красную икру,
И у меня полно врагов среди пузатых осетров,
А я рыба, а я рыба, а я рыба без трусов!

Видимо, песню знали хорошо, потому что последний куплет подхватили все мальчишки и даже некоторые из только что возмущавшихся девчонок:

А я плыву, куда хочу, а я пою, я не молчу,
И шар земной не сам кружится, это я его верчу,
А я рыба без трусов, а я рыба без трусов,
А я рыба, а я рыба, а я рыба без трусов...

– И – еще раз! – махнул рукой Славка:

А я плыву, куда хочу, а я пою, я не молчу,
И шар земной не сам кружится, это я его верчу,
А я рыба без трусов, а я рыба без трусов,
А я рыба, а я рыба, а я рыба без трусов!!!

– Слав, спой про нетрезвого пионера и шпиона! – крикнул кто-то из девчонок, едва

¹³ См. книгу третью – «Не время для одиночек».

гитара умолкла. Славка рассмеялся, махнул рукой:
– Охрипну я с вами! – но отказываться не стал.

Был с ребятами я в патруле,
Было тихо на нашей земле.
Чтоб не сдохнуть, не сгнить от простуды —
Совершил аморальный поступок...

Славка щелкнул себя под общий смех по горлу и невозмутимо продолжал:

Участковый же наш, дядя Федя,
Говорит: «Все, в колонию едешь».
А меня он и слушать не хочет,
Говорит: «Паразит ты!» – и прочее.

Изменилась тут вдруг обстановка —
Хтось забег к нам в заморской обновке.
Дядя Федя сидит тише мыши,
Пионеры в патруль снова вышли.

Вот сижу я за малым кусточком.
Вижу – прыгает, сволочь, по кочкам.
На боку, присобаченный справа,
Леворверт, а на левом – отравка.

Тут, я думаю, мне не до игр.
Прыгнул я на него, будто тигр.
Задышал на лицо и на ухо —
Офигел дух от страшного духа.

И связал я его, как кутенка,
Поволок до станицы в потемках,
И подумал: портвейн мне простят,
Да вдобавок еще наградят.

И приехал тут фрукт из газеты.
Говорит: «Где же самый-то этот?
Интервью я возьму у героя,
Подавайте его...» – все такое.

Журналист, хоть и был он прыщавый,
Но вцепился в меня, как клещами.
«Заведись, пацан, с полоборота,
Расскажи пару слов для народа!»

Говорю я: «И с моря и с суши
Не пролезут к нам сраные духи.
Не пролезут к нам чуждые гады,
Остановят их наши отряды!»¹⁴

¹⁴ Автор слов неизвестен. Но я слышал эту песню во время службы в погранвойсках и только немного переделал текст.

Над дальним концом Медео из сползшей с гор отарой овец туч лился дождь. Денис жевал шашлык, слушал, как Славка поет, и думал:

«Все будет хорошо».

Сам не зная, что «все», но – именно так.

Глава 10

Неясыть

Если честно, Денис, обычно живо интересовавшийся делами отца, сейчас в них совершенно не вникал и не пытался узнать, что же, собственно, задержало Третьяковых в Верном. Нет, он видел, что отца – и мать – постоянно навещают самые разные люди и явно по работе. Видел и то, что у родителей далеко не радужное настроение. Но – хотя и становилось ему стыдно за это по вечерам, когда он, лежа в постели, в короткие минуты перед сном привычно оценивал прошедший день – Денис на это почти не обращал внимания.

С утра до вечера вместе со Славкой они пропадали в Верном и его окрестностях. Даже обедали чаще всего в городе, в небольшом кафе около школы. В школе располагался пионерский отряд «Охотники», с которым у Славки был постоянный контакт. А в кафе Денис наконец узнал, что же такое манты – это оказались здоровенные пельмени с начинкой все из той же баранины. На взгляд Дениса – слишком уж жирные.

Гораздо сильнее Денис раскаивался в том, что почти не вспоминал Войко, хотя и написал ему письмо, предупреждая, чтобы в ответ не писал – подождал постоянного адреса. Но и это раскаяние было «вечерним», коротким. Днем на рефлексии просто не хватало времени.

Денис близко познакомился с теми, кто живет в рабочих кварталах и трущобах, где ютятся – точнее этого избитого слова не найти – полубезработные и вовсе безработные жители Верного. Помогая старшим, пионеры вели в этих местах большую разъяснительную и агитационную работу – среди разливанных морей самогонки, враждебного непонимания, а то и открытых угроз. Да, те самые мальчишки и девчонки, которые лопали на Медео шашлыки и слушали глупую песенку про рыбу без трусов, почти ежедневно рисковали головой, ходили по лезвию бритвы... Да и так ли уж глупа была эта песня, если вспомнить строчки «а я плыву, куда хочу, а я пою, я не молчу, и шар земной не сам кружится, это я его верчу...»?

Какое до этого дело было Денису? Если так подумать – то никакого. Но это была не пионерская... да и вообще не человеческая думка, и мальчишка включился в полупонятные дела без оглядки и с полной отдачей. Вскоре он убедился, что сам тот факт, что он из Империи, нередко действовал на самых злобных и недоверчивых, как смиренная рубашка. Начинались расспросы, иногда похожие на перекрестный допрос, иногда на обстрел, а иногда – искренне-любопытные. И Денис отвечал взрослым обстоятельно и ровно, не злясь и не вспыхивая, даже если его явно старались уколоть или вывести из себя. Мальчишка говорил, понимая, что он не просто **говорит** – он **воюет**. За то, чтобы хотя бы дети этих людей могли выбраться из пропахших спиртным и нищетой каморок. Это было совершенно новое ощущение. При первой же возможности мальчишка заносил в «Блокнот пионера» короткие строчки своих мыслей и ощущений...

«...У них у всех та же болезнь, что у того капиталиста в поезде. Они просто боятся верить...»

...Я раньше думал, что такое все-таки бывает только в книжках, что так сейчас уже никто не живет...

...Пьяная женщина – это так мерзко, что я просто не знаю. Я не могу себе представить маму хотя бы немного выпившей. А тут она была совсем пьяная, и в этой же комнате за

столом сидела ее дочь...

...Доставляет почему-то удовольствие про все хорошее говорить, что так не бывает, что это неправда, что я вру. Почему?!?!?!?!?

...Уцепился за Нинку и не выпускает. Она говорит: «Но тут же твои родители». А он шепчет ей: «Я их боюсь, заberi меня...» Мы вынесли его, а следом выскочил его отец, с топором. Я порадовался, что со Славкой мы спарринговались в шутку. Он просто уделал этого придурка, как манекен...

...Стыдно, но мне жалко их до слез...

...«Да верить-то хочется, только сказки все это», – так и сказал...

...Форточник – вор, который забирается в комнаты через форточку. Хипесник – вор, обкрадывающий посетителей проститутки при ее участии. Карманник – это тот, кто лазит по карманам. Глупые слова...

...И взялся за галстук. Я только тут не выдержал. До этого терпел. Но галстук лапать?!.

...Как вообще можно так существовать?!»

Лерка – та девчонка, которая сидела в колонии, – наконец-то добила закрытия социальной столовки. О том, что это такое, Денис узнал только здесь – это было место, где бесплатно кормили детей из совсем уж нищих семей. Естественно, обкрадывая нещадно. Теперь столовка перешла под контроль отряда «Охотники» и стала называться «Третья пионерская столовая» (подобные вообще-то уже были в других местах города). В ней заправляла все та же Лерка, подавальщицами работали ее девчата, а на кухню Лерка через каких-то знакомых выцепила двух молодых мужиков, отбухавших по восемь лет в армии именно на должностях поваров. Здоровенные ребята на поваров ничуть не походили, и Денис искренне думал, что под такой маркой Лерка нашла охрану – пока как-то не сунулся на кухню, где был поражен почти сказочным зрелищем работы Мишки Загряжского, младшего из новеньких.

Стоя около шкворчащего здоровенного противня, на котором бурлило масло (настоящее; и пахло в кухне мясом, а не ливером), рядом со столом, где высилась груда котлетного фарша, Загряжский, что-то напевая, раскачивался корпусом по странной траектории, и Денис решил – взвинченный последними событиями, – что повар «треснул». Но присмотрелся и раскрыл рот. Мишка делал движение корпусом и руками – отхватывал кусок фарша – мгновенным движением формировал лепешку котлеты – делал еще одно движение – и котлета летела в масло. Потом все повторялось снова. При этом на противне выстраивались совершенно ровные ряды абсолютно одинаковых котлетных колобков. Это было похоже на волшебство, и смотреть на Загряжского было так же приятно, как на любого умело и со вкусом работающего человека...

В самой столовой – чистом зале, за длинными столами на широких скамьях молча и увлеченно лопал «контингент». Кстати, он сильно отличался от уличного уже потому, что без захода в душ Лерка сюда просто никого свирепо не пускала. Никакого галдежа и ссор – девчонки Лерки мгновенно пускали в ход полотенца. Да никто особо и не нарывался – внимание мальчишек и девчонок занимала еда.

Денис был потрясен тем, как они ели. Ни крошки не оставалось не только в тарелках и чашках – даже на столах. Каждую порцию провожали голодными глазами, как будто жалели, что не могут съесть **все**. Особенно тяжело было смотреть на малышей, просто невыносимо было смотреть, и Денис ожесточенно подумал, что понимает Лерку, которая хотела временами перейти к терактам... А одежда!!! Некоторые в натуральных лохмотьях! Многие босые. Почему их семьи толкуются в городе, не понимал Денис, кругом же полно земли!!! И уже подписан указ – бери, работай, ссуда беспроцентная, помощь техникой; отец про это говорил! Денис слушал их тихие разговоры и не мог вникнуть в проблемы, с отчаянием понимая, насколько они далеко от него, – как перебросить через эту пропасть хотя бы хрупкий мостик?! Лерку и ее девчонок они воспринимали как «своих», которым просто больше повезло. А он, Денис Третьяков, вызывал у местных скорее неприязненную робость, как некий... да, некий непонятный полубог – может, и не злой, даже скорее добрый, но точно

чуждый людям...

Это были новые мысли. **Взрослые** мысли...

...Кстати, контингент мыл посуду, убирал помещение, делал еще массу мелких дел – безропотно и быстро. Когда Денис было попытался возмутиться – мол, а как же бесплатно?! – Лерка на него наорала: мол, не фиг рожу раскармливать, пусть видят, что за хорошее надо платить трудом, и не ждут халявы!!! Денис смешался и отступил, а позже понял: а ведь она права. «Благотворительность» развращает...

Продуктами столовку снабжал кооператив «Колос». Его возглавлял фермер, тезка Дениса, по фамилии Байрамов. Сам бывший беспризорник, один из немногих «примеров», которыми раньше местная власть любила тыкать в глаза недовольным – мол, вот, смотрите, чего у нас можно добиться трудом! Байрамов же говорил, что ему просто повезло; упорство – да, но в основном чистое везение. Он разбогател, создал кооператив – но прошлого не забыл и регулярно отгружал во дворе столовки свежайшие продукты. Байрамов был высоченный, худющий, как жердь, но очень сильный – и, на взгляд Дениса, страшноватый, с плоским лицом и раскосыми глазами. Но малышня к нему липла, и сейчас, когда Славка остановил «Харлей» у въезда во двор столовки, фермер как раз, расставив руки, вертелся на месте с ровным гудением, изображая карусель – а на каждой руке у него, с визгом поджимая ноги, висели по три малыша. Лерка, стоя в дверях черного хода, наблюдала за происходящим с удовлетворенным видом матери процветающего семейства.

– Вот будет жена кому, – шепнул в ухо Славке Денис.

Юный дворянин покосился на приятеля:

– На что намекаешь?.. – И окликнул: – Денис Сапарович, а нас покрутите?!

– Угу, бычков таких, – буркнул он, ссаживая мелких в кузов грузового джипа. – Садитесь, по домам развезу... – Восторженный визг заглушил его дальнейшие слова.

– Чего приперлись? – вежливо спросила Лерка и дерзко метнула мимо лица Славки свою пшеничную косицу.

– Денис сватать тебя хотел, – невозмутимо ответил Славка.

Денис, потрясенный таким коварством приятеля, окаменел, а Славка, фыркнув, шмыгнул мимо Лерки в столовую. Та ругнулась вслед и смирив Дениса взглядом:

– Правда, что ли?

– Н-не-ет! – выдавил Денис.

– Жаль, – призналась Лерка.

Денис почувствовал, что краснеет – ни к селу ни к городу, – и поспешил тоже войти в зал.

Там как раз шла уборка – пахло чистой водой, какой-то химией, но тоже приятно. Славка, сидя на стуле верхом, изучал меню на завтра. Оглянувшись через плечо на подходившего к нему сердитого Дениса, с выражением прочел:

– Бефстроганов.

– Пошутил? – буркнул Денис. – Хватит, поехали, ты меня в книжный обещал отвезти. Или правда решил Лерку навестить?

Из кухни высунулась одна из девчонок, предложила:

– Жрать будете?

– Неужели что-то осталось? – сердито спросил Денис.

Трое пацанов, мывших пол, захихикали в унисон, но тут же замолкли и еще усердней завозили тряпками.

– Вас этим не накормишь, – не осталась в долгу девчонка и скрылась на кухне, откуда почти тут же кто-то запел, бездарно и старательно подражая Бештину¹⁵:

¹⁵ Бештин Андрей Павлович – в описываемый период один из лучших теноров Русской Империи. Родился в г. Ермак Семиреченской Республики, позднее переехал с родителями в Империю, был офицером гвардии и участвовал в периферийных войнах на территории Азии.

Жизнь ни за грош —
Конь мой режет сумерки!
Барин — не трожь,
Еще не умер я...

Денис, видя, что Славка откровенно чего-то ждет, решил тоже подождать и не приставать — сел за стол.

Он уже совсем было собрался спросить, какие яйца они тут высиживают, когда из коридорчика донесся чей-то писк, громкая матерная ругань — и в зал ввалились трое молодых крепких мужиков, хорошо одетых и в дым пьяных. Один из них немедленно смачно харкнул на вымытый пол, посмотрел на выпрямившихся мальчишек — они стояли, глядя молча и исподлобья, сжимая в руках тряпки, из которых капала грязная вода, — и возвестил:

— А, во какая это бесплатная столовка — объедков пожевал, и давай, ползай раком с тряпкой!

Второй с ходу нырнул в окно раздачи и там заматюкался со страшной силой.

А третий...

Третий увидел Славку, сидевшего на стуле с почти сонной физиономией.

Славка даже не соизволил подняться. Денис — тот встал, готовый к драке, хотя ему было сильно не по себе. А Славка просто поднял голову и спросил лениво:

— Вы что, на ужин пришли? Опоздали, и правда одни объедки остались. Ну, свиньям-то и объедки сгодятся.

Тот, который влез на раздачу, выехал обратно — очевидно, получил полотенцем в лоб. Заматерился еще круче... но тоже увидел Славку.

— Че сказал?! — неуверенно возмутился третий.

И тогда Славка встал.

Денис изумился. Славка — невысокий, тоненький — вдруг вырос. Стал выше всех этих троих — как бы не вместе взятых. И они попятились, полезли друг за друга — Денис даже глазами захлопал. Молчали девчонки, высыпавшие из кухни, и Байрамов, вошедший с черного хода с нагайкой в руке.

— Я сказал, что вы свиньи, — спокойно, почти дружелюбно отозвался Славка. А Денис увидел вдруг, какие у Славки глаза — белые от ненависти и презрения. — А вот вы — вы что-то сказали или мне послышалось?

— Ава, — ответил третий, за которого уже окончательно спрятались двое других.

— Проникновенно, но неинформативно, — сообщил Славка. — Еще раз.

— Ни... чкхег... во... — прокашлял парень и крупно сглотнул.

Славка вытянул руку, щелкнул пальцами. Один из мальчишек поднес тряпку. Славка кинул ее на модные ботинки парня и кивнул:

— Плевок убрать. Живо.

Парень, как подрубленный, рухнул на колени и бешено завозил тряпкой, не сводя со Славки искательных глаз.

Из коридорчика с пустым ведром вошел еще один мальчишка — с мокрыми глазами, держась рукой за распухшее ухо. Славка негромко спросил:

— Кто?

— Этот, — мальчишка стрельнул мокрыми глазами на матерщинника. — Прямо на ходу крутнул, гад... я думал, оторвалось... — мальчишка всхлипнул и опустил глаза.

— Пст, — Славка кивнул мальчишке на кухню.

И внезапно нанес парню удар ребром ладони. Денис даже не понял — куда.

Парень открыл рот, оттуда хлынула кровь. Встал на колени. Рухнул лицом на пол.

— Вытащи его на улицу, — приказал Славка единственному стоявшему на ногах — с творожным лицом — парню. — А ты затирай кровь, — посмотрел он на по-прежнему замершего раком «уборщика».

Тот бешено закивал и завозил тряпкой.

– Сурово, – сказал Байрамов. – Не убил?
– Мараться, – брезгливо бросил Славка и передернул плечами. – Поваляется и отойдет... Лер, налей компотику.

* * *

– Ничего себе, – сказал Денис, только когда они – уже в сумерках – подъезжали к расщеченному огнями книжному магазину. Реклама над боковым входом говорила:

«ВПЕРЕД, ПИОНЕРИЯ!»
КИНОФЕСТИВАЛЬ ЛЮБИТЕЛЬСКИХ ФИЛЬМОВ

– Вышел из себя, – признался Славка. – Стыдно, конечно, но... – он пнул подножку «Харлея». – Если б ты знал, Денис, как я таких уродов ненавижу! – Славка сузил глаза. – Даже больше, чем их хозяев. Я понимаю, что это неправильно, но вот не могу – и все.

– Да уж... – Денис не знал, что и говорить, если честно. И признался: – Я испугался. Думал – драться придется.

– С такими не дерутся, – брезгливо сказал Славка и передернул плечами под форменной рубашкой. – Таких просто бьют и плакать не дают... – он улыбнулся. – Ну, идем? Только тебе там не понравится...

...Магазин был, пожалуй, больше и нарядней самых больших книжных магазинов Петрограда, как обиженно отметил и честно признал Денис. Несмотря на поздний час, народу хватало. А вот книги...

Денис понял, что имел в виду Славка. Почти сразу понял.

Но было все равно любопытно. На полках было полно комиксов, детективов, каких-то книг в ярких обложках, немного похожих на те «порнографические» журналы, которые Денис находил в Кольцевой. От пестроты и разнообразия разбегались глаза, хотя скоро мальчишка понял, что, как и в магазинах Империи, тут все строго систематизировано. Цены были низкими, но, пролистав с десяток самых разных книг, Денис решил, что не стал бы платить за них и сотой части этой цены. Да что там – и бесплатно не взял бы... Последним он снял с полки какую-то Марью Бойцову, «Смерть на ходулях». Прочел первые строчки, где главная героиня вставляла в рукоять **револьвера** плоскую обойму, озадаченно почесал нос и, ставя яркий мусор на полку, спросил:

– А **книги** где?

Славка вздохнул и указал на дверь в следующий зал:

– Там.

Там было все. В том числе и масса книг из Империи, хороших знакомых Дениса – серии «Хочу все знать», «Умелые руки», «Воинам быть, воином будь!», «Библиотека приключений», «Библиотека фантастики»... И местные книги – явно **книги**, а не смерть на ходулях. Но стоило все это!!! А подальше располагался отдел букинистики – и на его пороге Денис застыл.

– Ухххх... – выдохнул он легким облачком. И жалобно посмотрел на Славку: – И чего? Я же **все** хочу... – Он ощупал в кармане деньги, противясь страшному искушению: потратить здесь и сейчас все, выданное ему до конца года.

Славка хмыкнул и сказал:

– Сразу видно знатока. А что **больше всего** хочешь?

Денис прошелся вдоль полок. Тут народу почти не было, а уж мальчишек – и вовсе, но пионерская форма явно успокаивала продавцов.

Книги, стоявшие на полках, пережили прошлую цивилизацию. Многие из них явно носили следы тех времен, когда над разрушенными хранилищами шли радиоактивные дожди и падал снег... и никто даже не думал о книгах. Денис снял одну, даже не поглядев на название, открыл. Увидел неожиданно четкую печать – из личной библиотеки какого-то

Шухова С. М. Мальчишка задумался.

– Не знал, что ты увлекаешься Блоком, – вывел его из задумчивости голос Славки.

Денис вскинул на него удивленные глаза, посмотрел на книгу в руках, улыбнулся – это были стихи какого-то Блока. Фамилия была смешной и полужнакомой.

– Да нет, – Денис аккуратно поставил книгу обратно на полку. – Просто... – он замялся, и Славка мягко сказал:

– Я понял. Но все-таки, что, ничего не возьмешь?

– Возьму, – Денис медленно прошел вдоль полок.

Бережно снял с одной толстую книгу в покособившемся переплете, на обложке которого по серо-желтой степи шли высокий мужчина в черной форме, с автоматом, а рядом с ним – мальчишка в шортах и майке, державший в руке сандалии. От названия сохранилось только «...ни», а фамилию автора совсем было не разобрать. Но на развороте Денис прочитал, что книга называется «Грани», а автора звали Алексей Шепелев. В 200... году книгу выпустил «Лениздат» – в родном городе Дениса.

– Почему ее? – с интересом спросил Славка.

– Потому что я тут все хочу, даже этого Блока, – честно признался Денис.

Славка засмеялся.

Книга стоила столько, что Третьяков-младший покачнулся. И не сразу понял, что Славка уже рассчитывается за покупку.

– Ты что, зачем?! У меня есть деньги! – возмутился он.

Но юный дворянин почти сердито сказал:

– И у меня есть. А ты скоро уедешь. Вот это будет мой подарок, понял?! И не смей отказываться!

– Не буду, – кивнул Денис.

На душе у него стало вдруг очень хорошо, и по этому поводу он почти собрался уже треснуть Славку покупкой промеж лопаток, но потом передумал и просто купил в соседнем отделе с «настоящими», но современными книгами альбом «Охота в лесах хребта Голодный», «Запомни слово «Верный» Георга Корфа (на обложке за баррикадой отбивались от кого-то люди в полувоенном) и «Удержаться на краю» Елены Ложилиной – книга была в строгой черной обложке с алыми надписями, но из аннотации Денис узнал, что это роман о детях из трущоб, тогда и решил купить...

На улице Денис кивнул на вывеску кинофестиваля:

– А чего его в каком-то подвале проводят?

– Подвале? – Славка усмехнулся. – Это бывшее бомбоубежище, оно подо всей улицей... Сейчас – городской кинотеатр, Дума его пионерам отдала под этот фестиваль... Абонемент я так и не достал, а хотел с тобой сходить, там всегда интересные фильмы бывают... – Славка зевнул, прикрывая рот ладонью. – Ну что, домой поедem? Спать охота.

– Поехали, – охотно согласился Денис. Он спать не хотел, но зато хотел спокойно полистать купленные книги.

Ехали не слишком быстро.

Похоже, и Славка не очень торопился, несмотря на слова о том, что хочет спать. А может, именно поэтому и не спешил, только на прямых длинных участках набирая скорость по-настоящему. Наверное, именно поэтому мальчишки не обогнали просто так бежавшего по тротуаре пустынной улицы паренька. Он бежал, изо всех сил работая локтями и наклонив голову – как будто рассекал собой что-то плотное, одетый в какое-то дранье, босиком. Славка обогнал его, вкатил «Харлей» на тротуар и развернулся. Мальчишка почти налетел на неожиданное препятствие и только тогда, отшатнувшись, поднял лицо – мокрое от пота, перекошенное такой безнадежностью, которой Денис, даром что насмотрелся за последние дни всякого, и представить себе не мог. Грудь мальчишки – он был одних лет с пионерами – ходила ходуном, он судорожно сглатывал и первые несколько секунд явно не понимал, кого видит перед собой.

– Ты куда так несешься? – спросил Славка, упираясь ногой в асфальт. Денис

выглядывал из-за его спины.

– Пацаны... – то ли выдохнул, то ли простонал мальчишка. – Пацаны... имперцы, пионеры... помогите... – и упал на колени. – Помогите, прошу...

– Что случилось? – быстро спросил Славка.

Денис подобрался. Мальчишка вдруг зарыдал, размазывая руками по грязному лицу слезы и выронив короткий заточенный прут – только теперь Денис заметил, что этот бегун держал в руке.

– Помогите... сестренку с братишкой, младших... увезли... никто не поможет... помогите, имперцы, пионеры... выручите, спасите... **убьют же!!!**

– Садись передо мной, – приказал Славка. – По дороге расскажешь.

* * *

Слухи о «черной машине» среди полубеспризорной ребятни Южной окраины ходили постоянные и жуткие. Конечно, пропадали дети почти каждый день, и большинство из них просто-напросто сбегали из дому в поисках лучшей жизни. Но кто мог сказать точно о каждом? И рассказы о похищенных «черной машиной» детях продолжали жить уже третий год.

Вовка убедился в том, что это – правда, когда буквально пять минут назад у него на глазах прямо от дома увезли его брата и сестру, семилетнего Витьку и одиннадцатилетнюю Лену. Подъехал большой черный «жигуль», затормозил рядом с шедшими навстречу старшему брату, к дому, детьми, распахнулась дверца – и только ноги мелькнули. Вовка рванулсЯ домой – отца не было, мать уже успела «принять» и ни на что не реагировала. Схватив свою заточку, тринадцатилетний мальчишка отчаянно и бессмысленно бросился по ночной улице за уже удалявшейся машиной.

Обрывки этих слов относилО ветром от сидящего впереди Вовки в уши Денису. «Харлей» ревел. Третьяков-младший искал глазами хоть одного стража порядка – но откуда они на этих улицах почти ночью?

Зато впереди неожиданно нарисовался светящий огнями габариток силуэт машины. Расчет Славки был верен – похитители и не думали никуда сворачивать, «Жигули» преспокойно подруливали к какой-то хибаре в полукилометре впереди.

Славка сбросил скорость и с тихим «прр...» перехватил за шиворот рванувшего было вперед Вовку. Тот задергался, свирепо шипя, но Славка тряхнул его и сказал:

– А ну – тихо... Денис?

– Готов, – Денис достал пистолет без колебаний.

В свете фонаря у той хибары было видно, как из машины двое мужчин выволокли детей; послышался задушенный крик «помо...». В руке у Славки тоже оказался пистолет. Увидев два «ствола», Вовка притих, приоткрыл рот, глаза его загорелись настоящей надеждой.

– Кто такие? – Денис щелкнул предохранителем.

– Не знаю, да и неважно, – процедил Славка, ставя мотоцикл на подножку. – Детей просто так не крадут.

Замечание было точным, хотя Денис лично и так себе представить не мог – как это: **красть детей** ? И зачем?! Мысли в голову лезли самые гнусные и еще две недели назад вообще невозможные.

– Если что – стреляй... – Славка посмотрел на Дениса. Спросил неизбежно: – Сможешь?

– Да, – коротко ответил Денис.

Они побежали – неспешно, плечо в плечо, скрываясь в тени заброшенных палисадников. Славка сказал:

– Вовка, слышишь? Войдешь первым. Понял? Просто войдешь и сразу постарайся уйти от двери в сторону. Понял?

– Ага, понял... – выдохнул тот, неслышно шурша рядом босыми ногами. Впрочем, и

обутые – Славка в кеды, Денис в легкие ботинки – пионеры двигались практически бесшумно. – Вы их валить будете?

– Помолчи и сделай, как сказали.

Мальчишка кивнул коротко.

Ни в машине, ни около нее никого не было, только потрескивал остывающий двигатель. Калитка оказалась запертой, все трое перемахнули через нее. Из дома света не было – но только на первый взгляд. Денис присмотрелся и заметил в паре мест пробивающиеся из-за плотных штор лучики. Ему начало казаться, что это ночная военная игра, и только усилие воли позволяло вспомнить, что «Байкал» в руке – настоящее оружие.

Славка подтолкнул Вовку в плечо, и тот – Денис различил напряженное лицо и блестящие глаза – взбежал на крыльцо и забарабанил в дверь кулаком, звонко крича:

– Откройте, сволочи! Не прячьтесь! Я знаю, вы тут!!! Открывайте!!!

Дверь распахнулась почти сразу. Вовка с ловкостью, показавшейся невероятной даже Славке – явно практика налицо, – отскочил, уворачиваясь от нацелившихся цапнуть его рук, и обматерил мужика, возникшего в освещенном прямоугольнике двери.

А в следующий момент Славка прыгнул вперед, послышались два мягких и в то же время каких-то **глубоких** удара – Денис успел следом, проскакивая мимо падающего тела. Впереди грохнуло – Славка вышибал дверь, кто-то крикнул, послышался детский плач, испуганный крик.

Денис влетел следом за Славкой в небольшую ярко освещенную комнату. Одна стена была затянута черной портьерой, на ее фоне сидели, прижавшись друг к другу, раздетые догола и заплаканные мальчишка и девчонка. Около большой профессиональной кинокамеры на треноге стоял, выставив перед собой руки, бледный мужчина – в рубашке с расстегнутым воротом и засученными рукавами.

– Не стреляй, не стреляй, не стреляй... – быстро сказал он, и Денис удивился, но в следующий миг понял, что это – Славке, который стоял сбоку от входа. – Не стреляй...

– Витька, Ленка! – влетевший в комнату Вовка бросился к отчаянно заголосившим, но даже не стронувшимся с места младшим детям. Денис посмотрел туда; видимо, Славка тоже скосил глаза, потому что мужчина, с грохотом опрокинув треногу, бросился к выходу. Денис отшатнулся – не от страха, просто от неожиданности, отшатнешься, когда на тебя несется такая тушка. Но в комнате грохнули выстрелы – раз, другой – и мужчина, прогнувшись назад, треснулся о дверной косяк и повалился на спину. Дернулся, выпустил изо рта струйку темной крови и затих.

– Бери их и барахло, быстро! – крикнул Славка Вовке, рванул портьеру, потом – шнур проводки, что-то стал делать с проводами выхваченным «сободем».

Денис ощутил себя лишним и с ужасом понял, что вел себя как дурак и трус. Вовка уже кутал жмущихся к нему младших в какие-то тряпки. Денис, посмотрев в ту сторону, увидел за сорванной занавесью...

Он увидел комнату пыток. Как с картинки в исторической книжке.

– Быстро, я сказал! – крикнул Славка. Фукнуло, щелкнуло, запахло изоляцией, по портьерам побежал огонек, превратился в пламя. – Денис, возьми младшего!

Денис, убрав пистолет, подхватил на руки всхлипывающего и трясущегося мальчишку, который немедленно вцепился в Дениса обеими руками. Славка несколько раз выстрелил в сторону страшной комнаты, и там что-то загорелось. Юный дворянин вытеснил остальных спиной в коридорчик, все чуть не попадали через распростертое там тело и вывалились во двор. Славка отодвинул засов калитки и махнул рукой:

– К мотоциклу! – Он убрал оружие.

Из окон пыхнуло пламя. Пригибаясь, все метнулись мимо заросших палисадников туда, где остался «Харлей». Денис, не убирая пистолета, волок мотающегося пацана; где-то уже поднялся шум-гам...

...«Харлей» затормозил на какой-то кривой улочке, Денис даже не понял, куда они заехали. Спасенные поспешно сползли с мотоцикла, отошли чуть в сторону и остановились,

как будто чего-то ждали. Славка тоже не уезжал – стащил шлем, положил его перед собой. Денис откинулся назад. Он остро переживал свое нелепое поведение в недавней истории. Не трусость, нет – именно какое-то нелепое дерганье.

– Вас домой? – Славка посмотрел на Вовку, обнимавшего дрожащих младших.

Тот помотал головой:

– Нее-е...

– А куда? – Славка тяжело вздохнул.

– Не знаю... – буркнул Вовка.

– Поехали в наш интернат, – предложил Славка решительно.

Вовка вскинулся, прижал брата с сестрой к себе, глаза его затравленно скакнули туда-сюда. Казалось, он сейчас бросится бежать. Но вместо этого он спросил:

– К «витязям»?

Славка кивнул.

– Ладно... поехали... Только не разлучайте нас! – умоляюще попросил он, как будто именно от Славки это зависело.

– Да кто тебе такую чушь сказал? Никто вас не разделит! – почти крикнул Славка. – Наслушались разной белиберды, мозги совсем запакоостили! Садитесь, едем!!!

* * *

Домой ехали уже во втором часу ночи. Из интерната Славка позвонил домой и предупредил, что живы-здоровы и сейчас будут.

– Я не понял, – признался Денис после долгого молчания. – Зачем фотографировали-то их?

– Фотки на продажу, – пояснил Славка нехотя, уменьшая скорость на крутом повороте.

– Да зачем?! – изумился Денис. – Чушь какая-то. Фотки, а на них голые дети. Какой интерес?!

– Есть интерес, – по-прежнему был немногословен Славка. – И тут, и в бандитских краях... Я зря так разошелся, надо было их живыми тащить, хоть одного. Уж больно машина у них хороша, и аппаратура...

– Да у меня в альбоме таких фоток куча! – не унимался Денис. – На пляже, из лагеря... Что я их, подпольно делал и продавать должен?! Кто купит-то?!

– Правда не понимаешь? – Славка вдруг улыбнулся. – Вот когда у нас тоже понимать перестанут – считай, наша взяла. Комнату пыток видел? И там тоже снимали бы. Пытали бы – и снимали. Такие фотки у тебя тоже есть?

– Пы... – Денис подавился. Невеяще посмотрел на Славку. – Пытали бы... того малька?! И девчонку?! По-настоящему?! Да ты выдумываешь, так не бывает! А если бы даже и было – кому **такие** -то снимки?!

– Отстань! – с мукой, уже совсем без улыбки, крикнул Славка. – Ну да, я все это выдумал, а тот дом нам приснился, доволен?! Все приснилось, что ты тут видел – тебе так легче верится?!

И молчал уже до самого дома.

Молчал и Денис. Он уже не переживал свою растерянность, тем более что Славка и словом его не попрекнул; кажется, и вовсе не заметил ничего. Нельзя даже сказать, что Денис думал о чем-то отдельном – он просто потерялся в мыслях и вздрогнул, едва не грохнувшись с «Харлея», когда – уже на подъезде – Славка, сбрасывая скорость, угрюмо сказал:

– Неясыть.

– Что? – не понял Денис.

– Неясыть, – повторил Славка. – Легенда такая есть. Что на северных склонах Голодного живут такие мутанты. То ли птицы, то ли люди... В обычное время их не найдешь, не видно и не слышно. А вот когда поднимается туман – тут они выходят на охоту,

и – не попадайся. Нападают на все живое и движущееся. Стремительно и безжалостно. Сколько раз их найти пытались, поймать, экспедиции организовывали специальные – бесполезно. А они есть где-то... Вот и эти такие. Неясыть, – жестко сказал Славка. И вздохнул: – Смотри, тебя встречают.

Глава 11 До свидания, Верный!

Если тогда Денис к чему и приготовился, увидев стоящих на крыльце отца и маму, – так это к серьезной беседе и хорошей лупцовке, которую заслужил. И меньше всего мальчишка ожидал, что отец с ходу сунет ему какой-то листок и сухо скажет:

– Читай.

В первый миг Денис даже не понял, о чем говорит отец. Но уже через секунду до него дошло – сухость в отцовском голосе от сдерживаемой злости. Такой, какая никогда и ни за что не смогла бы появиться на него, Дениса. Недоуменно посмотрев на молчащую маму, мальчишка взял листок. Приподнял, чтобы свет большой лампы над входом падал на бумагу.

Черные ровные строчки, явно напечатанные типографским способом, гласили:

«Борька, гнида, слушай сюда!»

Если не уберешься обратно в вашу будку со своей блядью и с выкидышем, то...»

Ниже шла отвратительная брань, пояснявшая подробно, что с Третьяковыми сделают. Такая, что Денис сморщился – не от страха, от удивленного омерзения.

– Труссы ничтожные, – сказал он первое, что пришло в голову.

И подумал еще, что ни один из **настоящих** врагов так бы не унизил себя. А это просто **крысы**. Мальчишка был все еще взвинчен после сегодняшнего дня и спросил, возвращая листок брезгливым жестом:

– Что будем делать? – как равный у равных.

Борис Игоревич и Валерия Вадимовна переглянулись.

– Завтра утром едем, – сказал отец. – Не все готово еще, но ждать – значит трусить. Едем утром, – твердо повторил он.

* * *

Денис уснул только под утро.

Сидя на кроватях, они со Славкой разговаривали, как разговаривают в таких случаях мальчишки. Обо всем и быстро, потому что вдруг выяснилось, что они катастрофически мало успели друг другу рассказать – и как такое могло получиться? Волшебство какое-то нехорошее... Естественно, дело закончилось записью в «Блокноты пионеров» адресов друг друга – Денис записал два Славкиных, здешний и лицейский. Денис же запнулся, диктуя **свой** новый адрес: Республика Семиречье, поселок Седьмой Горный, Третьякову Денису Борисовичу – без привычного кода имперского города или губернии...

Потом Славка сунул Денису три коробки с киноплёнкой.

– У вас там точно будет кинопроектор, отцу твоему нужен, – сказал он. – А это... это ребята конкурсные фильмы сделали. Конечно, не факт, что победят, но хорошие, посмотришь на месте. В память о Верном. Я еще и поэтому жалел, что абонемент не достал... Думал, что «Охотники» победят и ты увидишь.

На коробках было много-много росписей и маленьких простеньких рисунков. Когда Славка успел сгонять за фильмами – Денис так и не понял.

– Спасибо, – Денис покачал на ладони увесистые коробочки.

– Я, может, еще к вам как-нибудь приеду... – пообещал Славка.

– И пиши, – попросил Денис. А потом попросил еще – совсем о другом: – Споешь? На дорожку?

Он сам не знал, как это пришло в голову. Но Славка вроде и не удивился ничуть. Он

просто снял со стены гитару и сел с нею на подоконник. С улыбкой взглянул на Дениса, полулежащего на раскладушке.

Свята земля, не свята ни в пиру, ни в бою...
На ней не найти ни Эдема – ни даже Сезама...
Но Маленький Принц покидает планетку свою,
Как, будь он большим, покидал бы свой
 каменный замок...
Он держит руками обрывки священных границ,
Стоит, каменея, в потоках стремительной жижи,
И небо над ним опускается ниже и ниже,
И черные тени ложатся у впалых глазниц...

Денис слушал, тревожно напрягшись и замерев. Странная была песня. Уж не Третьяков ли, его однофамилец, снова? А Славка пел, склонив голову к струнам...

В слепой крови, прокушена губа.
Ему б давно сказать – мол, «не играю!»,
Но... солнышко не светит самураю
За гранью полосатого столба.
Обрывками приставшая к спине,
Душа его по краешку прошита
Нервущимися нитями бушидо —
И этого достаточно. Вполне...
В ночи Гиперборея не видна...
Стрихнином растворяется в стакане
Печаль твоя, последний могиканин...
Так вырви же решетку из окна!
В тот час, когда полночная звезда
Взойдет на полог млечного алькова —
Налей себе чего-нибудь такого,
Чтоб не остановиться никогда...
Из сердца заколдованных трясин,
Где мутная вода под подбородок,
Летучий dream болотного народа
К подножию рассвета донеси!

Били и звали полупонятные слова...

А потом ты уснешь – и, быть может, увидишь еще,
Как медленно солнце встает, разгибая колени,
И Маленький Принц покидает свои укрепления,
Горячим стволом согревая сырое плечо.

Взойдет над миром полная луна —
Прекрасна, но – увы! – непостоянна...
Забудьте обещанья, донна Анна.
Не стойте у открытого окна...¹⁶

¹⁶ Из песни О. Медведева «Маленький Принц».

...Под утро они все-таки уснули. Вернее, Денису показалось, что он просто выключился – щелк! Щелк – и его включил отец, потряхивающий мальчишку за плечо:

– Вставай.

Денис резко сел, кивнул. Кровать Славки была пуста и аккуратно заправлена. Денис покусал губу – он думал, что увидит друга еще раз...

Друга?

Да, друга – и никак иначе...

...Третьяковых вышел провожать один Муромцев-старший. Около подъезда ждала машина – вездеход «Ижора» с вместительным кузовом и кабиной на три сидячих и спальное место. Очертания капота безошибочно подсказали Денису, что это автомобиль не с газогенератором и даже не со старым бензиновым движком – внутри работал один из еще пока очень редких такого размера вихревиков. Такой автомобиль не дают «для представительства», это рабочая лошадка для тех мест, где трудно надеяться на помощь... «Ижора» была черной, на капоте – герб Семиречья, на дверцах – имперские Рух и Хадарнави с одной стороны, обхссовский Молот с буквами О.Б.Х.С.С. – с другой. Мальчишка при виде машины даже подтянулся.

– Вещи уже ждут на месте, – Муромцев-старший по очереди пожал руку Борису Игоревичу, поцеловал – Валерии Вадимовне, пожал – Денису. – Ну что ж. Все правильно, пожалуй, – закончил он не совсем понятно.

Все присели на ступеньках крыльца – по древнему обычаю. Небо опять было в тучах, царила преддождевая духотища. Денис, поднимаясь, совсем уже было собрался спросить: «А где Славка?» – но в это время Славка вышел из дверей. И Денис подумал, что – зря. Опять прощаться.

– Пирожки с колбасой с кухни, – он подал с полупоклоном Валерии Вадимовне большой пакет из промасленной бумаги. – И морс, – передал объемистый термос. Потом повернулся к Денису и протянул руку. – Ну, счастливо тебе, – суховато-дежурно сказал Славка.

Мальчишки крепко пожали друг другу руки. Славка отдал салют, и Денис, ответив тем же, подумал: вот так совсем недавно он прощался с Войко... и что, если жизнь, о которой он мечтал – жизнь, когда ты каждый день видишь новое – значит **и это тоже** : каждый день расставаться с друзьями и не находить слов?

Славка со своим отцом поднялись по ступеням крыльца. Муромцев-старший задержался, поднимая руку в древнем приветствии, а Славка вошел в дом, не оглянувшись...

...Когда – через одиннадцать долгих лет – Славка Муромцев и Денис Третьяков встретятся снова, на Каллисто, начальник базы Муромцев признается инспектору ОБХСС Третьякову после солидной посиделки в похожем на вагонное купе кабинете:

– А знаешь, я ведь **тогда** почти заревел...

...Но это будет через одиннадцать лет.

Денис с тяжелым вздохом сел на свое место – справа у окна. «Ижора» плавно и стремительно набрала скорость.

* * *

Около поворота на магистраль, выводившую за пределы города, Третьяковым пришлось остановиться. Собственно, замерло все движение. Посреди улицы слитно и тяжело, но в то же время уверенно-ровно двигался монолитный строй ребят в серо-золотой форме. Над плоскими летними шлемами качались золотые султаны, из-под длинных козырьков по-мальчишески задорно и по-солдатски гордо смотрели на прохожих загорелые лица. За плечами поблескивали синие иглы примкнутых к карабинам штыков. Зачехленное знамя царило в голове строя, охраняемое квадратом ребят в белых крагах и портупелях, с шашками наголо. А в самом начале шел оркестр.

Кадеты Верного уходили в полевые лагеря.

Открыв дверь, Денис вышел и, подумав, поднял руку в пионерском салюте. Он с полминуты поискал в строю знакомых кадетов, но бросил это занятие – они все были похожи: рослые, в пригнанной форме, уверенные, полные собственного достоинства, красивые особой красотой солдат-мальчишек.

Трррррахххх!

Ахнули серые с золотом, как и форма, барабаны, грозно-многоголосо зашипели натянутыми вдоль корпусов струнами. И вдруг там, где ушло вперед знамя, одинокий веселый голос звонкого мальчишки спросил – на всю улицу, летая от дома к дому, от мостовой к небу:

Солдатушки, бравы ребятушки —
Кто же ваши жены?!

И строй отозвался в ногу – так, что заглушил выбивающие шаг барабаны:

Наши жены – пушки заряжены,
Вот кто наши жены!
Наши жены – пушки заряжены,
Вот кто наши жены!

Строй шел и пел. И когда он уже скрылся в летнем мареве над дорогой, а Третьяковы проехали дальше – и тогда песня еще продолжала звучать в городе, прилетая эхом оттуда, куда ушли кадеты...

...На выезде из города, когда машина начала набирать скорость, Денис на заднем сиденье неожиданно громко рассмеялся. Родители удивленно обернулись к нему, явно не понимая, чем вызван смех, переглянулись и тоже улыбнулись – просто так.

А Денис, полуобернувшись, долго провожал взглядом в заднее стекло двух рабочих у дороги. Сняв растяжку с рекламой конфет (буквально намозолившей Денису глаза за время его пребывания в Верном), на которой мальчишка и девчонка с дебилно-счастливыми лицами жевали шоколад, рабочие уже приладили на ее место новую.

На фоне стоящего среди деревьев рубленого дома, украшенного резным коньком, красивые мужчина и женщина обнимали четверых детей разного возраста – двух девочек и двух мальчиков. Все шестеро смотрели с растяжки на шоссе дружелюбно, внимательно и гордо, а ниже ярко горела надпись:

**МЫ ПОДНИМЕМ НАШ ДОМ
ВМЕСТЕ!!!**

– До свидания, Верный... – прошептал Денис.

Глава 12

Крутые дороги

Огромный хребет – «горная страна» Голодный родился на месте полупустынной степи за три дня.

В первый день земля треснула – и пятнадцать миллионов человек, живших в окрестностях этой чудовищной трещины, погибли за долю секунды. Вместе с ними погибло все, что было живого – от саксаула до тараканов. И земля вытолкнула из себя раскаленные пики, которые перли и перли выше, выше – к облакам, источая радиацию. Когда пошли с затянувшегося тучами неба дожди, вода выкипала на мрачных склонах, неслась вниз отравленными потоками, бурлила... Все это напоминало Землю тех далеких времен, когда даже амебы еще не жили на ее просторах.

Потом радиация таким же скачком сошла почти на нет. А на черных склонах с дикой скоростью поперли в рост противоестественные леса – сумасшедшая смесь субтропиков, тайги и средней полосы, где деревья вымахивали за пять-десять лет на стометровую высоту, кронами прямиком в вечные тучи. Жизнь брала свое – и скоро птицы и зверье освоили новую страну, иногда мутируя с такой же скоростью, как деревья, а иногда – нет. И, когда сюда вернулись – робко и осторожно – люди, то они просто не узнали этих краев.

Впрочем, в те времена немало было на Земле мест, о которых можно было сказать то же самое.

Вместе с горами Голодного недра выбросили наверх чудовищные по богатству и доступности залежи радиоактивных материалов. А почва на склонах гор и у их подножия даже не поражала, а ужасала богатством. Тут и правда мог вырасти в пачку сигарет брошенный окурок...

...Денис все это уже достаточно хорошо знал. И провожал взглядами часто идущие навстречу «Ижоре» длинные серебристые автопоезда со значками электрона – той самой компании «Энергия», о национализации которой шли сейчас бурные споры. Зеркальные окна машин отражали равнодушно летящий навстречу пейзаж, серое полотно отличного шоссе... Почти никакого другого транспорта на дороге не было, только иногда встречались конные разъезды казаков и военные патрули на джипах. Да еще несколько раз встречались идущие с какими-то тачками и тележками большие группы людей – они двигались медленно, но уверенно, тяжело и как-то **обреченно** – туда, к Верному.

Шоссе потихоньку лезло в гору, его плотно стискивал лес...

...Денису, как и в поезде недавно, скоро надоело смотреть по сторонам – тем более что пейзаж был куда более однообразным. Хотя и красивым, что говорить. Необычным и красивым. Мальчишка с удовольствием сделал с десяток снимков. Но только сначала. Потом он заскучал.

Отец вел машину. Мама просматривала какие-то бумаги. Денис покрутился на сиденье, сунул нос в бумаги. Поинтересовался:

– А это что?

Валерия Вадимовна молча, не поднимая головы от бумаг, сунула тонкую пачку Денису и соизволила объяснить:

– Если скажешь мне – ЧТО это, тогда продолжим разговор.

Денис уже с интересом разложил на коленях листы. Сразу в глаза ему бросилась диаграмма – золотые и фиолетовые линии, числа...

– Ну, вообще-то я не очень понимаю, – сказал мальчишка, поглаживая листок. – Но, если я правильно вижу, то вот за это небольшое поднятие выработки... – мальчишка черкнул пальцем по фиолетовой линии, – заплатили резким скачком заболеваний... – еще одно движение пальца – по золотой линии. – Выработка, естественно, упала, с ней упал и рост заболеваний – очевидно, люди свалились по госпиталям... Выработка стабилизировалась на уровне ниже, чем была до небольшого скачка... а заболевания опять прыгнули... Уже вроде как сами по себе, но это просто рецидив и вторая волна... – Денис поднял глаза. – А что это? Оттуда, куда мы едем?

– Да, – кивнула Валерия Вадимовна, с интересом глядя на сына. – График с четвертой шахты... Быстро соображаешь, сын, – похвалила она. – А как тебе это?

На колени Денису лег еще один листок. Мальчишка всматривался в него с полминуты – но не потому, что там что-то было неясно, этот график был куда понятней и проще предыдущего. Потом поднял на мать лицо.

– Значит, правда, что работают дети? – тихо спросил он. – Тут примерно каждый шестой – мой ровесник. А есть младше, восьмилетние есть!

– Есть, – ожесточенно подтвердила Валерия Вадимовна. И добавила, ударом о колено сбив листы в плотную стопку: – Но не будет. Я постараюсь... Борька, ни слова! – свирепо рыкнула она на мужа.

– А я молчу, – немного удивленно отозвался Третьяков-старший. – Я даже где-то с

тобой согласен. В чем дело-то?

– Я знаю, что ты собирался сказать, – нелогично, но эмоционально отрезала женщина.

Борис Игоревич пожал плечами и промолчал. Денис засмеялся:

– Да, лучше там всем сразу покаяться и сдаться! – И получил от матери щелчок в лоб.

– И ты молчи, умник.

Денис почесал лоб и спросил:

– Па, а мама и раньше умела так щелбаны бить?

– Ее на курсах научили. Полевой анестезии, – охотно отозвался Борис Игоревич. – Если под рукой нет обезболивающего – то анестезировать щелчком. Последний экзамен у них там был – свалить с ног щелчком быка. Так наша мама...

– Ты ведь не всегда будешь за руль держаться, – ласково сказала Валерия Вадимовна. – Будет вечер...

– Я не сдамся живым, – пообещал штабс-капитан ОБХСС, и просторную кабину наполнил смех трех человек – мужчины, женщины и мальчика.

– А где мы сегодня будем ночевать? – осведомился Денис, вывешивая локоть за окно, когда все отсмеялись. – Может, прямо тут, в кабине? – с надеждой спросил он.

– Смотри туда, – указал подбородком вперед Борис Игоревич.

Денис с полминуты честно всматривался... и удивился:

– Гроза, что ли? – имея в виду серебристые вспышки где-то впереди.

– Гроза, – кивнул Третьяков-старший. – Искусственная.

И, больше ничего не объясняя, потянулся, включил радио. Дико взвыла несущая, что-то проорал непонятный голос (или тоже не голос, а фокус атмосферы и радиации), потом совершенно отчетливо мужской голос сосчитал: «Семь, восемь, девять, десять – да...» и прорвалась на канале знаменитого «Радио Больших Дорог» хорошо знакомая песня:

Рассвет сменит закат,
Вставая из мрака забвения.
Раздастся клич: «Виват!
Виват, Империя!»

Денис отвернулся к окну. Так всегда можно сделать вид, что глаза нахлестало ветром. Особенно сильным после этих слов:

В грозу, в огонь иди —
Вперед, к свершениям!
Мужай!
Живи!
Расти!
Дерзай, Империя!

Денис ощущал их живо, остро, как будто обращенные к нему лично. Глаза в глаза, словно сам Император приказывает...

Русские раны омыть
Не липкою сладкою лестью...
Воскреснуть, подняться – и
БЫТЬ!
Вот дело и долга, и чести!

К новой славе – в поход!
К новым свершениям!
Через могилы – вперед!

– Виват, Империя, – вдруг совершенно серьезно и громко сказал Третьяков-старший.

* * *

– На завтрак что, опять консервы?

– Я вчера оленя подстрелил, свежатинка. И рис, конечно. Куда ж без него.

– Не орите, олухи, в третьем блоке пацан спит!

Недоуменная тишина. Веселые мужские голоса, громкие и резкие, превратились в приглушенно-недоуменные:

– Какой пацан?

– Бродяжка, что ли, опять?

– Да какой бродяжка, сын штабса, который вчера приехал, Третьякова. Наш, имперец.

– Ого. Вы хоть генератор оттуда вынесли? Он же из него уже наверняка лазерную пушку конструирует, а я лицо подотчетное и оленьей вас снабдил...

– Да он никакой, умотался. Ничего с твоим генератором не будет.

Денис сонно-обиженно нахмурился. Это о нем. Хотя да, вчера к вечеру он и правда раскис, если честно, все стало противным, и он только и запомнил, в полусне бредя куда-то за мамой, как маленький – сиреневая вспышка, звук...

Ага, опять!

«Скррриххх!!!»

Денис сел, широко раскрыл глаза.

Он лежал на откидной койке стандартного блока – круглилась легкая несущая конструкция, чуть вибрировала гладкая стенка. Было совсем светло, и Денис увидел другую койку, какие-то вещи, стол с бумагами и пантографом, вытянутый короб генератора «Мезон» (ага, за него опасались, но зря – из этой штуки даже лабораторный лазер не сделать), на стенах вперемешку – фотографии, схемы, планы... В стойке – два ружья, нарезные штуцеры-самозарядки крупного калибра с оптикой. Одежда Дениса лежала на придвинутом к кровати складном стуле.

Голоса между тем куда-то пропали. Мальчишка осторожно, косясь на дверь, встал, потянулся. В углу обнаружился откидной умывальник, над ним висел самодельный плакатик:

«А НАДО ЛИ?»

Дениса потрясла глубина постановки вопроса, и, приводя себя в порядок, мальчишка то и дело с уважением косился на бумажку.

Было, оказывается, около восьми. Мальчишка не стал делать разминку, а оделся и осторожно высунул нос из блока.

И, зачарованный увиденным, вылез полностью.

Лагерь – три десятка блоков и ангаров – лепился к скале. Вокруг были лес и пропасти с перекинутыми через них несолидными мостиками. Тут и там двигались люди и техника, слышался ровный шум работ.

Скрррихххх!!! Яркая сиреневая вспышка была ослепительной даже в свете солнца, выкатившегося в длинный просвет между серыми плотными тучами – как яркое колесо на долгую дорогу. Задрав голову, Денис с удовольствием наблюдал за длинным рядом высоких шестиногих колонн – казалось, строй великанов в серебряных латах шагает через горы, поднимаясь в рост над джунглями Голодного – выше, выше, выше... уверенней, уверенней,

¹⁷ Из песни А. Харчикова «Виват, Империя!».

уверенней...

Денис вздохнул мечтательно-завистливо. Да, через пару лет люди будут проноситься над этими горами в обтекаемых вагончиках-каплях, поглядывать вниз, как они с Войко на Петроград, – и вряд ли даже задумаются о том, **что** там такое – внизу.

Скррриххх! Денис вздрогнул от неожиданности и рассмеялся.

– Что, парень, нравится? – раздался за его спиной веселый молодой голос.

Мальчишка обернулся и увидел стоящего в двух шагах молодого парня в удобной гражданской одежде – но в шлеме, украшенном значком корпуса гражданских инженеров. На поясе парня висели планшет, два пенала с инструментами, чехол, открытая кобура с «Байкалом». Широко расставив ноги, инженер смотрел на стройку – явно с не меньшим удовольствием, чем мальчишка.

– Очень, – признался Денис, одергивая рубашку.

– То-то же, – важно заявил инженер и, засмеявшись, протянул Денису руку. – Можно просто Максим.

– Денис... – мальчишка с уважением пожал сильную ладонь. – Вы тянете струнник, да? А можно сфотографировать?

– Все в твоём распоряжении, – Максим сделал широкий жест.

По голосу Денис узнал того человека, который говорил про оленину. И нырнул в блок за «Зенитом».

Снимки должны были получиться великолепные, и Денис, щелкая камерой, уже предвкушал, как напечатает их и разошлет в Петроград и в Верный, конечно... да и еще по троечке адресов... Инженер наблюдал за мальчишкой – без снисходительности, понимающе. И, когда тот опустил «Зенит», а очередная вспышка выплывала в базальте пятидесятиметровую шахту для фермы, сказал:

– Хорошо, что тут с энергией без проблем.

– А разве в Империи вас ограничивали? – удивился Денис и щелкнул еще раз – Максима на фоне блоков. Тот принял на миг картинную позу.

– Нет, наш корпус – нет, но... – Инженер задумался и признался: – Но мне каждый раз, как включали рубильник, казалось, что я залезаю в карман к женщине или ребенку за последними копейками. Смешно, – он улыбнулся, – но это так и было. А тут наоборот – как будто я миллионер и швыряю свои деньги направо и налево...

– Я всякий раз, когда вижу вот такую работу, – признался Денис, – всегда хочу именно этим и заниматься. Интересная работа?

– Ужасная, – с отвращением отрезал Максим, и Денис приоткрыл рот... но вовремя различил в глазах инженера огонек.

– Так прямо? – подыграл мальчишка.

– Ужасная, – убежденно повторил Максим. – Погода мерзкая. Зверье непуганое. Местное население затюканное или агрессивное. Деньги платят огромные, а тратить их негде. Я в отпуске уже два года не был и не хочется. Ужасная работа. Так жить просто нельзя, поэтому только так жить и нужно.

Денис засмеялся. Инженер нравился ему все больше и больше. Подойдя к Максиму, мальчишка встал рядом и какое-то время молча любовался вместе с ним линией струнника.

– А вы «витязь»? – поинтересовался мальчишка.

– Нет, – с чисто мальчишеским сожалением ответил инженер. – Вот... не потянул.

– Жалеете? – понимающе спросил мальчишка.

– Еще бы, – вздохнул Максим. – Хотя тогда проблем было бы еще больше, но и интересней было бы тоже намного... Смотри, – он положил руку на плечо Денису и чуть развернул его, – вон там Серое ущелье. Четыреста метров глубины, сернистые испарения... Зимой мы через него перекидывались. Вот это была работа – я тогда **очень** пожалел, что не «витязь», думал – хоть похоронили бы в Пантеоне... – И он улыбнулся, толкнул Дениса в спину. – Ладно, у меня сейчас обеденный перерыв, еще много нужно успеть сделать, а вы, наверное, сейчас уезжаете.

- Я бы даже остался, – вздохнул Денис. – Хоть подсобным рабочим.
– Не имею права, – ответил Максим. – Возраст не подходит.

* * *

Теперь дорога шла вниз. Перевал, наглухо затянутый облаками, проехали – а точнее, проползли с черепашьей скоростью, то и дело сигналив, – около полудня и, когда шоссе выбралось из белесой мути, выяснилось, что вокруг совсем глухие места – до того, что кое-где над дорогой висел сплошной полог из лиан и сплетшихся ветвей. Тем более удивительно было то, что из этой зеленой гущи неожиданно вынырнула – уже около двух часов пополудни, как раз когда Третьяковы подумывали так и так остановиться на обед, – расчищенная площадка, на которой разместилось одноэтажное, буквой С – по форме площадки – изогнутое зданьице и – за редкой, но прочной металлической оградой – столики и стулья. Надпись-арка над входом гласила лаконично:

ПРИЮТ

Металлические столбы ограды через один украшали огромные зубастые черепа горных тигров.

– Может, заедем? – предложила Валерия Вадимовна почти жалобно. – Ну есть же охота.

– Заедем, и обязательно, – неожиданно легко согласился Третьяков-старший, заруливая «Ижору» на явно для этого и предназначенный участок перед входом.

Хозяин встречал посетителей сам – высокий плечистый мужик-бородач в свободной рубашке, на поясе – открытая кобура со смертоубойной пушкой «Уилкинсон». Чуть поклонился, уточнил густющим, как кофе со сливками, басом:

– Имперцы?

– А что, видно? – вопросом ответил Третьяков-старший.

Мужик хохотнул:

– Из машины выходили – уже видно было. Ночевать будете или только поесть и дальше?

– Поесть, и получше, – штабс-капитан обнял за плечи жену и сына.

– А мы иначе не кормим, – с достоинством отозвался хозяин. – Заказывать будете, или на меня положитесь?

– Положимся, – улыбнулся Третьяков-старший. – Куда сесть?

Хозяин показал рукой:

– А за любой столик. Не сезон.

– А сезон когда? – уточнил отец Дениса, уже направляясь к ближайшему столику (жена и сын шли следом).

– А с утра и вечером-ночью, когда рудовозы прут, – охотно ответил хозяин и гаркнул в сторону здания: – Ленка, Иришка! Три заказа!

– Дочери? – поинтересовался Третьяков-старший.

– Дочь, жена. Сыновей двое помогают. Семейное предприятие, – усмехнулся мужик, присаживаясь рядом (взглядом попросил разрешения). – Газетки хотите? Свежие.

– Да не надо... – штабс-капитан улыбнулся. – Мясо сам добываешь?

– Сам. И развлечение, и снабжение. Да и попугать. Я когда тут построился – тигры прямо между столиков ср... – мужик поклонился Валерии Вадимовне. – Простите на слове, сударыня. Отвадили, – он кивнул на черепа на ограде. И вдруг спросил: – Слухи ходят, ваша власть берет...

Денис, рассматривавший черепа, быстро поднял голову.

– Вон и ваш мальчишка глазами стреляет... Бахурев наших дурачков ломает, это ясно, как вон свет небесный. Не он, так другой ломает. Я к чему. Я по белу свету

пошлялся, до Индийского океана заносило... А вот в ваших местах не был. Разное люди говорят. Ну вот три дня назад мне прямо так и сказали – имперцы тебя за кадык даванут, и делу конец. Это как? – Он склонил голову на широченное плечо.

Денис с восторгом и интересом наблюдал за родителями. Валерия Вадимовна чуть скривила губы. Третьяков-старший спокойно спросил:

– А если так, что делать будешь?

– А если так – бить вас стану, – спокойно ответил хозяин. – Нашим кровососам не дался – и вас к своему не поущу.

Он сказал это без рисовки, тяжело, но веско, как будто гирию на весы положил. И Денис, который хотел было рассмеяться, понял, что это было сказано всерьез.

– Никто у тебя твоего не заберет, – произнес штабс-капитан. – А кто еще тебе так скажет – вали его в морду. Что твое – твое. Ты своего ни у кого из кармана не вынул и с шеи не снял. Так?

– Так, – подтвердил хозяин. – Врут, значит?

– Хуже, чем врут, – буркнул штабс-капитан.

– Ясно... А вы-то на рудники едете?

Третьяков-старший кивнул.

– Порядок наводить?

Снова кивок.

– Да ты не обижайся на спрос, – вздохнул хозяин. – А на рудниках и латифундиях тряхнуть надо. Из людей не то что кровь – последнюю воду выжимают. Видел я людей оттуда... Да и овощи мне с латифундии предлагали задешево... – он скривился. – А мне не по нутру постояльцев огурцами на кровавом поту кормить. Послал, лучше вдвое переплачу, да спать буду спокойно... Ты если чего – я тут всегда. Могу и помочь с сыновьями, – вдруг по-прежнему спокойно и увесисто предложил хозяин. – Глянулся ты мне.

– Глянулся? – Третьяков-старший засмеялся. – Ну?

– Ну, – подтвердил мужик. Кашлянул. – Да что они там...

Но от здания рослая девчонка уже несла большущий поднос. Денис засмотрелся – девчонка была симпатичная, с тяжелой русской косой, большие и спокойные серые глаза, широкий рот, гладкие скулы... Она тоже глянула на мальчишку, и он покраснел. Хозяин захохотал:

– Оставайся, оженю!!!

Денис не нашел ничего лучшего, как буркнуть:

– Да ну... – и сердито посмотрел на мать и отца, которые предательски хохотали тоже.

Девчонка, ставя поднос, по-отцовски спокойно сказала:

– Хилый он, задавлю еще в постели... Кушайте на здоровье, – и, поклонившись, ушла с тем же достоинством, с которым появилась.

У Дениса горело все лицо, а уши вообще пылали. Он поспешил подтянуть к себе свою порцию – на общем деревянном блюде, украшенном хитросплетениями национального орнамента, стояла большая кружка с парным молоком, лежал здоровенный полукруглый ломоть ноздреватого черного хлеба; на тарелке, залитые буроватым – не слишком красивым – соусом, дымились два больших куса поджаристого мяса, на другой высилась горка каких-то красноватых тушеных волокон. Мальчишка, берясь за вилку и нож, отметил, что лицо матери стало удивленным – она явно не поняла, что это за волокна. И выразила свое недоумение после первой же вилки:

– **Очень** вкусно, но... что это? Похоже на грибы, но ведь это не грибы.

– Как раз грибы, – усмехнулся хозяин. – Древесные грибы, растут на здешних буках, на коре. Сбирать можно горстями, легко и просто. Вот допетрю, как их консервировать – и расторгуюсь. Пока не очень получается, деревянными становятся, как ни обрабатывай...

Денису все съеденное показалось умопомрачительно вкусным – и потому, что он проголодался, и потому, что вкусно было на самом деле. Он бы, пожалуй, попросил добавки, но это значило нажираться – делать то, что в среде пионеров считалось одним из признаков

«кутюрье». Поэтому он поблагодарил и, спросив разрешения встать из-за стола, отправился посмотреть, что и как вокруг. Больше всего ему хотелось углубиться в лес. И он бы, пожалуй, это сделал – даже обогнул основное здание – но наткнулся на неожиданное препятствие, которое никак нельзя было обойти просто так.

На здоровенном чурбаке, в окружении расколотых поленьев и воткнутого в другой такой же чурбак колуна, сидел и перебирал штуцер мальчишка помладше Дениса. В маскировочных штанах, легких ботинках, голый по пояс и загорелый до коричневого цвета. Светлые волосы, казавшиеся совсем белыми, стягивала широкая вышитая повязка. Мальчишка, подняв на Дениса серые хмурые глаза, буркнул:

– Солнце не заслоняй, – и вернулся к разборке оружия.

Только теперь Денис различил, что это «взрослый» «Медведь» под калибр 9,53. Впрочем, несмотря на еще более юный, чем у Дениса, возраст, мальчишка выглядел по сложению настоящим дубком, сколоченным из мускулов и сухожилий.

Но закон природы таков, что двое мальчишек не могут просто молча стоять друг рядом с другом. Денис помялся и спросил:

– Это «Медведь»?

– Угу, – паренек снова поднял глаза и внезапно поинтересовался: – А ты пионер, что ли?..

...Третьяковы уже собирались искать сыночка, когда он появился из-за построек рядом с мальчишкой, несущим на плече винтовку. В другой руке у мальчишки были журналы (Третьяков-старший опознал «Пионер», «Костер» и устав пионерской организации). Денис объяснял:

– Ну, в общем, понял, Паш? Тут все подробно написано. А если что неясно – ты пиши или мне, или на тот адрес, который я тебе дал, в Верный... – Он посмотрел на родителей и огорченно вздохнул: – Ну, вот, ехать пора уже.

– Угу, напишу, если что, – мальчишка поклонился взрослым, пожал руку Денису. – Будь, спасибо!

– Ага, будь! – Денис отсалютовал.

Мальчишка поднял штуцер – одной рукой, легко.

– Счастливо, тоже пиши. Если что, сразу пиши!

– Что, вербуешь людей? – серьезно спросил Борис Игоревич, когда они отъехали на километр, не меньше.

Денис удивленно посмотрел на отца:

– А чего их вербовать? Сами на шею запрыгивают... – Он вздохнул и неожиданно жалобно протянул: – Па-а-а... Скоро приедем?

– А вот смотри, – загадочно сказал штабс-капитан.

– Куда? – не понял Денис, завертел головой. И вдруг выдохнул: – Оххх...

Дорога словно пробила зелень – и открылся серпантин спуска среди алых гранитных скал, ужасно похожих на спекшуюся кровь, голых и мрачных. Но не это было самым захватывающим.

Мир, открывшийся Денису, был огромен. Разбегались глаза. Вправо и влево на десятки километров, словно стены гигантской чаши, уходили горы Голодного. Далеко-далеко впереди неясно блестело море Балхаш. Но – очень далеко. А между горами и морем лежала гигантская равнина, пополам перерезанная дорогой, терявшейся в послеполуденном мареве. Слева – лес, над которым почти в самом низу спуска тут и там поднимались какие-то здания. Справа – степь с раскиданными тут и там озерцами, рощами, поселками.

– Вот это – Седьмой Горный, – кивнул Борис Игоревич на строения над лесом. – А все вокруг – мое хозяйство.

Денис кивнул зачарованно-сосредоточенно. Теперь он заметил множество дорог от поселка через лес – к скалам, в которых тоже виднелись какие-то строения. Людей различить было нельзя, но те самые автопоезда, которые так часто встречались в дороге, видны были – ползли серебристыми жучками.

На первом повороте серпантина проплыл мимо плакат:

«Поселок Седьмой Горный приветствует дисциплинированного водителя. Не спешите, у нас плохое кладбище».

– Юмор ничего, – заметил Борис Игоревич, крутя руль. – А вот интересно, встретят нас или нет?

– А что, могут не встретить? – оскорбленно вскинулся Денис.

Отец усмехнулся ему:

– Дениска, если **не** встретят – то все нормально. А если **встретят** – значит, Бахурев еще не всех кротов в своем окружении передал...

– Да вон, уже встречают, – озабоченно сказала Валерия Вадимовна. – Не задави, Борька!

Денис сперва не понял, кого мама имеет в виду. Но отец тормознул и, высунувшись из рывком опущенного (в дверце что-то натужно взвизгнуло) окна, рывкнул:

– Жить надоело?!

– Не-а! – раздалось снаружи звонко-веселое – и Денис, открыв дверь со своей стороны, изумленно увидел возле левого крыла «Ижоры» мальчишку – наверное, он рванул с обочины, где его Валерия Вадимовна и заметила – в отличие от своих мужчин.

Мальчишке было лет восемь-десять, не больше. Тощий, как составленный из спичек, грязный до невероятия, с волосами неопределенно-серого цвета, босой, он, тем не менее, выглядел неожиданно веселым – под стать голосу. А серые глаза смотрели из-под замусоленных прядей с живым интересом и открыто.

– Ну, раз вы все равно остановились, то я вам спою, – деловито заявил мальчишка.

Борис Игоревич даже с некоторой растерянностью оглянулся на семью; Денис засмеялся, а Валерия Вадимовна начала выбираться из машины.

– Тем более что, вижу, вы приезжие, – продолжал мальчишка, – и надо поддержать честь родных мест.

И, не интересуясь мнением приезжих, он вдруг затянул – неожиданно чистым, красивым голосом, как у солиста Большого Имперского Детского Хора:

То не сплетня вам, друзья,
Знающие люди
Говорят – «Энергия»
Солнца – ох! – не любит!
Ведь оно, как ни крути,
Ни хера ни стоит,
За долги не отключить
Солнце золотое!

Мчится солнце сквозь года,
Круг за кругом вертит,
И назло всем господам
На халяву светит!
И плевать ему, друзья, —
В небе ярко-синем.
Капитализация
Перед ним бессильна!

– Стой, погоди! – Третьяков-старший поднял руку.

Мальчишка понятливо заткнулся и предложил:

– Есть казачьи песни, городской романс, военные песни... На немецком могу спеть.

– Да нет, ты скажи, откуда ты **эту** -то знаешь? – настаивал штабс-капитан.

Мальчишка сощурил глаза:

– Да так. Слышал. В выходной мужик один на рыночной площади пел. А я песни хорошо запоминаю.

– Зовут тебя как? – спросила через капот машины Валерия Вадимовна.

Мальчишка охотно ответил:

– Володькой... – И добавил искренне, широко улыбнувшись: – Какая вы красивая...

– Разве твоя мама не красивая? – спросила осторожно женщина.

Володька потускнел, но немного, даже улыбаться не перестал:

– У меня нет никого. Я с бабкой живу, она даже не родная.

Борис Игоревич подал мальчишке несколько купюр.

– Спасибо! – Мальчишка снова заулыбался светлей, ловко сунул деньги куда-то в лохмотья. – Могу еще спеть за такое!

– Мы бы послушали, но спешим, – с сожалением сказала Валерия Вадимовна и первой, неожиданно поспешно села в машину.

В боковое стекло Денис видел, как мальчишка стоит на дороге и от души машет рукой вслед.

– Здорово поет, – сказал Денис, садясь прямей. – Ма-а...

– Ничего, – коротко ответила она.

– Как ничего, когда ты плачешь?

– Глупости, Денис, – отрезала женщина.

Навстречу проехал автопоезд. Дальше дорога оказалась пустынной, и через полчаса Третьяковы въехали в поселок.

...Если Денис думал, что уже видел человеческое убожество на окраинах Верного – он ошибся.

Мальчишка прилип носом к боковому стеклу «Ижоры». Временами ему казалось, что они едут по каким-то руинам... но на самом деле через пару секунд до него доходило, что это не руины, а черт-те из чего слепленные, сложенные, сгроможденные и непонятно почему держащиеся хижины. Кое-где поднимались над ними тонкие дымки – наверное, готовили еду. Передвигались какие-то старики и старухи – сомнамбулически медленно, неясно куда. На повороте дороги, около грязной лужи, играли голые дети – много, не меньше десятка, трех-пяти лет, не старше, не поймешь, мальчишки или девчонки. Те, кто постарше, первым делом обкидали машину грязью и, похватав младших, сыпанули кто куда.

– Так, – железным голосом произнесла Валерия Вадимовна. – Останови...

– Ну уж нет, побереги запал, – вроде бы шутливо сказал Борис Игоревич.

Но Денис, потрясенно наблюдавший эту невозможную в реальной жизни картину, посмотрел на отца – и увидел, что у того рот стал похож на прорезанную ножом щель. А глаза – на два этих самых ножа. Отец почувствовал взгляд сына и повернулся к нему:

– Ну что притих? Помнишь, дед рассказывал – у нас было то же самое.

– Не может быть, – честно и тихо ответил Денис. – То есть... я понимаю... было, да. Но я раньше думал, что это все неправда. Даже в Верном **так** не было, па...

– То-то, – сказал штабс-капитан. – Ну, нам, кажется, сюда, если я правильно маршрут запомнил.

«Нас всего трое, – отчаянно подумал Денис. – Да нет, двое. Я же ничего не могу!»

Все мысли, все надежды словно бы отсекло видением грязной лужи, в которой возились, играли, как будто так и надо, человеческие существа одного с ним языка и крови.
Дети !!!

«Нет. Нас все же трое», – упрямо подумал Денис.

И стиснул зубы.

Глава 13

Дом на краю леса

Дом был какой-то низкий и широкий, несмотря на то, что полуторазэтажный – на крыше

лепилась небольшая надстройка. «Мезонин», – вспомнил Денис, медленно открывая дверцу и выбираясь наружу. Это новое жилище ничуть не походило на петроградский дом. Стены – желтовато-серые, а не светло-коричневые, из кирпича со штукатуркой, а не из древесного биопласта. Крыша – почти плоская, а не остро-покатая, это из-за нее он казался низким. Большие – в человеческий рост – окна, прямоугольные, а не квадратные, без привычных – буквами **Т** – переплетов, цельные.

Зато вокруг дома был сад, большой и запущенный. Вернее, не **вокруг**, а **за** домом. Перед домом были только две большие клумбы, дорожка между ними, выложенная плитками какого-то черного камня, – и все.

– Флагшток надо вкопать, – сказал отец.

– Сделаю, – ответил Денис.

Мать вздохнула:

– Самая нужная вещь в хозяйстве...

Третьяковы уже минуты три сидели в машине, не решаясь выйти.

– Вообще кошку надо первой в дом пускать, – заметил Денис, открывая дверцу. Снаружи было жарко, влажно-душно, пахло чем-то сладковатым, словно бы гниющими фруктами откуда-то наносило. – Я войду вместо кошки. Вещи наши, наверное, в дом запихали.

– Или растащили, – пророчески сообщила Валерия Вадимовна, выскакивая следом – ловко, привычно одернув форму.

Денис между тем открыл калитку и уже взбежал на крыльцо – с высокими ступенями и темными перилами из какого-то металла, не очень подходящее для жилого дома. На двери висела табличка:

**ОХРАНЯЕТСЯ КОМПАНИЕЙ «ЭНЕРГИЯ».
ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН.**

Ниже кто-то подписал синим фломастером:

НАМ ПОХ...

Денис хмыкнул и сдернул табличку.

– Па-а, – окликнул он, – а наше имущество компания охраняла... Точно, либо все растащили.

– Да нет, вряд ли, – Борис Игоревич шел к дому неспешно, придерживая под руку жену. – А насчет компании – не удивляйся, согласно контракту с республикой у нее тут полная власть, в том числе и административная. Так что запрет для них торговать энергоносителями – это еще только первый шаг на длинной дороге... Это еще выработка на шахтах падать не начала и энергетический голод не наступил – а как наступит, тут на Бахурева волну и погонят: мол, при частниках такого не было, верните энергию в предприимчивые руки истинных хозяев!

– И я падению выработки помогу по мере сил, – твердо заметила Валерия Вадимовна. – По крайней мере, половину рабочих повыгоняю силой. И половину шахт закрою.

За разговорами взрослые поднялись на крыльцо и встали рядом с Денисом. Тому показалось, что и родителям тоже не очень хочется входить в дом – как будто поставить подпись под документом, условия которого будет трудно выполнить. Кстати, теперь Денис заметил, что соседних домов не видно за густой зеленью, да и вообще создавалось такое впечатление, что их новое обиталище стоит в лесу.

Валерия Вадимовна вздохнула.

– Да, будут убивать – не докричишься, – фыркнула Валерия Вадимовна. – Но уж вечером-то местные шишки обязаны к нам прийти представляться!

– Придут, – заверил Третьяков-старший. – Приползут на четвереньках и с умильными лицами. Это и есть самое скверное.

Он вздохнул и достал из кармана парадной куртки ключи (Денис на них посмотрел с интересом – раньше он никогда вблизи не видел таких вещей). Звякнул – дверь открылась бесшумно – в короткий широкий коридор.

– Ну, вместо кошки, – заявил Денис и под рукой отца прошмыгнул в дом.

...Комнату на «полуторном этаже» как-то сам собой получил Денис. Как и хотел.

Вещи Третьяковых не разворовали – ими загромождали две нижние комнаты. Зал, две спальни и еще две комнаты непонятного назначения, которые были немедленно объявлены кабинетами родителей – вот что было на первом этаже. Еще – туалет, кухня, ванная и большая столовая. Свет, вода, канализация – все имелось. Не было горячей воды, но Денис сразу наткнулся на колонку электрообогревателя, встроенную в водопроводную систему так, чтобы подогревать по желанию воду, идущую на кухню и в ванную. Подвал отсутствовал, а вместо чердака было узкое, пустынное скошенное помещение, в котором человек мог передвигаться только ползком.

– Кто тут раньше-то жил? – поинтересовался Денис, с удовольствием отдирая кусок упаковочного ящика.

Отец, небрежно швырявший на диван пакеты с одеждой, отозвался:

– В последнее время – никто. До этого был дом кого-то из чиновников администрации компании.

– В смысле как никто? – Денис замер с упаковкой в руках. Ему вспомнились хибары рабочих, виденные по дороге сюда. – А почему же... – но вопрос он до конца не задал.

И так все было ясно, недаром он пожил в Верном. Конечно, такие дома не для быдла, это для элиты. Странно. Муромцевы жили в доме, в десять раз большем, чем дом Третьяковых в Петрограде. Но это не вызывало протеста. Может быть, потому что во главе стола Муромцевых сидел однорукий герой, а те, кто находился рядом, были под стать ему? Но почему **чиновник** должен жить в таком доме в то время, как **рабочие** живут в грязных халупах?!

После того, как упаковка была содрана, взрослые прогнали Дениса наверх – обустраивать собственную комнату и таскать туда вещи. Конечно, никакой мебели с собой Третьяковы не привезли (не хватало еще!). Но личных вещей, книг, бумаг, одежды и разных мелочей было полно, и никто за Дениса их у него расставлять не собирался.

Мезонин Денису понравился. Мебели было лишку, явно больше, чем нужно человеку. Но сама комната была больше комнаты Дениса в Питере, а из окна открывался великолепный вид на лесистые склоны Голодного. Денис немедленно открыл окно... и с огорчением понял, что вряд ли сможет держать его открытым. По крайней мере – пока не привыкнет к поплывшей оттуда приторно пахнущей духоте. Вот ведь...

В комнате работал кондиционер. Денис водрузил на стол самодельную вертушку для дисков и, недолго думая, поставил первый попавшийся из своей раритетной коллекции. Уже плюс – музыку можно будет слушать постоянно. Да и вообще – со светом намного лучше.

– Па-а! – крикнул он. – А у нас проектор есть?

– В моем кабинете стоит! – отозвался снизу отец.

Денис довольно кивнул: прав был Славка. Можно будет ленты крутить.

Внизу уже названивал телефон – и ближайшие полчаса отец от него не отходил. Когда вся семья собралась в столовой – отдохнуть немного от расстановки вещей по местам, – штабс-капитан объявил:

– Ну вот. О нас уже знают, нам кланяются и нас лобызают. Нам уже предложили услуги домработницы, грузчиков, личного секретаря, садовника, шофера и повара. Все – за счет компании.

– Ого, – Денис присвистнул.

Валерия Вадимовна недобро рассмеялась и ничего не сказала. Но позже, ставя чайник на электроплитку, заметила:

– Заход первый. Попытка робкого подкупа: вдруг это **особенный** имперец?

– Вообще-то фонды на шофера и на домработницу-повара у меня есть, – заметил

Третьяков-старший, — да и нечестно это: люди могут у нас подработать, и неплохо. Не лишать же их такой возможности... Но **этих** кандидатов брать, конечно, нельзя — может быть просто смертельно опасно и уж, во всяком случае, «Энергии» они будут стучать со всем усердием... Сами найдем, со временем.

— Денис, магазины и покупки на тебе, — сказала Валерия Вадимовна. — Все разнюхай, разведай. Деньги на хозяйство будут лежать в коридоре на полке.

— Как обычно, — кивнул Денис. — Ох. Впору и правда домработницу найти. А она будет меня по утрам обувать и одевать?

— А тебе это доставит удовольствие?! — поразились Валерия Вадимовна.

— Не-а, — честно ответил Денис. — А если доставать будут, можно в морду?

— Можно, — ответил Третьяков-старший, отрезая кусок колбасы. — Кстати, учти: продуктов тут много фальсифицированных. Порченных. Пищевой белок из сои. Скоро это дело запретят, но пока есть.

— По цене, что ли, смотреть? — озадачился мальчишка. — Цену же любую написать можно... Ладно, разберусь. На крайний случай — буду пробовать... Па-а, а можно я тобой всех пугать буду?

— В таких ситуациях пугать лучше мамой, — посоветовал Борис Игоревич. — Мной можешь пугать, если увидишь, что из шахт вывозят оборудование... — Штабс-капитан задумался и добавил: — Но тогда лучше не пугай, а по-тихому лети искать меня лично. Если до этого дойдет, то и мне их уже особо не испугать...

...После того, как все опять взялись за работу по благоустройству, отец поднялся к Денису.

— Вот что, — сказал он, разглядывая принявшую почти жилой вид комнату сына. — Слушай. Если вдруг с нами что-то случится, а ты останешься цел, — это прозвучало совершенно обыденно, — добирайся на перевал к тому мужику, в «Приют». Понял?

— Понял, — кивнул Денис. И, положив на стол приз — хрустальную гитару с оборванными серебряными струнами, — спросил: — Но мы ведь все равно победим?

— Конечно, — спокойно и даже как-то равнодушно ответил отец.

...За окнами стемнело сразу и наглухо, как будто плавно и быстро прикрыли дверь в комнату. Сидя за столом, Денис писал сразу два письма — Войко и Славке. Именно сразу — строчку туда, строчку сюда. Звуков снизу не доносилось — родители уже спали, у них-то завтра рабочий день, а у него каникулы, и мальчишка — спать не хотелось — решил посидеть подольше. Тем более что чувствовал — впечатлений столько, что если не выплеснуть их на бумагу, то они «перегорят» и станут неинтересными ему самому. Для вдохновения он положил рядом книгу об охоте на Голодном — на странице, где был во всей красе изображен саблезубый вампир¹⁸.

Письма он накатал за полчаса. Запечатал в конверты — местные, платные, с красивыми марками. Закрыв вампуара, посидел, глядя в темноту за окном. Огоньков не было вообще, и стоило труда убедить себя, что их просто не видно сквозь зелень. Потом придвинул к себе книгу, которую подарил ему Славка — «Грани» Алексея Шепелева. Посидел еще, как часто делал, прежде чем взяться за явно хорошую книгу — гадая, что же тут, на обложке, куда идут мальчишка и мужчина в черной форме?

Потом — открыл книгу...

«В то, что в приморском городе пыль соленая, Балис Гаяускас не верил никогда. В конце концов, за свои почти целых тринадцать лет он насмотрелся на родную Балтику с самых разных мест. С набережных почти десятка городов от Ленинграда до Калининграда, с песчаных литовских пляжей, дюн и кос, и это не считая судов и кораблей! Никогда песок не был соленым. С чего же быть соленой пыли? Севастополь развеял это заблуждение довольно быстро, здесь соленой была не только пыль, но, казалось, и сам воздух. Неслыханное дело:

¹⁸ Такое животное описано в книге Д. Диксона «После человека. Зоология будущего».

после дождя Балис вдруг почувствовал, что ему... стало душно. Да уж, каких только чудес не бывает на белом свете... Развеел Севастополь и другое глубокое убеждение Балиса, что он всегда умеет найти короткий путь из одного места в другое.

Ситуация выглядела довольно отвратительно. Пятилетнему ребенку потеряться вполне понятно и даже прилично, а как это смотрится в двенадцать лет?

«Отец, конечно, тоже хорош – проморгал сына в толпе, но и я сделал кучу глупостей», – самокритично подумал Балис.

Самое обидное – ни малейших идей, как исправить ситуацию, в голову не приходило...»

...Денис оторвался от книги, только когда Балис Гаяускас и Серёжка вышли к костру своих – это уже было ясно – будущих спутников на какой-то нездешней Дороге. Щеки у Дениса горели, голова тонко звенела, и он диковато огляделся – убедиться, что находится в своей новой комнате, а не там, на Дороге, с героями книги.

И снова посетила его и раньше появлявшаяся, когда он читал или смотрел про былые дни, злая горечь: ну как же так?! Про Советский Союз – великую империю Добра и Света, с падения которой начался крах прежней цивилизации – Денис, конечно, знал. И недоумевал: как же так?! Почему хорошие люди не защитили Родину от плохих?! Это было детское определение, но ведь правда – хорошие и плохие, все было ясно! Ведь негодяев была жалкая кучка – могильных червяков, нечисти поганой... Как же так, почему офицер Гаяускас остался без Родины, а Серёжка – без родных людей?! Они же оба воевали за правое дело!!!

– Эхххх! – выдохнул Денис. Встал резко, порывисто. И...

И замер.

Он мог бы поклясться, что оттуда – из темноты за окном – его внимательно рассматривали чьи-то глаза.

Глава 14

Новые люди

Открыв глаза, Денис долго смотрел в потолок, пытаясь понять, где он находится. За последнее время он столько раз просыпался в новых и новых местах, что перестал им удивляться. И сейчас ему понадобилось не меньше минуты, чтобы вспомнить все, что было вчера.

– Ага, – глубокомысленно сказал мальчишка, откидывая мокрую от пота простыню. Перед сном он выключил кондиционер, и теперь в комнате царил такая же влажная духота, как и снаружи.

Денис поднялся – и понял, что дома один.

Он убедился в этом окончательно, спустившись на первый этаж. Родителей не было, Денис долго шарашился по непривычным комнатам, пока в коридоре на полке не наткнулся на адресованную ему записку. Простудировав ее, Денис впал в некоторое уныние – дел тут было много и почти все масштабные, а он рассчитывал погулять и посмотреть, что и как... Были тут и телефоны «работы» матери и отца – короткие, 3-53 и 3-97, но с припиской: «Звонить, только если дом будут штурмовать!» – это писал отец. Валерия Вадимовна дописала недогнувшей рукой: «И то сначала попробуй отбиться сам!»

– Если будут штурмовать, – Денис хмыкнул и почесал зад. – Если будут штурмовать, то первым делом телефон чикнут...

Тут он понял, что хочет есть. Но в холодильнике (без аккумулятора на время отключения!) на кухне было пусто, лишь лежала еще одна записка: «Сюда положишь то, что купишь».

Денис оживился. Да, ведь о покупках сказано! Вот за них и возьмемся напрямую и сразу. Со всей суровостью военного времени, как дед говорит. Заодно и осмотримся!

В ванной мальчишка с удовольствием влез под холодный душ и почистил зубы, прямо стоя под ним. Потом, пренебрежительно оставляя везде мокрые следы и ожесточенно

вытирая голову мохнатым полотенцем, стал расхаживать по комнатам, раздумывая, что ему надеть.

Конечно, правильной всего было бы надеть пионерскую форму. **Правильней** . Но... правильное – не всегда самое умное. У Дениса не было каких-то планов на будущее, но некое смутное чувство подсказывало ему: лучше не светиться. Не из трусости, нет. Наоборот. Пусть он пока не ассоциируется с пионерской формой. Конечно, все поймут рано или поздно, что мальчишка – новенький, приезжий. Но что пионер – пусть пока не знают, потому что, чтобы...

Что – «потому что» и «чтобы» – Денис и сам еще не знал. Но подчинился чутью.

Гардероб мальчишки никогда не был особо богатым, хотя в Империи с одеждой проблем не было. И все-таки, кроме формы, он привез с собой немало всего. Чемодан с одеждой был не разобран с вечера, и, вздохнув, Денис вывалил его на так и не убранную постель.

В конце концов он остановил свой выбор на широкой бежевой рубашке с короткими рукавами и национальной вышивкой золотом по квадратному свободному вороту, черных шортах и простеньких сандалиях на босу ногу – подошва, четыре ремешка с пряжками-регуляторами. Под рубашку, за ремень шорт – он оставил пионерский ремень с закрепленным на нем ножом, – Денис аккуратно убрал пистолет (широкую рубашку он выбрал не в последнюю очередь поэтому), в карман шорт сунул авоську, в другой – деньги, сколько схватилось.

Погладил ладонью аккуратно разложенный на спинке стула галстук. Сказал:

– Ты прости... это военная хитрость просто. Ты еще увидишь...

Что – «увидишь» – Денис и сам не ведал. **Ощущал** . И, наклонившись, тронул галстук губами.

Выпрямился. И на секунду ужаснулся своему одиночеству. Это было страшное и взрослое чувство. Как у солдата, который первым встает на бруствер. И почти наверняка знает, что его – первого – свалит гремучая очередь... и как утешиться тем, что следом рванется из окопа живая волна – и замолчит вражеский пулемет, и взвоятся наши знамена? Даже взрослому – **как** ?!

Он посмотрел на книгу, которую вчера оставил открытой лежать на столе. С иллюстрации смотрел на Дениса казачонок Сашка – расстрелянный, погибший и все-таки живой. Смотрел упрямо и чуть насмешливо: мол, ты чего это? Ты, что ли, трусил? Эх, ты...

«Интересно, подружатся ли они с Серёжкой? – подумал Денис, вспомнив другого героя повести – того, что шел на обложке через пустыню. – Хорошо бы подружились...»

– Я не трусил, – сказал Денис рисунку. – Я иду.

* * *

Ну, надо сказать, решительное лицо делал и морально подготавливал себя Денис совершенно зря. На улице его не ждали с кистенем, не набрасывались с ножом и вообще – им никто вроде как и не заинтересовался.

Одной из причин было то, что улица в общем-то пустовала. Она явно была не для жилищ рабочих, по обе стороны в густой зелени прятались дома, похожие на новый дом Третьяковых. Два человека шли куда-то в дальнем ее конце. Даже о магазине спросить было не у кого, и Денис сильно разочаровался. Тем более что было жарко, даже проглядывавшее сквозь облака солнце (Денис вспомнил вчерашнего мальчишку-певца и улыбнулся) казалось немного утомленным этой жарой. Как в какой-то старой песне, обрывок которой Денис слышал сам не помнил где: «Утомленное солнце». Но там речь шла вроде о вечере, а сейчас – утро.

Насвистывая мотив без так и не вспомнившихся слов, мальчишка пошел куда глаза глядят – и через пять минут оказался на перпендикулярной улице – длинной, с унылыми строениями слева-справа, многие из которых тем не менее украшали яркие вывески и

рекламные щиты. Народу тут было довольно много. Проехали даже две машины. А вот пешеходы были одеты так себе, плоховато. И почти исключительно женщины, разве что еще иногда с маленькими детьми. Дениса, признаться, с ходу поразило то, как одна из женщин орала на ребенка – может, и за дело, но совершенно непотребно, с яростными глазами, как на злейшего врага, мотая его – девочку лет пяти-шести – за руку, как неживой предмет. Люди равнодушно шли мимо, но Денис остановился. Родители могут наказывать детей и **должны** их наказывать. Тут даже не надо спорить. Но зачем **так** делать?! Это же не наказание, она просто кричала девочке (не мальчику даже!) такие слова, за которые в Петрограде старшие ребята с размаху били младших по губам, только оброни – при полном одобрении окружающих. А вздумай кто-то из взрослых так сказать ребенку – его бы, наверное, отколотили прохожие...

Женщина посмотрела на застывшего Дениса какими-то болезненными, не вполне нормальными глазами. И прошипела:

– А ну иди куда шел, щцщщщенок!

Мальчишку отшвырнуло. Честно сказать, он испугался немного. И только через пару шагов гневно остановился – но женщина и девочка уже исчезли куда-то.

– Ничего себе... – пробормотал Денис. Потряс головой, чтобы вытрясти из нее увиденное. И свернул в продуктовый магазин – так было написано над входом...

...Внутри мальчишка позабыл об увиденном снаружи. Его изумило, что в магазине с таким названием рядом продаются еда – и чистящие-моющие средства. И тут же – туалетная бумага. И детские игрушки. Как можно все это продавать на соседних прилавках?! Куда смотрит санитарная служба?!

Денис вышел из магазина, качая головой. Не-е-е-е, купишь еще хлеб, который лежал рядом с каким-нибудь чистящим средством...

Он помотался по улице и убедился, что магазины тут торгуют продуктами, мебелью, разной химией – но ни книжных, ни музыкальных не было. То ли вообще, то ли именно тут. Духота доконала непривычного к такому мальчишку и окончательно испортила и без того скисшее настроение. Люди вокруг казались совершенно и непредставимо чужими, хоть и говорили на русском языке. Захотелось поскорей сделать покупки и вернуться домой.

В конце концов Денис вошел в большое приземистое здание, где, к своей радости, увидел по крайней мере «отдельный отдел» для продуктов. Народу тут было немного, работали кондиционеры, и вообще впечатление осталось приятное. Правда, продавщицы как-то странно посмотрели на мальчишку, но Денис не обратил на это внимания.

Продукты тоже порадовали. Практически все, что нужно, на обертках вместе с рекламой и заманчивыми названиями был напечатан состав – все натуральное. Смысл до Дениса дошел, когда он начал расплачиваться. Продукты тут стоили в несколько раз дороже.

– Скажите, а почему так дорого? – поинтересовался Денис у продавщицы.

Та удивленно смирив мальчишку взглядом и вежливо ответила:

– Но это же натуральное все, мальчик...

– Ясно... – пробормотал Денис, нагружая руки двумя солидными сумками. И уже на выходе добавил: – Ну ничего себе...

Таскаться по жаре с таким грузом Денис не привык и около чахлого скверика устроил себе посиделки прямо на ограде. Он рассчитывал передохнуть минутку – но вышло так, что невольно стал прислушиваться к разговору двух женщин, остановившихся с другой стороны ограды, в скверике. Видимо, тоже передохнуть – у них были большие сумки. И заодно поговорить – на сидящего к ним спиной мальчишку внимания они обращали не больше, чем на пень, на который эти сумки поставили.

– Казака-то платят хорошо и по-честному, – сказала одна из женщин, повыше и когда-то, видимо, красивая. – В прошлом году мой старший, ну, ты ж знаешь, Мишка, – ее собеседница покивала, – перед летом говорит: не могу, говорит, мам, на шахту. Я так и села. У меня еще трое, доходы мои ты тоже знаешь, а муж – и это знаешь... – Они обе как-то грустно посмеялись. – Так и села, – продолжила рассказ высокая. – Что ж ты, говорю,

делаешь, проглот? Ты не пойдешь, и чего мы жрать будем? Вытянула его веревкой раз, другой... А он и не закрывается, сидит и плачет. Я, говорит, мам, там помру скоро. А я и подумала – он ведь у меня уже два года как работал к тому времени-то, с десяти лет, – я и подумала, он с той зимы кашлять-то как стал, особенно ночью... Я рядом села и тоже реветь. Говорю: а братья с сестрой помрут, это как? Он промолчал, а ночью все не спал, ворочался. И я не спала. Жалко его, он в отца весь... А утром он мне и говорит: я, мам, пойду на станицу – ну, в Лихобабыю, значит. Может, чего заработаю, а нет – так тебе меня все не кормить. Я рукой махнула и собрала его. Ну не поднялась рука старшего вот так под землю загонять... Ушел он, значит. Через две недели письмо – нашел работу. Трудная, пишет, вечером все из рук валится, не разогнешься, но я, мам, буду работать, ты не думай, тут в сто раз лучше, чем под землей. Пишет, не обижают меня. А еще через две недели – письмо опять. А в письме – деньги! Миллион почти, без малого, как за два месяца на шахте! Я так и села. Села и пишу, да не ему, а на адрес на этот хозяину – мол, не уворовал ли у вас чего мой щенок?! Думаю: красть начал – убью. А мне в ответ не письмо – а так, записка: не волнуйся, баба, ничего твой парень не крал, а просто был расчет по месяцу. Деньги ему не нужны, он тут на готовом. И все... Потом еще писал и как месяц к концу – деньги слал. Вернулся аж в октябре, когда с полей они там убрали. Я не узнала, вот веришь, нет! Вытянулся, в плечах здоровый стал. Загорел, аж черный. Кашля того как и нет, смеется – а зуба одного тоже нет, казачата тамошние в драке выставили. Опять денег привез и припасов разных. Сестренки младшие не узнали его сперва. Говорит – работа тяжелая, он сперва воем был, тяжелей, чем в шахте. Но, говорит, мам, небо над головой, дышать есть чем, и рубли из твоего кармана за всякое дело не тянут. А потом привык. А потом и вовсе понравилось. «Обижали?» – спрашиваю. Он опять смеется – было, колотили пару раз сначала, но за дело. А так, говорит, и люди хорошие, и жить намного там веселей, и заработок – сама, мам, видишь... А в этом году по весне что придумал? Пристал, как репей к подолу: давай, мам, отсюда перебираться. Куда, говорю, дурень? К казакам твоим? Нужен им такой подарок. А он мне бумагу в нос тычет: программа «Мы поднимем наш дом вместе!». Земля, денежная субсидия, разное всякое... Я говорю: да куда ж мы от дома?! А он как кулаком по стенке трахнет: это, кричит, дом?! А она вся зашаталась прямо, стенка-то... Я вот сейчас и думаю: может, правда? Ну, не забогатеет. Ладно. Так хоть сами себе хозяева. А то ведь еще год, мне что – и второго сына в шахту, а Мишку моего – следом за мужем? Ну, будет тяжело. А тут легко? Ну, с утра до ночи будем работать. Так хоть и правда под солнышком да вместе.

– И не страшно – вот так-то? – спросила до сих пор только кивавшая да вставлявшая сочувственные междометия женщина. – Слышала, что говорят про программу-то эту? Прямо к самому хребту отселяют, где лес непроходимый, зверье вообще хозяином ходит... Не докричишься, если что. Да и что говорят – все, кто по этой программе ходит, к Бахуреву-то, вроде как рабы становятся...

– Я уж и не знаю... – вздохнула первая.

Денис не выдержал.

– Ну что вы такое говорите? – сердито сказал он.

Обе женщины непонимающе и даже с некоторой опаской посмотрели на рослого незнакомого им мальчишку, который повернулся на ограде, соскочил в сквер и решительно подошел к ним, вмешавшись в разговор.

– По этой программе землю дают не в лесу ни в каком, а в лесостепи у берега Балхаша. На пять лет без налогов, потом налог продуктами. Участок размером по желанию, но с условием – чтобы к концу второго года залежей не было. – Денис рассуждал об этом уже спокойно и подробно, мысленно сказав «спасибо» прочитанным в Верном брошюрам. Женщины слушали внимательно. – Строят дом, по двадцать пять квадратных метров на человека, а если есть возможность доплатить – построят что угодно. Копают колодец и подводят трубы – тоже бесплатно. И бесплатно ставят два ветряка. Дают семенной фонд, инвентарь, скот, перевозят все это на место. Есть брошюра, у вас на почте, наверное, можно выписать – там все подробно рассказано. А дальше – как получится. Только... – Денис

немного увял. – Только если у вас старшему тринадцать, а трое других детей младше и мужа нет... наверное, вы не поднимете...

Высокая женщина неожиданно сказала:

– Да это уж поднимем. Только бы не обманули.

Ее собеседница всплеснула руками:

– Не то решилась?! С чего?!

– А вот его послушала, – высокая кивнула на Дениса, – и решилась. Видно, знает, что говорит. И Мишка мой правильно говорит: тут жить – только гнить.

– Не обманут! – горячо пообещал Денис. – Бахурев не обманщик!

– Да не Бахурев, – горько улыбнулась женщина, – есть и поменьше, да ближе, лицом краше, но куда как гаже.

– Там и оружие дают, – сказал Денис.

Женщина ласково улыбнулась ему – и вдруг стала очень красивой:

– Да мы и стрелять не умеем...

– Я научу, только скажите! – вскинулся мальчишка.

Женщины необидно засмеялись, и та, вторая, спросила весело:

– Ты откуда взялся такой ладненький-то?

Мальчишка почувствовал, что краснеет. С трудом подавил желание опустить глаза и сказал:

– Мой отец – офицер ОБХСС, мы только вчера приехали.

Женщины переглянулись. Первая сказала почти со страхом:

– Из Империи семью привез?! Он что, без ума, отец твой?!

– Мы никого не боимся, – гордо и упрямо ответил Денис, выпрямляясь. – За нами и правда, и сила. И вы никого не бойтесь.

Он собирался уже повернуться и решительно пойти прочь, к своим сумкам, стоявшим за оградой, как бы ставя точку в разговоре, но собиравшаяся переселиться остановила его:

– погоди, не убегай. Дай-ка мы еще посмотрим на тебя... Я вот тетя Лена, она – тетя Люба... – вторая женщина церемонно кивнула. – А тебя как зовут?

– Денис, – мальчишка опять смутился, но остался стоять на месте.

– Ладненький какой, – повторила тетя Люба с удовольствием. – Лет-то тебе сколько?

– Тринадцать, – буркнул Денис.

– Тринадцать?!

Женщины переглянулись, и тетя Лена покачала головой:

– Ой, думала, больше... Высокий какой... А по лицу – да, верно, пожалуй, тринадцать, – она засмеялась и ласково провела ладонью по волосам мальчишки. – А вот скажи, отец-то твой, он помочь сможет?

– Отец? – Денис на миг задумался. – Не отец. Мама. Валерия Вадимовна Третьякова, поручик гражданского медицинского корпуса. Ее тут скоро все знать будут. Вы к ней обращайтесь, скажите – я попросил, – важно добавил Денис. И смутился еще сильнее: – Вы извините, я пойду, мне домой пора...

– Как, говоришь, фамилия-то? – спросила тетя Лена.

– Третьяковы, – гордо ответил Денис, обернувшись.

* * *

Мама и отец появились с перерывом в пять минут и совершенно неожиданно – сразу после полудня, когда Денис их и не ждал. Мальчишка встревожился.

– А что случилось-то? – уточнил он, едва родители собрались вместе.

– Холодильник забил? – вместо ответа как-то агрессивно поинтересовалась Валерия Вадимовна.

– Ну да, вы же сами велели... три раза ходил, – оробел Денис, прикидывая, что сделал не так.

– Ты, – палец матери поднялся, как ствол зенитки, – мобилизован на кухонные работы мне в помощь.

– С какой стати?! – искренне возмутился Денис. Не то чтобы он был против... но вообще-то уже предвкушал, как поднимется к себе, почитает «Грани», а потом (остановившись на самом интересном месте...) – посмотрит подробно альбом про охоту на Голодном. – Ну хоть бы предупредили, родители!

– Нас тоже особо не предупредили, просто напросились всей местной верхушкой на ужин, – сообщил Борис Игоревич. – Сегодня вечером. Отказывать нельзя, надо же мне посмотреть на всех подозреваемых в одном месте.

– В каком смысле?! – изумился дважды ошарашенный Денис.

– В смысле – собрав их всех до кучи, – пояснил Борис Игоревич. – Святое дело.

– Ты их арестуешь?! – с почти настоящей надеждой уточнил Денис.

Отец вздохнул:

– Нет, пока не за что.

– Да как не за что! – изумился мальчишка. – Я тебе сейчас такое порасскажу...

– **Сейчас**, – выделила Валерия Вадимовна это слово, – ты пойдешь чистить картошку. Малейшее уклонение будет расценено как предательство интересов Империи.

Денис не без иронии щеголевато отдал пионерский салют, повернулся на пятках и вышел. Родители еще и переглянуться не успели, а на кухне уже раздалось:

То не сплетня вам, друзья,
Знающие люди
Говорят – «Энергия»
Солнца – ох! – не любит!

* * *

Вообще-то Денису было не привыкать участвовать в подготовке домашних пирюшек. Как и почти все русские, Третьяковы обожали праздновать и никогда не звали меньше десяти гостей – и никогда не приходило меньше пятнадцати. Так что Денис ныл больше из подростковой вредности, о которой прочитал в каком-то древнем журнале – мол, подросток **обязан** спорить с родителями. А так ему было даже интересно: как же выглядят эти гости? Понятно, что и первое-то знакомство с капиталистом – в поезде – оказалось провальным. Но, может, хоть эти не обманут ожиданий, будут соответствовать классическому образу?

Коронным блюдом Валерии Вадимовны была гречневая каша с грибами и отбивными. Денис это знал отлично и поэтому удовлетворенно хмыкнул, когда по требованию матери один за другим предъявил ингредиенты.

– Ты знал, – обвиняющим тоном сказала Валерия Вадимовна. Посмотрела цену на упаковке отбивных и подняла четкие брови (в детстве Денису нравилось их трогать – намного более темные, чем светло-русые волосы матери):

– Ого-с.

– И я о том же, – Денис лег животом на кухонную стойку. – Ма-а-а...

– Потом, – Валерия Вадимовна подняла нож. – Если я буду готовить жаренку в плохом настроении, я исполню свою мечту и всех гостей перетравлю. Представляешь, как огорчится наш отец?

– Угу, – Денис хихикнул. Привычно сунул палец в сливочный крем, привычно получил по затылку, привычно облизал палец. – А мне как к гостям выйти? В форме?

– А что тебе с ними делать? – удивилась Валерия Вадимовна.

– Ууу!!! – взвыл Денис. – Нечестно! Совсем! А что я ребятам буду писать?!

– Тогда не в форме, – отрезала Валерия Вадимовна. – И будешь петь, если попросят.

– Ладно, – кивнул Денис. – У тебя пригорает.

– УЙДИ!!! – взревела Валерия Вадимовна. – Стой, куда пошел! Что за бестолочь!
Денис вспомнил сегодняшнюю женщину с дочерью.
И засмеялся. Нет. Ничего похожего.

* * *

Гости начали собираться к семи вечера, как и было назначено. Денис отметил позже, что **никто** не приехал на машине – прибывали в конных экипажах. Ни у кого нет? Не может быть. Бояться, скорее всего. А ведь в принципе, думал Денис, нечего им пока бояться. Они расхищают не **социалистическую** собственность – ведь «Энергия» **пока** не национализирована, национализированы услуги поставок энергоносителей. Выходит, они воруют... у себя. Мальчишка даже хихикнул, хотя уже сели за стол.

Третьяковы оделись вызывающе – в национальную одежду, что обычно делалось на праздники (как, например, на уже близкий Праздник Мужчин). Денис подумал – в который раз, – что предки, создававшие эту одежду, знали, что к чему. Даже удивительно, что перед Безвременьем о ней почти забыли. Впрочем... вспомнив людей той поры, Денис хмыкнул. Эта одежда подчеркивала достоинства человека. И беспощадно выделяла недостатки. А множеству людей тех лет **было** что скрывать. Но Третьяковы – высокий плечистый Борис Игоревич, стройная, гордая Валерия Вадимовна, рослый для мальчишки, гибкий Денис – были типичными имперцами. И первое, что они получали от гостей, – комплименты. Завистливые. Поэтому – искренние.

Сами гости были, словно в униформе, в дорогих парах и тройках разных цветов, но темных. Денис, встречавший их у нижней ступеньки дома (на верхней стояли старшие), запоминал всех – глядя прямо в глаза и не двигаясь (Третьяков-старший кланялся в пояс, Валерия Вадимовна чуть наклоняла голову).

Градоначальник Безгин Иван Павлович один явился с женой – Безгиной Люцией Францевной. Градоначальник был располневший, хотя еще нестарый человек с, прямо сказать, глупым (или поглупевшим?) лицом. А его жена напомнила Денису борзую – высокая (выше мужа), неприятно худая (стройностью это не назовешь), с широким ртом. Во вкусе ей, правда, было не отказать – переливчато-зеленое платье, старательно подобранные украшения (колье, серьги и три кольца – серебро, бриллианты, изумруды), однако она **очень** не понравилась Денису из-за того, что, белозубо-зубасто улыбнувшись (а глаза остались неприятно-ощупывающими), сказала-пропела вполне милым голосом, окинув мальчишку взглядом:

– Где продаются такие статуэтки?

– Делаем сами, но не у всех получается, – ответила Валерия Вадимовна спокойно.

Денис стрельнул в мать и слегка махнул ресницами. В глазах матери плясали огоньки насмешки.

Начальник отделения полиции Кенесбаев Кенесары Ержанович был чистокровным казахом со всеми недостатками этого народа – кривоногой коротконогостью, плосколицестью, полнотой и вообще какой-то, на арийский взгляд Дениса, несоразмерностью пропорций и неприятными чертами лица. Но – у Кенесбаева оказались неожиданно умные и доброжелательные глаза, причем не наигранно – а на самом деле.

Государственный контролер безопасности Есипов Игорь Григорьевич – высокий, худой, в нелепо сидящем костюме. Денис вдруг как-то толчком понял, что этот человек крепко пьет. Но – снова странность – Есипов вел себя тоже искренне-доброжелательно и как-то растерянно, но хорошо улыбнулся Третьякову-старшему, сказав: «Я очень рад вашему прибытию, честное слово, очень рад...»

Управляющий компании «Энергия» Шульце Арнольд Оттович. Вот уж если есть воплощение именно арийского типа – так это и был управляющий. Высокий, с фигурой легкоатлета, энергичной челюстью, светловолосый... и с такими глазами, которые можно увидеть у дохлой рыбы. И по цвету, и по выражению. И дело было не в природном чем-то.

Шульце именно так **смотрел** . Как будто подставил миру два закрашенных мутной блеклой краской окна.

Начальник службы безопасности компании «Энергия» Пинаев Олег Никитьевич. Денис сказал бы, что это профессиональный офицер. Невысокий, темноволосый, крепкий. И неприятный. Какой-то... как телекамера. Может быть, конечно, это следствие профессии... а может – и нет. Денис сейчас еще не взялся бы сказать точно.

Врач-контролер компании «Энергия» Семская Дарья Аркадьевна. Полноватая женщина, со вкусом одетая и похожая на эклер, в который переложили плохо сделанного масляного крема. Это сравнение пришло Денису в голову сразу. Вообще-то на врача она и правда была похожа, почему-то так сразу и подумалось: врач. Но эта эклерность сильно раздражала.

Директор Совета латифундистов Пахомов Алексей Антонович. Загорелый, энергичный, самый молодой из всех прибывших мужчин – лет двадцати пяти, не больше, он явно старался показать силу, пожимая руки Денису и Третьякову-старшему. Кстати, рукопожатие и правда было сильным. Само по себе это было бы ерундой, но мальчишке и этот гость не понравился чисто по ощущению...

Полномочный представитель государственной конторы «Заготмясо» Митрохин Сергей Сергеевич. Ну-у, этот чиновник был типичным. Как раз именно таким, какими себе и представлял Денис это племя (и каковых пока что тут не встречал). Исполненный собственной значимости, немолодой, вальяжный и, на взгляд Дениса, совершенно должности не соответствующий.

Директор школы Амиров Николай Игоревич. В то, что этот невысокий пузанок с отечным лицом и явным алкогольным тремором рук и странным румянцем на дряблых щечках – директор школы, Денис поверил не сразу. А когда понял, что это правда, впал в уныние. Мда. **Такое** – это уже **вообще** ...

Редактор газеты «Наш светоч» Балаганов Александр Остапович был высокий, рыжий и худой, с манерами приятельски-неприятными, как будто все вокруг его старые знакомые, о которых он тааааааакое знает... но молчит почему-то. Или за что-то.

В общем, компания подобралась еще та. Мальчишка именно так и подумал, идя в зал следом за гостями.

Сразу же начались дежурные охи и ахи, восхищение столом, сервировкой, вкусом гостей и прочие ничего не значащие любезности. Впрочем, Денис был уверен, что стол не только красиво накрыт, но все в самом деле очень вкусно.

– Прошу простить отсутствие прислуги, – усмехнулся Третьяков-старший, когда гости расселись.

– А мы ведь вам предлагали полный штат исключительно за наш счет! – тут же с веселой укоризной напомнил Шульце.

Борис Игоревич вежливо наклонил голову:

– Благодарю, боюсь, что **это обошлось бы дороже** , чем свободный найм, которым я скоро займусь.

Шульце ответил не менее вежливым поклоном, но на миг его рыбы глаза вдруг сделались глазами хищника.

– Наш сын Денис, – весело сказала Валерия Вадимовна, – как раз и поработает прислугой сегодняшней вечер.

Спасибо, мамочка.

Впрочем, Денис ничего не имел против на самом деле. Это было даже забавно. Когда он наполнял вином бокал жены градоначальника, та заметила с улыбкой:

– Не ожидала, что в империи детей готовят к роли официантов. Мне казалось, что у вас это одна из позорных профессий!

– Прислуживать за столом даме – значит быть не официантом, а всего лишь мужчиной, сударыня, – негромко, но отчетливо сказал Денис. Наступила изумленная тишина. – Прислуживать же гостям дома – всего лишь быть вежливым человеком. Что из этого

является позором в ваших глазах?

Лючия Францевна покраснела и неестественно громко засмеялась:

– О, так он умеет разговаривать!

– Только когда надо прояснить ситуацию непонятливым, сударыня, – чуть поклонился Денис.

За столом дружно и искренне засмеялись. Все, даже муж Безгиной, который уже успел «пригубить» полбокала.

– Вино из нашего «Высшего вкуса», – заметил Пахомов. – Дороговато даже для меня.

– Мы редко пьем, Алексей Антонович, – ответил Третьяков-старший. – Но для гостей все самое лучшее. Кстати, – он поднялся, – предлагаю тост. За присутствующих здесь дам.

Этот тост выпили стоя и при общем молчаливом одобрении. Денис опять застыл у стола, как статуя. Внутренне он посмеивался; ему, пожалуй, нравилось играть эту роль. Поймав на миг взгляд отца, он уловил одобрение и предупреждение: «Так держать – но не переиграй!»

Потом – после короткой еды с восхвалением – кажется, тоже искренним – кулинарных умений Валерии Вадимовны – началось то, что в Петрограде называлось «треп», а в Верном – «трындеж». То есть разговор всех и обо всем, не имеющий при этом ни малейшего смысла. Денис немного удивился. Обычно взрослые этим не занимались. Они за столом или вспоминали прошлое, или шутили, или пели, или вели серьезные разговоры о серьезных вещах. Здесь же... Видимо, все эти слова о погоде и природе были чем-то вроде дани местному этикету. Но даже за этим бездельным разговором Денис вдруг ощутил, что все гости сейчас как будто идут по темному коридору, напичканному ловушками, прощупывая и проверяя каждый шаг.

При этом старшие Третьяковы не стремились прятаться за слова. Так, на вопрос Пахомова о национализации Борис Игоревич сказал:

– Если богатства земли находятся в частных руках – это воровство в особо крупных масштабах.

– Ну, вы скажете... – Пахомов вдруг растерял всю свою молодую уверенность первого самца на скотном дворе и жалко улыбнулся. – Ну уж и воровство...

– Именно так и никак иначе, – отрезал Борис Игоревич и вдруг заинтересованно спросил: – А сколько ваш Совет отчисляет процентов прибыли в фонды развития города?

– М... а?... – Пахомов покраснел.

– Иван Павлович? – повернулся Третьяков-старший к градоначальнику. (Денис млел.) Тот подавился кашей и уставился на жену.

– О, мы очень много устраиваем благотворительных аукционов... – напористо заговорила Лючия Францевна. – В них принимают активное участие лучшие люди... Вы же видели, в каких условиях живут семьи рабочих, это ужасно...

– Да, это ужасно, что лучшие люди – рабочие – живут в таких условиях... – согласился Третьяков-старший. – Что же до благотворительности... – штабс-капитан поморщился. – Никогда не занимайтесь благотворительностью! Помните, ничто так не унижает человека – обоих людей, и дающего, и берущего. Один откупается, другой покупается... а радуются таким «даяниям» лишь бездельники и лентяи – или люди, окончательно опустившиеся. Первых надо судить, вторых – тащить наверх за шкурку! Нормальный же человек если и принимает подачку, то в лучшем случае считает себя униженным, а в худшем – начинает ненавидеть «дарителя». У самого же «дарителя» крепко засыпает, а потом и вовсе умирает совесть. Как же – он «помог людям»!

«Я это знаю, па, – угрюмо подумал Денис, вспомнив Леркину столовку в Верном. – Я это знаю... ты же не **им** говоришь, а **мне** ... и я знаю!»

– Списки жертвователей регулярно публикуются в нашей газете... – снова подняла было тему благотворительности Лючия Францевна. – Вы с ними можете ознакомиться...

– Спасибо, непременно ознакомлюсь, – пообещал отец каким-то таким тоном, что тема эта больше не поднималась, а вокруг стола прошло какое-то неясное обеспокоенное

движение. – Кстати, – Борис Игоревич обратился к Балаганову, – я читал вашу газету.

– Польщен, – наклонил голову Александр Остапович.

– Омерзительное впечатление, – добавил Борис Игоревич. Балаганов изумленно захлопал глазами. – У меня было ощущение, что это листок какого-то бандитского государства, а не рабочего города шахтеров. Секс, жареная пена и восхваления местных властей в равном соотношении. Это не журналистика, а, как говорят наши английские коллеги, – флафф. Кстати, у них есть в уголовном кодексе такое определение, как флафф. Кажется, за него предусмотрено пожизненное лишение права заниматься журналистской деятельностью... Я не нашел ни в одном из трех прочитанных номеров ничего стоящего. Но обратил внимание на то, что тираж газеты – пятьдесят тысяч. Население поселка вдвое меньше. Выходит, что каждый – от грудных детей до пенсионеров – выписывает по два номера? Или все проще, и подписка распространяется и на окрестности и является обязательной для всех сотрудников «Энергии»? – Борис Игоревич засмеялся, как бы превращая сказанное в шутку, но... Балаганов уткнулся в тарелку.

И Денис понял, что отец угадал... или **знал об этом заранее**, что вернее.

«Ой будет дело!» – шалея от бойцового настроения и маленькой капельки страха, прибавлявшего остроты ощущениям, подумал Денис.

– Ну, не стоит так строго, – вмешалась Семская. – В газете публикуется много материалов о жизни нашей Семерочки, – она улыбнулась. – Ну а что много чернухи – кстати, я сама нередко это говорю Александру Остаповичу, нужно давать оптимистичные материалы! – она укоризненно покосилась на Балаганова (тот оправился уже и покаянно прижал руку к груди: «Исправлюсь!»). – Так ведь и жизнь тут правда тяжелая. Бескультурие, грязь, нищета...

– Я хочу рассказать одну забавную вещь, – Валерия Вадимовна крутила в пальцах бокал, глядя поверх него в никуда. – Первым пунктом устава моего корпуса стоит – простите мне такой слог, именно так у нас пишутся уставы гражданских корпусов, для торжественности: «Медицинский работник любого ранга, пренебрегший своими обязанностями в страхе за свою жизнь, в поисках личной выгоды или по иной причине, равно какой, – да будет уравнен с офицером воинским, покинувшим бойцов рядовых в опасности. Наказанием за это да будет публичное бесчестье и бессудная казнь расстрелянием пулями насмерть – с поставлением на колени выстрелом в затылок».

– Ну, у нас тут это не практикуется, – улыбнулась Семская.

– У нас тоже такого не было уже лет пятнадцать, – кивнула Валерия Вадимовна. – Но между нами большая разница. У нас к домам подведена канализация, и заботу о здоровье подрастающего поколения не подменяют преступными массовыми вакцинациями.

– У нас нет такой мощной медицины, как у вас. – Женщина продолжала улыбаться, и Денис вдруг понял, что этот сдобный пончик, пожалуй, страшнее большинства сидящих тут мужчин. Да-а-а...

– Перестаньте, это все правда, – вдруг резко сказал Есипов и нервно растянул узел галстука. – Простите...

– Игорь Григорьевич, я много раз вам говорила – вам нельзя волноваться, – укоризненно покачала головой Семская. – Так недалеко и до инфаркта... при вашем образе жизни...

Есипов криво усмехнулся и сказал Валерии Вадимовне:

– У вас поразительно легко дышится. Спасибо.

– Мы будем рады видеть вас в любое время, – улыбнулась в ответ Третьякова.

– А между прочим, – неожиданно вмешался Кенесбаев. – Я вот сейчас пользуюсь возможностью сказать, что, если я еще раз обнаружу, что ваша контора, Сергей Сергеевич, сливает водичку после обработки шкур не в отстойник, а поближе – в Заславку – я ведь пойду не к госпоже Семской составлять две тысячи первый бессмысленный акт. Я просто арестую все ваши трубы как начальник полиции. Я уже не раз это обещал, кстати. И теперь я это сделаю.

– Интересы государства... – начал Митрохин, но Есипов прервал его брезгливо-надрывным:

– Да перестаньте же! – И тот развел руками:

– Нервы...

– Простите, я бы хотел спросить кое-что у Николая Игоревича, – подал голос Денис, и в его сторону повернулся не только Амиров, но и все за столом.

Директор школы благосклонно кивнул:

– Конечно, Денис. Тем более, как я понимаю, на ближайшие два года ты мой ученик.

– Я **именно** об этом, – коварно поддержал мальчишка. – Видите ли, конечно же, вам всем известно, что мы в Империи мало думаем о развитии знаний подрастающего поколения, но зато много времени уделяем физическому воспитанию... – Денис сам испугался сказанного, но в глазах матери была только легкая усмешка, а отец вообще о чем-то говорил с Шульце. – Мне бы не хотелось... тем более раз на фоне ваших учеников я буду явно проигрывать... хотя бы не выбиваться из привычного мне ритма.

– Конечно-конечно, мальчик, – поддержал Амиров, и Денис разочарованно подумал: «Ууууу, да ты еще и дурак, неинтересно!» – но продолжал:

– Какие у вас имеются кружки и секции по интересам?

– Огромное количество, – твердо сказал директор. – Правда, этим занимаюсь не я, а заведующий воспитательной работой, но их много. За весьма умеренную цену.

Денис мысленно ликующе взвыл. Тем более что старшие устали на Амирова, как на святотатца, и Валерия Вадимовна поинтересовалась:

– И какой же процент детей рабочих может ее платить?

– Ну что вы, что вы, – Амиров радостно зарывал себя все глубже и глубже; Денис с трудом удержался от детского желания сжать от волнения коленки. – О них нет и речи, у нас в школе только чистая публика...

– Кхггг... – лвыцей рыкнула горлом Люция Францевна и ловко пихнула локтем мужа.

Градоначальник оторвался от бокала и укоризненно сказал:

– Николай Игоревич, Николай Игоревич, зачем же вы так? Ведь решением Городской Думы построен клуб для детей из рабочих семей, выделены фонды...

– Не пора ли перейти к десерту? – спросила Валерия Вадимовна голосом офицера, читающего приговор изменнику. – Денис, может быть, ты споешь гостям?

Отошедшие от неприятной окаменелости гости радостно негромко похлопали и покивали снисходительно: «Просим, просим...» – на самом деле переходя к десерту.

Денис хладнокровно подумал: «Ну я вам сейчас...» – и сходил за гитарой. Устроился на подоконнике, как в пионерском штабе под утро, когда все устали и надо немного ободрить ребят. Вот только петь Денис собирался не шуточную и не походную песню, а...

Вот уже который год
Сам себя, как роль, играю...
То смеюсь – то умираю,
Выходя на эшафот...

Денис продолжал петь, и гости перестали есть и смотрели – удивленно, напряженно... Конечно, они не ожидали такого пения от мальчишки. И – **такой песни** .

– Крупным планом пошел топор... – почти выкрикнул Денис и помолчал. А потом тихо закончил: – ...Мотор.

Довольно долго стояла тишина. Потом Балаганов заметил:

– Однако это уровень не любительства, а эстрады...

– У нас нет эстрады как таковой, – сказала Валерия Вадимовна. – А на том, что у вас называют этим словом, наш сын никогда не стал бы выступать, чтоб не позорить свое умение...

...Гости разъезжались уже за полночь. Третьяковы-старшие, как и положено,

проводили их до калитки, а вот потом не стали задерживаться. Денис же нагло (и тихо) открыл окно в своем мезонине и прислушался к негромкому разговору около колясок. Конечно, влажноватый воздух глушил звуки, но у мальчишки был отличный слух...

– Ну, он нас поджарил... Будь я проклят, если это не прямо изложенная программа действий под видом гостеприимного вечера знакомств...

– А жена у него?! Фурия! Как она на нас смотрела!!!

– И сын ничуть не лучше, малолетний наглец...

– Но поет он хорошо. Однако – вы заметили? – песня с двойным дном.

– А правда, что у них принято жить в свальном грехе?

– Не говорите таких мерзостей...

– Нет, это доказано – они наверняка сожительствуют все трое, я это точно знаю – у них же нет браков как таковых, господствует полный аморализм.

– Боюсь, что и нам они тут устроят сплошной свальный грех.

– Их следует изолировать всеми правдами и неправдами...

– Да, с неправдами у вас особенно хорошо получается...

Голосов Кенесбаева и Есипова мальчишка не слышал.

Он закрыл окно.

Да. Похоже, объявление войны состоялось.

* * *

Стоя в дверях и глядя, как Денис раздевается, Борис Игоревич спросил:

– Ну и как тебе гости?

– Честно? – Денис потянулся, встал на «мостик» и из такого положения ответил: – Если ты завтра этот зверинец расстреляешь – будущие поколения скажут тебе спасибо. В моем лице – точно. Ну... – Мальчишка сделал «березку» и слегка подкорректировал совет: – Есипова и Кенесбаева можно оставить.

Борис Игоревич несколько секунд удивленно смотрел на сына, а потом захохотал так, что Денис обрушился в постель. Впрочем, тут же принял позу лотоса и с интересом стал ждать продолжения, сам широко улыбаясь.

– У тебя чутье, сын, – просмеявшись, сказал Третьяков-старший. – Значит, Есипов и Кенесбаев, остальных расстрелять? К сожалению, не могу.

– Жаль, – заметил Денис, в той же позе приподнимаясь на руках.

– Ну а что там о Есипове и Кенесбаеве? – неожиданно серьезно спросил Борис Игоревич.

Денис ухитрился пожать плечами и только после этого вернулся в позу лотоса.

– Есипов хороший, только потерянный какой-то... без стержня. А Кенесбаеву, по моему, самому очень не нравится, что тут творится, просто правила игры такие, а других он не знает.

– В точку, – кивнул отец и сел на постель сына. – Хватит корячиться, серьезный же разговор... А кто самый **неприятный** ?

– У меня возле стола все кости срослись от неподвижности, – Денис все-таки сел нормально. – Самый неприятный директор школы. И мне у него учиться, бр-р-р! – мальчишка передернул плечами. – Как его к детям-то допустили?! Он же алкаш.

– Это ты – дитя? – удивился Борис Игоревич. Задумался. – А вообще ты прав. С этого все и начинается... Ну а кроме него?

– Шульце, – сказал Денис и положил отцу на плечо руку. – Ты смотри, па. Такой зарежет запросто. Даже сам. Пырнет заточкой и прическу свою проверит – не растрепалась ли.

– И это верно... – Борис Игоревич потрепал сына по волосам, и Денис, прижмурившись, почти замурлыкал. – Вижу, что точно дитя, – заметил Третьяков-старший, вставая. – Ладно. Всем спать. Отбой.

– Отбой, – вздохнул Денис.

...И – честное слово – засыпая, опять испытал то же ощущение, что вчера.

Кто-то следил за его комнатой из-за ограды дома.

Глава 15

Оберег

На следующее утро за завтраком Борис Игоревич заговорил о доме. Точнее – о его украшении.

– Окна надо резными панелями обшить, на крышу конек нормальный... – начал перечислять отец.

Денис кивал, активно жуя яичницу. С его точки зрения, дом без резьбы выглядел неполноценным, ну а выполнить ее мог любой нормальный русский. Учеными давно было доказано, что национальная резьба делалась веками не просто так – она позволяла аккумулировать творческую энергию биополей, соединять усилия больших масс людей, противостояла воздействию энтропии и ее накоплению. Наиболее свирепые сторонники этой идеи вообще считали, что мир прошлого погиб из-за отказа от «начертательной традиции». Семья Третьяковых к таким ортодоксам не относилась, но с резьбой было привычней и она радовала глаз. Кроме того, это опять была как бы «имперская заявка». Денис ничего не имел против того, чтобы заняться этим – только найти материал, желательно – дуб.

– Еще флагшток поставлю, – пообещал он. – Первым делом. Ну, а флаг ты поднимешь.

Поднимать флаг было привилегией старшего мужчины в семье. И – иногда, за особые заслуги – других ее членов мужского пола.

– О черт! – Третьяков-старший хлопнул себя по лбу. – Кухарка! Сегодня утром договорился, а теперь не успею, дела... о черт...

– Я приму, – важно ответил Денис.

Валерия Вадимовна фыркнула и шлепнула ему на тарелку остатки яичницы:

– Это чтоб не надорвался от приема.

Вообще-то Денис не собирался надрывать. Сразу после завтрака он включил – открыв окно в мезонине – погромче диск, подаренный Славкой, нашел в подсобке хорошую лопату и отправился копать яму под флагшток.

Земля оказалась влажная и легко резалась, как свежий сыр. Денис копал, посвистывал и поражался – ну соседи-то где?! В любом месте Империи уже пришли бы и слева, и справа, и напротив, и с другого конца улицы. Новые же люди приехали!

Он уже заканчивал копать, когда ощутил, что на него смотрят – и, быстро вскинув голову, буквально уцепил глазами не успевшего спрятаться мальчишку лет семи-восьми, смотревшего на Дениса через увитую хмелем ограду от соседей справа. Увидев, что Денис смотрит на него, мальчишка пискнул, рванул обратно – и... Денис усмехнулся: произошла ожидаемая вещь, уши застряли.

Мальчишка пару раз дернулся и сделал единственно верный шаг – зажмурил глаза, обмяк и притворился частью пейзажа. Денис, усмехнувшись, пошел к нему. Как дважды два было ясно, что пацан сейчас ждет одного: отрубят ему голову лопатой – или придумают что-то пострашнее?

Подойдя, Денис присел на корточки и взял мальчишку за голову. Тот пискнул обморочно, отчаянно трепыхнулся и... сел на пятую точку по свою сторону забора (Денис прижал ему уши и протолкнул обратно). Мальчишка схватился за уши и почти изумленно нашел их на месте. Почти обиженно посмотрел на Дениса.

Сосед был одет вполне прилично и ничуть не напоминал тех ужасных заморышей, которых Третьяков-младший видел при въезде в рабочих кварталах. Правда, мордаха у мелкого была грязная, но в грязи четко определялся сок каких-то ягод пополам с пылью.

– Слушай, – сказал Денис, садясь на корточки по свою сторону ограды. – Не знаешь, где мне шест добыть? Палку такую высокую, под крышу высотой. Прямую и ровную. А?

Видимо, злые людоеды не должны задавать таких вопросов. Мальчишка мигнул светло-кариими, мокрыми от недавнего ужаса глазами («Он правда меня испугался», – удивленно подумал Денис) и тихо спросил:

– А зачем тебе палка?

– Флаг повесить, – кивнул Денис за спину. – Я хотел в магазины идти. Но я же не знаю пока, где тут что... Может, у вас есть? По-соседски.

Но разговору не суждено было иметь продолжения. От дома буквально подлетела молодая женщина в синем халате. И с видом героини, уносящей ребенка из пасти льва, подхватила мальчишку и утащила (тот гнусно заревел и задергался) в дом, крикнув через плечо:

– Тут вам не Империя! Приехали! Быдло безродное! – и поспешно хлопнула дверью.

Ох как взвился Денис!!! Ему показалось, что в лицо сунули факел, руки сами сжались в кулаки. Мальчишка вскочил с корточек распрямившейся стальной пружиной, гневно, как вражеский форт, смерил взглядом соседский дом. И уже был готов выкрикнуть что-нибудь оглушительное, как оплеуха нахалу, но...

...но вместо этого вдруг рассмеялся.

Во-первых, бранилась женщина. Значит – существо, не склонное думать над сказанным. Во-вторых, в брани не было ни слова правды. Значит, она оскорбляла сказавшего, а не того, кому сказали. Мужчину за такие слова стоило проучить, и, если кто получит за сказанное вот так – говорят, что «тебя отхлестал твой же язык». А женщину...

Покачивая головой, Денис вернулся к дому и, сунув ноги в сандалеты, натянул безрукавку.

Надо было идти искать шест.

...Кроме длинного пластикового шеста Денис купил велосипед.

Местный, незнакомой марки «Ветерок». У Дениса раньше был «Суоми», но уже год как мальчишка им не пользовался, так уж вышло. А незадолго перед отъездом отдал какому-то мальчишке с Юго-Востока, когда услышал через третий рот, что тот ищет велик. А тут – почему нет? «Харлей», как у Славки, все равно не светит... Велосипед оказался красивым, изящным и дешевым, даже странно. Правда, очень крикливо раскрашенным – Денис решил, что дома выкрасит его «правильно». В смысле – в темно-синий цвет Петрограда с «имперскими» полосками на раме. А пока и так сойдет.

Домой Денис торопился. Он подзабыл, что должна прийти женщина, с которой уговорился отец. И недовольно думал – ну вот, будет чужой человек в доме. Готовил бы он сам, что он, не делал этого никогда? Какая еще попадет... Он слабо представлял себе, как это – жить в доме с прислугой. И не очень этого хотел. Но отец сказал...

Потому мальчишка удивился, даже изумился, услышав – еще за оградой! – как в доме орет Валерия Вадимовна.

– Вон отсюда! – Голос мамы был не просто резким – он был гневным и яростным.

Денис хлопнулся с велосипеда, чего с ним уже года три не бывало, и, сидя на земле, удивленно, даже не испуганно уставился на распахнувшуюся дверь дома. Мелькнувшая было надежда, что это мама разгоняет с ходу не пришедшую ко двору кухарку, растаяла почти тут же. Из двери, оглядываясь и спотыкаясь, вылетел невысокий кривоногий человечек в сером костюме, на ходу теряя какие-то бумаги из папки, зажатой под мышкой. Следом появилась мама – она тоже спешила и держала в руке туфлю. Денис разинул рот. Человечек, достигнув калитки, заблеял:

– Но, госпожа Третьякова... мы с вами друг друга, очевидно, неправильно по-поняли-и-и...

– Я вас отлично поняла!!!

Туфля треснула человечка в лоб, он ойкнул, подскочил и устремился по улице со скоростью катящегося шарика ртути. На одной ноге достигнув калитки, Валерия Вадимовна не закричала – а заорала вслед голосом базарной хабалки:

– И если вы еще раз! Вы или кто другой из вашей конторы! На пушечный выстрел! К

дому или ко мне! С такими предложениями! Убью, негодяй, гнида лобковая!!!

Она всадила ногу в туфлю, валявшуюся на дорожке, движением человека, который бьет лежащего врага по ребрам. Огляделась и, увидев Дениса, страшно смутилась. А тот, не вставая, покачал головой:

– Ого.

– Ты чего расселся?! – напустилась на него Валерия Вадимовна.

– Ого, – повторил Денис, встал и поднял велосипед с привязанным к нему шестом. Он обратил внимание, что в соседних дворах появились признаки активности. – Я никогда не хотел стать врачом, сама знаешь, ма, но глядя на **такое** ... Тебя уже выгнали с рабочего места? Ты перенесла кабинет домой? Но тогда, наверное, ты сама будешь готовить? – с надеждой уточнил Денис.

Валерия Вадимовна гневно фыркнула и, оглядевшись – на улице и в соседних дворах уже торчали человек десять, – рывкнула:

– Извините за скандал! – После чего за пять секунд из всех зевак остался только утренний знакомый, мелкий мальчишка – он торчал на своем прежнем месте в щели между коваными прутьями, замаскировавшись хмелем, и с восторгом наблюдал за Денисовой мамой. – Я на работу! – отрезала Валерия Вадимовна. – За бумагами зашла.

– Угу, и где они? – поинтересовался Денис, затаскивая шест во двор.

Валерия Вадимовна посмотрела на свои руки, некрасиво выразилась и убежала в дом. Денис не успел и велосипед-то завести во двор, а она уже пролетела мимо, и вопрос Дениса: «Не замечаешь никаких новых вещей?!» – упал в сырую жаркую пустоту улицы.

– Ясно, – кивнул Денис и подмигнул маленькому соседу. Тот подмигнул в ответ и остался наблюдать.

Ну что ж, Денис ничего не имел против. Он скинул рубашку, сбросил сандалеты и занялся делами – оснастил шест роликами, натянул крапивный шероховатый трос, вкопал шест, подсыпая щебень из кучи, найденной за углом дома, пошатал и остался доволен. Потом сходил в дом, сделал себе бутерброд с сырой говяжьей вырезкой, солью и перцем и, присев на крыльце, начал жевать. Младший продолжал наблюдать, и Денис окликнул его:

– Эй, как тебя?

Сосед мгновенно исчез. Денис пожал плечами, дожевал свой зверский полдник и занялся велосипедом – краску он купил вместе с великом.

Вскоре «Ветерок» приобрел идеологически верный вид, и, воодушевившись, Денис украсил заднее крыло надписью: «Обгон – верный путь на кладбище!!!», а переднее – пионерской эмблемой. Потом поставил велик сушиться, а сам обнаружил, что здорово изгваздался – ну как без этого? Пришлось идти в дом мыться – и, уже выходя снова во двор, мальчишка от неожиданности шарахнулся обратно:

– Ой!!!

Женщина, как раз протянувшая руку к двери, испугалась не меньше – с тем же самым восклицанием отшатнулась и чуть не упала с крыльца.

– Извините, сударь, – сказала она, восстановив равновесие.

Денис пожал плечами. За что? Это же он чуть не стукнул ее дверью... Женщине было лет 30... значит, наверное, меньше. В простом синем платье с черным пояском, в белых туфельках, в легком головном платке, синеглазая... С маленькой потертой сумочкой на правом плече. И смотрела выжидающе. Видя, что Денис молчит, она как-то робко улыбнулась и негромко пояснила:

– Это ведь тут живут теперь Третьяковы? Борис Игоревич предложил мне работу.

– А! – оживился Денис. – Вы простите... как вас зовут?

– Ольга, – она слегка поклонилась.

– Ну... – Денис поморгал. – Ну как Ольга?... Ольга с чем?

Женщина вдруг немного покраснела и добавила:

– Ивановна... Ольга Ивановна.

– Так заходите, Ольга Ивановна, – Денис показал рукой. – Отца нет...

– Нет? – потускнела женщина. – Извините...

– Да куда вы?! – Денис вышел на крыльцо и под локоть буквально ввел женщину в дом. – Отец просил вас встретить и поговорить о работе.

– Вас? – женщина огляделась. – Но ведь...

– А что тут такого сложного? – Денис целеустремленно вел женщину на кухню. Она мальчишке понравилась, и все утренние еще сомнения в нужности кухарки отпали – Денису вдруг захотелось, чтобы эта тихая женщина осталась. – Вот наша кухня.

– Хорошая, богатый дом, – кивнула Ольга Ивановна. Спихнулась: – Да, вот же, у меня есть рекомендации... – она полезла в сумочку.

– А я читать не умею, – «признался» Денис.

Женщина вздохнула... и вдруг тихо засмеялась:

– Шутишь, да? А ты знаешь, что у тебя ухо в краске?

– Плохо помылся, – беспечно отозвался Денис. – Ну вот уже и правильно, вы меня на «ты» называете.

– Ой, – женщина стушевалась. – Простите...

– Все нормально. Именно на «ты» и надо. Не прощу, если еще так будете, – Денис вздохнул. Отец не говорил о сумме, но мальчишка вспомнил разговор в поезде и спросил:

– Вас устроит жалованье в два миллиона рублей?

Лицо женщины стало испуганным и недоверчивым.

– Так много?! Я могу быть кухаркой и уборщицей... и не больше того... извините... но я...

– А больше ничего не требуется, – удивленно сказал Денис. – Отец даже рассчитывал на вас только как на кухарку, но мы и не против уборщицы... Убирать можно два раза в неделю...

– Убирать нужно каждый день, – слегка успокоилась Ольга Ивановна. Но продолжала смотреть на мальчишку с легким недоверием. – Ваш отец действительно предложил такое жалованье, сударь?

– Да, – кивнул Денис. – Можете не сомневаться. Он вам подробно объяснит насчет уборки, а по мне, так и вообще ее не делайте. Лишь бы готовили хорошо.

– Ты голодный? – деловито спросила Ольга Ивановна. – Правда, я одета парадно, – она оглядела себя, – но...

– Нет-нет, начнете завтра, – отмахнулся Денис. – И будьте уверены, что вы приняты именно с таким жалованьем и безо всяких рекомендаций.

Ольга Ивановна вздохнула и призналась:

– Так неожиданно... Я уже три месяца без работы, прежнего хозяина посадили. Я даже боялась идти, когда узнала, что семья из Империи...

– Неужели мы такие страшные? – тихо спросил Денис, отходя к окну.

– Нет, – улыбнулась женщина. – Но я раньше никогда не видела имперца. Даже ребеночка...

– Любуйтесь! – Денис подбоченился и отставил одну ногу.

Женщина засмеялась – неожиданно легко и весело. Кивнула:

– А что ж, есть чем... Я пойду, а завтра, значит, к шести приду... так приходите? – снова потускнел ее голос.

– Ну я же сказал!!! – возмутился Денис. – Ой, да нет, постойте! Где можно достать хорошее дерево? Дуб желательно. Я хочу купить!

* * *

Начинать Денис решил с конька-оберега – на край крыши. По традиции, это должен был быть двойной конек, а между головами – колохорт. На большом – с хорошим поднос – и толстом чурбаке-спиле (в магазинчике «Лоб дубовый» долго не могли понять, что именно требуется мальчишке) расчертил контуры резьбы. Разложил на крыльце рядом с собой набор

инструментов и принялся за «первичную обработку».

Дуб – чудовищно трудное дерево. Да, потом, если его пропитать морилкой, станет практически вечным. Но работать с ним – мука мученическая. Денис так увлекся этой работой, что не сообразил, как в калитке появился рослый парень – его лет, в легкой рубашке, шортах и белых спортивных туфлях. Светлые волосы надо лбом двумя волнами были зачесаны назад. Парень стоял, не заходя. И рассматривал Дениса непонятными глазами.

– Привет, – Денис отложил резачок, которым заканчивал вырезать уши одной конской головы.

– Это ты из Империи, что ли? – спросил парень.

– Ну да, – Денис кивнул.

Мальчишка криво усмехнулся, сплюнул на улицу и пошел дальше, оттолкнувшись от столба калитки.

– Познакомились, – удивленно сказал ему вслед Денис.

И вернулся к работе, но ненадолго. Опять поймал чей-то взгляд – и почти не удивился, обнаружив, что за ним опять сквозь забор наблюдает мелкий сосед.

– Ну и чего ты там? – кивнул Денис дружелюбно.

– А чего ты делаешь? – опять раздался тонкий писк.

Было видно, что сосед любопытен и не слишком задавлен авторитетами – во всяком случае, слова, сказанные о Денисе его – кто она ему? – кажется, его не очень испугали.

– Украшение, – сообщил Денис и поднял брови – мальчишка с пыхтением протиснулся между прутьями и довольно решительно подошел ближе. Снизу вверх посмотрел на старшего, решительно вытер нос и уточнил:

– Кони? А ты сам умеешь резать?

– Ну, видишь же, сам режу, – Денис снял тонкую стружку.

– А зачем они?

– А во-он туда, – Денис показал на голый конек крыши.

– На самый верх?

– Угу, – кивнул Денис, снимая еще одну стружку.

– А где твой пистолет? – продолжал интересоваться мальчишка.

– А зачем он мне? – Денис решил не подтверждать, что у него есть оружие.

– А потому что ты имперец, – объявил мальчишка, с явным удовольствием присматриваясь к тому, как Денис работает. – А все имперцы всегда ходят с оружием.

– М-м? – Денис пожал плечами. – Зачем мне всегда с ним ходить?

– А собака у тебя есть? – не прекращал допрос мальчишка.

– Нет, – вздохнул Денис.

И сосед тут же рванул обратно к забору с такой скоростью, что Денис даже решил: не иначе как появилась опять та грозная тетя. Но в соседнем дворе никого не было, Денис вернулся было к работе – и мальчишка снова появился во дворе, волоча под передние лапы упитанного, но еще мелкого кутенка. Рыжего с белыми подпалинами, плотношерстного и умиротворенного.

– Вот, – объявил мальчишка, сгружая щенка на ступеньку (тот немедленно рухнул на бок и, зевнув, погрузился в сон). – Твоя собака.

– А? – Денис невольно улыбнулся и потрогал теплый плотный бок щенка пальцами босой ноги. Тот сонно и отчетливо стукнул о ступеньку хвостом. – А как зовут?

– Как назовешь.

– Да не его, – Денис засмеялся, – тебя!

Мальчишка хлопнул глазами и вдруг улыбнулся, показав, что у него недостает одного зуба:

– Никита.

Валерия Вадимовна явилась поздно, но все-таки раньше отца – около восьми вечера. Как подгадала – Денис, приготовив яичницу-глазунью, только-только перебрался со сковородкой за стол.

– Ма, будешь? – уточнил он.

– А скажи-ка мне, сынок, – вкрадчиво поинтересовалась Валерия Вадимовна, – ты что, решил, мне работы мало?

– Почему? – удивился Денис, активно поедая яичницу.

– А потому что, – женщина аккуратно взяла мальчишку за ухо.

– Ой, – отреагировал Денис, продолжая есть.

– Ай... А потому, что сегодня приходят ко мне трое каких-то аборигенов и две аборигенки. И с заговорщическим видом шепчут: «Нас, мол, САМ Денис, сынок ваш, значит, послал к вам – так и сказал, идите и скажите, мол, я прислал, она поспособствует... переселяться надумали...»

– Ой! – на этот раз Денис ойкнул по-настоящему. – Тетя Лена?! – он вспомнил вчерашнюю встречу и затормозил мать, бросив вилку. – Ма, ты что, им отказала?! Ты им не помогла?!

– Помогла, – сердито сказала женщина, сядя рядом. – Написала адреса, по которым можно обратиться, помогла составить отношение в приемную руководителя программы и приложила большую зеленую печать. Они хотели забыть на столе конверт, и я на них наорала напоследок... Но знаешь, Дениска...

– Знаю, ма, – Денис взял мать за рукав и прислонился щекой к ее плечу. – Знаю, что ты у меня самая добрая и умная на свете.

– Я до семи лет звала тебя Лисенком, – напомнила Валерия Вадимовна, вздохнула и погладила сына по голове.

– А еще – Лисья Мордень, – с удовольствием вспомнил Денис.

И сам себе удивился – еще год назад он терпеть не мог воспоминаний об этом.

«Взрослею, что ли?» – подумал он.

А Валерия Вадимовна сердито сказала:

– Это когда ты подлезал ко мне, что-нибудь натворив: «Ты у меня самая...»

– Но ведь ты и правда самая, – твердо сказал мальчишка и сел прямо. – Ты им помогла, и разве важно, что они не по твоей части, не по медицинской? Да и потом – если дети болеют силикозом и хотят выселиться из этого ада – разве это не медицинская часть?

– Я не сержусь, – Валерия Вадимовна снова вздохнула. – Ты прав. Я просто сегодня опять злая.

– Давай займемся лечебной гимнастикой, – с готовностью предложил Денис.

...Когда Третьяков-старший вернулся домой, то обнаружил жену и сына в прямом смысле слова стоящими на головах посреди комнаты. При этом они вели деловой разговор на тему молока и рабочих часов в шахте.

– Сразу чувствуешь, что дома, – заметил штабс-капитан спокойно, расстегивая ворот мундира. – А что на ужин?

– Яичница, – хихикнул Денис и получил от Валерии Вадимовны ногой по спине. – Ааа!!! Больно!

– Поделом, – она ловким кувырком оказалась на ногах. – Как прошел рабочий день?

В ее голосе послышалась толика яда, и Денис, продолжавший невозмутимо стоять на голове, наострил уши.

– Мне сказали, что ты закрыла третий рудник.

Третьяков-старший произнес это спокойно, но Валерия Вадимовна забурилась немедленно:

– На все рудники – один фельдпункт с вечно пьяным фельдшером! И это все медобслуживание! Все! А корпуса администрации рудника похожи на королевский дворец! В обогатительном цехе пыль, грязь, вонь! Работают подростки – голые по пояс, черные от

грязи, без масок, лица закрыты грязными тряпками, у каждого пятого уже по внешним признакам силикоз легких, у каждого третьего – явное белокровие! – Валерия Вадимовна буквально металась по комнате. – У входа в шахту стоит сытая рожа в скафандре высшей защиты и пропускает рабочих в набедренных повязках! Из ствола разит, как из отхожего места! Температура внизу – около плюс шестидесяти, систем охлаждения и кондиционирования нет!

– Ты спускалась вниз? – встревожился Борис Игоревич.

Жена взглянула на него свирепо:

– Я была должна и сделала то, что была должна, я врач и офицер! И не смей мне противоречить, Борька! Радиация втрое превышает допустимую! Смены по восемь часов! Фельдшер на руднике – эта пьяная мразь, я разбила ему лицо... Потом мне на дом принесли взятку, и я...

– И мама попала в него туфлей, – с удовольствием вспомнил Денис эту сцену.

– Господи... – Борис Игоревич развел руками.

– В общем, так, – Валерия Вадимовна вдруг успокоилась. – Я на самом деле закрываю третий рудник. С завтрашнего дня. И не открою до тех пор, пока руководство компании не устранил всех тех мерзостей, которые я перечислю в отчете.

– Ничего не получится, – возразил Борис Игоревич. – Сами же рабочие разорвут тебя в клочья, ты же не даешь им зарабатывать.

– Я не дам им сдохнуть даже по доброй воле, – лицо женщины сделалось упрямым.

– Ты максималистка, Лерка. Как только ты это сделаешь – поднимется крик, что имперцы только на словах за трудового человека, а в реальности... – Борис Игоревич не договорил.

Денис вскочил на ноги:

– Ой, па! Я нанял кухарку. Ольга Ивановна, симпатичная, мне понравилась, я сказал, что ты будешь платить два миллиона в месяц.

Третьяков-старший сделал задумчивое лицо:

– А почему не три?

– А ты можешь три? – уточнил Денис. – Она придет завтра к шести... Па-а, может, ей сюда переехать? Есть же свободная комната, и она всегда будет на месте. По-моему, у нее с жильем не очень.

– Тут «очень» только у тех, кому место на нарах! – снова начала Валерия Вадимовна, но в это время из-под дивана вылез щенок.

Удивленно оглядел высокое собрание, зевнул розовой пастью, дружелюбно повил хвостом и упал на бок у ног Дениса.

– Это кто? – поинтересовалась Валерия Вадимовна.

– Скотина на развод, – невозмутимо ответил Денис, задвигая щенка ногой обратно под диван. – Его зовут Презик. Президент, в смысле.

Родители переглянулись. Третьяков-старший спросил:

– С резьбой что?

– Оберег на конек почти готов, – доложил Денис.

Родители снова переглянулись. И Борис Игоревич подвел итог несколько напряженным голосом:

– Оберег – это хорошо. Оберег нам понадобится.

Глава 16

Люди, люди, люди...

Спал Денис плохо. Он поздно лег, потому что взялся читать Шепелева, а события там закручивались, закручивались, закручивались... в общем, когда они раскрутились и Денис с облегченно-осоловелым «фффыхххх...» уронил книгу на пол рядом с кроватью – было около четырех утра. Мальчишка выключил свет (все-таки хорошо, что он тут круглые сутки) – и

уснул.

Потом – около семи – ему показалось, что кто-то заглядывает в комнату. А потом он еще два часа дремал, ощущая какое-то сквозьсонное неудобство. И в конце концов проснулся окончательно – в разбитом настроении.

В таком же настроении он вышел на лестницу. И неожиданно понял, что в доме есть кто-то чужой. Причем этот чужой вел себя как у себя. Гремел чем-то на кухне и даже напевал – весьма приятно – песенку про белый остров, что-то вроде: «Как найти мне белый-белый остров...»

– Это кто? – спросил сам у себя Денис.

...Это оказалась Ольга Ивановна. В простеньком сером платье, в фартуке, шапочке и сандалиях, она стояла на кухне и что-то взбивала венчиком в миске. Увидев Дениса – тот, накинув рубашку, прошмыгнул в ванную, – женщина смутилась и перестала петь.

– Разбудила вас, да?! – с опаской спросила она.

– Не-а, – Денис помотал головой. – И вообще, вы меня будите не позже восьми утра. А то, если мне волю дать, я буду спать и спать. Договорились? Можете с кровати стягивать, если буду брыкаться.

Ольга Ивановна заулыбалась и сказала, продолжая работать венчиком:

– Это я Олежку своего бужу, он тоже соня у меня – в ухо подую, он сразу вскакивает...

– Это ваш сын? – Денис присел за стол, размышляя, как бы попросить у чужой женщины поесть.

– Да, сын... Столько же, сколько вам... Дочь была еще, старшая, да пропала два года назад...

– Как пропала? – не понял Денис.

Ольга Ивановна грустно улыбнулась:

– Да вот так... В город поехала, в Побережный... работу получше искать. И все.

– А... – Денис покачал головой. – А как же... – но договаривать не стал. И о муже спрашивать не стал.

А Ольга Ивановна предложила:

– Завтракать-то будете?

– А вы на всех приготовили? – спросил Денис.

Женщина опасливо сжалась:

– На скольких скажете... а кто еще будет?

– Вот и я думаю: кто еще будет? – вздохнул Денис. – Про кого вы говорите «будете»? Я – буду. Кладите, что есть. И еще вот что... – Денис смутился. – Вы не думайте, я не приказываю... просто какая это была песня? Про белый остров?..

Там, где горы, снежные уборы —
Там к нему дорога...

Денис давно не ел, а просто слушал, хотя запеканка со сметаной была очень вкусной.

– Хорошая песня.

Ольга Ивановна опять смутилась. А Денис спросил:

– Теть Оль, а вы все умеете готовить?

– Как ты меня назвал? – Женщина растерянно моргнула и вдруг тихонько всхлипнула, на миг спрятала глаза, а потом, снова посмотрев на Дениса, улыбнулась: – Что не умею, тому научиться легко могу. А ты что хотел?

– Не я, – Денис мотнул головой. – У меня отец любит свиную поджарку с пюре. А возни много, почти никогда не готовим. Не можете на ужин приготовить, а?

– Это я умею, это легко! – обрадовалась Ольга Ивановна и нахмурилась: – Так, после обеда тогда по магазинам надо пройти...

– Давайте я схожу, – предложил Денис, но домработница покачала головой:

– Ну нет, мужчины продукты не покупают, все равно не то купят... – И вдруг

вздохнула: – Я вот что... Отец-то твой мне сегодня утром что сказал... Чтоб я переезжала. Хозяин-то квартиры, что мы снимали, как узнал, что я к вам нанялась – просто выгнал... Да и так и так там жизни не будет. Новую-то снять – время нужно, да и где снимешь?... А я вот думаю...

– Нечего тут думать, – отрезал Денис. – Прямо сейчас и переедем. Вещей много?

– Да не в вещах дело... Отец-то твой сказал, и мама кивала... да только Олег у меня беспокойный. Как порох взрывается. А уж кто богато живет – ненавидит... С тобой-то...

– Ну, мы с ним наши дела как-нибудь решим, – сказал Денис.

Но Ольга Ивановна покачала головой:

– Не сегодня... Мы вещи-то к знакомой моей перевезли, еще пару дней у нее поживем, я Олегу все худо-бедно объясню... Но точно не против ты? – Голос женщины стал умоляющим.

Денис пожал плечами:

– Я один раз говорю...

* * *

До полудня Денис просидел в комнате. Он пытался оформить свои мысли и ощущения в письмах – в Петроград и в Верный. В окно видел, как во двор несколько раз всовывался Никита – в последний раз его с руганью уволокла та молодая истеричка. (Неужели мать? Бедный парень...) Потом потекла новая ручка, и Денис понял, что ничего толкового пока не напишет, потому что почти ничего не видел, если не считать торговой улицы. Поэтому он спустился вниз.

Ольга Ивановна ушла, надо полагать – по магазинам. Денис решил приодеться и тоже пойти – куда глаза глядят. Но тут – неожиданно, когда он стоял и размышлял у двери, куда ему идти – появилась Валерия Вадимовна.

– Денис, ты такой толстый коричневый справочник по саннормам куда ставил? – вместо естественных вопросов о здоровье, питании и выспанности сына поинтересовалась она.

Денис пожал плечами:

– Гм, новости... **Твои** книжки ты сама и разбирала. Ты ж, когда их трогают, чуть ли не рычишь.

– Действительно... – Валерия Вадимовна озадачилась. – Наверное, еще в вещах лежит. Ну-ка...

Она исчезла в глубинах дома. Денис вздохнул и сказал в открытую дверь:

– Такова жизнь... Ма-а! – крикнул он в комнаты. – Я уходить собрался!

Валерия Вадимовна что-то ответила. Но что – Денис не различил, потому что беспечно двинулся вверх, все-таки решив приодеться для выхода в город...

...Сперва Денис не понял, что там, снаружи, за шум. Он сидел на корточках возле ящика и проверял пистолет. Шум походил на шум демонстрации или митинга – вообще большого количества людей, но был он совершенно не радостным, а главное...

Денис вскочил и подбежал к окну.

Секунду созерцал затапливающую двор человеческую толпу.

А потом рванул из комнаты бегом...

Денис не испугался. Нет. Он **удивился**.

Ни разу за все свои тринадцать лет он не видел **таких** людей наяву. Это казалось чем-то из кино – толпа, совершенно потерявшая подобие человеческого облика. Именно потому, что это казалось кино, ведь нельзя по-настоящему испугаться.

Стоя на крыльце, Денис изумленно смотрел на черные кричащие рты, на поднятые кулаки, на безумные глаза – и не знал, что ему делать. Потом он понял одно – мама стоит между крыльцом и этими людьми. Высокая, очень прямая. В форме, с кобурой на поясе, но без оружия в руках. И не двигалась.

- Понаехали!
- Суки сытые!
- Открывай шахту, блядища!
- Нам что – подыхать?!
- Мотай к себе на х...й!
- Шахту открывай!
- Бей ее, мужики, курву гладкую!
- Шахту открывай!
- Жрать нечего!

Денис соскочил с крыльца и подбежал к матери. Встал рядом. И вот тогда – **испугался**. Не за себя, за маму, – но испугался до дрожи. Слишком близко оказалась толпа, слишком жутко пахло от нее слепой, страшной ненавистью, которая хочет одного – **найти цель, объект** ... и, кажется, уже нашла. С расстояния пяти шагов мальчишка, загородивший мать, смотрел в нечеловеческие лица, словно изуродованные какой-то болезнью. Потом его рука сама нашарила за ремешком шорт под рубашкой «Байкал»... и он услышал спокойный голос матери:

– Дениска, не смей. Они слепые.

Мальчишка оглянулся на нее.

Валерия Вадимовна стояла неподвижно-спокойно, только чуть щурилась. И в ее глазах был не гнев, не страх...

Нет. Там была неизмеримая бездна сострадания и горя.

Тогда он повернулся к толпе и тоже стал смотреть.

И увидел !

Да, это были страшные лица. Нечеловеческие лица. Лица средневековых химер. Но... за их гневом, за их злобой не было злой осознанности, не было злой мысли. Была только тоскливая пустота, которую нужно заполнить хоть чем. Хоть такой же пустой злобой. **Эти люди просто не знали ничего другого.** Они не умели ничего другого – только тупо работать и тупо ненавидеть. Их не научили!!!

Но его-то. Его – научили.

Он отвел руку от пистолета. И просто встал перед матерью, водя взглядом по безумным лицам.

Люди, стойте, люди. Люди, слушайте, люди. Люди, мы не хотим вам зла!!!

И становилось тише... тише... тише. Лишь в задних рядах все еще орали несколько глоток – и Денис, посмотрев туда, увидел **других**. Явно наспех переодетых, явно сытых, с ненавидящим страхом в глазах продолжающих изрыгать скверную брань и угрозы.

Остальные замолкали. Страшные маски текли с них под взглядами женщины и мальчика. Оставались усталые, измученные жизнью человеческие лица.

«Не ударит? Не попадет? Может быть – нет. На этот раз, наверное – нет. Но впереди еще столько гроз...» – мелькнули в голове Дениса строки из какой-то древней книги, автора которой он не запомнил... а слова – слова запомнились почему-то. И всплыли сейчас...

И вот – стало **совсем тихо**. И в этой тишине прозвучал голос Валерии Вадимовны. Немного насмешливый и сожалеющий:

– Ну, что же вы? Мужчины? Вон вас сколько. Давайте. Убейте. Меня убейте, сына моего – тоже убейте. Не бойтесь. **Вас** карать никто не станет. Никакие «витязи». Никто. Больных людей не карают. Их лечат. Даже если они этого не хотят.

– Ты пропаганду кончай! – крикнули из задних рядов. – Ты скажи, стерва, чего вы рабочим людям...

– Выходи сюда, рабочий человек! – повысила голос Валерия Вадимовна. – Сюда выходи, дай людям на тебя поглядеть!

Сзади произошло какое-то движение, но никто не появился.

– Тогда слушайте! – она положила руки на плечи Денису. – Вот мой сын. Ему тринадцать лет. Так ли выглядят ваши дети? Вот я. Мне тридцать пять. Так ли выглядят

ваши жены? А вот – вы сами. Передо мной. **Настоящие** ... – она полоснула взглядом задние ряды, – ...рабочие люди. Вот у тебя силикоз. И у тебя. И у тебя. У тебя рак, еще операбельный. Сказать, что у тебя?!

Толпа слегка подалась назад, как от колдуньи, прошел глухой ропот, но снова стало тихо, когда Валерия Вадимовна опять заговорила:

– И вы хотите, чтобы я дала вам подохнуть? И вашим женам, и детям вашим? Так вот... – она рубанула воздух рукой. – **НЕ ДАМ!!!** И шахту никто не посмеет открыть, пока не будут выполнены мои условия: вентиляция, спецодежда – в перспективе скафандры, фильтры, охладители, фельдпункт, смены по четыре часа, усиленное питание и ни единого ребенка младше четырнадцати в шахте!

– Во? – сказал кто-то не зло, а удивленно. – А куда их? Дома сидеть им, что ли?

– В школу, дубина, – проникновенно сказала женщина. – В школу, чтобы такими долбаками не выросли, как ты.

В толпе в нескольких местах засмеялись добродушно.

– А кого-то – уже и лечить, – продолжала женщина, отстраняя Дениса. – На курорты.

– А жить-то нам на что?! – агрессивно, но без истеричной злобы спросил еще кто-то.

– А пока все это будут делать – компания будет вам платить! И платить хорошо! – заявила Валерия Вадимовна.

Снова смех. Уже сожалеющий.

– Ага, заплатят они!

– Никуда не денутся! – снова крикнула Валерия Вадимовна. – Вот их мы и за мотню взять можем!

Выкрик: «Гляди, как бы тебя за дойки не взяли!» – потонул в одобрительно-недоверчивом шуме. Кто-то крикнул кому-то: «Да заткнись ты, слышь?! Дай поговорить с человеком!»

– Поймите, кончилась их власть! – сказала Валерия Вадимовна почти гневно.

– Теперь ваша? – уточнил кто-то недоверчиво.

– **ВАША!** – уже не крикнула, а рывкнула мать Дениса. – Без вас компания – пустое место! А вы и без нее проживете!

– Верно, – в тишине удивленно – как будто делал открытие – сказал кто-то.

И поднялся гул:

– А верно она говорит!

– Да как же?!

– А вот у меня брат был в Империи, он мне что говорил...

– Ну а сейчас что?!

– Верно говорит!

– Верно!!

– Верно-о-о-о!!!

– Ты скажи нам, – протолкался вперед высокий худой рыжий мужчина. – Ты скажи. Вот наша шахта. Ладно. А сколько их в округе?! А латифундии?! С ними как?! Там – тоже люди! – вдруг с болью заключил он. – Не на нас свет клином!

– До всех доберемся! – твердо сказала Валерия Вадимовна. И Денис поразился – в ее голосе была клинковая сталь, синяя, острая и холодная. – И со всех спросим. Бахурев к власти пришел не для того, чтобы карманы набивать – кончилось это время! Не вернется! – и она снова рубанула воздух рукой.

– А что тебе-то до нас?! – с интересом и тоской спросил кто-то.

– Дураки, – отчетливо сказал Денис.

– Дураки, – подтвердила удивленным людям Валерия Вадимовна. – А как вас еще назвать? Я даже и объяснять не буду. Скажу, чтоб вам понятней было: ну хочу я тут быть новой хозяйкой. А старых ваших свалить! Так ясно?!

– А что, такая нам вполне! – крикнули в толпе, и люди захохотали весело и одобрительно.

Денис выдохнул с облегчением и ощутил вдруг, как мелко подрагивают ноги. Страх? Да, страх. Испугался, юный пионер...

На улице раздались свистки и вой сирены. Толпа качнулась туда-сюда, послышались злые и испуганные возгласы – а в конце улицы Денис увидел приближающиеся машины. А из «хвоста» толпы как бы сами собой рассосались с полдюжины человек.

А вот интересно... Пока собиралась толпа. Пока шла. Ведь не по воздуху они сюда перелетели? Так почему же такая запоздалая реакция? На полчаса почти? Неужели и Кенесбаев тоже?..

– Спокойно, стойте спокойно! – Валерия Вадимовна пошла прямо на заволновавшуюся толпу, и та рассеклась перед нею.

Машины остановились, из них выскакивали полицейские с автоматами. Но женщина в форме имперского медика встала уже между ними – и притихшими рабочими.

– Отставить! – повелительно и резко крикнула она офицеру, вышедшему последним. – Ничего не происходит! Ваше вмешательство не нужно!

– Но... – офицер застыл, пожал плечами. – Но нам было сообщено, что тут погром и поджог...

«Ага. Вот оно что», – подумал Денис, идя за матерью.

Валерия Вадимовна категорически отрезала:

– Не состоялось ни то, ни другое. Имела место дискуссия по вопросам охраны труда.

– Кенесары Ержанович в отъезде... – офицер мялся. – Я хотел бы...

– Все вопросы с Кенесбаевым я решу сама, – отрезала Валерия Вадимовна.

Ага, ясно. Нету Кенесбаева... Ну, хоть не подозревать симпатичного казаха...

Офицер еще растерянно потоптался, дважды отдал честь (Денис громко фыркнул, в толпе гоготнули) и, что-то пробормотав про сложенную ответственность, ушел к машинам. Через минуту под одобрительное общее молчание они исчезли, и люди с шорохом и шелестом потянулись со двора, перебивая друг друга:

– Ты не серчай...

– Ну не со зла, жизнь такая...

– А верно говоришь про деньги? С голоду не попухнем?..

– А эти, которые брехали, верно, не с нами были, дорогой пристали...

– Ты вот адрес запиши, что ли, в гости заходи...

И прочее почти бессмысленное, но добродушное бормотание.

Валерия Вадимовна что-то отвечала каждому, даже руки протянутые жала, хотя Денис и отметил краем сознания, что женщинам руки первыми не подают. Но он и сам-то был не лучше – тоже говорил какие-то оптимистичные глупости, позволял себя обнимать и даже целовать и вообще... Только когда последний из рабочих скрылся из глаз (а в соседних дворах прошло и улеглось какое-то шевеление в окнах за занавесками...) – только тогда Валерия Вадимовна словно переломилась, дошла до крыльца и села. Денис бухнулся рядом. Мать и сын бессмысленными взглядами мерили флагшток. Наконец женщина сказала:

– Ты молодец, сынок... Ух, как я перетрусил! – и передернула плечами.

– Ты?! – недоверчиво спросил Денис, отстраняясь. – Это я струсил, как не знаю кто!

Во двор почти вбежала с двумя сумками в руках запыхавшаяся Ольга Ивановна. Оглядела Третьяковых, уронила сумки и выдохнула:

– Живы. А мне уж сказали – мол, хозяев твоих новых рабочие... Или не были?! – она воинственно огляделась.

– Были, – Денис поднялся. – Ма, ты на работу не ходи...

– А я и не пойду, – ответила Валерия Вадимовна. – Я поеду. Вон отец.

И правда – на улицу буквально ворвалась «Ижора». Третьяков-старший, выскочив из нее с двумя молодыми парнями – Денис их не знал, – остановился в калитке и громко сказал:

– Фу.

И убрал пистолет. Его спутники сделали то же.

А за спиной Дениса раздалось звонкое: «Тяв!»

Все оглянулись, и Денис заулыбался. На крыльце, широко расставив лапы и склонив голову набок, стоял Презик.

Кажется, щенок сам удивился произведенному им звуку. И еще больше – тому, как засмеялись люди. И обиженно твякнул на них еще раз.

* * *

Вечером Денис совершенно бездарно тратил время перед ужином. Родители уже вернулись, по дому поплыл запах еды, а мальчишка валялся на кровати в комнате и не мог отвязаться от того, как ему было сегодня страшно.

Может быть, впервые в жизни – так.

Мальчишка осознал, какую огромную силу воздвигла против Империи старушка История. Нет, не бандитов, не буржуев каких-то там... А просто силу вот этих людей, которые легко могли бы убить и его, и маму. А за что? Да просто так. Со зла на свою разваленную жизнь.

Мальчишка поежился. И услышал:

– Дениска, можно к тебе?

– Да, мам, – он поспешно сел.

Валерия Вадимовна была в домашнем – в халате и в тапочках на босу ногу. Она вошла в комнату сына и, остановившись на пороге, понимающе, негромко спросила:

– Тошно, да?

– Угу, – не стал врать Денис. – Так. Потряхивает даже... – Он посмотрел на мать: – Это взрослая жизнь, да?

– Да, – Валерия Вадимовна подошла и села рядом. – Это она и есть. Нравится?

– Не очень, – покачал головой Денис.

– Может, уедешь? Будешь жить у Драгановых...

– Не, теперь не могу, – буркнул Денис и прилег щекой на плечо матери.

Валерия Вадимовна не стала больше ничего спрашивать и просить объяснить. Ее рука легла на волосы сына, мягко поерошила их. Денис потерся щекой о материнское плечо, попросил тихо:

– Спой, а? Ну, пожалуйста...

Валерия Вадимовна усмехнулась. Голос Денис унаследовал от нее. Но сама она пела очень редко, хотя в детстве ей даже прочили стать певицей.

– Что спеть? – она легонько подула ему в ухо.

Денис хихикнул, но тут же серьезно ответил:

– Ну... ту. Про сына.

Валерия Вадимовна вздохнула, обняла Дениса...

А сегодня спозаранку раскричалось воронье.

Мальчишки идут под танки. «Не ходи, дитя мое».

Но сыночек озорные на меня поднял глаза:

«Мама, что же мы, чужие? Мама, отпусти меня!»

Я стою, себе не верю, и машу ему платком.

«Мама, я же в смерть не верю. Мама, я вернусь потом».

И ушел, махнул рукою, как за сердце потянул.

«Мама, я любить умею, значит, я сильнее пуль».

Расчертили лик морщины. Каждый день встает заря.

«Мама, мы уже мужчины, мы тут все теперь друзья».

Грусть глаза мои сжигает, сердце чаще все болит.

«Мама, мама, дорогая, к взрывам я уже привык...»

А сегодня так тревожно ночью свет лила луна...
«Мама, скоро возвращаюсь. Мама, ты встречай меня».
Руки к сердцу прижимаю. «Ты вернулся, милый мой!»
«Мама, ты не плачь, родная! Мама, я пришел живой»¹⁹.

– Вот так, – она покачала тихого Дениса рядом с собой. – А теперь вместе, да?
– Ага! – обрадовался мальчишка и немного отстранился.
И очень чисто, но негромко затянул:

То не хитростью да не золотом,
То не подлостью да не сговором,
Только силою, только храбростью
Города-то брал!

И Валерия Вадимовна поддержала песню, которую пела Денису, еще когда он лежал в колыбели – чтобы мальчик запоминал... И теперь мать и сын пели вместе, на два голоса, как «рассыпают» свои песни только русские...

А ходил когда Святослав в поход,
Посылал гонцов: «Хочу идти на вас!»
Не на шелке спал, не на золоте,
На подкладе лишь, да на своем седле.
Как побил хазар, ясов, касогов,
На Дунай ходил – одолел болгар,
Только греки вышли «бессмертные»,
Ну да князь и им скоро смерть сыскал...

– Дальше не хочу, – оборвал Денис. – Ладно?
– Ладно, – кивнула Валерия Вадимовна. – А ужинать ты хочешь?
– Хочу! – Денис вскочил.
Мама погрозила ему пальцем:
– Ну-ка. Там Ольга Ивановна. Немедленно оденься прилично.
– А? – Денис недовольно нахмурился. – Ну, мааа... Она же теперь практически член семьи и всегда будет тут... – Мальчишка чуть не ляпнул о переезде, но подумал, что это решать все-таки должен отец, и поправился: – Почти всегда. Так что же мне...
– А тебе наконец научиться себя вести за столом, – отрезала Валерия Вадимовна.
– Мааа, ну ты тоже в халате...
– Я иду переодеться. И ты тоже. Иначе будешь есть вместе с Презиком около крыльца.
– Правда?! – с некоторой надеждой спросил Денис.
В ответ в него полетели носки.
...К столу мальчишка спустился в том виде, который считал максимально приличным – в носках, домашних сандалетах, тонких шортах и легкой рубашке. Мамы не было – видимо, всерьез решила переодеться. Отец вел разговор с домработницей:
– ...просто волшебница, честное слово. Откуда вы узнали, что я обожаю свиную поджарку? Но с ней столько возни, что увы... И вот! – отец широким жестом указал на стол, где дымился сотейник с мясом и блюдо с картофельным пюре.
– Я тоже обожаю, – заявил Денис, сигнализируя женщине бровями. – Па, а Ольга

¹⁹ Стихи Е. Виллерс.

Ивановна сказала тебе, что ей негде жить?

– Уже есть где, – усмехнулся штабс-капитан. – Вторую спальню и отдадим, проблем-то... Вот только сын...

– Он будет жить со мной, – поспешно вмешалась Ольга Ивановна и смутилась: – Извините...

– Парню, как я понял, скоро четырнадцать, как и нашему, – покачал головой Борис Игоревич.

– Но у нас же и была одна комната, даже на четверых, пока были живы муж и дочь... – женщина быстро опустила глаза.

– Про нас многое рассказывают, – Третьяков-старший чуть пристукнул ладонью по столу. – Но... – он посмотрел на сына.

Денис пожал плечами:

– Конечно, пусть перебирается.

– Мальчишке естественней жить в одной комнате с мальчишкой, чем с женщиной, пусть даже с матерью, – пояснил Борис Игоревич.

– Но как же получается? Мы вас просто стесняем, а вы... – домработница снова замялась.

Третьяков-старший чуть насмешливо договорил:

– ...а мы хозяева? Благодарю покорно, Ольга Ивановна, я никогда не был хозяином над людьми и не собираюсь начинать... Лерка! – крикнул отец. – Ну ты где, мы все хотим есть!!!

– Они переодеваются, – пояснил Денис, садясь за стол. – В обеденное платье... Ольга Ивановна, а что ваш Олег любит?

– Хулиганить, – вздохнула женщина. – Он не злой, но... озлобленный он у меня. Да и то сказать – жизнь... – она не договорила и стала раскладывать по тарелкам еду.

Борис Игоревич и Денис встали – в столовую вошла Валерия Вадимовна.

...Этим вечером Денис решительно выключил кондиционер и открыл окно. Привыкать-то все равно надо. Комнату наполнила влажная духота и толпы мошек. Денис чертыхнулся и улегся на кровать. Повернул удобней настольную лампу. И взялся за Шепелева.

Книги оставалось все меньше и меньше. Мальчишка по временам отвлекался и минутную другую лежал, глядя в потолок и осмысливая то, что прочитал.

А потом сжался, дойдя до строк:

«Бодак зажег в жаровне пару факелов, один протянул молчаливому помощнику, второй оставил себе.

– Счас подпалим ему лапы – заговорит.

Серёжка хлюпнул носом, закусил губу. Хотя бы несколько секунд он еще промолчит, пока не кончатся последние силы. А потом...

Почему-то вдруг вспомнилась дорога и рассказ Балиса Валдисовича про деда-моряка. «Делай, что должен, и пусть будет, что будет». Он сейчас должен молчать. И пусть будет, что будет...»

Денису хотелось сказать: «Серёжка, молчи!» – но он отдавал себе отчет, что вряд ли имеет право... С собой-то можно быть честным. И Денис понимал: он бы **такого** не выдержал. Все бы рассказал. Уже давно... Эххх!!! Понимать это было стыдно, даже захотелось отложить книгу, чтобы не пачкать ее. Но ужасно хотелось узнать: а как дальше?!

...А дальше все было хорошо. И презрение к себе забылось. Только стало ужасно обидно, что закончилась книга. Денис даже заглянул за обложку – нет ли там еще пары листиков?! Вздохнул – не было.

Мальчишка упруго потянулся, легко достал стенку закинутыми за голову ногами и подумал, что завтра тут появится еще один жилец. Никакого неудобства при мысли о незнакомом мальчишке Денис не испытывал. Несмотря на опыт последних недель, он продолжал оставаться ребенком Империи – и, в общем-то, представлял себе Олега как любого мальчишку из любого имперского города. В конце концов, три года назад с улицы в дом Третьяковых постучался же Илюшка – мальчишка на год старше тогдашнего Дениса.

Безо всякого смущения он пояснил, что приехал из Хатанги и заблудился, а адрес какой-то родни посеял и зашел вот в первый же дом. Пока то и се, пока звонки, пока туда-сюда – этот Илюшка жил себе три дня в комнате Дениса, и даже сейчас нет-нет да и приходило письмо со штемпелем Заполярья, да и Денис сам писал иногда. И это правильно, и иначе быть не должно!

«Ну, завтра посмотрим», – Денис поднялся, подошел к окну.

И на этот раз – совершенно ясно увидел, как тень – более темная, чем сама темнота – скользнула вдоль кустов по ту сторону ограды – и растворилась в ночи.

– Фокусы, – пробормотал Денис уже без особого удивления.

И, выключив свет, растянулся на кровати.

* * *

Утром Дениса разбудила неожиданная струя сырой свежести, хлынувшая из открытого окна.

Зевая и потягиваясь, Денис подошел к окну. Хотел его закрыть. И замер, заморгал.

Было утро. Раннее совсем, над кустами – туманище, солнце еще не встало, небо было чистым.

Во дворе отец поднимал на флагшток черно-желто-белое полотнище имперского флага. Сверху Денис видел его лицо.

Так поднимают флаг в крепости, которую поклялись не покидать.

Глава 17

Мишка, Володька, Олег

Теперь Дениса разбудил звонок в дверь.

Как видно, звонили уже долго, потому что мальчишке сквозь сон казалось, что он слышит звонок целую вечность. Вставать дико не хотелось, Денис надеялся, что звонящий все-таки устанет и уйдет, но тот не только не уставал, но теперь уже звонил, вообще не отпуская кнопки – и мальчишка потащился вниз, теперь уже надеясь на то, что сейчас все быстренько выяснится и он снова вернется в постель.

За дверью обнаружился паренек – примерно Денисовых лет. Незнакомый. Рослый, коротко стриженный, одетый в легкую куртку и подвернутые штаны неопределенного цвета. Босой. На зевающего и взлохмаченного Дениса, который возник на пороге в одних трусах, мальчишка посмотрел недоверчиво и даже немного угрюмо, потом сказал:

– Я Мишка.

– А я Денис, – пробормотал Третьяков-младший, потягиваясь. – И чего?

– Ты сказал, что можешь научить стрелять...

– Кого? – уточнил Денис, слегка просыпаясь при слове «стрелять».

Мальчишка подрастерялся и с запинкой ответил:

– М... меня.

– Когда я тебе это говорил?! – Денис проснулся совсем – иначе не получалось изумиться.

– Не мне... – мальчишка переступил с ноги на ногу. – Матери.

– А! – Денис включился полностью и раскрыл глаза. – Ты сын тети Лены?!

– Елены Александровны, – солидно поправил мальчишка.

– Ну, так чего стоишь, заходи! – завопил Денис, за руку втаскивая ошaleвшего мальчишку в коридорчик. – Я сейчас, ты проходи куда хочешь, я быстро!

Денис привел себя в порядок и даже влез в шорты с бешеной скоростью. Но, когда он выскочил из своей комнаты, гость все еще торчал в коридорчике.

– О! – Денис остановился. – Ты вообще чего тут?! Я же сказал – проходи!

– Да ну... – хмуро сказал Мишка.

– Ну что, я с тобой в коридоре буду разговаривать, что ли?! – удивился и рассердился Денис, опять пуская в ход руку и затаскивая гостя теперь уже в свою комнату в мезонине.

Там Мишка оробел еще больше. Огляделся как-то пришибленно и спросил:

– Твоя?

– Кто? – не понял Денис. – А, комната?.. Ну да, моя.

У него на секунду появился соблазн загрузить мальчишку парой журналов. Но потом он рассудил, что Мишка пришел не за этим. И внезапно – даже для самого себя неожиданно, пожалуй, – спросил:

– Есть хочешь?

– Хочу, – так же неожиданно честно ответил Мишка.

... – А переруб – хрясь! Свинья – виинииии! А дядя Жора ногами дрыг, брык – сапоги в стороны – и не хуже свиньи: «Борону уберите-е-е-е!!!» Мы в нее впряглись и ка-а-ак тягнули! И с порогом вместе ее вынесли. А дядя Жора рухнул и орет: «Поганцы! Куда порог поперли, жеребцы-трехлетки, вашу маму?!»

Мальчишки захохотали, раскачиваясь на табуретах. Мишка сначала еще пытался вести себя «по-гостевому» – сидел на табурете прямо, спрятав босые ноги под стол, говорил коротко, разогретую поджарку ел чинно, чай пил аккуратно. Но скажите на милость, какой нормальный мальчишка так долго выдержит, если напротив сидит другой мальчишка – который опирается локтем на стол, закидывает ногу на ногу, качает ею, хлебает чай, как верблюд, одновременно разговаривая?..

По правде сказать, Денис вел себя так насквозь специально и знал, что мать пришла бы в ужас, увидев такое поведение сыночка. Но Мишку-то нужно было «разморозить»! И он разморозился. Вполне. До того, что, рассказывая, как прошлой осенью кололи у казаков свиней, смахнул локтем на пол чашку. И остолбенел.

Денис вздохнул:

– Все. Теперь меня маменька выпорот. Папенька добавит.

Мишка сглотнул:

– Я новую куплю...

– Это фарфор. Аж до Безвременья сделанный... – Денис фыркнул и засмеялся: – Да ладно тебе, ну мама подзатыльник отпустит. Чашку разбил...

– Так не ты ж разбил, а я... – Мишка недоверчиво поглядел на Дениса: смеется, что ли?

– Ну тебе отпустит, – согласился Денис, вставая. – Сейчас посуду сполосну и пойдем, покажу, как и что.

Вообще-то в оружейный шкаф отца – где было отличное английское ружье, двустволка-горизонталка «Холланд & Холланд» производства еще 1955 года по старому счету, автомат Калашникова и складной «Гепард» – Денис и не подумал бы лезть, даже не будь тот заперт на два замка. Но во втором шкафу, с кодовым, а не ключевым, замком, стояли две «Сайги» 12-го калибра «для общего пользования». Одну из них Денис и достал, положил на расстеленную на столе тряпку.

– На «калаш» похоже, – неуверенно сказал Мишка, пристроившийся рядом. – Я видал.

– А это и есть «калаш», – пояснил Денис. – Только под охоту переделанный. А ты умеешь с «калашом»?

– Откуда? – вздохнул Мишка.

– Ну, тогда смотри, это просто... – Денис уверенно разобрал оружие.

Мишка следил за его руками, как замороженный, потом попросил:

– А я можно?

– Можно, – Денис кивнул на «Сайгу». – Собрать попробуешь?

Мишка попробовал – и, к удивлению Дениса, справился со сборкой вполне прилично. Конечно, конструкция простая до смешного, но все-таки... Мишка же еще раз разобрал и уже совсем уверенно собрал оружие и уточнил:

– Так?

– Угу, – Денис поглядел на него с уважением. – Теперь бы еще пострелять... У вас

общественный тир есть?

– Нету, – мотнул головой Мишка.

– Дикие люди! – возмутился Денис. – Как вы вообще живете?! Ладно. Поедем за город. Если с оружием высунемся – не арестуют?

– Я не знаю, – явно растерялся Мишка. – У нас оружие только у полиции и у охраны компании. Ну и у казаков, но и они в поселок без оружия приезжают... Наверное, нужно какое-то разрешение...

Денис озадаченно почесал висок. Но Мишка помог ему разрешить сомнения:

– Да сегодня все равно ничего не получится, – вздохнул он, жадно поглядев на оружие. – Нам с мамкой надо идти – ну, насчет переселения. Через час уже, – он посмотрел на часы над столом. – Ой, уже не через час!.. А... – Мишка перевел ставший откровенно умоляющим взгляд на Дениса. – А когда... можно еще прийти?

– Как только освободишься, можно завтра в это же время, – пожал плечами Денис. – Я же не занят ничем.

– Приду завтра, обязательно! – обрадованно сообщил Мишка. – Это... а чашка как же?

– Чашка? – Денис хлопнул мальчишку по плечу. – Отдашь, когда разбогатеете. Свининой, я свинину люблю... Да, Миш! – вспомнил Денис. – А где у вас рабочий клуб?

* * *

Клуб оказался в глубине небольшого парка. Сам парк производил бы даже приятное впечатление – умело разбитый, хотя и небольшой, если бы не идиотская ограда из бетонных тумб, побеленных и расписанных всякими интересными замечаниями. Денис даже почитал некоторые и почувствовал, что краснеет. Но даже без надписей ограда имела вид крепостной стены, мало уместной в месте отдыха.

Две мусорных урны сразу за входом были переполнены всем подряд. Денис изучил и их – вдумчиво и с интересом. Потом сообразил, что эти хождения вокруг да около – просто оттого, что ему не хочется идти в сам клуб. Желто-серого цвета, вход, украшенный парами колонн, крыша покатая – видом клуб напоминал древнегреческие храмы, которые Денису всегда нравились. Но для клуба это выглядело как-то нелепо и претенциозно. Вокруг никого не было, и Денис не без удивления обнаружил на больших дверях не менее крупный замок. На большом щите для объявлений справа от входа было написано красной краской:

**«ПРОГРАММА НА СЕГОДНЯ.
ЧТО ТАКОЕ НИЧЕГО И КАК ИЗ НЕГО СДЕЛАТЬ ЧТО-ТО?»**

На щите слева от дверей красовалась размашистая звезда из грязи – бросали в упор и со вкусом.

– Хм, – сказал Денис.

Постучал, сперва кулаком, потом – ногой.

Молчание.

Денис думал недолго. Соскочив с крыльца, он завернул за угол и углубился в заросли репейника. Заросли были дикие, и мальчишка подумал, что надо было натянуть брюки. Но в брюках он бы сварился. Это Денис подумал мельком, потому что увидел то, что искал.

С давних – возможно, даже с до-доисторических времен, когда предки арийцев грохнулись на Землю на своих кораблях, – любой нормальный мальчишка воспринимает запертые двери, засовы, замки, надписи «Не влезай...» и прочие признаки взрослого благоразумия как вызов лично себе. Говорят, были времена, когда у мальчишек это чувство почти атрофировалось, но Денис в это не верил. И сейчас он со сноровкой матерого взломщика отодрал доску, которой был забит черный ход, потом – вторую. Огляделся. Достал пионерский нож и хладнокровно вывинтил шурупы, которыми держался засов с огромным замком. Шурупы были короткими и сидели плохо.

Денис предполагал, что делает нечто неправильное по меркам здешних законов. Но он честно стоял на крыльце, стучал и шумел. Предполагалось, что клуб народный – «лучшие люди города» его построили для народа. И народ хотел в него попасть.

И попал.

Денис хмыкнул, притворив за собой дверь. Черным ходом явно редко пользовались – вокруг него рос все тот же репейник. Ну и отлично.

В темном коротком тамбуре пахло сыростью и какой-то химией. Денис замер, думая о фонарике, который лежал дома. Но кто же знал? По логике – впереди должна быть еще одна дверь. Денис сделал два шага, счастливо избежал встречи с какой-то палкой и уткнулся в эту самую дверь. Она поддавалась легко, и Денис оказался в другом коридоре – длинном и относительно светлом; одну его стену занимали одинаковые коричнево-клеенчатые двери, другую – одинаковые серо-грязные окна. Но все-таки в них пробивалось достаточно света и дружелюбно стучался все тот же репейник. Пол состоял из плохо пригнанных досок, выкрашенных краской, наводившей на мысли о нецелевых финансовых тратах и поспешном разбавлении остатков водой. На потолке чернели гнезда для отсутствующих плафонов и невесть как попавшие туда прилепленные жженные спички. На одном из подоконников стояла мусорная урна, набитая (!) окурками. Под другим подоконником Денис с изумлением увидел совершенно определенную (хотя и уже не свежую) кучку.

– Не понял, – признался мальчишка.

На дверях (запертых на врезные замки) еще оставались названия секций. Но в основном их покрывали все те же надписи, что и снаружи на ограде – правда, тут позлей и иногда имевшие не физиологический, а скорей политический характер. Например, на двери с надписью «Краеведение» чернело:

БЕЗГИН И ФРАНЦЕВНА – ДВА ДЫРЯВЫХ ГАНДОНА.

Денис покопался в памяти, но значения последнего слова не вспомнил. Он подергал пару дверей, и та, на которой от надписи осталось только загадочное «...РУ...», начала на него падать. Мальчишка еле успел отскочить, потом сунул нос в комнату.

Она была совершенно пустой, с разбитым и заколоченным фанерой окном. Денис плюнул. Вышел в коридор и продолжил дергать двери. Бесполезно. Мальчишка направился к последней двери в конце коридора.

За ней обнаружился зал. И он наводил на мысль, что тут кто-то бывает. Нет, сейчас никого не было и тут, но зато – относительно чисто, сцена с занавесом (в дальнем ее конце – обитая железом дверь с неизменным замком), вдоль стен – столы и стулья. Видимо, тут танцевали. Разило дешевым табаком (Войко в свое время ни за что не стал бы такой курить) и опять-таки какой-то непонятной гадостью. В полумраке виднелась лестница куда-то вверх – вдоль стены.

– Снести и построить заново, – предложил Денис пустоте.

Его голос породил легкое эхо. И словно какое-то шевеление. Денис поспешно отступил назад и прикрыл дверь. С сомнением поглядел на нее, открыл снова и вошел.

Конечно, шевелиться там было совершенно нечему. Денис прошел до лестницы, поднялся под потолок – к двери, явно уводившей на чердак. И запертой, конечно, на замок.

Мальчишка присел на верхнюю ступеньку и глубоко задумался. Этот сарай, конечно, был построен, во-первых, – чтобы своровать деньги (ну елки зеленые, сколько же можно?!), во-вторых, – чтобы отчитаться в работе. Но помещение все-таки – вот оно...

«Стоп, о чем это я думаю?»

Однако Денис не успел решить этот вопрос для самого себя. На этот раз звук внизу был совершенно реальный и отчетливый – мальчишка даже подобрал повыше ноги. А потом увидел на сцене появившегося из коридора мальчишку.

В первую секунду Денис его не узнал. А потом понял: Володька! Тот певец с дороги!

Похоже было, что с той встречи с Третьяковыми Володька не то что не мылся или там

одежду не менял – и не причесывался. Он прошелся по сцене, потом сказал: «Ого!» – и засмеялся своему эху. Присел на край, поболтал ногами. Потом отошел в дальний конец и, судя по журчащему звуку, немного облегчился. Появился снова, опять сказал «ого», вздохнул отчетливо. И вдруг...

– Дамы и господа! – послышался звонкий голос мальчишки. – Сегодня на нашей сцене выступает Владимир Михалев, аплодисменты, дамы и господа! – Несколько хлопков... и мальчишка неожиданно запел:

Паутина качнулась под ветром,
Лес осенний притих и промок...
Только хрипло вздохнул без ответа
У опушки охотничий рог.
Только эхо... Но где-то над далью
Кто-то древний, неведомый нам,
Словно молнией, призрачной сталью
Разрубил горизонт пополам!
То ли Голда, то ли Тюр, то ли Вотан...
Кто еще там, кому мы нужны?!
Только возгласы Дикой Охоты
Нас несли по дорогам войны!..

От изумления Денис приоткрыл рот и забыл дышать. И – ох! – сладкие мурашки побежали по коже. И от песни, и от голоса Володьки. А он сам... знает ли он, ЧТО поет? Знает ли, как крушил под эту песню «Фирд» – отважные противники русских, их братья по духу и вере, их соперники и союзники – бандитские головы в Западном, в Африке, в Океании? Вряд ли... Но чувствует – это видно... Лицо у Володьки в свете, падавшем из двери в коридор, было строгое. А голос! Вот черт, да как же можно иметь такой голос – и чтобы этого никто не слышал?! В России за такими голосами охотились десятки «вербовщиков» из Детского Императорского. А тут?!

А Володька пел себе и пел – конечно, не в этом темном зале, и даже не для приезжих на загородной дороге – нет... Денис был почти уверен в том, что мальчишка сейчас видит совсем другое место...

И мы снова рождались с мечами —
Или что у нас вместо мечей?
И опять собирались ночами,
Не терзаясь вопросом: «Зачем?»
И вели нас дороги, дороги,
Что казались темней и темней...
Мы пьянели не только от крови
И теряли не только коней.
То ли Голда, то ли Тюр, то ли Вотан...
Кто еще там, кому мы нужны?!
Только возгласы Дикой Охоты
Нас несли по дорогам войны!..

Денис начал тихо спускаться по лестнице. Сейчас было главным – не спугнуть песню, чтобы мальчишка не перестал петь...

Воют в душу февральские волки,
Только что – эти волки сейчас?!
От легенд собираем осколки —

Или это осколки о нас?
Только в снах или, может быть, в яви,
Хорошо бы еще – поскорей! —
Кто-то снова предстанет с мечами
И немолкнущим кличем: «Фривэй!»
То ли Голда, то ль Тюр, то ли Вотан...
Кто еще там, кому мы нужны?!
Только возгласы Дикой Охоты
Нас несут по дорогам войны...²⁰

– Кто тут? – спросил Володька, всматриваясь в полумрак.
– Я, – довольно глупо ответил Денис. – Не бойся.
– А я тебя и не боюсь, – серьезно сказал мелкий, быстро и ловко доставая откуда-то изогнутый нож и держа его умелым хватом. – Вон – разом покрещу... Эй, я тебя знаю! – Голос Володьки стал удивленно-веселым. – Ты из Империи, вы четвертого дня приехали... – Нож так же быстро исчез. – А ты чего тут?
– Да так... – Денис подошел к сцене. – А ты?
– А я тут пою иногда, – доверчиво и искренне сказал Володька и соскочил со сцены. – Вон какой залище. Залезаю и пою, как будто... – он наконец смутился. – А ты слышал, да?
– Слышал, здорово! – искренне сказал Денис, присаживаясь на край сцены. – А твоя бабушка знает, что ты так умеешь петь?
– А она не моя, – помотал головой Володька. – Я у нее просто живу. Плачу́ немного и ночью. А так я вольная птица.
В его голосе прозвучала еле заметная нотка горечи. И Денис поспешно спросил:
– А еще можешь спеть? Ты вот такую знаешь?.. – И Денис напел одну из маминых любимых:

Из чужих краев ехал князь домой,
Да споткнулся вдруг князев вороной.
«Что споткнулся ты? – осердился князь. —
Хочешь, чтобы плеть по бокам прошлась?!»
Молвит конь в ответ: «Ой ты, княже мой!
Знай, что едешь ты за своей бедой».
Князь-то поднял плеть, а у самого
Да зашло в груди сердце ретиво...

– У ты! – Глаза Володьки стали большими. – Как ты здорово поешь... Нет, я такой песни не слышал...
– А ты попробуй вместе со мной... – Денис склонил голову к плечу. – А?
– Ну... давай... – Володька заскочил на сцену и сел рядом. Посмотрел снизу вверх: – Как там?

Подъезжает князь к милому крыльцу,
Поднимается в светлу горницу.
«Выходи, встречай, молода жена!»
Пусто в тереме, стынет тишина.
«Свет княгинюшка, – громко кличет князь, —
Спишь – не слышишь ты, иль беда стряслась?»
Нет княгинюшки! Только под окном —

²⁰ Песня Алькор (С. Никифоровой) «Дикая Охота».

Лебедь белая с криком бьет крылом.

Володька пел погромче – за княгиню, а Денис в такие моменты только тихонько обозначал слова, поражаясь тому, как самозабвенно поет и умело подстраивается Володька – похоже, петь ему доставляло такое же удовольствие, как другим мальчишкам – гонять мяч.

«Сокол-князюшка, не суди жены:
В том, что сделалось, нет моей вины.
Как уехал ты – я тебя ждала,
В полдень на реку по воду пошла.
Ой, светла река, да студено в ней.
Захотелось искупаться мне.
В реченьку вошла я молодухой,
Обернулась белою лебедушкой...²¹

– Хорошая песня, – одобрил Володька и от избытка чувств дробно простучал пятками по сцене. – А все-таки ты чего тут?

– Да вот, осматриваюсь на новых местах, – пояснил Денис.

Володька недоверчиво усмехнулся:

– Тут? Да что тут смотреть – помойка... Я-то сюда хожу вон потому что – сцена, – он повел рукой. – Ты лучше в парк сходи, тебя пустят.

– А что, не всех пускают? – уточнил Денис.

Володька похлопал глазами:

– Хе! Всех?! Да нашего брата гоняют дубинками, там только для чистеньких... Мы в лес ходим, на пруды. Когда у кого время есть. Это я пою, а так почти все или в шахтах, или еще где вкалывают, особо некогда гулять...

– По-моему, на пруду в лесу интересней, – заметил Денис.

Володька опять поморгал и кивнул:

– Вообще, да. В парке все по струночке. Одно хорошо – там всякие атр... атр... тракционы есть. Иногда пролезешь и тишком прокатишься. Но мы на пруду тоже сами тарзанку сделали... А ты не знаешь, откуда такое слово – «тарзанка»?

– Нет, – растерялся Денис.

Володька успокаивающе махнул рукой:

– А, никто не знает. Слово красивое... А ты где петь учился? Сам?

– В школе и сам, – ответил Денис и решил: – А хочешь... в общем, в Верный поехать? С твоим голосом...

– Не, – Володька быстро встал. – Чего я там не видел?

– Ты чего? – изумился Денис.

– Ничего, – буркнул Володька и спрыгнул на пол. – Пойду.

И, прежде чем Денис успел что-то сказать или сделать, – исчез в коридоре. Но оттуда еще донесся его голос:

– Ты приходи на пруды, если захочешь. Тебе всякий их покажет!

Когда Денис поспешно высунулся в коридор, там уже никого не было.

* * *

Денис еще часа два бродил по Седьмому Горному – на этот раз конкретно его изучая, откладывая в голове карту. Устал. Вспотел. Выпил на площади два стакана воды с сиропом – не из привычных автоматов, а у женщины, стоявшей под навесом с несколькими сифонами.

²¹ Песня Д. Скуриды и М. Лариной «Лебединая».

Вода была холодной и вкусной. С сожалением глядя на сифоны и раздумывая, не принять ли на грудь еще двести граммов холодненького, Денис попятился... и врезался во что-то мягкое, твердое, теплое и силло проворчавшее:

– Молодой человек! Нельзя же до такой степени не иметь глаз!!!

Денис повернулся и одновременно отскочил. На него строго и неприязненно смотрел невысокий старик в белом костюме и широкополой шляпе. В левой руке он сжимал тяжелую трость – с таким видом, как будто собирался дубасить ею Дениса. В правой – разорванный бумажный пакет. У ног старика на асфальте лежали... книги. Штук десять, не меньше, разноформатных томиков.

– Извините, – Денис поспешно нагнулся и начал помогать старику собирать разбросанное.

Тот сердито посмотрел на мальчика и пробурчал:

– Осторожней, это книги... если вам известно, что это такое, молодой человек.

Но Денис толком не слышал. Положив несколько книжек на колени, он удивленно рассматривал потрепанный, но с целой обложкой томик. По верхнему краю шла знакомая фамилия автора: «А. Шепелев», ниже – название: «Рассказы о Галке и ее друзьях». На картинке девочка и двое мальчишек – все в совсем незнакомой школьной форме, темно-синей у мальчишек и коричневой с черным у девочки – стояли на металлическом тонком мосту и с улыбками смотрели на реку. Там проходил корабль – белый, красивый.

– Шепелев?! – вырвалось у Дениса.

Почти против своей воли он перелистнул страницы. Мохнатые брови старика шевельнулись удивленно.

– Говорит так, как будто эта фамилия что-то для него значит, – сказал он уже не сердито, а скорей насмешливо, принимая из рук поднявшегося Дениса книги.

– Ну почему же.

Мальчик усмехнулся, он уже понял, что старик принимает его за местного. Ему стало интересно. Впервые он увидел тут человека с книгами в руках.

– У меня есть книга Шепелева. «Грани».

Брови старика поползли на лоб, он снова чуть не уронил свой груз.

– «Грани»?! – Он пожевал губами и неожиданно сказал: – Но автор этой книги не Шепелев. Точнее, не только он... А что написано на обложке?

– «А. Шепелев», – немного сердито и в то же время удивленно ответил Денис. – Как «не только»? Что это значит?

– У вас, молодой человек, точно есть книга, где на обложке значится «А. Шепелев»? – В глазах старика загорелся огонек, который мальчишка с изумлением квалифицировал как азарт.

Денис кивнул – вопросы стали его раздражать, и лишь уважение к пожилому человеку (и интерес к книгам) не позволяли ему просто уйти.

– Видите ли, в чем дело... – Старик ловко перевязал уцелевшей бечевкой книги, не пытаясь забрать из рук Дениса «Рассказы...». – Книги Шепелева были изданы перед самой войной издательством «Лениздат»... это в современном Петрограде. Несколько. Вот эти рассказы, – он кивнул на книгу в руках Дениса. – Эпопея по альтернативной истории, сейчас не представляющая интереса для широкой публики – у меня, впрочем, она есть. Очень интересное исследование по криптозоологии... это...

– Это наука такая была – о живых существах, чье наличие не доказано, – мальчик слушал с интересом.

Брови старика вздернулись, глаза бежали Дениса с возрастающим изумлением:

– О?... Да, именно так... Так вот. Еще – приключенческая повесть о Великой Отечественной войне «Мы вернемся!». Вот эту повесть Шепелев писал с другим человеком – Верещагиным. Был такой писатель, малоизвестный, хотя и не бесталанный, он погиб во время Третьей мировой, это точно известно, тогда как судьба Шепелева не установлена... – Старик говорил, увлеченно жестикулируя палкой, и так же увлеченно слушал Денис, а люди

шли мимо, в лучшем случае косясь на эту парочку с удивлением. – Так вот. Именно этот Верещагин – так получилось – передавал рукопись романа-эпопеи «Грани» в «Лениздат». И в силу, видимо, рассеянности что-то напутал с авторами. Авторы «Граней» было **ТРОЕ** – Валерич, Отто Макс Люгер и Алексей Шепелев. Видимо, у первых двух – псевдонимы. Книга же вышла **только с фамилией Шепелева**, и это был единственный тираж, да и то большая часть его погибла на складе, разошлись всего несколько сотен книг. Позднее – в Великом Новгороде, уже во время Серых Войн – был напечатан тридцатитысячный тираж тех же «Граней», но с исправленными данными об авторах. Делали его по компьютерной распечатке, сохранившейся у кого-то в сейфе, найденном «витязями». Таким образом, книга с данными «А. Шепелев» – это раритет!

– Ну и история! – Денис помотал головой и перевел дух. – Давайте я помогу вам донести книги...

– Мальчик... – Голос старика стал нерешительным. – Я никак не могу... купить у тебя это издание? Или поменять?

– Нет, – Денис вздохнул. – Вы меня извините, но это подарок друга.

– Понимаю... – старик тоже вздохнул. – Ну что ж, если не трудно – помоги. Меня зовут Шенк. Франц Ильич Шенк.

– Денис... Третьяков. – Денис подхватил книги и зашагал рядом со стариком, примеряясь к его шагу – широкому, но редкому, усталому. – Мы недавно приехали.

– Я это заметил, – усмехнулся старик, на ходу прикоснувшись рукой к полям шляпы – с кем-то поздоровался в толпе. – Сперва-то я, признаться, принял тебя за местного мальчишку. А разница отчетливо видна...

– По одежде? – уточнил Денис.

– Да нет, одежда тут ни при чем. Многие твои ровесники здесь одеваются куда богаче, если ты это имел в виду.

– А вы библиофил? – с интересом спросил Денис.

Франц Ильич ответил:

– И это тоже. Вообще я пенсионер, птица тут довольно редкая. А в прошлом школьный учитель.

– Учитель? – Денис оценивающе посмотрел на старика и вынес вердикт: – А знаете – похожи.

– Похож? – Старик сипловато рассмеялся, весело подкинул палку в руке.

– Я серьезно, – ответил Денис. – Вот здешний директор школы похож не на учителя, а на...

– А он и не учитель, – сердито сказал Шенк. – Он алкоголик и продажная шкура. Не удивляйся, я говорю серьезно... Ну вот, тут я живу.

Домик стоял в глубине ухоженного сада. За оградой цвели огромные алые розы – Денис ни разу в жизни не видел таких. Шенк протянул мальчишке руку:

– Искренне рад был знакомству, Денис.

– Я тоже, – Денис пожал крепкие сухие пальцы старика и вскинул на него глаза, потому что Франц Ильич задержал пальцы мальчишки в своей руке.

– Рассказы Шепелева можешь оставить себе, – сказал старик. – В честь нашей встречи.

* * *

Как ни странно, но оба родителя были дома. И не только они – с ними был Кенесбаев, все трое сидели в столовой и о чем-то дискутировали. Разувааясь, Денис усмехнулся – преобладал голос матери.

– Что-то они подозрительно быстро сдались, – возмущалась Валерия Вадимовна. – «Да-да, все-все, сделаем-сделаем», – она явно кого-то передразнила. И бумаги с ходу подписывают. Впору прямо дома лежать и по телефону распоряжаться... Только у меня такое чувство, – на этот раз голос ее был мрачно-пророческим, – что они свои издержки и

убытки покроют за счет урезания зарплаты рабочим.

– Была такая мысль, – это уже прозвучал голос отца. – Прямо сегодня и озвучили шепотком.

– Ах, озвучили... – Голос матери стал опасным, но Борис Игоревич рассмеялся:

– Ну, я тоже... озвучил. Насчет идущего расследования и возможной конфискации. Они и скисли.

– А бумаги уже подписали, Валерия Вадимовна? – В голосе Кенесбаева было веселье. Все трое расхохотались. – Вот это они попали... Однако хватка у вас мертвая. Вы что, сговорились так все проверить?

– Практически, – ответил Борис Игоревич. – Видите ли, Кенесары Ержанович, они довольно предсказуемы. От нахальства и безнаказанности. Так что все было весьма просто.

– Гм, просто... – В голосе начальника полиции прозвучало недоверие. – А вот что делать со школой? От Амирова вы помощи не дожидаетесь. Ему и своя-то школа до лампочки, как говорится. А мне, простите, придется иметь дело с несколькими сотнями пацанов, которые окажутся на улице без дела. Мозги у них в сморщенном состоянии, а ненависти к «богатеям» более чем.

– Естественно! – взвилась Валерия Вадимовна. – Лучше, когда они гниют в шахтах!

– Валерия Вадимовна, милая душа, – голос Кенесбаева стал просительным, – да не лучше и не в этом дело. А дело в том, что они ведь всю свою энергию применяют знаете для чего?

– Знаю, – буркнула женщина. – Чтобы гнобить «Энергию».

– **Противозаконно**, между прочим, гнобить. Завтра они возьмут и офис подожгут. И что? Это же, простите меня, – орда. Какие бы виды на их будущее вы ни имели, пока – это орда.

– Кстати, не исключено, что на это у Шульце немалый расчет, – вставил Борис Игоревич. – Так что вопрос со школой надо и правда решать. И не только со школой.

– Может, ваши кого пришлют? – с надеждой спросил Кенесбаев.

– В ближайшее время – нет. Очень много людей нужно на Балканах.

– Помещение можно найти, – Валерия Вадимовна чем-то звякнула. – Оборудование – выписать, тоже не проблема. А вот человека в директора... и учителей...

– Можно? – Денис вошел в столовую и с порога заявил: – Мне кажется, у меня есть кандидатура директора. Серьезно.

– Подслушивал, – печально сказала Валерия Вадимовна.

А Борис Игоревич махнул рукой:

– Заходи, обсудим.

– Все-таки вы совершенно необычные люди, – удивленно заметил Кенесбаев.

* * *

«Рассказы о Галке и ее друзьях» Денис прочитал запоем – за три часа, лежа на кровати наискось. И перевернулся на спину, отложив книжку и положив руки под голову, только когда была прочитана последняя строчка.

Он испытывал чувство жгучей недоуменной обиды.

Во время войны погибло фактически все население Земли. Денис знал это и раньше.

Да, та война освободила мир от рабства. Жуткого рабства у денег и смертоносных желаний-разложений. И все-таки... все-таки была в произошедшем какая-то чудовищная несправедливость!!! Сколько миллионов погибло – миллионов вот таких вот мальчишек и девчонок, миллионы надежд, миллионы порций солнечной мечты, миллионы улыбок...

Несправедливо!

Денис треснул кулаком по подушке. Конечно, книга Шепелева была о другом будущем. В котором не было всего, что привело к той войне. Но сейчас мальчишке казалось, что в огненных вихрях сгорели смелый и открытый Серёжка (тоже Серёжка, как в

«Гранях»...), рассудительный, верный друг Юрис, веселая и немного вредная Галка... все их друзья и весь их мир...

Конечно, это было не так. И все-таки...

Денис знал, что еще не раз будет перечитывать эти рассказы. И уже без этой горечи. Сейчас ее надо было пережить. Но...

– Ольга Ивановна с сыном приехали! Дениска, помоги разгрузаться! – крикнула снизу Валерия Вадимовна, и Денис почти с радостью вскочил, натянул шорты. Оглянулся на книгу. И вышел.

По лестнице он скатился кубарем. И у входа почти лоб в лоб столкнулся с мальчишкой – в спортивной майке, тоже в шортах и кедах на босу ногу. Тот втаскивал в дом два чемодана и уронил их. Распрямился, глянул на Дениса неприязненно – светло-серыми глазами из-под латунного цвета челки. У высокого – но пониже Дениса – мальчишки было узкое загорелое лицо (похожее чем-то на лицо матери, которая разговаривала на улице, у машины, с Валерией Вадимовной), пухлые губы и пальцы в ссадинах и царапинах.

– Привет, – Денис улыбнулся. – Ты Олег?

– Олег, – буркнул мальчишка.

И нагнулся за чемоданами.

Глава 18

Соседи по комнате и планете

Двое мальчишек стояли посреди комнаты.

Между ними стояла спортивная сумка.

В углу стояла раскладная легкая кровать.

За открытым окном стояло лето.

В комнате стояла тишина.

За дверью стоял толстолапый щенок – его пока не видели, а он с любопытством рассматривал незнакомого гостя и гадал, стоит порычать или нет?

Ольга Ивановна было появилась на пороге со встревоженным и даже чуть заискивающим лицом, но на заднем плане мелькнула Валерия Вадимовна и уволокла домохозяйку – совершенно беспощадно и молниеносно, как орлица – жертву.

Один мальчишка был в шортах и босиком. На его лице отчетливо читалось открытое дружелюбное любопытство.

Второй – в шортах, старых кедах и красной вылинявшей майке. Его лицо было непроницаемо-угрюмым.

– Вот эта сторона твоя, – кивнул Денис на правую сторону комнаты, которую вчера расчистил.

Олег машинально посмотрел туда. Шевельнул щекой.

– Спасибо, – вполне вежливо ответил он. Посмотрел на Дениса опять. Глаза у него были непроницаемо-враждебные.

– Помочь разложиться? – предложил Денис.

– Спасибо, – снова ответил мальчишка. Поднял сумку, отошел к стене и стал раскладывать кровать.

Одному это делать было неудобно, и Денис сунулся помогать. Тогда Олег выпрямился и стал наблюдать.

– Ладно, – Денис пожал плечами и подсел к столу. Стол был тоже поделен пополам, причем на «Олегову» сторону был поставлен новенький письменный прибор.

Неожиданно Денис ощутил совершенно непривычное чувство – чувство неудобства, стеснения. И нехорошо удивился – в комнате он стал как чужой. И что, так вот всегда будет? Ого, это довольно мерзко...

Чтобы перебить это ощущение, Денис придвинул бумагу – и неожиданно для самого себя стал писать письмо – в Петроград, причем письмо деловое, с отпечатанными

фотографиями и просьбами прислать подборку уставов и пособий – типовой комплект «Пионеротряд» – и подписку на «Пионер», «Костер», «Барабан» и «Пионерскую правду». Вспомнилось, что фильмы еще лежат нераспакованные. Писание письма неожиданно увлекло Дениса, он закончил его, бурно лизнул, заклеивая, приляпал марку, вытащенную из крепления. Дозаправил ручку из баллончика. И только после этого вспомнил об Олеге. Оглянулся.

Оказывается, сын Ольги Ивановны все-таки ожил. Он разбирал сумку. Правда, раскладывал все на кровати – незастеленной. Поймав взгляд Дениса, спросил вежливо:

– А где вещи можно положить?

– В шкафу половина полка твоя, – Денис кивнул. – Вон шкаф.

Олег кивнул, встал, принялся раскладывать вещи по полкам. Задержал взгляд на постере с изображением имперского сторожевика над поверхностью Меркурия – постер Денис приклеил к стеклу шкафа изнутри. Потом повернулся к Денису и спросил в упор:

– Зачем тебе это надо? Хочешь быть хорошим?

Денис передвинул по столу письмо. Оно получилось толстым. Поднял глаза на Олега.

– А зачем мне **быть** хорошим, я и так неплох, – сказал он тихо. – Что, на улице жить лучше?

– Лучше, хуже... Ты-то не жил, – голос Олега был тихим, а глаза – непримиримыми.

Денис пожал плечами:

– Не жил. И в благодетели к тебе не набиваюсь. Я вообще-то думал – комната большая, мать у тебя хорошая женщина, жить вам негде. А ты хочешь верь, хочешь нет.

Олег нахмурил брови. Потом несколько раз моргнул. Кажется, что-то хотел сказать, но в этот момент вмешался Презик.

– Тяф, – сказал осуждающе он, входя наконец в комнату. Осуждение явно относилось к обоим мальчишкам, и они посмотрели на щенка одновременно.

Губы Олега вдруг расплылись в улыбке, он встал на колени и протянул руку:

– Куть-куть-куть...

Презик мотнул хвостом. Посмотрел на Дениса, потом протрусил вперед и уткнулся носом в колено Олегу. Потом лизнул его. Олег засмеялся и подхватил Презика под лапы. Тот с удовольствием повис мертвым грузом.

– Какой ты лапистый... какой мордатый... какой... какой... – Олег поднял щенка повыше и провел его носом себе по губам. – Как его зовут? – спросил он, поднимая на Дениса веселые глаза.

– Презик, – Денис присел напротив на корточки, почесал щенку загривок. Если бы тот был котом, то замурлыкал бы.

– Как?! – Олег засмеялся, потряс щенка. – Похож. Важный и вообще...

Он поставил щенка на пол и прихлопнул над хвостом. Потом поднял на Дениса опять похолодевшие глаза. И обстоятельно сказал, не вставая с колена:

– Со мной забот не будет. Если не будете обижать мам... мать, то меня даже не заметите.

– Да почему мы должны ее обижать?! – взорвался Денис.

Олег промолчал. Лишь долгим взглядом окинул стены.

* * *

Чувство неловкости, которое Денис испытал при первой встрече с новым соседом по комнате, прошло без остатка. Правда, ему на смену явилось равнодушие. Ну, живет. Ну и ладно, а раз не хочет контактировать – так что, лезть к нему с объятиями? За ужином Олег вел себя совершенно нормально, спокойно и воспитанно – Денис, если честно, даже удивился. Впрочем, Ольга Ивановна была явно человеком развитым, так что и сын, наверное, набрался от нее. Даже разрешения встать из-за стола Олег попросил, и Третьяковы-старшие с глубоким осуждением посмотрели на сына. Денис сделал большие

глаза, высоко поднял плечи и широко развел руки. Через какое-то время он, допив чай, спросил:

– Па, можно завтра «Сайгу» взять, я обещал Мишке научить его стрелять.

– Какому Мишке? – Борис Игоревич уже успел заняться бумагами.

– Сыну Елены Александровны, – уточнил Денис.

Третьяков-старший поднял голову наконец:

– Какой Елены Александровны?

– Ма-ам? – повернулся Денис к Валерии Вадимовне.

Та, занявшая **своими** бумагами половину стола, подняла затуманенные глаза.

– Елены Александровны? – удивилась она. – А! Та женщина, переселяться хочет. Да, сын. Мишка.

И снова вернулась к бумагам.

– За пределы города отправляйтесь, лучше на опушку, – отреагировал наконец Борис Игоревич и вернулся к работе. – Лерка, а у тебя есть данные по расходам на лекарства для больницы?

– Кое-что есть...

Денис минутку послушал разговор родителей и обратился к Ольге Ивановне, которая убирала со стола:

– Ну и зачем мне родители? Эх... Пойду я...

...Олег сидел у стола и читал растрепанную книжку в мягкой обложке. Когда Денис вошел – мельком поднял на него глаза, закрыл книжку и перебрался на кровать. Книжку положил под подушку, откинул покрывало и стал раздеваться. Вещи аккуратно складывал на поставленный рядом стул. Денис недовольно глядел на него. Поведение Олега напоминало ему то, как вели себя в книжках и фильмах арестованные из прошлого. У Дениса даже возникло ощущение, что Олег нарочно играет в такую игру. Не удержавшись, он хмыкнул и свалился на свою кровать, взяв альбом об охоте и Корфа «Запомни слово «Верный». Положил ноги на спинку кровати и углубился в чтение. На самом деле углубился – сперва рассматривал альбом и думал об охоте, потом начал читать книжку. Она оказалась о Серых Войнах и была написана живым, красивым языком – хотя о вещах, которые жутко было представлять. Автор не стеснялся, не приукрашивал и не гнался за популярностью. Бывший милиционер, после развала привычного устройства взявший на себя ответственность за сохранение порядка в своем квартале – и в конце романа превратившийся в самовластного князя, ищущего связей с другими уцелевшими очагами русского духа (Денис пролистал книгу до конца, еще не читая, не удержался...) Денис даже подумал, что книгу нужно будет послать в Петроград – пусть ребята почитают.

Как обычно, Денис зачитался. Когда он отложил книгу, было уже почти два часа ночи и книга была дочитана до середины. Денис, обнаружив это, даже слегка возмутился: в конце концов, родители что, совсем на него наплевали? Могли бы и посмотреть, почему сын не спит!

Окно было открыто, и мальчишка удовлетворенно заметил, что уже не испытывает особых неудобств от здешней атмосферы. Хотя – могло бы и попрохладней быть, и не так влажно. Тут и зима-то – сплошные дожди и почти так же тепло. Раздумывая об этом, Денис выключил свет и со вздохом перевернулся на живот.

На этот раз из-за окна никто не наблюдал за ним.

«Даже как-то скучно, – разочарованно подумал мальчишка. – Пойти попить воды и ложиться спать. Интересно, во сколько завтра придет Мишка? Если и правда как сегодня – то это уже не завтра, во-первых, а во-вторых, вообще скоро».

Денис зевнул с подвыванием и лениво поднялся.

– Ой! – вырвалось у него.

Олег не спал. Он лежал, положив руки под голову, и сумрачно смотрел на Дениса – из-под челки блестели глаза.

– Я просто на новом месте, – буркнул он.

– Да я-то что? – удивился Денис.

Презик спал на нижней ступеньке, и Денис в последний момент успел, изловчившись, через него перескочить. Щенок и ухом не повел.

– Паразит, – пробормотал Денис. Он чудом не вывихнул коленку.

Вода из-под крана на кухне оказалась холодной и вкусной. Денис даже хотел умыться, но понял, что тогда проснется совсем, а ему этого не хотелось. Он позевал и побрел наверх, по пути пихнув щенка в упругий бок:

– Подвинься, разлежся.

Щенок лениво свалился куда-то в сторону, кувикнул и опять уснул.

Олег лежал, повернувшись лицом к стене, то ли спал, то ли нет. Денис пожал плечами и недовольно подумал, что, знай он такое...

«И что? – оборвал он себя. – Не пустил бы его в комнату? Чушь».

Денис завалился в постель и с надеждой вновь посмотрел в окно, приподняв голову.

Но странного взгляда так и не было.

* * *

На этот раз Ольга Ивановна была безжалостно-пунктуальна. В том смысле, что она разбудила Дениса в восемь утра. Правда, тут же смущенно сказала:

– Вы... ты же сам просил.

– Да, конечно, просил, – Денис сел, потер лицо руками.

Бросил взгляд на соседнюю кровать – пустую, аккуратно застланную.

– А где Олег? – спросил он удивленно.

Ольга Ивановна тоже явно удивилась:

– А на работе, он в шесть встал... А твои папа с мамой еще раньше, даже и не позавтракали толком...

– На работе? – Денис смутился. И уточнил после неловкой паузы: – А где он работает?

– Подсобником «Заготмясо»... Завтракать будешь?

– И не я один, – Денис бросил взгляд на часы. – Сейчас еще один парень придет... наверное. Покормите?

– Мишка, что ли? – ворчливо спросила Ольга Ивановна. – Покормлю. Спускайся.

Она вышла. А Денис, поднявшись, посмотрел на висящий на спинке стула галстук. Сузил глаза. И процедил:

– Ну и хватит.

* * *

Всю дорогу за окраину – туда, где лес поднимался на склоны гор, – Мишка косился на Дениса. В основном на его шею, но и вообще. И уже возле последних домов не выдержал:

– Это пионерская форма, да?

– Угу, – отозвался Денис.

Он заметил, что внимание-то обращают все, мимо кого они проходили. Самое разное внимание – в основном это был просто удивленный интерес. Но попадались такие взгляды, что по коже бежали мурашки. Откровенные весьма взгляды. Обещающие. Денис даже порадовался, что в руках у него чехол с «Сайгой» и патронташ.

Кстати, полицейские навстречу попадались дважды. Скользили по оружию пристальными взглядами – и не останавливали.

– Красивая, – сказал Мишка. – У меня дружок есть, у его отца харчевня, «Приют» называется, там, – он махнул в сторону дороги через горы. – Пашка. Он вчера приезжал, сказал, ты ему что-то там давал про пионеров читать, интересное. Он говорил, только я не понял, мне бы самому почитать, разобраться. Есть что-нибудь?

– Конечно, есть, – спокойно ответил Денис, а в душе возликовал. – Я потом тебе дам...

Ну, где тут можно стрелять?

– Да где угодно, – Мишка кивнул влево-вправо. – От дороги отойди и стреляй.

– Тогда пошли направо, – решил Денис. – Как с разрешением на оружие-то?

– Да получили, мамка на себя записала, – усмехнулся Мишка, перескакивая дорожное ограждение. – На две штуки. Только денег больших стоят. Наверное, одну купим пока, такую, – он кивнул на чехол с «Сайгой».

Мальчишки отошли метров на сто. Дениса поразило, как много в этом лесу звуков, влаги и жары. Настоящие джунгли! В какой-то момент он даже с испугом подумал, что теряет ориентацию, но потом сообразил, что это просто кажется от необычности окружающего.

– Слушай, – вдруг вспомнил он рассказ Муромцева-старшего, – а это здесь водятся неясоти?

– Да кто его знает, – поморщился Мишка, – я их не видел ни разу, а слышал – да, разное. Но вроде не здесь, а выше и северней... Там леса совсем глухие, там и бандиты есть.

– Бандиты?! – Денис посмотрел в указанную сторону. – Настоящие, что ли?!

– Настоящие, а какие же... – Мишка ловко сорвал какую-то большую ягоду, раскусил. – Попробуй, это виноград здешний.

Денис машинально сделал то же. Ягода и правда оказалась вкусной, но на виноград по вкусу не очень-то походила... впрочем, это его мало заботило. Он продолжал допытываться:

– А что их не выловят-то?

– А попробуй вылови в тамошних лесах... Да, – Мишка отмахнулся, – они уже полгода не показывались, их прошлый год казаки здорово потрепали, мы с пацанами бегали смотреть, когда бой шел... – Мишка то ли правда не замечал завистливого взгляда Дениса, то ли бравировал тем, что видел больше имперца. – Я как раз на станице жил, их туда обманом подманили – и давай чесать! До самого леса и дальше трупы лежали – штук сто, не меньше. Некоторые прямо напополам разрубленные, – Мишка махнул рукой. – Жик! Я видел, как казаки рубят... Вот я бы тогда знал, точно себе чего-нибудь подобрал бы... Сейчас вон туда спустимся и там можно пострелять... А вот у тебя аксельбанты – черный и зеленый, – с интересом спросил вдруг Мишка. – Это что?

– Стрелок и разведчик... – машинально ответил Денис, он все еще переваривал сногшибательное известие о бандитах; интересно, отец-то знает?! Но сразу, уже по собственной инициативе, объяснил: – Вот этот шеврон означает, что я пионер, не новичок, но и не старший пионер тоже. А вот, видишь, на красном серебряный дубовый лист – это значит, что я член совета отряда... Здесь стреляем?

Мальчишки спустились по откосу на широкий галечный пляж. Мелкая речушка текла спокойно и тихо, Денису тут сразу понравилось.

– Тут купаться можно и пить, – сказал Мишка. – Это Заславка. Когда она через поселок течет, то в нее всякую гадость льют, а тут чисто.

– А где тут какие-то пруды? – вспомнил Денис, расчехляя ружье.

Мишка мотнул головой:

– А там, в другой стороне. Там купаться хорошо, но вода, если нырнешь, холоднющая, там глубоко, дна нет.

– Ну – нет.

– Чес-слово. Экспедиция приезжала, с батискафом. Нету дна. – Мишка округлил глаза, но тут же отвлекся на протянутое ему ружье – начал снаряжать магазин, оттопырив нижнюю губу и с удовольствием вставляя в плоскую коробку синие патроны с «полевым»²².

Денис отошел шагов на сорок и начал пристраивать вместо мишеней на разных уровнях пластинки гранита толщиной в палец и величиной с человеческую голову – их на берегу было немало. Он наставил штук сорок мишеней по всему берегу, перевел дух,

²² Имеется в виду пуля российского конструктора В. В. Полева.

поплескал в лицо водой... Мишка уже снарядил магазин и по своей инициативе зарядил оружие. Держал он его правильно – стволом вверх – и терпеливо ждал.

– Дай-ка, – Денис взял «Сайгу», отошел к откосу.

Мишка смотрел с интересом. Денис про себя усмехнулся. Ни малейшего волнения он не ощущал. Отщелкнул предохранитель и побежал вперед.

Выстрел, выстрел, выстрел – на бегу. Кувырок, кувырок, на колено – выстрел, выстрел, выстрел! Кувырок в сторону, лежа – выстрел, выстрел, выстрел, выстрел! С визгом и воем разлетались в стороны осколки гранита. Денис отомкнул магазин, передернул затвор и поцеловал приклад ружья.

Он знал, что не промахнулся ни разу. Эхо еще бегало где-то в лесу на гулких лапах.

Интерес в глазах Мишки исчез. Теперь там было восхищение.

– И что... – осторожно спросил он, переступив с ноги на ногу. – И что, все пионеры так могут?

У Дениса был сильнейший соблазн объявить, что – все. Для поднятия престижа организации. Но это было бы слишком уж наглой ложью. И Денис бросил Мишке магазин:

– Снаряди, сейчас ты будешь стрелять... Нет, не все, – он качнул аксельбант. – Я же сказал – я стрелок. **Очень хороший** стрелок. Но стрелять должен уметь каждый пионер.

– А что он еще должен уметь? – Мишка послушно снаряжал магазин.

Денис достал из сумки пистолет (Мишка округлил глаза). Пояснил:

– Много чего... Верхом ездить, транспорт водить, раненым помогать, дом построить... ну, не дом, но так – жилище... Да ты потом сам посмотришь, раз у меня журналы возьмешь... Погоди, я сейчас еще мишенек понаставлю.

Мишка передернул затвор, согласно кивнул. Устанавливая камни, Денис пояснил:

– Целься по стволу. И не мушку подводи под мишень, а делай так, чтоб верхний край ствола низ мишени чуть-чуть закрыл... – Он подошел к Мишке. Видно было, что тому тоже ужасно хочется покувыркаться, расшибая камни в крошку, как Денис. Но Мишка только вздохнул. – Ноги поставь правильно... правильно – это вот так! – Денис поправил стойку приятеля. – Приклад крепко прижимай, иначе плечо снесет, на самом деле... И запомни, тебе сейчас главное научиться попадать, скорость будешь тренировать потом. Ну, давай.

Мишку шатнуло так, что он даже охнул. Естественно, на человека, первый раз стреляющего из двенадцатого калибра, этот выстрел производит незабываемое впечатление. Особенно если человеку четырнадцать лет. Пуля, кстати, с визгом и хлопаньем запрыгала куда-то по камням, а потом утонула на середине реки с отчетливым «бульп!».

– Поздравляю, – серьезно сказал Денис.

Мишка, очумело глядя на него мимо ствола, изумился:

– С чем?!

– С первым выстрелом, так положено. Давай дальше, камни-то стоят.

Мишка послушно прицелился снова.

– Эй, ты так-то уж приклад не жми, у тебя ствол трясется, – заметил Денис.

Но Мишка и на этот раз промазал – пуля с треском взрыла гальку и песок перед мишенью. Мальчишка смущенно покосился на Дениса, но тот совершенно спокойно наблюдал за происходящим.

– Дыхание удержи, – посоветовал Денис. – И на спуск жми плавно. Давай.

И на этот раз пуля шарахнула точно в центр брызнувшей мелким крошевом мишени!

– Ур-р-ра-а-а!!! – заорал Мишка, подбросил и ловко подхватил оружие.

Денис засмеялся:

– Молодец! – Как всегда, если он видел чужой успех, мальчишкой овладело радостное чувство. – Давай дальше, все твои!

Ободренный успехом, Мишка пошире расставил ноги и тремя выстрелами в приличном темпе разнес в брызги еще три мишени. Но потом опять промахнулся – и, опустив оружие, смущенно посмотрел на Дениса.

– Нормально, нормально, давай дальше, – ободрил его тот.

Последние три пули Мишка вогнал точно в мишени и облегченно-гордо вздохнул.

– Ну вот – теперь чистить, – поощрительно кивнул Денис. – А вообще, очень даже неплохо. Когда свою купишь – тренируйся почаще, не жалея патронов.

– А из пестика постреляем? – спросил окрыленный похвалой Мишка.

...Они постреляли из «пестика» и еще из ружья – а что? Потом почистили оружие, сидя рядом на еще не сгнившем повалыше – и Мишка предложил с какой-то заминкой:

– Пошли... на другой пляж, тут есть рядом. Искупнемся.

Причин заминки Денис не понял и с радостью согласился. Тем более что пляж и правда был рядом – за речным поворотом. Причем настоящий песчаный, а не галечный. Денис до такой степени захотел в воду, что даже не заметил, как Мишка, прежде чем раздеться, прислушался и огляделся.

Правда, в воде – неожиданно холодной и быстрой по низу, из-под ног на мелководе стремительно высасывало песок – он стал совершенно обычным. К разочарованию Дениса, река оказалась неприлично мелкой, едва по бедра, поэтому плавать было неинтересно, а нырять – вообще невозможно. Зато можно было окатывать друг друга фонтанами воды из-под ладоней. И все-таки, когда мальчишки выбрались на берег – греться, – Денис не преминул заметить:

– У нас в сто раз лучше купаться. У нас – море.

– У нас тоже близко море, а на прудах я тебе еще раз говорю – дна нет.

Денис, начавший сложную и приятную процедуру потягивания на песке, не ответил, но про себя постановил, что на этих легендарных прудах он побывает, хоть мир рушья. Как это – нет дна?!

Как по заказу, над берегом выкатилось солнце, и мальчишки долго валялись на песке, сохли. Потом Денис, лениво повернув голову, спросил:

– Миш, а тебе не жалко будет уезжать на ферму? Все-таки родной поселок.

Он вздохнул, подумав о Петрограде.

Мишка сел и долго молчал, только сыпал на коленки красноватый песок, внимательно следя за тем, как песчинки бесшумно струятся по высохшей коже на ступни или застревают в невидимых волосках. Потом вскинул голову и с непонятным вызовом в голосе – отчаянным, как будто Денис возражал – сказал:

– Я ненавижу шахты. Все беды у людей от них.

– Скажешь, – лениво ответил Денис, переваливаясь набок. – Шахта – это просто место, где люди работают.

– Там страшно, – тихо сказал Мишка, опуская глаза и становясь вдруг каким-то беспомощным. – Там даже люди другие. Наверху человек как человек, а там – как дуреет... – Мишка еще ниже опустил голову. – Ты не знаешь, ты там даже не был, а я работал... – Он передернул плечами, как будто по спине провели холодным. – А знаешь, какой у меня был отец?! – В голосе Мишки прозвучало такое отчаяние, что Денис тоже сел.

А Мишка отрывисто продолжил:

– Его даже не нашли. Совсем. Ни его. Ни еще одиннадцать человек. И вместо него пошел работать я, чтобы было что жрать...

– Миш, – осторожно сказал Денис. – Но ты понимаешь... Вот я приехал из Империи. А у нас там даже свет не всегда есть. Электричество. Нам нужно то, что добывают у вас. Ну как шахта может быть злой?! Злые люди, которые не покупают оборудование нормальное, скафандры, все такое... Отец с ними разберется – и тогда... – Денис понял, что его слова не доходят до Мишки.

Тот поднял глаза – злые, но сухие – и упрямо произнес:

– Я все равно туда не пойду. Даже тогда. Даже если там все кафелем облицуют и фонтанчики с водой поставят через каждый шаг. Потому что мне все равно будет казаться, что там все черепами вымощено, ты понимаешь?

– Мишка, – Денис придвинулся ближе. – У тебя же и сестра пропала, да?

Мишка полоснул таким взглядом, что Денису стало не по себе, но он продолжал

упрямо и уже уверенно:

– У кого что... Так что ж теперь, весь мир ненавидеть? Небо – за то, что солнце редко показывается, а туч много?

– Знаешь, как я даже о **таком** небе мечтал – там? – Мишка вздохнул. – И что ж, бывает, что и весь мир ненавидят. Один парень мне так и говорил: хочешь выжить – ненавидь всех и все.

– Ну он и дурак! – в сердцах выкрикнул Денис. – И ты же не стал таким?!

– Я, может, и стал бы, – Мишка вновь вздохнул. – Но ты тоже прав. Хороших людей много, только они беспомощные. Я вот Бахуреву поверил, а сейчас нет-нет да и подумаю: а если не получится?

– И ты дурак, – Денис копнул ногой песок. – Разве мы бессильные?

– А разве вы хорошие? – спросил Мишка. – Ты же сам говоришь – вам наша руда нужна. Вот вы всех этих хозяев поразгоните, а сами на их место сядете. Тогда нам как?

Денис беспомощно открыл рот. Заявление было дремучим, глупым, диким... и... и... и на него нечего было возразить – в смысле, возразить так, чтобы Мишка поверил.

И, как нередко бывает, на помощь пионеру пришел почетный член организации товарищ Случай. Правда, сделал он это, как тоже бывает нередко, довольно своеобразно.

Пока Денис обдумывал сокрушительный ответ, Мишка поднялся на ноги, помрачнел и выругался, глядя за плечо Денису. Тот быстро обернулся и тоже встал.

По песчаной косе неспешно шли четверо мальчишек – примерно одного возраста с Денисом и Мишкой. Хорошо одетые – в легких рубашках, шортах, спортивных тапках. Двое несли небольшие сумки. А в шагавшем впереди парне Денис неожиданно узнал того, который пару дней назад останавливался около калитки во двор Третьяковых и пренебрежительно сплевывал.

Судя по всему, он тоже Дениса узнал. Подошел почти вплотную – Денис краем глаза заметил, как Мишка набычился и сжал кулаки, – а его приятели остановились шагах в десяти. Опустили сумки.

– Быстро свалили отсюда, – лениво и спокойно сказал мальчишка. И тем же движением, что и тогда, убрал назад расчесанные на две волны волосы.

– Места мало, что ли? – Мишка метнул взгляд на оружие.

Те четверо, конечно, тоже видели его, но явно не брали в расчет. Как и Денис – не стрелять же, на самом деле, в них? Но проучить стоило – и Денис вмешался тут же:

– А это частный пляж? Таких даже у вас нету.

Мальчишка посмотрел на него.

Во взгляде не было ничего из привычных Денису чувств. Там была просто глубокая взрослая ненависть. Не как у той толпы, нет. Осмысленная и глубокая. И Денис подобрался.

– Заткнись, – тихо сказал мальчишка и кивнул на Мишку. – Он знает, что тут место не для быдла. И тебя должен был предупредить об этом. А до оружия и не думай добираться. Изувечим обоих.

– У вас есть полминуты, чтобы убраться отсюда, – так же тихо сказал Денис. – Или я даю честное пионерское, что вас ждет болезненный урок.

В глазах мальчишки появилось что-то, похожее на удовлетворение. И Денис понял: именно его и хотели втянуть в драку.

Ну что ж, только бы Мишка не помешал. Денис не знал, как дерется его новый приятель, и не готовился работать с ним в паре.

– Дениска, нож!

В ответ на крик Мишки – а чего-то такого Денис не ожидал совершенно, потому что это было совсем уж!.. – тело мальчишки само выполнило уход, и короткий широкий нож мелькнул у локтя Дениса вместо того, чтобы войти под ребра.

А в следующую секунду Денис нанес замахнувшемуся было для второго удара противнику шассе-круазе в корпус. Стойка для такого удара оказалась самой подходящей.

Нападавший успел только открыть рот и отлетел метра на три в сторону – защититься

он не успел даже самую малость, нож упал в песок, и рухнувший парень уже не поднялся. Денис понял, что на него бросаются все трое...

Свинг в скулу – еще один закрутился волчком. Реверс ногой – истощное: «Ммммаааа!» Последний успел зацепить Дениса ногой в бедро, но получил кулаком в ухо от Мишки – видимо, здорово, потому что лег.

Денис посмотрел вокруг. Шевелился получивший реверс – нога пришлась ему снизу вверх в пах, и шевеление напоминало движения червяка на крючке. Тот, которого отоварил Мишка, тоже копошился, держась за голову.

– Хорошее знакомство, – заметил Денис, поднял нож и зашвырнул его подальше в реку.

Посмотрел на свое бедро – там оказалась здорово свезена кожа, широкая ссадина оплывала кровью.

– Миш, спасибо.

– Мне?! – изумился тяжело дышавший Мишка. – Ты же их всех уделал! Это что, тоже каждый пионер так должен уметь?

– Каждый, – поморщился Денис. – Это СБС, самбо-бокс-сават... – он перевел дух. – Не убил никого, кажется.

– Не жалко было бы, – Мишка нехорошо усмехнулся. – Это Юрка Пинаев и его шакалье.

– Пинаев? – Денис поплескал на ссадину водой. – Сын начальника службы безопасности компании «Энергия»? Повезло... Что ж он своего сына драться не научил как следует? А в сумках у них что, на пикник пришли, что ли?

– Проверить? – с готовностью предложил Мишка.

Денис махнул рукой:

– Оставь...

Теперь признаки жизни подавали все четверо. Юрка сел, держась за грудь и хрипло кашляя – после каждого «кхе!» его передергивало, и Денис понял, что повредил мальчишке ребра. Да уж... В Империи в подобном случае разбирательство скорее всего ограничилось бы выяснением причин и наказанием зачинщика такой дикой драки – четверо на одного. Если один на один – вообще вряд ли были бы какие-то последствия. Но тут, да еще и Мишка...

– Получили? – уточнил Денис.

Юрка снова закашлялся, поднял руки и выкрикнул:

– Не бей!

– Ты чего?! – изумился Денис и неожиданно сообразил – чего. Сплюнул: – Ну вы и... – и отошел к Мишке. – Пошли от этого вонизма. Одевайся...

... – Он что, правда думал, что я буду лежачего бить? – хмуро спросил Денис, когда они подходили к дому Третьяковых.

Мишка тоже был хмурый и ответил задумчиво:

– Раньше бы сказал – житья не дадут. А теперь ну их на хер, надоело бояться... Эх, вот если бы ты еще меня драться так научил!

– Может, и научу, – ответил Денис, краем глаза заметив, как между прутьями ограды отдернулась в соседний двор голова Никитки. Но одним глазом мелкий сосед продолжал наблюдение. – Пошли, дам, что обещал.

– Пошли...

Мальчишки поднялись на крыльцо – и отшатнулись, потому что дверь открылась и появился Олег. Он был в грубом комбинезоне на голое тело, с подвернутыми штанинами, босиком и с саперной лопаткой в чехле.

– А ты уже дома? – Денис придержался за перила.

– О, Олег? – удивился Мишка, чуть не уронив чехол с «Сайгой».

– Я на обед заш... Мишка, а ты чего? – не меньше удивился Олег. И еще смутился почему-то, хотя тут же овладел собой.

Мальчишки сразу после этой взаимоперебивающей тирады так же одновременно

замолкли и с полминуты таращились друг на друга. Потом Денис засмеялся, Мишка тоже – и даже Олег улыбнулся – губы чуть разъехались. Но тут же снова посерьезнел и сказал Денису – вежливо и ровно:

– Ты матери скажи, что я припоздаю, там вечером еще привезут на разгрузку.

– Ага, скажу, – кивнул Денис, провожая взглядом Олега. И, когда тот вышел за калитку, по какому-то наитию спросил у Мишки: – Это он тебе говорил, что всех надо ненавидеть?

– А откуда ты... – начал Мишка. Но тут же вздохнул и кивнул: – Ага. Он...

...На ужин Олег не опоздал. Сидел на прежнем месте и молча ел. Дениса подмывало начать разговор о его работе – чтобы расшевелить, да и на самом деле было интересно. Но родители затеяли разговор о шахтах, Денис что-то спросил, ему ответили, а Олег тем временем поблагодарил и выбрался из-за стола.

– А школу придется открывать, – вдруг заявила Валерия Вадимовна. – Прав Кенесбаев. Мне бы время найти с твоим этим библиофилом поговорить... как его?

– Франц Ильич... Делегируй полномочия мне, – с готовностью предложил Денис, коркой подбирая с тарелки грибную подливку. – Ольга Ивановна, спасибо.

– Подложить? – предложила она.

Денис помотал головой:

– Нет, спасибо, – хотя добавки хотелось. – Так как насчет полномочий?

– Посмотрим, – туманно ответила мать.

– Только недолго, – Денис встал из-за стола.

Валерия Вадимовна, уже начавшая думать еще о чем-то, удивленно уточнила:

– Что недолго?

– Смотри недолго, – пояснил Денис. – Ладно. Пойду заниматься резьбой по дереву.

Снаружи уже начало темнеть – быстро. Над крыльцом Денис зажег плафон, на его свет толпами полетела мошкара. Принес полуготовую панель для двери, инструменты. Посидел. В доме разговаривали родители, отец засмеялся, потом засмеялась Ольга Ивановна – Денис в первый раз слышал ее смех.

Да-а, а Олег-то тут довольно известная личность. И философ, оказывается. Ненавидеть всех – беспроектная философия, честное слово. Но жить с таким в одной комнате... Денис покачал головой, принимаясь за инструменты. Кста-а-ати, вспомнил Денис. Куда он днем лопатку-то потащил? Зачем грузчику лопатка?

На твердой панели появлялся левый завиток – в обрамлении вьющихся трав и раскрытых цветов – вайга. У Дениса не было особого таланта резчика, но такую работу мог сделать и первоклашка.

«А вот еще загадка, – подумал он рассеянно. – Кто же все-таки смотрел в окно-то несколько ночей подряд? Сейчас как влепят пулю с улицы...»

Додумать эту мысль он не успел – из дома вышла Валерия Вадимовна. Присела на верхнюю ступеньку и спросила:

– Где этот Франц Ильич живет – помнишь? – Денис кивнул, не прекращая работы. – Ну, тогда делегирую тебе полномочия. Завтра с утра жми к нему и поговори о школе. Что сказать – сам догадаешься.

– Что сказать – догадаюсь, – кивнул Денис. – А что ему можно пообещать?

– Хлопоты, неприятности и помощь в разумных пределах. Думаешь, согласишься? – женщина дотянулась, взъерошила волосы сына.

Денис ответил:

– Если бы он был император – сто процентов согласился бы. А так – не знаю, но думаю, что да.

– Ну, тогда заканчивай и иди спать, – посоветовала Валерия Вадимовна, – а то проспишь до полудня.

– Не, меня теперь Ольга Ивановна будит... – Денис поднялся и потянулся. – Завтра схожу, как только позавтракаю.

– Денис! – окликнул из дома отец. – Ты саперку брал? «Азарт»?
– Ага, пап! – не моргнув глазом, отозвался мальчишка.
...Олег на этот раз, кажется, спал. Денис не стал зажигать свет – читать не хотелось, а хотелось правда лечь спать.

Уже завалившись в постель, мальчишка подумал с интересом: куда же странный сосед по комнате утащил саперку?

Глава 19 Григорий Мелехов

С раннего утра Дениса ждало разочарование.

Пенсионера-учителя дома не было. Домик за красными розами пустовал, на двери висел замок. Денис, обнаружив это, оскорбленно засопел. Подобный срыв своих планов мальчишка всегда воспринимал как личный вызов.

Он огляделся, надеясь увидеть в соседних дворах кого-нибудь, кто подскажет, куда делся учитель-пенсионер, стоит ли его ждать или прямоком надо идти искать, а если да – то куда? Но по соседству никого не было – и Денис, вздохнув, пошел назад к калитке.

Однако тут ему повезло. Едва выйдя на улицу, Денис почти столкнулся с мальчишкой – помладше себя, прилично одетым (и даже обутым), – тащившим куда-то две большие сумки. Мальчишка вильнул в сторону, смерив Дениса подозрительным взглядом, явно собиравшись ускорить шаг, но Третьяков-младший его окликнул:

– Эй, погоди!

– Чего? – буркнул мальчишка, но остановился все-таки.

– Тебя как зовут?

– Ну, Петька, а чего?

– А ты не знаешь, где Шенк? Франц Ильич? – Денис мотнул головой в сторону домика.

Петька проследил его взгляд, буркнул:

– Малахольный-то? Знаю.

– Почему малахольный? – неприятно удивился Денис.

Петька фыркнул:

– А потому. Ходит, всех жизни учит, старый дурак. Его бы уж прибили давно, да кому он нужен, старый пень. Тоже меня третьего дня остановил, – в голосе мальчишки прозвучало искреннее возмущение, – и давай читать... Мне мамка сказала: пристанет еще – посылай сразу в матерки.

– Чего читать-то? – не понял Денис, но потом вспомнил, что на местном жаргоне «читать» значит то же, что в Петрограде – «долбить», то есть нудно что-то объяснять.

А Петька качнул коленом сумку:

– А вот про это. Мол, объедки, гордость надо иметь... Он-то таких объедков со своей пенсии хрен купит, – мальчишка засмеялся с явным превосходством.

– Какие объедки? – Денис кинул взгляд на сумки.

Петька насупился, но потом, наверное, решил, что странно, но хорошо одетый парень не станет покушаться на содержимое, и даже доверительно пояснил:

– У меня мамка работает в ресторане. Тут, на площади. Там все сливки столуются, банкеты устраивают, то и се... Мамка официантка, ей то и дело купюры в платье суют. А я так – подмети-подай-принеси-почисть. Ну а после ночи жрачка всегда остается. Вот и сегодня – Пахом гулял...

– Пахомов Алексей Антонович, директор Совета латифундистов? – подсказала Денису память крепкого спортивного мужика – неприятного...

– Ну... Столько всего на столах осталось! – Петька закатил глаза. – Там наши даже доесть потом не смогли, всем перепало – воз! Вон, тащу домой, – он тряхнул сумками. – А ты... чего так смотришь?

А как Денис смотрел? Он и не знал... Но, видно, и правда как-то по-особенному,

потому что Петька выставил вперед плечо – трусливо-агрессивно.

– И ты доедал? – глухим от гадливости голосом спросил Денис.

– А то, – усмехнулся Петька с явным превосходством. – Вку-у-уснотища! Та-а-акие котлетки были – жаль, вот их мало осталось... А ты бы что – не стал?

– Обьедки за гадами подьедать? – тяжело спросил Денис. – Я бы лучше сдох. Я бы лучше на шахту работать пошел по двенадцать часов в день. Я бы лучше... что угодно лучше, но тарелки из-под твоих котлеток лизать не стал бы!

– Тоже малахольный... – пробормотал мальчишка, подхватывая сумки. – А Шенк твой не иначе как к казачне в Лихобабыю сдернул, он часто туда ездит! – и почти бегом устремился от Дениса. Обернулся шагов через двадцать, крикнул: – Дурак! – и надал.

Но Денис не собирался его преследовать. Он поправил галстук и в глубокой задумчивости побрел по улице – на самом деле куда глаза глядят.

В ушах у мальчишки шумело. Вся эта сцена казалась ему выдуманной, такого просто не могло быть.

«Ну, мразь, – удивленно подумал он о Петьке. – Такая мразь, а ведь моложе меня! Это что получается, на смену нынешней мрази уже новое поколение подросло?! Это сколько же с ними воевать-то?! Ну надо же – мальчишка **холуем** быть рад! Даже не **хозяином** – холуем! Ребятам рассказать – посмеются!»

Мимолетно Денис подумал: а как же дворянские слуги в Империи? Но тут же высмеял сам себя. Эти люди были потомками личных дружинников эпох Безвременья и Серых Войн. И сами ощущали себя именно так – воинами при вожде. А не холопами при барине.

– М-м-мерзость! – Денис на ходу передернул плечами.

Неужели у такого могут вырасти когда-нибудь **нормальные** дети?! Он же и их научит холуйствовать...

Стоп.

Денис остановился. В таком случае вся борьба просто бег по кругу. Враг будет возрождать себя снова и снова – на кухнях, в спальнях, за шторками-занавесками, **в душах своих детей** – куда нет хода никакой РА, никакому ОБХСС...

Ну... а если попробовать **отобрать детей у врага**?! Не силой, не физически – это вызовет лишь ненависть. **Иначе** .

Денис скривился – он почти поймал за хвостик какую-то важную мысль. Но она ускользнула за воспоминание: этот... холуеныш сказал, что Франц Ильич уехал в Лихобабыю, в казачью станицу. А что, если рвануть следом? Повод есть. А заодно посмотреть, как живут казаки?

Эта идея вытеснила неприятное воспоминание. Денис деловито огляделся. Как туда добираться и вообще – где эта станица?

...Через двадцать минут старый рейсовый автобус – Денис успел на него впритык, – астматически пыхтя газогенератором, вез прилипшего к окну Дениса в станицу.

* * *

Еще когда они ехали сюда, Денис сверху поразился тому, что дорога к Балхашу делит территорию, видную с хребта, как бы на две зоны. Абсолютно ровно. Слева – лес, джунгли. Справа – степь и веселые рощицы. Сейчас эту степь мальчишка и наблюдал из окна.

Было красиво. И Денис не удивился и не возмутился, когда выяснил у кондуктора (тут за пригородные билеты надо было платить!), что автобус попадет в станицу только через два часа, сделав немалый кружок по каким-то «станциям» и прочему.

– Вообще, можно сейчас выйти, – сказал кондуктор дружелюбно. – Тут от станции ходу напрямки – полчаса. Прямо на деревья держи, к станице и выйдешь. Пойдешь или будешь с нами крутиться?

– Пойду, – решил Денис.

...Честно сказать, он немного об этом пожалел. В степи хоть и поддувал ветерок, но то,

что казалось красивым из окна автобуса, оказалось душноватым и бесконечным. Верхушки деревьев впереди – те, на которые ему советовали «держаться» – словно и не приближались. Денису начало казаться, что он шагает вечно, хоть он шел минут пять, не больше. Пересвистывались в траве перепела, а впереди степь плыла в мареве, которое сливалось с очистившимся почти полностью небом – так, что временами верхушки деревьев словно бы поднимались над степью и превращались не то в горы, не то в облака...

Мальчишка собирался раздеться до пояса и остановился. Но тут же сморгнул. В первый миг ему показалось – чудится... но уже во второй Денис понял, что прямо навстречу ему скачет человек. Всадник. Верхов. На галопе.

Денис ощущал пистолет в поясной сумке. И приоткрыл рот.

Как и все подростки своего времени, он умел ездить верхом, и неплохо. Но... но всадник, которого он увидел, не **ехал** верхом. Он **жил** верхом. Он составлял с конем единое безупречное целое. До такой степени безупречное, что завидовать было глупо.

Завороженный это скачкой, Денис не сразу понял, что всаднику не больше лет, чем ему самому. Огромный соловый конь нес мальчишку – плечистого, крепкого, но явно мальчишку. Парень сидел без седла, подогнув ноги и положив их едва ли не себе по мягкое место, упираясь в конские бока пяткой, коленкой и большим пальцем (он был босиком, в одних подвернутых до колен широких штанах и мятой фуражке с ярким околышем и синим верхом, из-под которой выбивался светлый лихой чуб). Повод всадник держал одним пальцем левой руки, на двух пальцах опущенной правой моталась нагайка с алой рукоятью.

– Пра, – мальчишка небрежно осадил коня прямо перед Денисом.

Зачарованный картиной, Третьяков-младший и не подумал испугаться, забыл. Он поднял взгляд от сипящей конской морды с раздутыми черно-алыми ноздрями и увидел широко посаженные по сторонам от задорного курносого носа паренька синие глаза на темном от загара лице.

– Ты кто такой? – Мальчишка легко положил ногу на седло, оперся на колено локтем.

– Мы сюда работать приехали, – с достоинством ответил Денис. Очарование пропало, разыгралась гордость. Денис уже понял, что видит перед собой казака. Точнее, казачонка. – Меня Денис зовут. Денис Третьяков.

Мальчишка заливисто свистнул, вытянув обветренные губы.

– А, сынок штабса из ОБХСС? Батя рассказывал.

Это был чуть ли не первый тут человек, который понял, что Денис из Империи – и не выразил своего к этому отношения. Третьяков-младший нахмурился (внутренне). Внешне он небрежно положил руку на шею соловому:

– Кра... ой!!!

Денис невольно отскочил и покраснел от стыда. Конь лязгнул зубами рядом с его пальцами. Казачонок захохотал, подбочениваясь:

– Ойх-ха-ахаха!!! Куда лезешь, дубина?! Он тебе руку оттяпает, к нему даже батя не подходит, один я с Лучом... – Он нагнулся, поцеловал шею коня, погладил вздрагивающую кожу. – Один я могу! – И далеко сплюнул в траву длинную емкую нить слюны.

– А, – понимающе сказал Денис. – Конь у тебя вместо няньки, да?

Казачонок поперхнулся. Его глаза стали удивленными и наивными – как будто у описавшегося кота. Он даже оглянулся – без наигрыша: ему ли вообще это сказано, может, еще кто подошел-подъехал?

– А? – повторил он Денисову реплику, но вопросительным тоном. – Чего?

– Ну, чтоб не страшно было в степи одному, у тебя конь – как нянька, – терпеливо пояснил Денис. – А что, не так?

Мальчишка со стуком прикрыл открывшийся рот. Сожалеюще смерил Дениса взглядом, аккуратно повесил нагайку на седло, сверху – фуражку. Что-то шепнул коню и плавно стек (Денис завистливо вздохнул) с седла в траву.

– Я для начала тебя несильно побью, – сказал мальчишка. – Так. Поучу. Потом штаны спущу и нагайкой до города погоню. Как тебе такая программа?

– Выполняй, – согласился Денис.

И тут же получил размашистый удар-затрещину – с левака, чего совершенно не ожидал. Денис кувырком полетел в траву – рука у казачонка оказалась не пацанская, чугунно-тяжелая.

– Вставать еще будешь или сразу сам зад заголишь? – деловито спросил казачонок, стоя на месте.

Денис правым ухом слышал только равномерный гул, а вся эта сторона лица онемела и начинала гореть. Мальчишка встал и потряс головой.

– Сильно, – признал он. – Ну, тогда прости, орел степной, я тебя тоже жалеть не буду, хоть ты тут и хозяин. Сам напросился.

И, обманно нанеся удары левой-правой, с левой ахнул казачонка под дых.

– Йух! – вырвалось у того, и он согнулся пополам. – М... уух...

Выпрямился. И кинулся на Дениса...

Сперва мальчишки свирепо месили друг друга кулаками. Потом кто-то – неясно, кто – дал кому-то подсечку, и они покатались по траве, продолжая работать руками и пинаться, а заодно и кормить друг друга землей и травой. Оба были на низкой угрожающей ноте, как сирены. Даже конь, в принципе отнесшийся к этому философски, пару раз фыркнул и дернул землю копытом. Правило «не бить лежащего» тут не действовало – лежащими были оба, вопрос оставался лишь в том, кто находится сверху в конкретный момент.

Уже через минуту и Денис, и казачонок мало походили на себя – растерзанные в клочья, окровавленные и слепые от ярости, они продолжали лупцовку, пока Денис не оказался сверху окончательно и не залег на своем противнике, приплюснув его телом и руками и пытаясь отдышаться. Губы казачонка были расплюснуты, глаза подбиты – вообще человека он напоминал мало. Правда, и сам Денис по ощущениям понимал: он выглядит так же.

Противник пару раз вяло дернулся, но сил у него, похоже, совсем не осталось. Денис тяжело свалился в сторону, ощупал казавшееся чужим лицо. Спросил запаленно:

– Про... иг... рал?

– Угу, – неожиданно покладисто буркнул казачонок и сел. Хмыкнул: – Ну, ты здоров драться. Местные так не дерутся, боятся нас.

Он опять сплюнул – но уже красной слюной. Полез в рот, усмехнулся и сплюнул снова.

– Два зуба шатаются.

Денис потрогал языком свои зубы:

– У меня один... ой. Ты мне последний молочный вышиб. Спасибо, – и тоже сел.

– У вас все так дерутся? – уточнил казачонок.

– Не, – Денис скривился. – Я из худших... Холодное бы приложить, а то будем, как два пугала.

– Все равно заметят, – сказал казачонок. – Батя мне всыпет.

– За драку? – удивился Денис.

– Не... За то, что побить себя позволил. Я на стенке в станице среди одногодков лучший.

– На каждого лучшего кто-то находится, – утешил Денис.

Казачонок вздохнул:

– Это ты батя скажи... – и глянул одним глазом. – Тебя как зовут, биток?

– Денис Третьяков, – ответил Денис и вздохнул, проверяя форменную рубашку. Она была полуразорвана.

– Гришка, – казачонок солидно сунул руку, перепачканную кровью. – Григорий то есть. Мелехов.

Денис пожал ему руку. Мальчишки снова оглядели друг друга и каждый сам себя. Гришка опять хмыкнул. Поднялся, отряхивая штаны, помотал головой. Свистнул коню и уточнил наконец:

– Ты к нам, что ли, в станицу? А по какому делу?

– Ищу одного человека... – Денис тоже встал. – Франца Ильича. Мне сказали, что он у вас.

– А, учитель?! – Гришка усмехнулся, но по-доброму. – У нас, с атаманом чаи гоняют, они приятели. Я провожу, хочешь?

– Проводи сначала, где умыться, – попросил Денис. – И вообще... – он взялся за низ шортов и покрутил ими, как девчонка подолом юбки.

Гришка неожиданно заливисто засмеялся.

– К нам пойдем, сеструха все зачинит и замочит... Да ты не бойся, Франц Ильич еще долго с атаманом болтать будут, до вечернего автобуса, а он почти по темноте. Идешь?

– Идем, – согласился Денис, снова ощупывая лицо. – Ну у тебя кулаки – как кастеты.

Гришка польщенно что-то буркнул и посмотрел на свои загорелые, крупные кулаки в ссадинах и следах от порезов. Подцепил повод и пошел рядом с Денисом, только фуражку и нагайку снял с седла – фуражку водрузил на законное место, а нагайкой просто помахивал, но во взмахах отчетливо была видна боевая выучка. О том, как казаки нагайкой по желанию убивают муху на цветке, не тронув цветка – или перерубают человеку руку, Денис слышал немало.

– А ты за каким делом учителя ищешь? – спросил Гришка.

Денис потрогал саднящую ранку в десне.

– Да так. Работу ему хочу предложить.

– Ты? – Гришка смерил Дениса взглядом. – Ехе...

– Не я, родители, конечно.

– А-а... Ну, смотри тогда, его наши давно к себе заманивают, в школу тоже. А он смеется – я, мол, не казачьего роду. А с атаманом они вместе воевали.

– Воевали? – Денис удивился, но потом рассудил, что внешность – это мелочи. Ну, старик. Не всегда же он был стариком. Ну, невысокий. Так и Бахурев ниже среднего роста.

– Воевали... А вы из Петрограда приехали?

– Угу... Можно нагайку глянуть?

– Держи... А твой нож можно?

– На...

Мальчишки разговаривали уже совершенно обычно, хотя было ясно, что следы первой встречи им носить на лицах еще не один день. Денис удивлялся, почему Гришка ничего не спрашивает о галстуке. Но этот вопрос так и остался невыясненным, потому что мальчишки – потихоньку, шаг за шагом – оказались на окраине Лихобабьей...

...Как и большинство семиреченских станиц, Лихобабья лежала на склонах большой лощины, по дну которой текла река – видимо, одна из впадавших в Балхаш. Лощина была большой, но с первого взгляда ее присутствие скрадывалось – казалось, что впереди просто роща. На самом деле это были лишь верхушки деревьев – первых на склонах лощины. Ниже стояли новые и новые липы и дубы, тропинка переваливала через край и уводила в их тень, а потом начинались фруктовые сады, полосы огородов, и только за ними – в две нитки по берегам реки – стояли за ровными плетнями из ивняка дома. Непривычные Денису – белые мазанки под камышовыми крышами, с небольшими окошками в синих резных (ура!) наличниках, возле каждой – солидные «службы». Над рекой протянулись два моста, прямо на одном из них Денис с удивлением увидел небольшое рубленое из дерева здание, над которым полоскались флаги – Семиречья и войсковой. Ниже станицы река разливалась и виднелся каскад из нескольких плотин, где вода ворочала роторы генераторов.

И в садах, и в огородах было немало людей – в основном женщин, детей и подростков. Некоторые посматривали на Дениса, но без любопытства, а большинство просто не отвлекались от своих дел, Денису часто полупонятных, но явно важных. Один раз попался большущий фургон, который катили восемь битюгов. Ими правил казак в форме, снаряжении и при оружии; еще один сидел рядом на облучке, двое – сзади.

– Картошку молодую повезли на сдачу, – пояснил Гришка. – С нашего школьного огорода тоже там, деньги скоро будут – хааа, на море съездим! Наших не обманешь, мы

напрямую сдаем, без перекупщиков, не то что эти, с латифундий, – за жратву и за гроши пашут, как рабы в Безвременье, – в голосе Гришки было снисходительное превосходство.

– Чем они хуже тебя? – буркнул Денис сердито, задетый тоном казачонка.

– Да тем, что терпят такое, – так же сердито ответил Гришка. – К нам пять лет назад тоже «Фрукты-овощи» подбивалась – ах, не хотите ли АОО вместе с нами для общего процветания? Наши им дали АОО нагайками. – Гришка засмеялся. – Одно «ОО!!!» осталось! А вон наш дом!

Он обогнал Дениса и вошел во двор первым, заведя Луча, потом повел рукой важно, произнося явно ритуальные слова:

– Зайди, двор и дом пожалуй.

Денис вошел и с удовольствием поклонился дверям. Гришка одобрительно засмеялся, закидывая повод за отполированное бревно коновязи.

– Ну, пошли, сейчас сеструхе тебя сдам и вернусь... Вернусь, мил, вернусь... – Эти слова относились уже к Лучу, возмущенно потянувшемуся за хозяином. – Его обходить надо, без этого никак, – пояснил Гришка, небрежно вытирая у порога босые ноги о грубую тряпку.

Денис поспешно разулся и, когда Гришка вошел, поклонился сразу за порогом еще раз:

– Мир этому дому.

– Знаешь! – с удовольствием засмеялся Гришка. – Заходи, заходи²³.

Денис с любопытством огляделся.

Казачья мазанка оказалась совершенно не похожа на все известные Денису жилища. Он смутно вспомнил, что вроде бы видел фотографии таких домов, но... Непривычно низкий... нет, не потолок, потолка не было, а были мощные балки, с которых свисало всякое-разное, от многочисленного оружия до пучков каких-то трав. А выше виднелась соломенная крыша. Было прохладно – не то что снаружи, и безо всяких кондиционеров. Глиняный пол тут и там устилали узкие цветные половики. В холодное время отапливался дом, как видно, электрообогревателями – их пластины были вделаны в стены и прикрыты выдвинутыми вперед резными панелями; резьба была немного иной, чем привычная Денису, но все-таки «своей». Из больших сеней дверь – точнее, занавешенный проем – вел в соединенные кухню и столовую, а оттуда уже настоящая дверь – в собственно дом, который оказался поделенным на две части, явно женскую и мужскую, с широкими лавками вдоль стен, украшенных коврами. На коврах – тоже оружие и фотографии. Взгляд Дениса приковали два широких клинка со странными рукоятями, в которые были вделаны кольца. Спросить он ничего не успел – Гришка гордо пояснил:

– Это клинки амбаны Юй Бао. Дед его зарубил на перевалах Гиндукуша, когда наши ходили валить Гуанси – было такое бандосское государство. Вон, смотри.

Денис почтительно подошел к большой фотографии. На ней несколько десятков казаков с оружием в руках стояли на фоне белых вершин. В центре – со стягом и шашкой – возвышался широкоплечий усач со свежей повязкой под фуражкой набекрень. Правую ногу он поставил на огромную голову с перекошенным ртом и плоским лицом.

– Ничего себе башка! – вырвалось у Дениса.

Гришка хмыкнул и пояснил:

– Юй Бао был мутантом. Почти три метра ростом, чокнутый людоед и насильник. И два сердца.

– Врешь!

²³ Вниманию читателей! Мне достаточно хорошо известны казачьи обычаи, быт и прочее. И в тексте множество несовпадений с этим. Но я прошу учесть: РЕЧЬ ИДЕТ НЕ О СОВРЕМЕННОМ КАЗАЧЕСТВЕ. Среди казаков описанного мной мира на самом деле «казачьи» родословные – уходящие в глубь веков – имеют единицы. Основная масса казачества возникла в период Безвременья как естественная реакция части русского (и не только) народа на постоянную смертельную опасность тогдашней жизни. И их обычаи во многом – «новодел», ничуть не похожий на известные нам. Но постепенно эти обычаи закрепились, их «освятило» время, и они стали «настоящими». Ну, в конце концов, и нынешние казачьи обычаи когда-то возникли точно так же.

– Не, правду говорю, честно... ой, пошли! – спохватился Гришка. – Настюшка! – крикнул он. – Это я!

– Слышу уж, стены от хвастовства трещат, – послышался из соседней – женской – половины спокойный голос девчонки, и Денис обернулся, заранее загрузив, что его сейчас увидят в таком «непотребном виде», как сказал бы отец.

На мужскую половину бесшумно – босиком – вышла девчонка немного помладше Дениса. В длинном, ниже колен, платье с вышивкой по вороту, рукавам и подолу, явно домотканом – Денис такого не видел еще. Светлые, как у Гришки, волосы были собраны в перекинутую на грудь тугую тяжелую косу, перехваченную широким серебряным обручем с алыми, синими и зелеными камешками. И лицом девчонка была похожа на Гришку. Но...

Денис замер со словами приветствия на губах.

Красивая, подумал он. Именно так, одним простым словом, потому что подбирать другие слова было глупо и нелепо, как оценивать солнце или реку...

А еще через секунду Денис понял, что сестра Гришки – **слепая**.

* * *

– Она на год младше меня, – Гришка мерно водил щеткой по вздрагивающей мокрой шкуре пофыркивающего коня.

Денис – голый по пояс, с галстуком на шее – сидел на коновязи. Мальчишки здорово обработали друг друга йодом, солкосерилом и свинцовой примочкой – и теперь более-менее походили на людей. Рубашку – она разорвалась все-таки по шву – чинила Настя, так звали сестру Гришки. Сам Денис находился в тяжелом отупении от несправедливости увиденного.

– Родилась слепой. Не открывает глаза, и все... Врач сказал – ничего не сделаешь, даже в Верном ничего сделать не могут. Лечить пробовали, конечно, и в Верный возили – бесполезно... – Гришка вздохнул и зашоркал щеткой сердито; Луч повернул красивую голову и заржал. – Ну прости, прости... – казачонок похлопал его по боку, поцеловал в храп. – А какая она красивая, ты ж видел...

– Видел, – выдохнул Денис. И соскочил наземь – из мазанки вышла Настя.

Она двигалась совершенно свободно, ну – может быть, чуть замедленно. Но так иногда движутся и обычные девчонки, знающие и ценящие свою красоту, что тут такого? И с поклоном подала мальчишке незаметно, очень искусно – да не может быть, какая же она слепая?! – зачиненную рубашку.

– Спасибо... – Денис принял ее.

Девчонка кивнула и громко произнесла:

– Гришка! Мама сказала, чтоб, как вернешься, сразу шел живой ногой в сад! И что хворостиной!

– Ой! – вякнул Денис. – Я сейчас, я Луча чищу! И вообще – Дениса надо в правление проводить!

– Он мимо не пройдет, – отрезала девчонка. – Не пройдешь? – Она улыбнулась, и это была странноватая улыбка – Денису снова показалось: да она же видит, прямо же ему улыбается!!!

– Не пройду, – поспешно ответил Третьяков. Он уже знал, что правление – это то здание на мосту. – Спасибо, – повторил он уже низачем. – Я правда пойду.

– Ты заглядывай, – предложил Гришка. – Не, правда.

Он шлепнул коня по крупу.

– Загляну, – искренне пообещал Денис, но смотрел при этом на Настю.

И снова подумал – почти испуганно: «Какая же она слепая?!» – потому что девчонка улыбнулась.

ЕМУ улыбнулась.

* * *

Франц Ильич смотрел, как сидящий рядом Денис тюкается виском в стекло – на каждой рытвине. Мальчишка морщился, причмокивал во сне, вздыхал, но не просыпался.

Шенк грустно улыбнулся. И, отвернувшись, попытался опять оценить: почему он вдруг принял предложение – довольно дикое, переданное ввалившимся в правление станицы мальчишкой, физиономия которого носила явные следы недавней драки? Франц Ильич даже не сразу узнал своего недавнего знакомца, мальчишку из Империи, Дениса.

Шенк искренне думал, что с работой в школе закончено. Конечно, Бахурев... Но, как и все старые хорошие учителя, Франц Ильич был несколько циником и временами еще во время работы в школе думал, что природу человека все-таки нельзя изменить. Поэтому пенсию воспринял как заслуженный отдых. И гнал от себя то и дело навещавшие мысли о скуке.

Ему было скучно ничего не делать. В этом состоял секрет быстрого согласия. Хотя, признаться, он не знал пока, с чего начинать.

Ну что ж, старики спят мало. Сейчас можно будет над этим как следует подумать, а поутру нанести визит родителям Дениса прямо на работе.

Франц Ильич снова посмотрел на спящего рядом мальчишку. И Денис проснулся – сел прямо, распахнул глаза, посидел, улыбнулся и с хрустом потянулся.

– Ой... Я уснул? День такой длиинный...

– Мы подъезжаем, – Шенк кивнул на стекла автобуса, перед которыми замаячили поселковые огни. – Передай родителям, что я завтра зайду. Хорошо?

– Хорошо, – кивнул Денис и подался к окну: – А там дождь собирается, по-моему.

* * *

В эту ночь Валерия Вадимовна засиделась, как ей казалось, дольше всех. Муж улегся спать час назад. Ольгу Ивановну – убедив наконец, что ей совсем не нужно дожидаться, пока лягут «хозяева», – отправили спать еще до этого. Лег ее сын... и вроде как лег и Денис.

«Паршивец, это надо же так наполучать! – подумала Валерия Вадимовна. – И кто-то рубашку ему зашивал. Но приехал веселый... Вообще непонятная история...»

Она сердито придвинула отчеты Есипова по госконтролю. И услышала, как открывается дверь.

– Ма... – Денис остановился на пороге.

Валерия Вадимовна не подняла головы, но кивнула в знак того, что слышит.

– Ма, я спросить хочу...

Последовал еще один кивок.

– Если человек слепой от рождения... он обязательно неполноценный?

Валерия Вадимовна подняла наконец голову, потерла виски. Прикрыла глаза. Отрывисто спросила:

– Почему это тебя интересует?

– Так... – Денис подошел ближе, оперся на край стола. – Просто интересно. Тут много больных же... Так обязательно?

– Нет, – Валерия Вадимовна открыла глаза. – Конечно, не обязательно. Тут все зависит от того, что за слепота.

– От рождения... врожденная...

– Понятно... Сказать что-то общее нельзя. Надо осматривать. Тщательно. Во-первых, у слепых от рождения очень часто возникает сильнейшее отставание в развитии, уже неизлечимое.

– Всегда? – резко и почти зло спросил Денис.

Валерия Вадимовна улыбнулась:

– Нет. Но очень часто. Вот ты представь себе, что ты ничего никогда не видел. Для тебя «зеленый», «собака», «небо» – просто слова. Мозг часто не выдерживает такого

несоответствия.

«Я представлял!» – чуть не вскрикнул Денис, вспомнив свой страх, когда он на обратном пути через поле попробовал понять, как это – БЫТЬ СОВСЕМ СЛЕПЫМ. Но промолчал, удержался.

А Валерия Вадимовна продолжала:

– Кроме того, слепота может быть признаком мутации. Тогда вопрос даже не возникает. Мы с таким трудом и такими методами спасли генофонд, что рисковать им никто не станет даже по мелочи.

– А если... – Денис говорил с трудом, но спокойно. – Если человек нормальный и не мутант?

– Тогда нужно продолжать осмотр. Выяснить, целы ли нервные окончания и глазные яблоки. Иногда достаточно простой операции. Иногда сложнее, и нужно еще и лечение, но тоже можно помочь.

Денис кивнул, как будто услышал что-то очень важное. Спросил:

– Я пойду спать?

– Давно пора, – со сдержанной иронией ответила Валерия Вадимовна.

...Теперь еще какой-то слепой.

Она сердито придвинула блокнот.

Глава 20

Приказывай, командир!

Дождь пошел под утро.

В этот день Денис практически не выходил из своей комнаты. Он писал письма и перелопачивал в памяти – тут же заносил все это в блокнот – все, что знал об организации пионерских отрядов «на ровном месте». Выяснялось, что мало. Поразительно мало для такого «чина». Ну не сталкивался он с этим никогда... ага, можно покричать это в небо. Может, дождь перестанет.

Кстати, дождь не принес с собой прохлады. Он лил густыми струями, как из душа, все вокруг позалило, флашток стал напоминать причальный столб для лодок – и царила все та же духотища. Денис посмотрел в окно – и понял, что начинает вечереть, а в доме возникли признаки жизни.

– Ой-ей, – Денис потянулся и подумал, что не ел весь день. Но не встал, остался сидеть, глядя в окно.

И потом, людей-то где взять? Есть Пашка, но он сидит на перевале. Мишка вот-вот уезжает. С соседским мелким делать дела? Мда. Гришка и казачата – самое подходящее, но они тоже неблизко... да и явно не любят их в поселке. А они местных презирают так же явно.

Мысли было скакнули на Настю Мелехову, но Денис за шиворот дернул их обратно и поднялся. Стоя есть захотелось еще больше. Он аккуратно убрал записи и, в который раз чуть не споткнувшись о дремавшего под дверью Презика (спит и ест!!!), спустился по лестнице.

Из комнаты мамы доносилось пение без слов. Отец говорил по телефону и помахал Денису рукой. А с кухни несло умопомрачительным запахом чего-то тестяного, и ноги Дениса неотвратимо повлекли его туда – мимо свежих газет, сваленных на тумбочке в коридоре, – видно, днем была почта.

На кухне была Ольга Ивановна. И смеющийся Олег. Этот факт до такой степени удивил Дениса, что он остановился за дверью в полном недоумении и даже оторопело – смеется?! Но это было правдой – Олег плескался под кухонным краном и что-то весело рассказывал матери, а та тоже улыбалась, шуруя между столом и плитой.

Олег заметил Дениса и замер. Улыбка куда-то спряталась – он просто стоял и смотрел, вытирая руки полотенцем. А Ольга Ивановна обрадовалась:

– Денис, ну наконец-то! Ты сегодня весь день не ел же ничего! Я к тебе сунусь, а ты рукой машешь...

– Извините, – Денис вошел на кухню. – Я работал...

– С кем же ты вчера подрался-то так? – В голосе женщины была настоящая озабоченность.

Олег, вешая полотенце, негромко фыркнул. А Денис абсолютно спокойно ответил:

– Да так. Это ерунда.

На ужин оказался огромный пирог с грибами и мясом – размером в полстола. Вопреки обыкновению, Денис разожрался так, что долго не мог встать из-за стола, лениво глядя вокруг – уж больно вкусен был кулинарный шедевр. А Борис Игоревич заметил:

– Ну, Ольга Ивановна, если я так буду наедаться, то не смогу работать. – И, встав из-за стола, поклонился: – Спасибо вам.

– Ой вы, – смутилась женщина.

А на лице Олега Денис увидел снова улыбку – мимолетную, но довольную.

До постели Денис еле дополз. Он и правда устал. Даже на Олега, который опять что-то читал (и откуда он берет эти растрепанные книжки?), обращать внимания не хотелось.

Мальчишка свалился в постель и подумал только, что дождь так и идет – не прекращается...

* * *

Денис и сам не знал, что его разбудило. Он сел в кровати и обнаружил, что соседняя – пуста. Олег куда-то смылся, причем довольно ловко – бесшумно, Денис и почувствовал-то именно одиночество, а не то чтобы что-то услышал.

Так. Денис поднялся. Не стоило труда обнаружить, что мальчишка вылез в окно, причем, судя по лежавшей на стуле одежде, в одних трусах.

И окно за собой прикрыл хотя и плотно, но с явным расчетом возможности вернуться. Интересно... Куда его понесло – ночью и в дождь?

Денис вновь улегся обратно на кровать, закинул руку под голову и стал думать.

Вариантов было несколько. Самым неприятным был вариант, что Олег – «засланный казачок», как говорили в Питере. Откуда это словосочетание взялось – неизвестно, но обозначало оно, грубо говоря, шпиона. Или вместе с матерью, или сам по себе. Но это был, к счастью, не только самый неприятный, но и самый малореальный вариант. Он означал бы, что вся семья Третьяковых разом ослепла и разучилась разбираться в людях.

Был вариант, что Олег рванул к девчонке. Но почему-то Денису – на интуитивном уровне – и этот вариант не казался правильным. Как-то не вязался Олег с ночными любовными похождениями.

Третий вариант – у мальчишки какие-то свои дела. Подворовывает? Ой, непохоже...

Но больше Денису ничего в голову не приходило. И это здорово напрягало.

Денис лежал и ждал. Так, как учили его ждать в засадах на зверя, – не следя за временем и не мучаясь его течением. Дворян в таких случаях учили еще и переключать сознание, развлекаясь воспоминаниями или решая какие-то дела – оставив тонкий «сторожок». Денис так не умел.

Он просто спокойно ждал.

И дождался, как говорится.

Прошло часа три, не меньше, подваливало к половине четвертого утра, когда окно бесшумно шевельнулось, внутрь проникла мокрая и грязная нога. Пошарила, утвердилось на стуле. Денис подавил желание сказать: «Гав!» – и продолжал отслеживать события.

Следом внутрь – отменно тихо – пролез сам Олег. Денис тут же включил свет.

Олег был в трусах, грязен, как крот, и держал в руке саперку.

– Вытри за собой. И в душ сходи, – сказал Денис, садясь в постели.

Олег замер на подоконнике.

Денис тоже не шевелился.

Как в первый день их недолгого и неудачного знакомства, двое мальчишек в одной комнате смотрели друг на друга.

Шел за окнами тропический ливень.

Денис понял, что Олег ничего не расскажет.

Тогда он встал и, не оглядываясь, вышел из комнаты.

Внизу так и лежала часть почты – не разобрали, руки не дошли. Деловую переписку мама с отцом, конечно, унесли, а это... Денис включил свет, посмотрел. Среди прочего неожиданно увидел номер обозрения «Говорит Земля!» – эта газета выходила на десяти языках по всей планете и за ее пределами, Наверное, привезли из Верного, а родители и не сказали, что на нее подписались. Денис полистал страницы, выхватывая космические новости – хотелось отключиться от дождя за окнами и от того, что он не знает, с чего начинать... Глаза царапнуло —

ПЕТР ВЛАДИСЛАВОВИЧ КРАПИВИН

– и Денис поспешно вернулся к заметке.

«Капитан... исследователь и герой Космоса... один из лучших сынов человечества... после скоротечной болезни... он отдал всего себя...»

Денис заморгал и потряс головой.

И только теперь сообразил, что заметка, которую он читал, что парадное фото над нею – все это обведено – как отчеркнуто от живого мира, от сообщений о стройке на Ганимеде, о запуске с Нептуна – жирной черной чертой.

– Он отдал всего себя, – прошептал Денис.

И вспомнил вкус мороженого в кафе. И значок, подаренный Войко – звезда на темной ладони.

А ведь он знал, что умирает, понял Денис. Знал. И отдал всего себя.

Отдал всего себя .

...Олег не спал. Он посмотрел на вошедшего Дениса (в комнате было чисто, значит – ходил... а Денис и не заметил, не услышал...). Но Третьяков-младший сейчас не думал о своем угрюмом соседе. Он просто подошел к окну. К закрытому. И встал около него.

Все умирают, вдруг подумал Денис. И замер окончательно, застыл, потрясенный этой мыслью.

Нет, нельзя сказать, что раньше он не знал об этом. Знал и даже думал. Но только сейчас, над раскрытой газетой, понимание это встало перед ним, усмехаясь, во весь свой рост и во всей беспощадности.

И Денис не знал, что с этим делать.

Наверное, ему мог бы помочь Славка. Славка мог бы рассказать, как однажды, сразу после того, как ему исполнилось десять лет, его как-то ночью вытащили из постели грубые руки, раздели догола, проволокли коридором в подвалы под лицеем и, сунув в ладонь мальчишки полевой нож, впихнули его в ярко освещенный прозрачный кубик. И – когда из угла вдруг с мерным урчанием-громом поднялась, словно вырастая на мощных лапах, тень – и это был огромный мут-стафф, а равнодушные – **знакомые** , равнодушные и от того ужасные лица взрослых за прозрачной стенкой вдруг отделились и стали стертыми – вот тогда Славка понял, что **смертен** . Что **все** смертны.

Мог бы Славка рассказать и другое. Как его – трясущегося от нерастраченной боевой лихорадки, хрипящего от ярости и дико озирающегося – подняли с туши заколотой зверюги. И взметнули на руках – к...

...но была еще и Клятва Огня. И Славка не рассказал бы ничего этого Денису, даже знай он о его метаниях.

Однако именно в тот момент **Славка понял, что он – бессмертен** .

А Денису предстояло осознать это самому.

И не сейчас.

Денис прижался лбом к оконному стеклу. Почти ненавидяще впился взглядом в огни поселка за мокрыми деревьями. И сказал – процедил:

– Войте, собаки. Сегодня умер Волк!

Почувствовав чей-то взгляд, он обернулся. Олег, привстав на локте в кровати, смотрел удивленно и даже чуть испуганно. Денис ответил ему равнодушным взглядом. Что он понимает, этот глупый мстительный мальчишка, мелочный в своей ненависти?.. Что он знает о звездах, о городе Рейнджеров, о том, какой кажется Земля из далеких краев Системы? О том, как отдают жизнь целиком – всю, до капельки – этому проклятому космосу, без которого не могут жить и который забирает эти жизни жадно и охотно... а иначе жить просто нельзя.

Чувствуя, как близко слезы, Денис вышел из комнаты. Снова. И опять ушел в коридор.

Дом спал. И это было хорошо. Уткнувшись лицом в руки, скрещенные на косяке двери на кухню, Денис поплакал, и стало чуть легче. Но к себе он не вернулся, а прошел в отцовский кабинет. Ему вдруг захотелось посмотреть, что там еще пришло, а часть почты так и лежала на отцовском столе.

Странное желание оказалось вознаграждено тут же и самым неожиданным образом. Наверное, отец не стал будить Дениса, чтобы утром сделать сюрприз – кто же знал, что все так сложится. Но так или иначе – около стола стояли две большие коробки, надписанные: «Денису Третьякову». Мальчишка присел на корточки и вдруг понял, что это такое.

– Уже?! – выдохнул он.

Ведь он только-только отослал свои письма! Ну никак они не могли успеть дойти даже туда! Ребята, девчонки... догадались сами, сами!!! Пальцами разодрал упаковочную ленту и счастливо улыбнулся. Коробки были набиты брошюрами и катушками лент. Сверху в одной из них лежало толстое письмо – посмотрев на последнюю страничку, Денис увидел десятки подписей. И тут же – еще одно, намного меньше, написанное отлично знакомым косым почерком Войко. Денис, продолжая улыбаться, погладил письмо кончиками пальцев, смущенно поморщился... и вздрогнул. Ему совершенно отчетливо показалось, что Войко стоит рядом и любопытно заглядывает в коробки: «Эй, это что?»

Денис даже оглянулся. Конечно, никого рядом не было. Но... но горечь, стиснувшая сердце, вдруг растаяла. А потом из письма словно сама собой выскользнула фотография.

Войко стоял возле памятника.

Денис долго смотрел, сидя на корточках, на прямоугольник фотки. Потом сказал:

– Значит – он успел. Ну вот и хорошо.

Вздыхнул, осторожно положил фотку на письмо. Хотел было сгрести коробки и идти наверх, но вместо этого достал одну из лент. Прочитал на обложке: «ПРАЗДНИК ВОИНОВ / ПИОНЕРИЯ НА МАРШЕ» – и подошел к проектору...

...Когда строй развернулся во весь экран, Денис замер, охваченный странной восторженной дрожью. Он не узнавал лиц в этой стене, хотя там, конечно, были их ребята – лица стали одинаковыми под синими беретами, и ветер рвал галстуки. Синхронно взлетели руки барабанщиков в переднем ряду, и золотыми жерлами невиданных пушек поднялись между их плеч фанфары, на которых метнулись имперские полотнища.

– Ххххх... – выдохнул Денис, сжимая подлокотники кресла.

«Ра-та-та-та-там!» – грохнули барабаны в такт единому шагу мальчишеских ног.

«Та-таааа!» – подхватили фанфары.

И – звонкий голос какого-то мальчишки:

Трубачи, трубачи,
Не хмелейте от славы!
Не спешите треножить усталых коней.
Вам не будет привалов, развеселья-забавы:
Вам скакать до сегодняшних и до завтрашних

дней!..

...Не сразу Денис понял, что рядом с креслом стоит Олег. А когда понял – посмотрел на него почти враждебно... и ничего не сказал. Странное было у Олега лицо. Чутько жадное, чутько печальное, чутько завистливое... а в общем – такое, будто он увидел наяву что-то давно забытое, что считал сном.

Денис молча отвернулся к экрану, с которого открыто и бесстрашно рвалось:

Ваши трубы не хрипнут и не старятся трубы!
В медном горле у них умирает тоска.
Ваши песни встают, вдохновенны и грубы,
Как в атаку солдаты встают для броска!..²⁴

...Кончилась пленка.

Стрекотал проектор.

Олег сел рядом, свесив между колен сцепленные руки, и Денис подвинулся. Мальчишка тихо, рвано дышал. Потом сказал тоскливо:

– Какие вы-ы...

– Обычные, – грубо буркнул Денис. – Две руки, две ноги, голова без мозгов. А что?

– Помогите нам, – вдруг сказал Олег, поднимая голову. Схватил Дениса за запястья горячими сухими пальцами – как браслеты надел. – Помогите нам, имперец. Ты же можешь. Ты не такой, как мы. Спаси нас. Мы хотим жить, но не знаем – как...

Денису отчетливо вспомнился рассказ деда – один из жутких и правдивых рассказов. Как он – и было ему ненамного больше лет, чем Денису – был с отрядом в разоренной деревушке беженцев. И умирающий старик, держа за руку мальчишку из другого мира, шептал: «Спаси... спаси нас, имперец...»

И он решился. Вот именно сейчас – и окончательно.

– А ты поможешь мне? – спросил он.

Олег встал. Вытянулся в струнку. И без наигрыша, просто сказал:

– Приказывай, командир.

* * *

Рано утром поселок потрясло невиданное надругательство над устоями власти.

Приехавший на службу – как он важно именовал шестичасовое сидение в роскошном кондиционированном кабинете – Иван Павлович Безгин выходил из служебной машины. Автомобиль, как всегда, остановился точно напротив входа в Думу. Безгину оставалось сделать пару шагов. Он брезгливо ступил в лужу, проворчав, что надо приказать их немедленно разнести, ну и что, что ливень... и с сочным плеском скрылся с глаз обалдевшей охраны по пояс.

Картину запомнили все, кто к этому времени находился вокруг – в том числе и шедшие со смены группы рабочих.

Дождь прекратился, и Безгин торчал у ног окаменевших охранников, как некий постапокалиптический памятник-бюст Деятелю.

Потом раздался тонкий вой и вопль:

– Да вынимайте же меня-а-а-а!!!

...Кто, как и когда разобрал покрытие и выкопал перед входом в здание яму, которую тут же радостно залил дождь, куда дели землю – так и осталось неизвестным.

²⁴ Из песни В. Берковского и Н. Злотникова «Трубачи».

Глава 21

О пользе общественных начал

Войдя утром в комнату мальчишек, Валерия Вадимовна обнаружила интересную картину.

Ее сын сидел на полу лоб в лоб с Олегом. Вокруг были разбросаны, разложены и даже расставлены бумаги, пленки и картонки. При этом мальчишки орали друг на друга:

- У вас, может, и так! А у нас народ другой, на-ро-од!!!
- На себя в зеркало посмотри! Ты и есть народ!
- Я народ, но у меня голова на плечах, а есть, знаешь, какие – ого!
- Везде получалось – и тут получится!
- Ты сам говорил, что никогда этим не занимался!
- Но тут все расписано! И вообще, ты чего орешь, я твой командир!
- А если командир глупости говорит?!
- Мгм, – кашлянула Валерия Вадимовна.

Мальчишки подняли на нее разгоряченные лица.

– Доброе утро, ма, – весело кивнул Денис.

Олег осторожно поддержал:

– Доброе утро...

– Это надо полагать так, что спать вы не ложились, – уточнила Валерия Вадимовна.

– Ой, елки! – Олег вскочил. – Извините... Мне через полчаса на работу!!!

– Не спеши, отрок, – Валерия Вадимовна положила руку ему на плечо и нажала.

Олег ойкнул.

– Ага... Сколиоз. – Она бесцеремонно развернула мальчишку спиной и нажала по сторонам позвоночника. – Угу... – Денис весело наблюдал за этим с пола. – О... – притихший Олег явно оробел. – Точно сколиоз. Сколько можно таскать пятидесятикилограммовые мешки? Про свою «работу» забудь, я все равно на днях эту вашу контору, «Заготмясо», прикрою.

– Как? – Олег дернулся. – Ой, больно, Валерия Вадимовна.

– Будет больнее к двадцати годам. Я тебе потом покажу гимнастику, иначе будешь ходить крюком к тридцати.

– Ну я ж не могу на работу не пойти.

– Ты не можешь на нее **пойти**, – отрезала Валерия Вадимовна. – Сейчас вы выпьете чаю, оба. И ляжете спать. А в одиннадцать я заеду за вами, сегодня мне нужны молодые и расторопные порученцы.

– Ма-а? – оживился Денис.

– В полдень мы с Францем Ильичем едем осматривать помещение для школы.

– Ура, – деловито объявил Денис, поднялся на ноги и потянулся. Потом заискивающе начал: – Ма-а-а, а можно...

– Пить чай и спать, – прервала его Валерия Вадимовна. – Мне нужны **порученцы**, а не две вареные макаронины. И если я еще раз обнаружу такое надругательство над растущими организмами – накажу.

– Умолять бесполезно? – уточнил Денис деловито.

– Совершенно, – отрезала Валерия Вадимовна.

...Странно, но Ольга Ивановна к известию о том, что ее сын больше на работу не пойдет, отнеслась спокойно – да нет, скорее с радостью. Валерия Вадимовна же до ухода успела прочитать гневную лекцию о сколиозе. За отцом, оказывается, еще затемно пришла машина.

– Мать у тебя – боевая. – Ольга Ивановна налила мальчишкам по большой кружке чаю. – Борис Игоревич – тот тихий, вежливый... А Валерия Вадимовна – уже весь город говорит, как она фельдшера-то с шахты – поперек спины шлангом от тонометра! – и женщина, махнув рукой, залиvisto рассмеялась. – А только вот... Вчера уже подрались,

мальчишки подрались. Ошалели, как шахту закрыли... И покалеченных двоих в больницу привезли... Вот теперь бездельничать будут... – она покосилась на сына. И вдруг сказала с мольбой: – Олежа, мальчик, ну не грызись ты с Дениской! – Она виновато посмотрела на Дениса, который поперхнулся чаем.

– А мы не грыземся, ма, – спокойно сказал Олег и сделал большой глоток. – Мы уже притерлись.

– Правда? – повернулась к Денису женщина.

Тот несколькими кивками подтвердил слова ее сына.

– Ой, не верю, – с сомнением покачала она головой. – Ну, идите спать живо. Валерия Вадимовна велела проследить. Полуночники бессонные. Додумались – ночью какие-то дела делать... – Ольга Ивановна вдруг застыла. – Оле-е-ег, ты смотри! – она пристукнула пальцем по столу. – Смотри! А ты, Денис, тоже гляди – втянет он тебя!

Мальчишки почти искренне переглянулись и, не сговариваясь, подняли плечи в жесте невинно-оскорбленного недоумения.

– Мам, я ничего не делал!

– Ольга Ивановна, а я-то вообще что?!

– Спать марш! – домохозяйка шлепнула по столу посудным полотенцем и тут же смутилась... но Денис вскочил из-за стола первым:

– Уже идем!

* * *

В комнате мальчишки вдруг смутились – оба. То ли от того, что надо было укладываться днем, то ли от того, что не знали толком, как им теперь себя вести, как будто и не было утреннего спора. Они молча убрали – точнее, просто сдвинули в угол, успокаивая себя мыслью, что работа еще не закончена, даже не начата, в общем-то, – альбомы, бумаги и коробки, потом Денис подошел к так и не убранной постели.

– Ложимся, что ли? – смущенно буркнул он.

Олег пожал плечами, переложил из-под подушки на стул очередную растрепанную книгу и улегся. Хмыкнул:

– Уже не помню, когда лежал днем.

Денис не ответил. Мальчишки молчали минуты три. За окном покачивались ветви деревьев.

– Денис, спишь?

– Не, – Денис перевернулся на живот. – А что?

Олег смотрел в потолок, но, когда Денис задал вопрос, повернулся на бок.

– А кто такой Монфор²⁵? – спросил он.

Денис округлил глаза:

– Какой Монфор?!

– Вот я и не знаю, какой, – глаза Олега странно блеснули.

Денис сел.

– Ты чего, Олег?

– Ну, ты не знаешь, кто он такой?

– Ну... – Денис пожал плечами, глянул в окно. – Француз, судя по фамилии...

– Французы – это ведь народ такой?

– Ну, да... в Канаде живут, и в самой Франции местами.

– Значит, француз, – Олег вздохнул. – И все? Ну, в истории там или где еще нет ничего?

²⁵ Имеется в виду Симон де Монфор л'Эмори (1165(?) – 1218), который был вождем Крестового похода против альбигойцев. Отец знаменитого Симона де Монфора, графа Лестерского.

– Ну, я не знаю, – Денис покачал головой. – Я не учил. Можно будет как раз спросить у Франца Ильича или самим поискать... А что тебе этот Монфор дался?!

– Я его ненавижу, – спокойно ответил Олег. Засмеялся. – Да я понимаю... Ненавидеть человека, про которого ничего не знаешь... и вообще – неизвестно, был он, нет... Понимаешь, Денис... Я маленький был совсем. Лидка... моя сестра, которая...

– Пропала? – Денис облокотился о спинку кровати.

Олег коротко кивнул:

– Да... Я маленький был совсем. Она мне песни пела. Как колыбельные. Я привык, без них не засыпал. Станные такие. Я сейчас даже не знаю, откуда она их брала. Да и не помню ни одной целиком, только куски... Вот... Там была такая – про парня, который живет себе, живет и вспоминает чужую память. Что вроде как он какой-то король... или кто-то вроде... и защищает... не помню, что защищает. Но там в конце такие строчки... – Олег рвано вздохнул, сел и, не сводя глаз с Дениса, тихо произнес:

Возвращаясь назад, он неспешно идет,
Игнорируя огненный глаз светофора,
Ибо знает, что знамя его упадет —
И растопчут его крестоносцы Монфора...²⁶

– Вот. Я слушал и плакал по-тихому. Можешь смеяться. Но правда так. И я ненавижу Монфора.

– Ты сказал Мишке, что проще ненавидеть всех, – сказал Олег.

– Да, говорил. И даже думал так... до того, как увидел сегодня утром твой фильм... – Олег снова лег. – Но началось с той ненависти. Я даже представлял себе это. Как в книжках. И сейчас я его ненавижу. Я не смог объяснить, но ты знай...

– Я... – Денис покусал губу. – Я, кажется, понимаю... но я тоже не могу объяснить... что понимаю.

– Может, встанем и... – Олег зевнул и удивленно пробормотал: – Что-то глаза... и вообще...

Денис догадался, что «вообще» – и успел еще усмехнуться. Ай да мамочка. Чай. Только теперь до него дошло, что это был за чай – травяная смесь, пусть мальчики отдохнут...

Он хотел сообщить это Олегу, но было лень шевелить любыми частями тела. И языком, и веками, и руками с ногами, и даже пальца...

...Ольга Ивановна заглянула в комнату и покивала. И сын, и хозяйс... вот ведь!.. мальчик Третьяковых спали – глубоким сном. Женщина постояла в дверях, глядя на спящих.

– Неужели все хорошо будет? – шевельнулись ее губы.

Она постояла еще, извечным жестом прижала к глазам передник – и тихо вышла, бесшумно прикрыв за собой дверь.

* * *

Валерия Вадимовна директора клуба нашла сразу, не в пример Денису. Теперь этот лысый толстячок покорно семенил за посетителями, поминутно тяжело вздыхал и вытирал лысину огромной клетчатой простыней, которую потом прятал в карман легкого пиджака отчетливо трясущимися руками. На Валерию Вадимовну он смотрел обреченно, на Франца Ильича – умоляюще, на мальчишек – с опаской. Но это было сперва, а стоило Валерии Вадимовне увидеть историческую кучку – и Денис сам испугался матери. Директор же превратился в кусок студня.

– Так, – шмякнула печать. – Вы уволены. С этого момента, – из полевой сумки возник

²⁶ Из песни М. Котовской «Раймон VII».

блокнот. – Пишите заявление.

– Валерия Вадимовна... – набрался мужества директор. – Но Семская... Дарья Аркадьевна...

– У вас есть акт санитарной проверки, подписанный главврачом «Энергии»? – Третьякова стала похожа на учуявшую след гончую.

Денис тоже напрягся: если такой документ попадет в руки матери – уже завтра сдобный пончик будет под судом. Но, очевидно, директор и сам понял всю опасность такого развития событий лично для себя. Лучше отвечать за неисполнение СВОИХ обязанностей, чем вызвать гнев руководства «Энергии» за сдачу одного из видных чиновников компании.

– Нет акта, – прошелестел он.

Валерия Вадимовна не подала виду:

– Отлично. Денис, сделай десяток самых интересных снимков.

– Понял, – Денис снял крышку с объектива «Зенита». И первым делом с удовольствием щелкнул пресловутую кучку...

... – Проще строить заново, – резюмировал Шенк. – Две трети помещения – одноэтажный зал, что с ним делать?

– Ну – заново... – Валерия Вадимовна развела руками.

– Я подсчитал – в школе будет около двухсот человек. – Денис спокойно вывинчивал шурупы из засова металлической двери.

Олег бродил по залу, включая свет.

– Ну вот, – сказал Франц Ильич и окликнул Олега: – Ветлугин, над сценой поищи свет.

– Ага, Франц Ильич, – голос Олега гулко полетел по залу.

– Можно местную школу конфисковать, – предложил Денис.

Валерия Вадимовна поморщилась:

– Нельзя по множеству причин. Первая – она рассчитана на пятьдесят человек.

– Вы что – серьезно о конфискации? – Шенк оторопел, даже шляпу снял.

– Франц Ильич, привыкните к мысли, – суховати сказала Валерия Вадимовна, – что мы можем ВСЁ.

– Тогда найдите на ремонт порядка четырехсот миллионов рублей, – тоже достаточно сухо произнес Шенк.

Над сценой вспыхнул свет, озарив Дениса, который уже снял засов и выворачивал петли.

– Шалун, – заметила Валерия Вадимовна. – Четыреста миллионов я найду, – неожиданно сказала она.

Франц Ильич не успел ядовито поинтересоваться, когда, где и как, потому что Денис присвистнул, отваливая дверь:

– Оборудование лежит... Ма, а пионеротряд где разместим?

– А что, уже есть? – Валерия Вадимовна заглянула в комнату. – Уроды... навалом все..

– А школы тоже еще нет, но директор есть, – довольно нагло заявил Денис. Франц Ильич то ли кашлянул, то ли усмехнулся. – В общем, сцену переделывать не будем, эту комнату – нам, и еще пару в коридоре, дверь прямо со сцены сделаем.

– Уговор, – быстро протянула руку Валерия Вадимовна. – Но к началу августа все эти авгиевы конюшни чтоб были очищены.

– Уговор, – Денис хлопнул мать по ладони.

– Ох и вспотеешь ты, – ласково сказала она, стараясь пережать руку сына.

Денис усмехнулся:

– А глянем... Замки поменять надо везде, раз уж тут без них жить не умеют.

– И замки меняем, и даже охрану Кенесбаев поставит, – пообещала Валерия Вадимовна. И обернулась к Шенку: – Ну так как, Франц Ильич? Беретесь?

– А иди оно все! – вдруг громко сказал старик и стукнул тростью в пол. – Берусь!

– Ма, мы пойдем или еще нужны? – спросил Денис.

Валерия Вадимовна показала подбородком:

– Привинтите обратно и дождитесь полицейских. А потом – свободны, только пленку домой занесите.

– Угу, – бодро кивнул Денис.

И, едва взрослые вышли, что-то продолжая обсуждать, схватил Олега за рукав – тот даже шарахнулся от лихорадочно и немного ненормально блестящих глаз имперца.

– Слушай сюда! – Денис улыбался. – Сможешь завтра вечером собрать на прудах – ну, которыми все тут хвастаются, что они без дна! – верных ребят? Тех, кто пойдет со мной – и до конца пойдет, если мало – то собирай мало, дряни не надо и слабаков тоже не надо.

– Смогу, – коротко ответил Олег. Подумал и добавил: – Человек двадцать. Мало?

– Пойдет для начала. Собирать будешь – скажешь: дело – динамит. Понял? Запросто можно шею сломать, но если выгорит – поселок наш, а «Энергия» умоется.

– Скажу, – Олег кивнул и тоже ухмыльнулся – довольно шало. – Ну ты... – и не договорил, pokrutil головой.

– Отлично. Мы этому твоему Монфору сделаем размычку, чтоб людям жить не мешал, – усмехнулся Денис. – Я побежал! Фотик на, занесешь домой!

– А ты куда?! – Олег поймал «Зенит».

Денис остановился у выхода в коридор:

– Деньги на отряд добывать, начальный капитал, как у вас говорят! Не на взрослых же надеяться!

И – исчез прежде, чем Олег сумел хоть рот раскрыть для уточнения.

* * *

Денис отлично знал, что следует доверять первым порывам. Этому его учили и школа, и родители, и отряд, и жизнь вообще. Знал он также, что потом обязательно приходят сомнения, поэтому, приняв первое решение – ни в коем случае нельзя его менять. Хотя эти самые сомнения **обязательно** будут логичными и серьезными.

Поэтому, когда в автобусе ему пришло в голову, что, конечно, ничего не выйдет и не может выйти – Денис только усмехнулся в окно.

На этот раз в автобусе было практически пусто, лишь на заднем сиденье спал мертвецким сном пьяный с вывернутыми карманами, да на передней площадке торчали двое пацанов лет двенадцати – чумазые и тихие. Они явно ожидали остановки и выскочили, как только автобус затормозил. Только после этого до Дениса дошло, что пьяного обчистили, скорей всего, именно они. Мальчишка недоуменно ругнулся.

Кондуктор Дениса узнал и гостеприимно распахнул двери на том же месте, где мальчишка выходил в прошлый раз.

– Спасибо, – поблагодарил Денис. Но уже на ступеньках задержался и спросил: – Скажите, а до Балхаша ехать далеко?

– Пять часов, – ответил тот. – Поедешь, что ли?

– Нет, я так, спасибо, – мальчишка соскочил на обочину.

Автобус укатил. Денис огляделся. Небо затянули низкие тучи, стало совсем душно и влажно. Мальчишка уже знал, что в ноябре начнутся дожди – здешняя зима. На хребте залягут густящие тучи... А вот интересно, как там строят в такую погоду струнник?

Не выйдет ничего, подумал Денис снова о своем деле. Поправил берет под погоном. Потрогал место выбитого зуба (где там коренной, интересно знать?), вспомнил физиономию Гришки и немного повеселел: даже если и не выйдет ничего, драку вспоминать все равно очень приятно. Он еще раз поправил берет и зашагал по траве.

Впрочем, на этот раз Денису удалось пройти всего метров сто. Мальчишка отчетливо ощутил, что за ним наблюдают, – и, прежде чем он успел оценить ощущение, из травы словно сам собой вырос казак. Взрослый, в лохматом камуфляже. Откинув капюшон, он смерил Дениса взглядом и флегматично буркнул:

– Хо́да нет.

– Мне в станицу... – начал Денис.

– Хо́да нет, – повторил казак и зевнул, показав крепкие белые зубы. Потом при виде растерянной физиономии Дениса смягчился и пояснил: – Дежурная полусотня учения проводит. Через полтора часа кончат. Тогда и пойдешь в станицу.

– Учения? – Денис покрутил головой.

Казак ухмыльнулся:

– Да не увидишь никого. Вон там, на опушке, наши. О! Отликнулись.

«Пом! Пом!» – за полкилометра встали два черных хрустких куста разрывов.

Денис вздрогнул и засмеялся удивленно. Прямо из травы метрах в ста появились с дюжину верховых – очевидно, лежали там вместе с конями – и стали сноровисто развьючивать что-то... минометы! Денису вдруг показалось, что минометы выросли сами собой и начали стрелять раньше, чем их поставили на плиты. Дальше – Денис различал – двигались мишени...

Смотреть на это было интересно. Казак между тем куда-то растворился (иначе не скажешь), и мальчишка подумал – а не рвануть ли за спинами казаков? Но он тут же одернул себя – нет, это не шутки. Минометчики тем временем убрались тоже – так же молниеносно. Где-то чуть в стороне был слышен непрерывный автоматный треск, потом и он затих. Тучи спустились еще ниже, вот-вот пойдет дождь. Денису хотелось пить, он начал злиться.

Потом – резко обернулся на ощущение движения.

К нему ехал казак. В маскировочной форме, одну ногу, согнутую в колене, положив на седло. Уже немолодой, знаков различия не видно под камуфляжем. Ехал как-то разболтанно и курил короткую изогнутую трубку – но странно, в этой разболтанности чувствовались ловкость и полная уверенность в себе. Увидев, что Денис оглянулся, казак сказал:

– Эге, это про тебя Васек говорил – стоит пацан, в станицу хочет?

– Ну... да, – Денис кивнул. – Добрый день.

– Здорово дневали, – казак остановил коня. Перед лицом Дениса оказалась блестящая головка длинной шашки, утопленной в богатых ножнах почти по вытертый цветной темляк. – Залезай давай, городской. А то до вечера тут простоишь, наши сейчас опять прогонять все будут, атаман недоволен... Чего смотришь, залезай, поедем потихоньку.

– Назад или вперед залезать? – уточнил Денис.

Казак выпустил клуб дыма (Денис вспомнил Войко – табак пахнул приятно, как «Герцеговина Флор») и усмехнулся:

– Впереди одних девок возят. Темнота.

Денис обиделся. Но промолчал и одним прыжком оказался за спиной казака.

– Ниче, – буркнул тот.

Вроде бы ничего не сделал, но конь двинулся. Казак пыхнул трубкой и замурлыкал:

М-та-ту-та...

М-та-ту-та...

Та-ту-та...

М-та-ту-та...

М-та-ту-та...

Та-ту-та...

Диковатая песня без слов оказалась неожиданно гипнотизирующей. Денис поймал себя на том, что тупо следит за мотанием темляка на шашке, сердито мотнул головой и спросил:

– А такие маневры у вас часто?

– Учения-то? – Казак ловко выколотил о подошву сапога трубку, убрал куда-то неуловимым движением. – Да каждый день. Из комара сало топят. Разве сейчас казаки? – он хмыкнул. – Помет кошачий, а не казаки. Зимой банду разогнали – гордости по конское брюхо, ковшом не отчерпаешь. Мой батька аж сразу после Безвременья до Индийского океана доходил. Кровь лошадиную пили дорогой. Мне десять лет было, тоже погуляли тогда

– на Черноморье были. Я тишком со старшими ушел. Вот там на берегу первый раз человека-то убил – германцы с моря деревни прибрежные грабили, мы и схлестнулись на скалах. А море кипит, как котел... – казак задумался.

Денис жадно слушал.

– Корабль-то их подошел, забирает их, а лучшие отход прикрывают. Я коней держал. Ничего не скажешь, хорошо германцы дрались... Двое остались, машут своим – отваливайте! Те отвалили, а сами с борта из двух пулеметов. Наши залечь, а эти двое к коням. Одного-то перехватили, а второй прорвался и секирой. Я еле пригнулся – ветерком над головой повеяло. И не помню, как пистолет выхватил – и в упор. Нечестно, конечно, да тоже – как там десятилетке с таким честно воевать?.. Иной раз и сейчас нет-нет думаю – может, он меня убивать-то и не хотел, пугнуть только... Сколько я всяких с тех пор поубивал – не помню никого. А того германца помню...

И он снова затянул:

М-та-ту-та...

М-та-ту-та...

Та-ту-та...

М-та-ту-та...

М-та-ту-та...

Та-ту-та...

...Подойдя ко двору Мелеховых, Денис, как это ни смешно, вдруг оробел.

Это совершенно непривычное для него чувство пришло сразу и было очень сильным, даже коленки как-то завибрировали. По-настоящему. Мальчишка удивленно посмотрел на них, пораженный таким неподобающим поведением частей тела, внезапно вышедших из-под контроля. Потом глянул на ворота. Ну и что? Ну, идет он. Идет по делу. К знакомому парню. И?

Коленки слегка унялись, но ноги были по-прежнему какие-то немного не свои.

Во дворе было пусто, Денис пересек его и решительно постучал в дверь.

– Заходите, не заперто, – послышался приглушенный голос.

Коленки радостно подогнулись – и Денис ввалился в дверь буквально мешком.

Настя встречала его у входа в жилую часть дома. Улыбалась – в сенях было полутемно, солнце (Денис вдруг сообразил, что оно выглянуло из-за туч) подсвечивало девчонку в спину – и вся фигура Насти казалась словно бы тонко очерченной по контуру золотистым переливчатым ободком. А в волосах как будто сияли мириады искр.

Мальчишка застыл с глупым видом. Дернулся – она же видит, какая у него дурная физиономия – и облегченно перевел дух: не видит, слепая... и выругал себя, краснея – скотина!!!

– Денис? Имперец? – спросила Настя.

Денис изумился: откуда она знает? Кивнул и, снова мысленно ругнувшись, поспешно сказал:

– Да... День добрый.

– Ты к Гришке? – девчонка улыбнулась и отступила в сторону. – Проходи, погоди немного, он в саду, придет сейчас.

– Я... а где? Я пойду...

– Да ты не найдешь, только зря проходишь, – снова улыбнулась Настя. – Проходи, проходи. Он недолго. Есть хочешь?

Денис хотел. Утром кружка чая с травками – и все, когда Валерия Вадимовна подняла мальчишек, то они второпях не поели.

– Нет... не хочу, – бормотнул он.

И тут же его живот опроверг это заявление громким звуком. Настя рассмеялась и, точным движением взяв Дениса за запястье, неожиданно сильно потянула внутрь:

– Да заходи ты, чего? Разувайся и садись, я тебе налью.

Денис обомлел от прикосновения пальцев – тонких, сухих и теплых. До такой степени, что потерял волю. И, стаскивая легкие ботинки, поймал себя на том, что у него нет мыслей – именно нет. И что он нелепо улыбается.

«Колдунья!» – подумал мальчишка неожиданно и вполне всерьез.

Он прошел к столу и сел. И тут же перебрался с угла, в котором было пристроился. Неловко улыбнулся, метнул на девчонку, подошедшую зачем-то к окну, опасливый взгляд. Нет, неужели она не видит?!

– Я такая смешная? – улыбнулась Настя, поворачиваясь.

Денис вздрогнул:

– Ты что, ви...

Он не договорил слова «видишь», прикусил язык. Но Настя, уверенно проходя через комнату, без обиды, легко ответила:

– Не вижу, конечно. Слышу. Слышно же, когда человек улыбается... Я сейчас принесу поесть, подожди.

– Я помогу! – вскочил Денис.

Настя удивилась:

– Ты что, к печной заслонке прилипнуть не боишься?

– В смысле? – насторожился Денис.

– Поверье есть такое, – охотно разъяснила девчонка. – Что мужчина к печной заслонке если прикоснется – прилипнет. Дед рассказывал, был случай – во время Серых Войн. Бабка наша на мужиков разозлилась и три дня им есть не варила. Три дня все на сухоматке сидели, но к печке ни один не подошел. Суеверие, конечно... А все ж таки, вдруг – чем тебя тогда отклеивать?

Настя засмеялась и вышла. Денис хмыкнул, откинулся к ковру на стене, стал глядеть в окно – бездумно. Солнце снова ушло в плотные тучи. Проскакали рысью двое всадников. Проехала легковая машина – надо же...

– Вот, доброго здоровья, ешь на здоровье! – вывел его из задумчивости голос Насти.

Девчонка поставила на стол большую миску, до краев налитую огненно-красным борщом. В нем плавал шмат сметаны и гордо лежал кусок мяса. Рядом – чашечкой вниз – устроилась ложка и стояла тарелка с нарезанным хлебом. К сожалению, он был тоже серый, Денис уже и не чаял когда-то увидеть черный хлеб. Но борщ пахнул одуряюще.

– Не остыл еще, – предупредила Настя, становясь сбоку и склоняя голову к плечу. – У нас кухня летняя, снаружи. А у вас дома не такие, как у нас? В Империи, в смысле?

– Нет, совсем не такие, – сказал Денис и снова осекся. Ну и как ей рассказать?... – А ты чего стоишь? Садись.

– Пока мужчины едят – женщины стоят, – поучительно сказала Настя. – Разве у вас не так?

– Нет, – покачал головой Денис. – У нас все садятся.

И принялся за борщ.

Денис, конечно, был голодный. Но борщ ел с удовольствием не только поэтому.

– Это ты готовила?

– Это – я сама, а вообще мы с мамой и с тетей Ирой готовим... это дяди Игоря жена. А что, вкусно?

– Очень.

Денис хотел было просто кивнуть, чтобы не отвлекаться, но вовремя опять вспомнил – и хрюкнул это слово под смех Насти:

– Ну ладно, ладно, ешь, не буду больше спрашивать.

Денис ел, но при этом не сводил глаз с Насти, которая двигалась по комнате, что-то делая по хозяйству. Будь Денис немного поискушенней – он бы понял, что девчонка в сущности не делает ничего, практически перекладывает вещи с места на место.

Может быть, впервые в жизни Денис так внимательно смотрел на девчонку. Они с

Войко – да и все знакомые мальчишки – искренне считали, что девчонки не стоят внимания. Нет, Денис отлично знал, в чем различие между женщиной и мужчиной, откуда берутся дети и вообще... Но он никогда не примерял никого **конкретно** из девчонок «на себя» – не представлял рядом с собой ни в постели, ни в качестве спутницы жизни. Пожалуй, можно было сказать, что девчонки ему нравились... чуть меньше красивых собак, немного больше красивых лошадей.

И вот...

Как она ходила, как протягивала руку к вещам, как нагибалась, как выпрямлялась, поворачивалась, привставала на цыпочки, перебрасывала косу – все это приводило Дениса в тихое восхищение. А лицо – когда она поворачивалась лицом... Денису хотелось попросить: «Открой глаза!» Какие они у нее? Почему-то казалось, что серые и теплые. Ведь есть же они – эти глаза? Глаза, которые никогда ничего не видели...

– Очень вкусно, – сказал Денис чужим голосом.

Судорожно хотел вспомнить формулу благодарности, но в сениях слышались веселые голоса и вошел Гришка. За ним – смеясь и переговариваясь – еще двое мальчишек.

– Настена!.. – начал он. И замер, удивленно глядя на Дениса: – О, привет! Решил заехать?

Как и в прошлый раз, он был босиком, но без фуражки и нагайки, зато в рубашке. Ввалившиеся следом за Гришкой двое казачат в упор рассматривали Дениса. Тоже босиком, в подвернутых штанах и легких рубашках с засученными рукавами, они были неуловимо похожи друг на друга и Мелехова – чем-то, что Денис для себя определил как манеру держаться. Хотя внешность обоих мальчишек была отличной и друг от друга и от классического воплощения славянского типа Гришки. Один – повыше – был скорее похож на англосакса: тонколицый, рыжеватый, с прямым носом, – но совершенно неожиданно жуткими глазами. Табачного желто-зеленого цвета, эти глаза имели вертикальные зрачки, как у кота. Другой – ниже и плотней, – русский, но смуглый и круглолицый, имел явную примесь казахской или киргизской крови, даже серые глаза были слегка раскосыми.

Денис поднялся.

– Я хотел поговорить о деле, – сказал он. – И не только с тобой. Со всеми вашими ребятами. Это общее дело.

* * *

Более всего удивило Дениса, что в здании школы – комплексе пещер в гранитном откосе у реки – оказалась юнармейская комната! Войдя туда и увидев знакомые плакаты, Денис не выдержал:

– А у вас что, юнармейцы есть?!

– Да мы все юнармейцы и есть, – Гришка тоже явно удивился.

Табачноглазый Ромка и круглолицый Тоха отправились по станице – собирать только-только разошедшихся по домам ребят. Денис про себя отметил, что начало для митинга не совсем удачное – мальчишки только-только разошлись по домам, приготовились отдохнуть после работы в саду – и нате вам, летите в школу, с вами пацан из Империи говорить будет! Он и вообще засомневался, что придут – но Гришка только фыркнул через губу и сейчас сидел на парте, качая ногой.

Впрочем, увидев юнармейский кабинет, Денис и сам понял – придут. Но настроение, конечно, будет – ой.

Не ошиблись ни Денис, ни Гришка. Не прошло и получаса, как комната начала наполняться казачатами. Причем почти все громко выражали свое недовольство. Кое-кто из них успел привести себя в порядок, но большинство явилось в том же рабочем виде, в каком тут был и сам Гришка. А он совершенно неожиданно стушевался – и Денис удивился... но, поймав взгляд казачонка, понял: проверяет на вшивость. Снова и опять. Мол, ты их собирал? Собирал. Ты с ними говорить хотел? Хотел. Давай.

Мальчишки – не меньше полусотни, до отказа набившие комнату, рассматривали Дениса. Большинство взглядов были просто оценивающие, но имелись и откровенно недоброжелательные, и насмешливые, и даже презрительные. Более того, сама собой вскоре установилась тишина, и Денис ощутил себя распятым около магнитной доски.

И он разозлился.

– Я пришел просить у вас денег, – сказал он.

И каким-то чутьем уловил: хорошее начало! **Хорошее**, он ошарашил казачат – и молчали даже те, кто явно настроился отпустить какое-нибудь едкое замечание на первую же реплику приезжего – какой бы она ни была. Но не **такой** же?!

Денис незаметно перевел дух и продолжал:

– Деньги нужны ребятам из Седьмого Горного. Они хотят создать пионерский отряд. На первое время нужно хотя бы миллионов тридцать. И я думаю – такие деньги у вас есть.

А вот теперь уже казачата удивили **его**. Никто не возмутился, не зашумел, не засмеялся. Только миловидный белокурый парнишка – он сидел за самой дальней партой рядом с Гришкой, внимательно, прямо-таки с любовью разглядывая свой кулак, – сказал:

– Есть такие деньги. И больше есть, – потом поднял глаза и взглянул на Дениса внимательно и жестко. – Только с чего нам, казакам, эти деньги поселковому сброду отдавать?

Вот теперь поднялся тихий одобрительный гул. И Денис чуть повысил голос:

– Ты казначей?

Мальчишка кивнул.

– Деньгам счет знаешь. Я так думаю, вы их не украли, не наспекулировали – руками заработали. Так?

Последовал новый кивок.

– Теперь собираетесь на море ехать. Так?

Третий кивок.

– Где остановитесь?

– В «Южном», у пансионата с войском договоренность, – ответил мальчишка, прищурившись. – Уж сколько лет ездят наши, еще до Бахурева повелось.

– Хорошо, – сказал Денис. – Дело хорошее. И честное. Поработали – отдохнули. Деньги все ваши, или как?

– Не, – покачал головой белокурый. – Треть войску, треть станице. Да все равно, на картошку этого урожая спрос хороший.

– Хорошо живете, – заметил Денис. – Треть войску, треть станице, а на треть полсотни человек отдыхать поедет.

– Больше, – поправил кто-то. – Девчачья доля там тоже есть, мы просто девчонок на круги не зовем, не чин.

– Больше, – повторил Денис. – На сколько едете?

– На две недели, – произнес еще кто-то.

– И школа у вас хорошая, – сказал Денис. – В общем, я гляжу, неплохая жизнь.

– Не жалуемся, – подал голос белокурый. И показал руки. Неожиданно крепкие, мозолистые. – А батя мой крюком ходит. Не старый он, а пять лет назад как пластанул его маньчжур на восточной границе – так и все. Жилы какие-то посек. В куле односум его в станицу привез, в седло сесть не может. Так что нам наша жизнь не задаром на белый хлеб намазана.

– А в шахте кто из вас был? – спросил Денис спокойно.

Казачата притихли. Кто-то – от двери – сказал:

– Мишка поселковый у нас работал, рассказывал.

Его поддержал еще чей-то голос:

– Говорили пацаны с поселка. Страшное дело.

– Выходит, и там люди не бездельничают, работают не легче вашего? – спросил Денис. – Так что ж вы перед ними нос дерете?

– А никто не говорит, что легче, может – и трудней, – сказал рассудительно круглолицый Тоха. – Вон, за двадцать километров латифундия, мы с дядьками по делу ездили, я видел, как надсмотрщик пацана мелкого плетью бил – корзину тот уронил, фрукты подавил. Ух, я дал тогда тому! – Он засмеялся, казачата оживленно гуднули и опять притихли, потому что Тоха повел рукой. – Только не в том дело. Ни один казак над собой такого не стерпит. А эти терпят – значит, не люди они, а бараны.

– И я баран? – спокойно спросил Денис.

Тоха покачал головой:

– Ты имперец, с тебя спрос другой. Ваши из стали сделаны, так батя говорит, он ваших повидал. А эти из навоза.

– Моя мать закрыла шахты, на которых были условия хуже всего, – сказал Денис. – Теперь все будет по-новому.

– Человеку новое сердце не вставишь, – тихо сказал белокурый.

– А если б твои родные с голоду дохли – не пошел бы на шахту?! – обозлился Денис.

Белокурый усмехнулся:

– Отчего, пошел бы. Первое дело – с односумами бы уговорился, какую цену брать будем. Второе – хозяину шашку и автомат показал бы.

– А я б не пошел, – сказал плечистый парень с рыжим чубом. – Взял бы у кого. Да вон хоть у бандюков на юге. И много чего взять можно, и сходить весело.

– А они так не могут, – сказал Денис. – Они так не умеют. И мне... мне их жалко. – Денис вспомнил слова Олега: «Спаси нас, имперец...» И дерзко оглядел казачат. – Да, жалко! Я не из стали. Я человек, как они. И как вы. И там есть тоже люди, которые **хотят** жить, а как – не знают. И я им помогу. С вами, без вас... Только как бы вам на своих лихих конях за бортом у струнника не оказаться лет через десять!

Странно, но казачата не возмутились, только шепоток пробежал. Потом тот, рыжий, сказал:

– Сильно говоришь, как молотом бьешь. А вот что до коней... Ездить верхом умеешь?

Денис кивнул, не понимая смысла вопроса, но насторожившись.

– Вот и хорошо. Обойдешь меня над берегом – тридцать миллионов твои.

Денис поднял брови. Остальные казачата запереглядывались и зашумели. Гришка наконец подал голос:

– Лёвка, он у нас вроде как в гостях.

– А я его силком в седло не сажаю, – удивился рыжий. – И расскажем мы ему все, а, станичники?

– Брось, Лёвка, там наши ломаются!

– А чего, пускай, кто заставляет-то?!

– Да не надо, поговорили и хватит!

– А ставка-то какова!

– Его спросим! – мотнул чубом Лёвка. – Ты как, имперец?

Он не подначивал. И в глазах не было ни насмешки, ни злой подковырки.

– Что за берег? – спросил Денис спокойно.

Гришка громко чертыхнулся. Лёвка кивнул куда-то в стену:

– Правый берег. Три километра скачка. Буераки, камни, кусты... ущелье глубокое, по нему два ручья текут...

– Во! – Сидевший в переднем ряду мальчишка поднял рубашку и показал два параллельных шрама, пожалуй, более страшных, чем тот, от когтей тигра, который украшал предплечье Славки – на правом боку. – Кишки наружу вылезли, это мне еще повезло... Туда сорвался...

– Обойдешь – деньги твои, – подытожил Лёвка, жестом успокаивая мальчишку. – Нет, не так. Это нечестно. Фору даю пять минут. Забьем? – И он положил на парту сильную, плохо отмытую ладонь.

Денис обвел всех взглядом. Спросил:

– Никто не против? Потом не заноеете?
– Солнцем, конем и шашкой клянусь, – сказал Лёвка. – За всех. За всех?
Последовали молчаливые кивки. Кивали все. В глазах казачат рождалось любопытство.
– Мала фора, он на наших конях и не ездил никогда, – вдруг произнес Ромка, играя кривым ножом.

Денис дерзко сказал:
– А мне и эта фора не нужна.
– Как забили, так и будем, – отрезал Лёвка. – Теперь ты клянись, что твои с нас спроса не будут делать, если покалечишься или насмерть убьешься.
– Честное пионерское, – Денис поднял руку и вытянулся в струнку. – Это будет наше дело. Мое и твоё.

Подошел к Лёвке и резко опустил ладонь, хлопая ею по руке рыжего.
Лёвка поморщился и удивленно посмотрел на Дениса.
У имперца оказались стальные пальцы – такие тонкие на вид! И такой же стальной взгляд с каплей-искрой насмешки.

* * *

Честно сказать, Денис играл. Нет, он не боялся, не хватало еще! Но уверенности никакой не было. Если судить по книгам и фильмам, то мысль о борьбе за общее дело должна была стереть все сомнения и размышления. Но... увы.

Коней мальчишки взяли чужих – после коротких переговоров их привели из станичной конюшни, одинаково соловых, сильных, однолеток. Денис, уже ни на кого не обращая внимания, осмотрел своего, огладил, поцеловал в хrap. Потом опустил стремяна ниже. Сидеть по-казацки он не умел, хотя и понимал, что при взятии препятствий именно казацкая посадка дает преимущество.

В седло он тоже не стал взлетать, как Лёвка. Сел, плотно стиснул голыми коленками и ботинками бока коня. Шагом выехал на стартовую черту.

Ой-ей-ей!!! То, что он увидел, напоминало скорей танкодром или поле для пейнтбола. Где-то далекоооооо впереди виднелись еле-еле фигурки казачат у финиша – они отправились туда сразу, как компания вышла из школы. Денис заметил, что собрались и взрослые, и не так уж мало. Смотрели с интересом, переговаривались – и никто не думал отговаривать мальчишек от их дела.

Лёвка кому-то отдал нагайку. Подъехал боком, тихо сказал:
– Не передумал? Смеяться не будут, если передумал. Пять миллионов дадим. За смелость и за то, что за чужих людей стоишь. Слово, наши так решили.
– Нет, – шалея немного, улыбнулся Денис. – Тридцать забили? Забили. Тридцать и увезу.

– Смотри, – Лёвка вернулся на старт.
– Гляжу, – Денис погладил коня по шее.
«Т-дах!» – треснул в чьей-то руке уговоренный сигнал – петарда.
Денис почему-то больше всего боялся, что Лёвка уйдет в отрыв сразу – это было бы как символ поражения. Но рыжий казачонок почему-то не стал этого делать. Что «не смог» – Денис даже и не думал. Лёвка держался в трех метрах слева, ближе к берегу – и на конский корпус впереди...

«Ой, я уже скачу?» – Денис искренне удивился.
И тут же начал подгонять коня каблуками, приподнимаясь на стремянах, когда конь переносился через препятствия. Собственно, от него теперь требовалось одно: не вылететь из седла и напоминать коню, кто тут хозяин. Остальное зависело от солового.
– Ги! Ги! – режуще крикнул Лёвка, мелькнула его ладонь – и казачонок оторвался сразу на два корпуса.
Прыжок – внизу пронеслись промоина, кусты, камни... это что? Ущелье? Нет,

непохоже... Денис слился с конем, пригнулся к его шее и колотил каблуками, шепча:

– Ну, ну, ну! Мой ветер, мой сокол, ну!

Конь наддал, отвоевывая метры. Лёвка не оглядывался, но, конечно, ощущал спиной, что преследователь приближается. Он опять гикнул, встав на стремянах. Прыжок, конь казачонка бросился в сторону и взвился в воздух...

Денис закусил крик зубами и дал шенкеля.

Вот она – эта пропасть. И конь уже в полете... но он – не птица.

Не хватит метра.

Метра.

Лёвка на той стороне.

А он, Денис, не допрыгнет.

Мальчишка ощутил, как тяжело ударили в землю передние копыта... а задние – повисли над пропастью. Соловый вскрикнул, заржал, вытаскивая себя на край. Денис коротко оглянулся.

Метров тридцать – и внизу два ручья облизывают алые гранитные клыки.

Жалко солового...

...Денис протянул руку и, ухватившись за ветки куста, трепыхавшегося рядом, вырвал себя из стремян и повис над пропастью. Конь заржал снова – но уже облегченно – и вымахнул на край.

Это было последнее, что видел Денис отчетливо. Потом – все смешалось.

В лицо – земля с вывернувшихся корней куста. Пальцы держат ветки – но эти ветки уже ничем не скреплены с землей, они падают, как и сам Денис.

В лицо – земля.

Земля – и плетеный ремень нагайки...

...Денис, тяжело дыша, отпустил нагайку и выпрямился. Покачнулся, но устоял. Лёвка коротким рывком руки сложил нагайку вдвое и молча смотрел на своего соперника. На верхней губе у казачонка были капли пота.

– Проиграл, – произнес Денис. Ничего другого ему в голову не пришло.

Лёвка опять дернул рукой, сбил верхушку сухой былинки.

– Выиграл, – коротко ответил он.

* * *

– Какие они – белые ночи? – Гришка сел удобнее, обхватил колено руками и начал задумчиво глядеть на воду.

– Белые ночи? – переспросил Денис. – Они... – и осекся, потому что понял: рассказать не получится.

Правда, не получится. Денис читал много разных описаний белых ночей – в том числе, так сказать, всеми признанных, литературных. Но все эти описания ему... не то чтобы не нравились. Нет. Просто казались надуманными. Как попытка описать радугу словами. Можно перечислить цвета. Ну и все. А как рассказать о том, что на тихих улицах разлит белый бессолнечный свет? О том, что пустые проспекты, и днем-то не слишком многолюдные, в такую ночь, кажется, ведут прямо в волшебную страну, и надо только не полениться дойти? О том, что можно прогулять до утра – и ничуть не устать? О том, что у неба нет дна, и нет дна у Невского пролива? О том, что древний гранит, в который закованы каналы, отражает эту бездонную глубину?

Нет, нельзя было обо всем этом рассказать. И Денис промолчал, но...

– Я понял, – тихо произнес Гришка, не отрывая взгляда от воды. Денис удивленно вскинул глаза, но Гришка не стал ничего объяснять, а продолжил задумчиво: – А у нас темнеет быстро. Раз – и солнце уже за хребтами, у нас ночь, а там, наверху, горы еще долго светятся...

– Я видел, – тоже тихо сказал Денис. И, помедлив, спросил: – Ты... ты очень любишь

свою землю, да?

Гришка кивнул. Коротко, светлый чуб упал на глаза, и Гришка откинул его, мотнув головой.

– Мои жили в Семиречье еще лет за двести до Безвременья, – сказал он. – Я только хотел бы... может быть... выучиться на космонавта, а у нас это нельзя.

– Выучишься! – горячо сказал Денис. – Нет, правда! Вот вы присоединитесь к нам, и ты поедешь учиться...

– Денег у родителей не хватит, – дернул плечом Гришка. – Мы не бедные, конечно, но таких деньжищ...

– При чем тут деньги, родители? Ты же стипендию будешь получать...

– А что такое стипендия? – удивился Гришка.

Денис объяснил:

– Ну... это платят студенту, если он хорошо учится. И курсантам в военных тоже платят.

– Погоди, – Гришка повернулся к Денису. – Как платят? Ему платят, чтобы учился, а не он?.. – В голосе паренька прозвучало изумление.

– Конечно.

– Врешь.

– Честное пионерское. Вот... – Денис вскинул руку: – Под салютом!

– Ну... – Гришка покрутил головой. – У вас же население – миллионов сто. Ну, студентов... тоже много. Государство же разорится – всем платить, кто не работает, а студенты же не работают. Точно врешь.

– Я сказал: честное пионерское, – напомнил Денис сердито. – И ничего государство не разорится. Это у вас придурки какие-то все раздали буржуям, а потом жалуются, что в казне денег нет. А у нас деньги от полезных ископаемых и от всего такого только в казну идут. И на все хватает во как, – он чиркнул по горлу ребром ладони.

– Вот ка-ак... – казачонок задумался. – Да... это правда может хватить...

Мальчишки сидели на прибрежном песке – там, где река, делившая станицу надвое, делала резкий поворот за каскадом плотин. Денис нет-нет да и оглядывался на свою поясную сумку. Деньги были крупными купюрами – и вполне вошли туда. А само произошедшее, хоть и отодвинулось после бурного купания, казалось каким-то нереальным, как сон. Как будто не с ним, Денисом, было.

Он передернул плечами, вспомнив блеск валунов между ручьями. И поспешил заговорить снова:

– А почему ваша станица называется Лихобабы?

Гришка засмеялся, лег на спину:

– А, это старая история... В общем, прямо перед самой войной тут база была, спортивная и отдыха. Ну и на ней отдыхал какой-то детский сад с воспиталками и команда по биатлону, женская. Сама война их не задела, а потом, конечно, пришлось тяжело. Ну, как-то жили, бабы-девки не растерялись... Кто-то ушел, конечно, но большинство остались, куда идти-то? Так года три, что ли, прожили. И тут подваливают с юго-запада три сотни семиреченских казаков, настоящих... Вот среди них мой предок был... Голодные, злые, дикие до последнего предела. А тут такой подарок! Людоеды не людоеды, врать не буду, но было время – наши и рабов держали, например. Плохо дело, короче. Пошли на штурм – да куда там! Спортсменки эти как подняли пальбу! Человек тридцать разом наповал уложили! Казачки осели. И получилось, что вроде как ничья. Казаки в степи сидят, жрать нечего, морозище – и не сунешься к таким. Но у казаков две пушки. Развалить лагерь? А чего тогда огород городить, на развалинах жить? А спортсменкам этим и детишкам – ни на охоту выйти, никуда, да и патронов почти нет. Пару дней так стояли. Потом атаман круг собрал и говорит: «Сами видите – договариваться надо...» Ну, как там точно было – я не знаю, но договорились. А как казаки узнали, что от них бабы оборону держали – так и сказал атаман: «Ну, лихие бабы!» Так и пошла станица – Лихобабы. Дальше уже вместе жили, не слышно,

чтоб ссорились, а уж потом и вовсе одна история эта осталась...

Денис посмеялся. Потом тоже улегся и спросил:

– А денег вам не жалко? Я ведь проиграл спор.

– Денег нам хватит, – ответил Гришка. – Ну, будем жить не в двухместках, в шестерках – только веселей. На развлекухе подсократимся – больше на море пробудем.

– Почему вы вообще согласились мне их отдать? А? Большие деньги. Приходит парень, которого вы и не знаете, и почти требует отдать их для тех, кто вам абсолютно несимпатичен. Вы с ним забиваете спор, он спор проигрывает. И вы ему отдаете деньги. Глупость ведь.

– Глупость, – кивнул Гришка. – Представляешь – приезжает в вонючую дыру совершенно посторонний парень. И начинает для существ, которые этого и краем не заслужили, суетиться, деньги искать, глотку драть... Глупость ведь?

– Глупость, – задумчиво согласился Денис.

– Вот нам и интересно, что из этой глупости выйдет, – продолжал Гришка. – А за интерес и заплатить не грех...

– А помочь нет желания? – напрямую спросил Денис.

Гришка ответил так же прямо:

– Не с руки. Разные мы. Скажешь там, что казачат в помощники подбил, – за тобой местные не пойдут. Верно говорю. Мишка – он такой один... да и уезжает, сам говоришь. Может, когда потом... Ну, или по мелочи. Телефон-то у тебя есть? Обменяемся.

– Обменяемся, – кивнул Денис. – Гриш... Мишка тут недалеко от вас со своими селится. Поможете?

– Угу, – Гришка сел. – Ладно, с тобой хорошо, а мне пора... Да и вечер скоро. На автобус не опоздай... – Гришка помялся. – Слушай, может, заседлать и с тобой поехать?

– Зачем? – удивился Денис, тоже встав, и начал отряхиваться от сухого песка.

– Ну... вечер, – Гришка поморщился. – Всякое бывает... Про хасидов слышал?

Сперва Денису это слово показалось незнакомым, но потом он вспомнил давний... нет, **казавшийся** давним разговор в Верном. Сказку о похищениях детей. Вернее, то, что тогда выглядело сказкой.

– Слышал, – кивнул Денис. – Но я думал, это так, придумка.

– Если бы, – вздохнул Гришка. – В прошлом году весной у нас в станице тоже один парнишка пропал, Сергунов Колька. Девять лет... В общем, мы подхватились сразу, конечно, такого раньше-то не было. Нашли, только мертвого уже. И тех, кто убил, нашли. Двое, прямо в степи ночевали... Нездешние, наших мест не знали...

Денис слушал, широко раскрыв глаза.

– Девятилетнего... убили? – неверяще спросил он. Все-таки в такое поверить было трудно даже после виденного в Верном.

– Кровь выпустили, – буркнул Гришка.

– Кро-о-овь?! – Денис поперхнулся. Вспомнилось, как мама несколько лет назад плакала, когда ей сказали, что все, точно – другого ребенка не будет.

Мама плакала! Мама... мама, которая... А тут какие-то дегенераты...

– Что им было?! – высоким голосом спросил Денис.

– Именем Республики Семиречье... вешай!.. Понял? – сурово спросил Гришка.

– Понял, – кивнул Денис. – Правильно.

– Ну, так поеду с тобой? У тебя еще и деньжищи...

Денис махнул рукой:

– Нет, ты что. Мне не девять лет, пистолет с собой, да и они ведь только по весне нападают?.. Я сам. Ты вот что... – Денис осекся, покусал губу и попросил: – Ты сестре привет передай. Она меня борщом кормила... ты видел сам ведь, да? Вкусный был такой... в общем, ты привет передай и скажи, что борщ был вкусный, и вообще.

– Передам, – сказал Гришка равнодушно.

С автобусом Денис пролетел, и здорово. Солнце уже показалось из-за туч почти над горизонтом, а его все не было и не было. Видимо, сломался. Нет, ну не могли пустить резервный!!! В конце концов, Денис выругал себя за то, что не сообразил сразу и не пошел пешком – уже прошагал бы две трети пути или подвез кто. А теперь? Идти обратно в станицу? Он посмотрел в степь и на верхушки деревьев. А оттуда позвонить домой... А то ведь влетит, и за дело, он даже Олегу не сказал, куда идет.

Нет! Денис упрямо мотнул головой. Казаки еще решат, что он испугался, просит его забрать маму с папой. Лучше идти пешком. Потихоньку-полегоньку – что такого? Диких зверей тут, на дороге, нет и быть не может. Пистолет и правда с собой. Ну и все.

Денис поправил берет под погоном и галстук, перетянул ремни сумки по-рюкзачному – и зашагал, как привык ходить в походах. Сперва молча, а потом от души, не стеснясь, затынул «Взвейтесь кострами...».

...Двум обогнавшим его машинам Денис проголосовал, но они не остановились, хотя одна совершенно точно была пуста – в смысле, в ней сидел только водитель. Денис возмущенно пожал плечами. В Империи мальчишка, который куда-то один шагает по дороге, привлечет бы внимание первого же водителя. Остановились бы, просто чтобы узнать – не надо ли помочь? Если идет ради удовольствия – пожалуйста. А вдруг торопится, отстал, заблудился? Денис почувствовал, что начинает уставать – день был еще тот, – а дорога впереди, как и все дороги через степь, казалась бесконечной и таяла во влажном мареве.

Плюс к этому – лес, тянувшийся по правую руку в полусотне метров от дороги, Дениса немного пугал. Мальчишка то и дело косился в ту сторону и обеспокоенно понял, что до темноты не успеет никак. Вот ведь... А если неясить? Да нет, Мишка говорил, что они только в горах... А бандиты? Есть пистолет... И все равно было не по себе смотреть на темную массу, где уже наступила ночь. А если какая-нибудь необъяснимая жуть, как в фильме «Город, которого нет»?! Там герою было хорошо – дворянину, витязю РА.

– Да нет ничего этого, это просто сказки, – сказал Денис. И уже собирался еще что-нибудь спеть (он перебрал уже два десятка песен), как вдруг услышал впереди, в ложбине, куда уходил спуск:

– Пусти! Чего надо! Ну?! Не трогай! – и еще какие-то неразборчивые голоса.

Но этот голос был определенно знакомым...

...Собственно, Денис мог узнать и другие голоса. Володьку прижали на обочине трое мальчишек, из которых двое были тогда, на речном берегу, вместе с Пинаевым-младшим. Рядом стояли три велика. (Денис вспомнил о своем – и зачем покупал, дубина, мог бы на нем поехать...) Двое держали пинающегося Володьку за руки, один вертел в руках явно отобранный у мальчишки нож, а другой рукой, лениво отпихиваясь ногой от ног вопящего Володьки, обшаривал карманы его драных шортов.

– Сволочи! Гады! Пидарасы! Пусти! Не лезь! – вопил Володька в бессильном гневе, а потом добавлял такие слова, которых в его возрасте знать просто не нужно.

Те трое только ржали. Потом отпустили мальчишку – тот рванулся на обидчиков и получил такой удар ботинком в живот, что скорчился на обочине и заскулил.

Не, эти неизлечимы, зло подумал Денис. Ну ведь надо же – нашли себе жертву.

Он свистнул...

...Честно говоря, Денис сам не понял, что делают трое парней внизу. Они как-то странно дернулись к велосипедам, потом – отступили на обочину... потом – заоглядывались и попятились друг от друга... Что они танцуют-то, ясно же, что будет драка!

Да, Денис сперва не понял этих движений, а потом... потом вдруг сообразил: **да они же его боятся!** Нет, правда, на самом деле боятся!

В первую секунду он удивился. А потом пришло необычное, сладкое удовольствие – и Денис почему-то испугался этого чувства. Он спускался по дороге и старался думать только о Володьке, который, всхлипывая, смотрел на него. А эти трое – они почти выстроились на

обочине и тоже не сводили с Дениса глаз.

Ему стало противно. И это чувство перебило гадкое удовольствие от страха подонков.

– Кто его еще тронет, – Денис кивнул на сидящего в траве Володьку, который смотрел на своих обидчиков торжествующими и злыми мокрыми глазами, – зарюю. Так и передайте всем вообще. Вот если вообще что с ним случится – первыми виноватыми будет ваша шайка. После чего вы будете нужны только травматологу, и то очень опытному. Подобрали велики... – Все трое поспешно это сделали в полном молчании и дисциплинированно выстроились на прежнем месте. – Выложили деньги из карманов – все, не только те, что у него, – он кивнул на Володьку, – отняли... Хоть рубль оставите – смешая с велосипедами... – На траву поспешно посыпались скомканные и сложенные бумажки. – Нож. – Володькин нож упал на землю. – Быстро марш отсюда.

Денис проводил глазами троих мальчишек, бегом тащивших на подъем велосипеда. И покривился.

Да, оказывается, стать страшным легко. Причем ничего вроде бы не сделав плохого – только хорошее. И вот уже злодеи трепещут, а ты... а что ты? Ты идешь запугивать других злодеев ради установления мира и справедливости на земле, иронично подумал Денис. И не заметишь, как тебя начнут бояться **все**. А если тебя все боятся – это соблазн. Обалденный соблазн...

Денис передернул плечами и подошел к Володьке, который собирал деньги и судорожно всхлипывал. Володька вскинул голову, провел рукой под носом.

– Больно ударили? – Денис присел на корточки.

– Не, – тихо сказал Володька. И длинно вздохнул – задыхающимся вздохом.

– Не бойся, они не вернутся, – обнадежил Денис младшего мальчишку.

– Я и не боюсь, – сипло сказал Володька. – Просто противно. Толпой, да и каждый вон какой здоровый... Я не боюсь, правда! – он замотал головой. – Ну а что сделаешь? А потом вспоминать так противно... – он передернулся. И почти весело спросил: – А ты чего тут?

– Я у казаков был, – Денис махнул рукой. – А обратно автобус не пошел.

– Это часто бывает, – кивнул Володька.

– А ты-то что, на ночь глядя? – усмехнулся Денис.

– А я ходил, пел на стоянке, тут... – Володька указал в пространство. – Они меня там и заметили... Ну и следом пошли... От великов не убежишь, не в лес же...

– Пошли со мной, – предложил Денис. – Я в поселок.

– Пошли! – обрадовался мальчишка, убирая нож. Так обрадовался, что Денис понял: ему было бы страшно одному. А с Володькой почему-то и страхи Дениса почти исчезли.

Мальчишки зашагали по обочине. Быстро стемнело – но, как по заказу, впереди появились поселковые огни. И, хотя они были, конечно, далеко – даже дальше, чем казалось, – идти стало веселей. Володька сперва активно расспрашивал об Империи, но потом примолк и заспотыкался.

– Спишь? – угадал Денис.

Володька что-то пробормотал, потом сказал:

– Я ходил весь день... Ты иди, тут вон уже видно, я потихоньку...

– К утру дойдешь, – сердито сказал Денис. Да-а-а-а, что будет дома-а-а... Но за этой сердитостью была веселость. Попал... Не бросишь же его. – Ну-ка.

Денис легко, на ходу, подхватил Володьку на руки. Тот забрыкался, пискнул:

– Ты чего?!

– Вот так поедешь, – ответил Денис и пригрозил: – Не трепыхайся, брошу.

– Пусти! – потребовал Володька, но в этом требовании не было уверенности.

Денис продолжал шагать. Конечно, не пушинка... но и не такой уж груз. Володька был тощий и какой-то удобный для переноски, если так можно сказать о человеке. Он еще пару раз самоутверждающе дернулся, что-то заявил грозное, но потом вздохнул и виновато-сонно выдохнул:

– Ты же так устанешь меня нести... – Но не дождался ответа от Дениса и обмяк на его

руках. Подышал, а потом – видимо, совсем уже во сне – пробормотал в берет Денису: – Спой, ага?

Денис внутренне засмеялся. А потом... да почему бы нет? Ему вспомнилась шуточная песня, которую невесть кто невесть когда сложил – пионеры ее любили петь на манер вальса и даже как-то инсценировали... Он припомнил слова и тихонько затянул:

Авоську с яблоками сжав в зубах,
Отбросив в угол томик дедушки Крылова,
Хоть не живут коровы на дубах,
На дуб полезла закусить корова.
Об этом вам расскажут все вокруг,
Она была гурманом очень тонким.
Взяла с собой селедку, сахар, лук,
И не забыв, конечно, про солонку.
Но вот какой был злой судьбы каприз:
Достала яблоки, обтерла, посолила,
Подумала – и зашвырнула вниз.
Соленых яблок та корова не любила.
О притяжении Земли закон
Корове был, как видно, неизвестен.
Корова рухнула с авоськой яблок вместе.
Ну а под деревом сидел Исаак Ньютон.
Не мог представить ни во сне, ни наяву
Ньютон, что так невыносимо грубо
На просветленную его главу
Когда-нибудь корова рухнет с дуба.
В один момент, как будто бы прозрев,
Открыл Ньютон закон необычайный.
Соленых яблок, видно, переел,
Корова померла, как ни печально.
Мой друг, прими один совет простой:
Коли остаться хочешь ты здоровым,
Под дубом тем ты никогда не стой,
В ветвях которого виднеется корова²⁷.

– О, машина догоняет, может, подъедем! – Денис замедлил шаг и обернулся на приближающиеся огни фар.

... – Смотри, пацаны, двое, – сказал водитель.

Сидевший рядом хмыкнул:

– Сами в руки летят, птенчики... Дурные какие-то, таким и жить незачем... Тормози. Я выйду, назад посажу и сразу...

– Готово все?

– Готово, в кармане... э, чего это на нем?!

Лучи фар ярко высветили Денисов галстук и форму. Мужчины ошалело посмотрели друг на друга.

– Это тот. Имперец, – пробормотал водитель. И, не дожидаясь, пока сосед прошипит: «Да гони, ты что?!» – ударил по газам...

– Ну, гады, – буркнул Денис вслед начавшей было притормаживать машине, которая вдруг вильнула и, набрав скорость, растаяла в темноте. Поправил осторожно Володьку на

²⁷ Стихи Б. Лаврова.

руках. – Что, жалко двух мальчишек подвезти? – он плюнул вслед.

– Ммммм... – подтвердил Володька и, не просыпаясь, обнял Дениса за шею.

Становился он все тяжелее, что и говорить. А вокруг уже была настоящая ночь.

«Донесу, – подумал Денис. – Чего теперь...»

Машина – грузовичок «Зубр» с высокими колесами – остановилась рядом с мальчишками неожиданно, Денис даже не махал рукой. Молодой парень, свесившись из дверцы, весело окликнул:

– Э, братишки, подвоз не нужен? Порожняк гоню... – Разглядел Дениса и присвистнул: – О, а я думал – братья, а ты даже не из наших краев. Поедете?

– А подвезете? – Денис задрал голову.

– А на кой бы останавливался? – парень нагнулся ниже. – Давай, приму...

Володька даже не проснулся, когда водитель устроил его на мягком, пахнущем дымом и кожей сиденье. Только качнулся и ткнулся в плечо Дениса, устроившегося рядом. «Зубр» мотнулся и, набирая скорость, покатил вперед. Парень ни о чем не спрашивал, рулил себе и насвистывал какой-то маршик. И только на окраине, когда Денис попросил остановить, улыбнулся:

– Ну, давайте. Брату привет.

– Не брат он мне, – Денис улыбнулся в ответ и начал расталкивать Володьку. – Спасибо.

– Братья разные бывают, – философски ответил водитель. – Не за что.

Володька проснулся по-настоящему, только когда грузовичок укатил в темноту. И ошалело-удивленно огляделся:

– Ой... – он протер кулаками глаза. – А как мы... – посмотрел на Дениса недоверчиво, словно ждал, когда тот признается, что перенес сюда и себя, и его, Володьку, по воздуху. Потом опустил глаза: – Спасибо... Я пойду.

Денис уже хотел сказать: «Беги, дома беспокоятся небось!» – но вспомнил, что у Володьки нет настоящего дома. А вот ему, Денису, скоро попадет.

– Иди, счастливо, – он махнул рукой и заспешил по улице, даже не оглянувшись.

Иначе бы он увидел, что Володька смотрит ему вслед...

К дому Денис подходил, еле волоча горящие огнем ноги. Руки более-менее пришли в себя (хотя в тот момент, когда в кабине он спустил с них Володьку – казалось, что они стремятся взлететь отдельно от тела...). А вот все остальное... Да-а, сегодня он перенапрягся, а ведь впереди еще разговор с родителями – и нелегкий. Он бы не удивился, обнаружив на улицах поисковые отряды. Но нашел только Олега.

Олег на крыльце – под фонарем – возился с велосипедом. Рядом спал на ступеньках Презик.

– Если купил – чего не едешь? – буркнул он. – Запылился весь, вообще...

– Отец розги приготовил? – почти серьезно спросил Денис, садясь рядом.

– Нету твоих, не приехали еще, позвонили – может, вообще на работе заночуют... Я прикрыл. И свою мать успокоил.

– Вот спасибо! – Денис в порыве признательности благодарно пожал Олегу локоть. От облегчения даже голова закружилась.

Тот усмехнулся:

– Не за что, ты ж мой командир.

«И все?» – хотел спросить Денис.

Но не стал.

А Олег наконец поинтересовался:

– Ну ты куда пропал-то?

Денис бухнул сумку на крыльцо, с натугой сняв с плеч.

– Да вот... добыл на общественных началах.

Олег сунулся в сумку и окаменел. Сипло спросил:

– Сколько?

– Тридцать.
– **Сколько ?!** – Олег рефлекторно закрыл сумку. – И ты с этим тут шатался?!
– А... – Денис откинулся к перилам и почти уснул. Мгновенно. С трудом выдернул себя из этого состояния. – Есть такая штука – по-английски – пари, по-нашему – заклад. Иногда получается... Слушай, Олег, я потом расскажу, завтра, ага? – Денис подмигнул. – А сейчас я хочу немного помыться и спать. Долго и спокойно... – Он широко зевнул и спохватился: – А! С ребятами переговорил?!
Олег поднялся.
– Послезавтра вечером на прудах соберутся... – он выжидательно смотрел на Дениса сверху вниз. – Смотри, как поговоришь – так и будет...
– Знаешь, – Денис расшнуровал ботинки и стащил их, потом – носки и облегченно вздохнул, – сегодняшний день породил во мне убежденность, что я прирожденный оратор... Мелкий такой, сосед, во двор не заглядывал?
– Сын штейгера Балужева? – Олег поглядел на забор. – Заглядывал. Отец у него – большая сволочь. Мальчишка тоже таким вырастет... хотя пока ничего парнишка.
– Посмотрим, – буркнул Денис, рывком поднимаясь. – И кем вырастет, и вообще... Я в душ. Ольга Ивановна спит?
– Спит, спит, легла, – Олег взялся за велосипед...
...На одежде обнаружили различные мелкие повреждения, связанные с падением (Дениса передернуло). Но заниматься этим уже совершенно не было сил. Мальчишка кое-как вытерся и, собрав все в охапку, прошлепал наверх.
Кровать была уже разобрана. Олег возился с бумагами и делал вид, что он тут ни при чем.
– Ну, это уже лишнее... – смущенно пробормотал Денис, влезая в чистые трусы.
Но на большее его уже не хватило. Он упал на живот в постель и последним усилием обнял подушку.
И – все...

Глава 22

Попрание основ – наше все

Утром Денис проснулся в той же позе, что уснул – буквально за пять секунд до того, как Ольга Ивановна пришла будить мальчишек.
– Доброе утро! – весело поприветствовал он домохозяйку, садясь в постели. Олег тоже завопил и буркнул: «Ма-а-а...» – А что на завтрак?
Он был зверски голоден.
– Хозяева-то так и не приходили, – вздохнула женщина. – Ты-то поздно вернулся?
– Нет. – Денис переварил информацию о родителях и хотел задать вопрос еще раз, но Олег лениво буркнул со своей кровати:
– Рис с бараниной. По запаху чую.
– О, здорово! – Денис вскочил.
Ольга Ивановна засмеялась:
– Форму твою я взяла, застирала, утюгом высушила и зачiniла. В столовой висит.
– Спасибо! – возликовал Денис. – Вы прямо наше все, тетя Оля!
– Ну тебя! – Женщина замахнулась на него рукой и, посмеиваясь, вышла, по пути шлепнув сына по спине: – И ты вставай, бездельник...
Денис начал поспешно убирать кровать.
– Правда, бездельником себя ощущаю, – Олег вздохнул и потянулся. – Ну, как ни говори, – а я работал все время... неудобно.
– Работы у нас будет полно, – усмехнулся Денис. – Ты свою заготконтору и мешки будешь вспоминать с нежностью... Так, живо убирай кровать и будем разминку делать. Покажу тебе наш комплекс, а то пока от моей мамы свою антисколиозную гимнастику

дождешься – горбатым станешь. Надо же, так и не пришли ночевать – и что затевают?!

– Слушай, у меня что – и правда спина не такая? – Олег, застелив кровать, пытался заглянуть себе за спину.

– Погоди... – Денис взял его за плечи и всмотрелся. – Точно.

– Что?! – Олег повторил героическую попытку рассмотреть свои лопатки.

– Крылья проклеиваются, – сообщил Денис.

– А ну тебя! – Олег замахнулся, и Денис швырнул его на пол – без нежности:

– Примерно так. Вставай, будем отрабатывать...

...К завтраку мальчишки спустились, когда Ольга Ивановна уже собиралась идти наверх – узнать, что же там ритмично и глухо бухает об пол? Олег потирал, вывернув руку, спину. Денис выглядел довольным донельзя. Переглядываясь и пересмеиваясь, они уселись за стол, и Ольга Ивановна – очень довольная и почти не верящая в то, что ее сын так быстро и явно сошелся с сыном Третьяковых, – поставила перед мальчишками тарелки с рисом и бараниной и положила по паре пирожных с заварным кремом. Денис немедленно вгрызся в одно и перепачкался кремом до ушей. Подумав, Олег последовал его примеру. Ольга Ивановна сперва подняла брови, а потом разразилась:

– А ну – положили сладкое! Пятилетки, что ли?! Ешьте, как положено! – и шлепнула по столу полотенцем.

– Фуфно, – оправдывающимся тоном отозвался Денис и все-таки нагло доел пирожное.

Олег с сожалением вздохом отложил недоеденную половинку.

– Кто ж сладким аппетит портит? – Ольга Ивановна вздохнула.

Денис, вытирая возникшие от молока, которым он запил пирожное, «усы», льстиво сказал:

– Ну вы же так вкусно готовите, тетя Оль... как тут можно аппетит перебить?! – И в подтверждение своих слов подтащил к себе тарелку. Другой рукой он извлек из-за резинки трусов письмо Войко и, развернув его, пристроил на полуопустошенный стакан с молоком.

Олег, который следил за глазами Дениса, вдруг испытал что-то очень похожее на ревность. Третьяков-младший совершенно явно отключился, на губах появилась легкая улыбка. Олег знал, что письмо пришло из Петрограда, от какого-то тамошнего друга Дениса. Олег хмуро подумал, что, конечно, этот тамошний парень в сто раз лучше и в сто раз больше умеет, чем он, Олег, – вон как Денис даже губами зашевелил и хихикнул... а вот нахмурился и вздохнул... Как с таким сравниться? А сравниться – хотя бы чуть – очень хотелось, просто очень!

И он удивился – как же так получилось, что для него, вечного одиночки, этот странный по местным меркам парень – беспечный и целеустремленный – стал... похоже, стал лучшим другом за фактически какие-то часы?! Мишка говорил что-то такое – мол, когда говоришь с этим имперцем, то... а дальше крутил пальцами в воздухе. Олег тогда посмеялся. А ведь правда...

Денис поднял ожившие глаза и подмигнул:

– Ну, чего? Доедаем и пошли одеваться, ага?..

...Но, оказавшись наверху, Денис не спешил одеваться. Он достал из стола конверт и разложил на столе деньги – не те, вчерашние (сумку с ними Олег запер в свое отделение шкафа, потому что Денис бросил ее в изножье кровати), а какие-то еще.

– Это что? – поинтересовался Олег, закатывая рукава рубашки.

Денис поднял голову.

– Да вот, – вздохнул он, – отец дал деньги до конца года... Думаю, миллиончика два из них можно пристегнуть к нашим тридцати.

Олег застыл, держа в руках шорты.

Нет, ну понятно, ладно. Добыл деньги на общее дело. Пусть. Но свои – **свои-то** ! – сюда прикладывать?!

– Не пойму, – честно признался Олег. – Ты сумасшедший или...

– А сам как думаешь? – Денис проверил пистолет и убрал в поясную сумку. Потом отсчитал два миллиона крупными купюрами и отодвинул на край стола.

– Не знаю, – задумчиво сказал Олег. И решительно добавил: – Но мне плевать. Лучше сломать шею с тобой, командир, чем гнить от тощи дальше.

– Чудак, – Денис протянул Олегу пару купюр. – Держи, водички попьем, у вас вода газированная классная такая...

...Здание клуба было открыто и почти пустовало. Почти – потому что Шенк бродил там и пытался начать уборку. Но было ясно, что старику делать это – все равно что муравью двигать жилой дом. Можно, конечно, стараться, но бессмысленно...

– Доброе утро, Франц Ильич! – весело отрапортовал Денис, на ходу снял рубашку и заново повязал галстук на голое тело. – Ну, мы пришли!

– Дело сделано, – не без сарказма проворчал старый учитель. – Как деньги, добыла их Валерия Вадимовна?

– Добудет, – кивнул Третьяков-младший. – А пока есть наши руки. Они, как известно, делают то, чего боятся глаза. С чего начнем?

– С начала, – пробовал продолжать давить сарказмом Шенк, но Денис покладисто кивнул:

– Значит, чистим сцену, все равно – наше будущее владение... Олег, осторожней, в тот угол надули, я сам видел!

* * *

Мальчишки проработали до полудня, то и дело отгоняя Франца Ильича, который порывался помочь физически. В конце концов он просто сел в зале и хорошо поставленным голосом начал читать что-то вроде лекции по истории хребта Голодный.

А когда в полдень все трое высунулись в поселок – перекусить, то попали в кипящий котел...

Учиненный Валерией Вадимовной в понедельник утром рейд по поселку напоминал казачьи набеги или рейды германских дружин самой смутной поры Безвременья. Она вихрем пронеслась по Седьмому Горному, оставляя позади сердечные приступы, трясущиеся руки, выпученные глаза и таблички «закрыто до выяснения» на дверях магазинов, аптек и контор.

В сопровождении воспрянувшего духом и трезвого Есипова, полицейских офицеров Кенесбаева и растерянно-ошеломленных представителей компаний и структур Третьякова одним ударом сокрушила основы процветания «лучших людей». Разом были закрыты семь продуктовых магазинов, три аптеки, две оптовые базы, четыре рабочие столовые, один ресторан. На сливные трубы в «Заготмясе» Валерия Вадимовна самолично наложила пломбы. В «Высшем вкусе» и еще одном «элитном» магазине цены волевым решением были снижены до реальных – в семь раз, директор «Заготмяса» Митрохин, попытавшийся бурно протестовать и вспоминать совместный ужин, отправился в тюрьму в наручниках. Явившиеся – оперативно, надо сказать, – протестовать трое перекупщиков были встречены радостно и немедленно посажены под домашний арест Кенесбаевым – «до выяснения наличия обстоятельств», как он неожиданно косноязычно и весьма радостно выразился. Туда же отправились заведующие аптеками и директора оптовых баз и столовых. Около магазинов и «элитных» аптек, где тоже были снижены цены, образовались было толпы намеревавшихся перераспределить ценности немедленно и бесплатно, а также отпраздновать наступление эры справедливости поджогом пары зданий. Но там выставили полицейские кордоны – после пары очередей в воздух радетели справедливого грабежа рассосались, и их заменили не менее обалделые, но намного более тихие хвосты домохозяек из рабочих районов, все еще не верящие в то, что продукты сейчас будут продавать всем и не оставят лежать на базах впредь. (Одновременно с этим Борис Игоревич со злокозненной ухмылкой подписал у себя документы, согласно которым работникам закрытых предприятий продолжала выплачиваться заработная плата из фондов руководства. Под занавес

напряженного трудового дня Валерия Вадимовна оштрафовала практически все поселковое руководство на жуткие суммы и объявила, что завтра же на центральной площади состоится митинг, где она подробно объяснит всем желающим политику нашего времени и ответит на любые вопросы. Пока же указанные штрафы будут вложены в выпуск бонов «Фонда поселка». Борис Игоревич между тем посетил редакцию газеты – по дороге домой – и посоветовал Балаганову на первой странице напечатать подробный отчет о произошедшем с фамилиями и суммами... а иначе газета выйдет все равно, но украшать список будет и его фамилия. Взаимопонимание между штабс-капитаном и редактором было найдено мгновенно. Балаганов ухитрился поинтересоваться, не стоит ли придумать газете какой-нибудь оптимистичный герб и подходящий лозунг в духе Империи, чем вызвал легкую тошноту даже у небрезгливого Бориса Игоревича...

В поселке наступил некий массовый паралич. Денис не без интереса наблюдал, как в «элитные» магазины нет-нет да и забегают люди – то ли для покупок (хотя ажиотаж быстро схлынул, когда посетители увидели, как оперативно пополняются полки), то ли просто ради любопытства. Кстати, Денис заходил и сам и удивленно отметил, что большинство персонала таким оборотом дел, как ни странно, довольны...

...Домой мальчишки вернулись ближе к вечеру – слегка обалделые и нервно-бодрые. И градус их чувств не упал от того, что в прихожей – буквально сразу за дверью – разговаривали Борис Игоревич и Шульце. Видимо, Третьяков-старший даже не счел нужным приглашать «энергетика» в кабинет.

Они стояли друг против друга – и оба внешне были спокойны, только Борис Игоревич – иронично-спокоен, а Арнольд Оттович – напряженно-спокоен. Денис, сунувшийся было первым, подался назад и оттеснил возмущенно буркнувшего Олега. Но дверь оставил приоткрытой.

– Нехорошо подслушивать, – прошептал он.

Олег, сообразивший, что к чему, неистово закивал. После чего оба встали по сторонам от двери и навестили уши.

– Я не деловой человек, – спокойно говорил Борис Игоревич. – Я не умею разбавлять молоко водой и выдавать раскрашенную в разные цвета глюкозу за лекарства от чего угодно. И еще, Арнольд Оттович, – Третьяков-старший жестом задержал явно собиравшегося откланяться Шульце. (Денис видел это, глядя в щель между косяком и дверью.) – Если вы попытаетесь заняться милым вашему сердцу саботажем – в поселок придет полусотня из Лихобабьей, и я вас повешу. Атаман станицы в этом плане подчинен мне распоряжением Бахурева. Вы меня понимаете? – Шульце спокойно кивнул, глядя прямо в глаза штабс-капитану. – Вот и отлично. И еще одно. Подготовьте на выселение в двадцать четыре часа дома... – Борис Игоревич зачитал список из двадцати номеров по памяти. – И выделите фонды на их переделку в двухквартирные коттеджи. Ими мы начнем премировать рабочих.

– Все будет сделано, – сказал Шульце. – Но, господин Третьяков... вы нам не оставляете выхода. Опасней всего – загнанный в угол зверь.

– Загнанных в угол крыс давят каблуками, – ответил Третьяков-старший. – Вы можете идти.

Шульце вышел. В какой-то момент – когда он **уже** не видел Третьякова-старшего и **еще** не видел мальчишек по сторонам двери – Денис увидел его лицо. И мороз прошел по коже. Настоящий. Но уже в следующий миг Шульце улыбнулся мальчишкам и легко сбежал с крыльца. Видимо, он пришел пешком и один.

– Фухххх... – выдохнул Олег, глядя вслед. – Да... это не Безгин.

– Не Безгин, – подтвердил Третьяков-старший и взял обоих мальчишек за уши. Крепко, не в шутку.

Оба пискнули и привстали на цыпочки, потом зашипели сквозь зубы и послушно проследовали за штабс-капитаном в глубь прихожей.

– Так. Что за подслушки под дверью? – он выпустил мальчишек, и те встали по стойке «смирно».

Потом Олег хмуро сказал:

– Борис Игоревич... этого... – он мотнул головой, – его надо убить просто-напросто, и поскорей...

– И как ты себе это представляешь? – усмехнулся Третьяков-старший.

– Как они убивают, – ответил Олег.

Борис Игоревич с интересом спросил:

– У тебя есть доказательства?

Олег сделал странную гримасу «данетвсеэтознаютдачтоещетонадонецнаю...».

– Ясно, – кивнул Борис Игоревич. В его глазах появились искорки смеха. – Идите уши холодной водой полейте. И ужинать...

– Не обиделся? – подтолкнул Денис локтем Олега, когда они в ванной и правда охлаждали уши. Олег изумленно хлопнул глазами, а потом вздохнул:

– Нет... Знаешь, я даже... ну... что ли... в общем, у меня же только мам... мать. Даже как-то... как будто... отец... – Олег смутился и начал усиленно плескать себе в лицо водой.

Денис хмыкнул, тоже смутившись, и бодро заявил:

– Ага, это он тебя не порол ни разу.

– Можно подумать, что тебя часто. – Олег вытирался полотенцем.

– Нуууу... – Денис усмехнулся. – В последний раз два года назад, когда мы с Войко бежали смотреть Дальринг. Город такой старый на Балтике. Тогда нам и досталось по полной.

Олег засмеялся и предложил:

– Душ?

– Душ, – кивнул Денис.

...Изгнать мальчишек из ванной удалось Валерии Вадимовне, окончательно остервеневшей, когда на ее шестой вопль «мне помыться надо!» изнутри раздалось двухголосое «щаз!». Она просто открыла дверь и заявила, что сейчас войдет. После чего наступила короткая тишина, и Олег с Денисом с хохотом вылетели из ванной, обмотанные полотенцами.

– В коридоре сами будете вытирать! – рявкнула им вслед Валерия Вадимовна. И, шагнув внутрь, обреченно добавила: – А тут уже бесполезно. Тут насос нужен.

– Чего натворили-то? – опасливо спросила Ольга Ивановна, выглядывая из кухни.

– Перепугали ванну и плавательный бассейн, – свирепо заявила Валерия Вадимовна. – Насыпьте в угол сухой горох, поставлю на колени.

– Нету гороха, – испуганно ответила женщина, нервно комкая передник.

– Насыпьте манку! – Валерия Вадимовна грохнула дверью так, что из кабинета раздался крик Бориса Игоревича:

– Лерка!!! Я чернила пролил!!!

В ванной свирепо заплескались...

...Манка не манка, но вытирать воду пришлось на самом деле мальчишкам, и они опоздали к ужину. За едой оба ощутили, что клюют носами, и почти не разговаривали. Но, когда ужин был закончен, Денис все-таки заглянул к отцу в кабинет – забрать все еще стоявшие там кое-какие коробки.

– Па, можно? – постучал он в дверь. И увидел, что Третьяков-старший сидит за столом, глядя куда-то в стену. Услышав голос сына, мужчина встрепенулся и посмотрел на него.

– Присядь, – Борис Игоревич кивнул на кресло. Закинул ногу на ногу, хрустнул пальцами. – Вот, послушай одну историю... Двадцать лет назад, когда я еще учился, нам ее рассказали... А случилась она еще за несколько лет до этого. Знаешь, что такое Диона?

– Конечно, – удивился Денис, присаживаясь. – Спутник Сатурна. Среднее расстояние от Сатурна что-то триста восемьдесят тысяч километров, диаметр тысяча сто двадцать.

– Вот, – кивнул Борис Игоревич. – Именно там, на Дионе, располагалась лаборатория. Примечательная, в те времена – одна на всю Систему, даже международная. Попастъ туда считалось честью. Стремились многие, конкурс был... Лаборатория была на хорошем счету.

Руководил ею некто Шершень, считавшийся очень талантливым ученым, для своего места – очень молодой руководитель, подавал большие надежды. И вдруг – именно так – ВДРУГ – выяснились довольно дикие вещи. Вкратце – этот Шершень превратил «свою» лабораторию в рабскую плантацию по производству научных идей. Идеи были молодых ребят, которые там работали, а авторство было... гм... Шершня. При этом он еще и очень умело стравливал персонал друг с другом – и там было просто не до борьбы с начальством. И такая история тянулась несколько лет.

Денис слушал молча, сцепив пальцы. Борис Игоревич помолчал и продолжал:

– Вскрылась она до идиотского случайно. На Диону прилетел Юрковский... знаешь Юрковского²⁸?

– Еще бы! – усмехнулся Денис.

– Именно – «еще бы»... Шершень, кстати, был его учеником – одним из лучших... Юрковский случайно залетел во время масштабной инспекторской проверки. **Полюбоваться**, так сказать... И улетел бы в неведении, не оказался на корабле парень – да так, лет на пять старше тебя, кадет из гражданских инженеров, я даже имя не запомнил, хотя называли... Случайно оказался, заметь. Случайно оказался, случайно заговорил с людьми, случайно все выяснил. Даже не специально – случайно. Был дикий, грандиозный скандал. Юрковский снял Шершня, арестовал и тут же отправил на Землю. Как и все мерзавцы, Шершень был трус и не осмелился даже застрелиться, хотя Юрковский ему прямо сказал: «На вашем месте я бы застрелился!» – и возможность предоставил... Казнили Шершня уже на Земле... – Борис Игоревич глубоко задумался

– Откуда ты это знаешь, эту историю? – хмуро спросил Денис отца. Тот поднял голову:

– А? Да все просто. Нам, соплячкам, читал общую обязательную космографию прямой участник тех событий, Свирский... магистр Свирский. Рассказывал совершенно не по своему курсу... Знаешь, Денис, как было гадко и стыдно это слушать? – Борис Игоревич усмехнулся невесело. – И каждый из нас – пацанов в сущности – думал: «Ну нет, это не случится со мной. Больше вообще не может случиться!» А кто поумней – например, Тишка, Тихомир Мазуров, ты его не знал, его расстреляли... ну ладно... Тишка нам сказал тогда: «А если **больше никогда** – зачем нужна наша служба? Нет, пацаны, все не просто...» Мы на него наорали, и он смолчал, он вообще был как свое имя... только умер громко. **ОЧЕНЬ** громко... – Борис Игоревич опять помолчал. – Так вот: **зачем**? Юрковский тогда сказал Шершню – я говорил: «На вашем месте я бы застрелился!» Но понимаешь, Дениска... Юрковский **не мог** оказаться на месте Шершня. **НИКАК** не мог. **Никак**. А вот Шершень на месте Юрковского... – он покачал головой. – Такие существа очень талантливы в добывании мест. Лет через десять он вполне мог занять место Юрковского – и... и что тогда? А, Денис?

– Но ведь этот... Шершень – он был не дворянин. Тем более – не витязь, – хмуро сказал Денис.

– Да... да, это страховка, – усмехнулся Борис Игоревич. – Последняя наша страховка. Но вот смотри сам – не было на Дионе дворян. Ни одного не было. Вот не было – и все. И что же? Коллектив превратился в стадо, Денис... Поразительно быстро... – Он вздохнул: – Ладно, забирай то, за чем пришел, и иди-ка спать. А окно закрой, ага? Не спи с открытым окном...

...Олег уже подло спал. Денис тщательно закрыл окно. Потом положил под подушку пистолет.

Вообще-то он хотел подумать о предстоящей завтра встрече на прудах. И еще о многом. Но...

²⁸ Владимир Сергеевич Юрковский – геолог и планетолог, участник множества экспедиций по Солнечной системе. В последние годы жизни – один из виднейших функционеров РА, политик и общественный деятель. Трагически погиб во время авантюристической и ни с кем не согласованной попытки исследовать Кольца Сатурна за двадцать лет до описываемых событий.

Глава 23

Три шага в будущее

На этот раз Ольга Ивановна разбудила мальчишек вовремя. И, когда они спустились вниз после разминки, то Денис, к своему удивлению, обнаружил за столом все семейство, даже Презик сидел у миски и бурно ел.

– А мне уже начало казаться, что я сирота, – заметил Денис. – Доброе утро, маменька и папенька, – сказал Денис. – Наконец-то я увидел вас обоих за завтраком.

Он поймал величаво протянутую руку Валерии Вадимовны и с делано серьезным видом поцеловал ее.

– Доброе утро, – Олег явно смутился и сел мимо стула – точнее, не заметил, как Денис отодвинул его ногой.

Мальчишка дико покраснел, сидя на полу, а Денис возмущенно завопил – он огреб в лоб ложкой от отца.

– Что надо говорить? – невозмутимо поинтересовался Борис Игоревич.

– Спасибо за науку, батюшка, – Денис потрогал лоб.

Валерия Вадимовна между тем уломала наконец-то Ольгу Ивановну сесть вместе со всеми, и Денис тут же накрыл для женщины.

– Теть Оль, ну хоть вы заступитесь, видите же, какой я вежливый и послушный! – взмолился он.

– Главный в доме – старший мужчина, – серьезно и строго ответила женщина.

Валерия Вадимовна некультурно хрюкнула. Борис Игоревич строго посмотрел на жену:

– Наконец-то кто-то это признал.

На завтрак были невероятно вкусные пельмени и прозрачный бульон с зеленью и яйцом, какао и белые гренки с маслом. Прожевав первую порцию, Денис осведомился:

– А чему мы обязаны всеобщим собранием с утра пораньше? Уже настало царство справедливости?

– Сегодня и настанет, – заметила Валерия Вадимовна. – Собрание на площади через полтора часа.

– Точно! – Денис даже подскочил на стуле. – Сегодня же! Па, ты тоже пойдешь?

– Ну, там все население будет, – ответил Борис Игоревич. – И я, соответственно, тоже. Кстати, Олег, ты знаешь такого человека – Лобанова Тимофея Ильича?

– Конечно, Борис Игоревич, – удивился Олег и даже ложку отложил. – Это мастер из «Заготмяса». Хороший мужик, кстати... А что?

– А то, что Митрохин схлопочет как минимум десятку, – невозмутимо заявил Борис Игоревич, – а Лобанов станет полпредом.

Олег похлопал глазами. Посмотрел на мать. И вдруг спросил серьезно:

– Борис Игоревич... – мужчина кивнул, внимательно глядя на мальчика. – Я хочу вернуться на работу. Туда. Ведь можно?

– Можно, – вновь кивнул Борис Игоревич.

– Не раньше, чем поставят очистители, – подала реплику Валерия Вадимовна.

– Конечно, – Борис Игоревич чуть склонил голову набок. – А ты молодец, Олег, – усмехнулся он. – Только на четыре часа в день сейчас и на два – когда будешь учиться в школе.

– Я не молодец, – Олег опустил глаза. – Молодец... – он покосился на Дениса. – Я просто не привык... бездельничать. Сперва думал, что это здорово, а теперь... Как будто ешь из милости... ой, извините!!!

Но Третьяковы-старшие захохотали. Валерия Вадимовна замахала рукой на взявшуюся за щеки Ольгу Ивановну. А Денис заявил:

– А я?! Я тоже хочу работать! Это нечестно!

– Вот и пойдешь с Олегом в подсобные рабочие, – согласился Борис Игоревич.

Денис кивнул.

– Заметано. И еще я открою лавочку по торговле резьбой по дереву. Капитализм так капитализм.

– Ты сначала резьбу на дом закончи, – напомнил отец. – Ни одного наличника нет, окна как слепые.

– Мне это нравится! – полусерьезно возмутился Денис. – Я что, прислуга за все?!

– Нет, ты рабочий для всего, – пояснил отец. – Ну что, Ольга Ивановна, было очень вкусно! – он с улыбкой взял руку домохозяйки и поцеловал.

Женщина покраснела и почти отдернула руку, а Валерия Вадимовна рассмеялась, откладывая вилку:

– Мне остается только ревновать. Ольга Ивановна, вы ведь просто красавица и умеете готовить намного лучше меня... Ладно, – она поднялась с решительным видом, – тоже пойду... **готовить**. Небось уже все заждались.

* * *

– У тебя и правда красивая мама. – Денис шнуровал ботинки, поставив ногу на крыльцо.

Олег посмотрел тревожно и внимательно – он, кажется, боялся, что Денис смеется над ним. Но Третьяков-младший был совершенно серьезен. Выпрямившись, он одернул шорты.

– Сегодня пойдешь со мной на площадь?

– Конечно, пойду, – удивленно ответил Олег и задержал взгляд на галстуке Дениса – отчетливо завистливый взгляд.

Денис напрягся и подумал: если сейчас попросит «такой же» – значит, плохо дело, чего-то не понял.

Но Олег только вздохнул:

– Мама и правда красивая... а была совсем... в смысле – очень, пока отец был живой. А потом... конечно, с твоей не сравнить... – Олег помолчал и вдруг спросил: – Денис, а почему ты один в семье?

– Мама больше не может рожать. – Денис зашагал к калитке и не смотрел на Олега, пока отвечал. – Ее ранили. Давно. И так получилось... Они у нас ровесницы. – Мальчишка наконец-то обернулся на шагающего следом друга и улыбнулся: – Все будет. Обязательно.

Он не стал конкретизировать, о чем говорит. Но Олег кивнул. И видно было, что он и правда понял.

* * *

Песню было слышно еще метров за сто от будущей школы. Олег и Денис переглянулись, и Денис удивленно сказал:

– Володька.

Да, несомненно – где-то внутри Володька горланил совершенно самозабвенно:

Вместе студеные версты верстали,
Выли тоскливо в январскую выю...
Время пришло, и рассыпались стаи —
Каждый по нраву приметил подругу.
Что будет завтра? Шкуру ли снимут,
Буду ль судьбою прощен?
Мы пережили долгую зиму —
Что тебе надо еще?!.²⁹

²⁹ Из «Весенней песни» М. Вырина.

Кенесбаев отнесся к охране серьезно – двое полицейских стояли у входа, еще четверо ходили парами по периметру, хотя и был день. Мальчишек пропустили только после того, как Денис предъявил удостоверение личности и поручился за Олега. Они почти вбежали в коридор – и остановились при входе в зал. Шесть или семь мужчин – в рабочей потрепанной одежде, деловито переговаривающихся – шоркали от старой краски стены и что-то мерекали с полами. Франц Ильич гордо прохаживался туда-сюда и что-то указывал тростью (его выслушивали вежливо, кивали, но, как заметил Денис, делали по-своему). А Володька распевал, сидя на решетчатой лестнице и болтая ногами. Впрочем, увидев Дениса, он тут же опасно слетел вниз с воплем: «Денис!» – и бросился к Третьякову.

Правда, затормозил в полушаге, смутился и махнул рукой:

– А мы тут... работаем.

– Вижу, – улыбнулся Денис. – Доброе утро, Франц Ильич. Доброе утро, – это он сказал мужчинам, которые с интересом смотрели на мальчишек и ответили вразнобой, но доброжелательно, а потом вернулись к работе. – Это кто? – понизив голос, кивнул на них Денис.

Володька пожал плечами:

– А... наши. С шахт позакрытых. Помочь пришли.

– Держи, – Денис передал Олегу несколько крупных купюр. – Забирай этого, – он толкнул Володьку в затылок, – и купи-ка инструментов для ремонта... – Денис примолк, поняв, что не очень представляет, что именно надо купить. Как-то не приходилось ему заниматься такими вещами.

Но Олег кивнул:

– Да понятно. Сейчас сбегает.

– А с тобой остаться можно? – непосредственно спросил Володька и огорченно посмотрел на Дениса.

Тот отрицательно покачал головой:

– Олегу помощи, если уж работать собираешься. А я пока тут...

Володька вздохнул, но возражать не стал и покорно направился за Олегом к выходу.

Подошел Франц Ильич.

– Честно говоря, я не ожидал, что кто-то придет вот просто так... а утром пришел – люди ждут около дверей, охранники их не пускают... – Он проводил взглядом уходивших мальчишек. – Володя отлично поет, ты знаешь?

Денис кивнул, перевязывая галстук, как и вчера, на голую шею.

– Ужасно, что мальчику с его талантом досталась такая судьба... – сказал старый учитель.

– При чем тут судьба, Франц Ильич? – резко спросил Денис. – Судьба. Просто слово такое для оправдания бессилия и трусости. Простите...

– Ничего, – учитель вздохнул. – Возможно, ты и прав. Мне хочется верить, что ты прав. Мне **очень** хочется верить, что ты прав.

– Вы знали его родителей? – Денис примерился и ловко сорвал пахнувший сыростью занавес, отскочив из-под кишевших мокрицами складок. – Фу!

– Нет, – Франц Ильич поворошил тростью затхлые складки занавеса возле своих туфель. – Володя найденыш. Неясно, что с ним, где родители... Ему было три года, когда его нашли в лесу, на юг от поселка. И все. Искали, конечно, родителей или родню, но так – спустя рукава. А потом – привыкли, что есть такой вот мальчишка. Ходит, поет. Никто его особо и не обижает...

– Привыкли... – Денис пнул складки. Гадливо даванул ногой выбравшуюся оттуда жирную мокрицу. Поднял глаза на учителя. – Мы когда сюда ехали, я видел – дети в луже играют. К этому тоже привыкли?

С языка у Дениса готовы были сорваться еще немало злых – и справедливых! – слов. Тем более что Франц Ильич молчал. Но именно это молчание и заставило Дениса потупиться

и тихо пробормотать:

– Простите...

– За что? – тихо спросил Шенк. И положил длиннопалую сухую руку на голое плечо Дениса. – Ты все правильно сказал... Когда начнем занятия – поможешь мне?

– В чем? – искренне изумился Денис.

– Ну, хотя бы доработать программы – в соответствии с вашими требованиями, – Франц Ильич улыбнулся.

– Но я в этом ничего не понимаю, – хлопнул глазами Денис.

Шенк тихо засмеялся:

– Похоже, в других случаях тебя это не останавливает.

– Да, в целом, да, – согласился Денис, повеселев. И набросился на занавес.

* * *

К полудню небо расчистилось совершенно, сияло и жарило солнце. Нарботавшиеся мальчишки – все трое – сидели около ограды парка, рядом с журчащим фонтаном (тут и там исчерканным надписями). Точнее, даже не сидели, а полулежали на краю, разувшись и передавая друг другу бутылку с лимонадом. Володька булькал в воде рукой и то и дело совал ногу под струйку, вытекавшую из раструба-цветка.

– Хорошо, – неожиданно сказал Олег и потянулся.

Денис открыл глаза и усмехнулся:

– Хорошо.

– Хорошо, – эхом отозвался Володька и утвердительно хлопнул ладонью по воде, окатив обоих старших мальчишек.

Они мгновенно повскакали с воплями – вода в фонтане уходила вниз, не успевая нагреваться, и была холодной. Володька немедленно удрал по воде на другую сторону фонтана, а Денис с Олегом, закончив – вполухутку – ругаться, обратили внимание на то, что мимо идут и идут люди – много, самые разные. Целеустремленно, переговариваясь, в одну сторону. Там, куда они шли, нарастал шум толпы.

– Валерия Вадимовна же выступает! – хлопнул себя по лбу Олег. – Бежим скорей!

– погоди, обуюсь! – завопил Денис, на ходу натягивая на мокрые ноги сперва носки, потом легкие ботинки.

Олег свои потащил в руке, а Володькины пятки уже мелькали где-то в конце квартала...

...Глядя на площадь, трудно было поверить, что в поселке всего двадцать пять тысяч населения. Денису показалось на глаз, что тут – вокруг большой трибуны, поставленной на скорую руку, – на четверть больше народу. А потом мальчишка сообразил, что, скорей всего, ему не показалось. Видимо, съехались и сошлись люди из окрестностей. А еще потом он заметил и солидную группу казаков – и понял, что точно не обманулся. Вся площадь, все прилегающие улицы были заполнены людьми, сидели и на крышах, и на деревьях.

Олег смылся, и Денис не обиделся. Мальчишки разного возраста обсели заборы и деревья по периметру – видимо, Олег подался к ним, и это хорошо (ох, а вечером еще встреча на прудах...). Володька держался рядом с Денисом, вертел головой, как будто попал в чужие места. А сам Денис сконцентрировал внимание на помосте.

Там уже скопилось все руководство. Иван Павлович Безгин на этот раз был без супруги и выглядел довольно убито. А потом толпа качнулась и стихла – на помост поднялась одетая в парадную форму Валерия Вадимовна. Рядом с нею появился высокий, спортивно-стройный немолодой мужчина – и встал чуть позади.

– Это твоя мама? – спросил Володька.

Денис кивнул, не сводя с матери глаз. А та вдруг шагнула к самому краю помоста и подняла руку.

– Раз собрались здесь – то слушайте, что я вам скажу! – резкий сильный голос Валерии

Вадимовны разом перекрыл всю площадь и отскочил от стен домов. – Самое первое и самое важное, – она отступила чуть в сторону и отдала честь шагнувшему на ее место мужчине.

Тот повторил жест Валерии Вадимовны – поднял руку.

– Внимание! – У него оказался тоже сильный, немного высоковатый металлический голос. – Я уполномочен довести до вас следующее распоряжение Президента: с настоящего момента градоначальник поселка Седьмой Горный Безгин Иван Павлович считается снятым со своего поста и находящимся под следствием за ненадлежащее исполнение своих обязанностей.

На площадь рухнула тишина.

В ней насмешливо каркнула ворона, пролетая над помостом.

Потом кто-то отчетливо сказал:

– Пизд...ц, – и раздался общий хохот.

Володька где-то под рукой Дениса – Третьяков-младший и не посмотрел на него – выдохнул очарованно:

– Вот это да-а-а...

Мужчина вновь вскинул руку – тишина вновь установилась мгновенно.

– Резкое, но точное замечание, – ровно сказал он. – Позвольте представиться – полковник личной охраны Президента Полянцев Аркадий Тимофеевич, ваш новый градоначальник с этой минуты.

На этот раз над площадью ровной волной покатился шум – до стен зданий и обратно, отразившись от них. Безгин, сгорбившись, спускался с помоста – на него, наверное, никто и не смотрел уже, а вот Денис проводил взглядом и увидел, как двое неприметных крепких парней взяли его под локти. Вот так, подумал мальчишка без малейшей жалости. Нечего было покрывать воров. Он вспомнил виселицы на площади и на миг поежился... но жалость не пришла и тогда. Каждый получает, что хочет. И должен быть готов за это платить.

Конечно, сейчас должны были посыпаться вопросы. Но Аркадий Тимофеевич опередил их:

– Я никуда не ухожу сейчас и не намерен ограничивать прием посетителей двумя часами раз в неделю. Однако теперь я вновь предоставляю слово государственному санитарному инспектору Валерии Вадимовне Третьяковой... – И он отступил в сторону, изысканным жестом пригласив на первый план Валерию Вадимовну.

«Ай да мама, – подумал Денис, затаив дыхание. – Государственный санитарный инспектор. И молчит».

Но Валерия Вадимовна уже не молчала. Денис включился снова – речь шла о закрытых шахтах и сроках их нового открытия. Но потом кто-то крикнул:

– А вот насчет денег! Этот... «Фонд Поселкового Развития»! Ты вот нам объясни, что это за новая ограбловка!

Выяснилось – шум подтвердил, – что этот вопрос интересует почти всех и многие разделяют мысль о том, что это именно просто новая ограбловка новой власти. Хотя деньги в виде штрафов содрали с нелюбимой всеми «верхушки», но куда и зачем они ушли – было непонятно.

– Ограбловка – это то, что вокруг происходит! – рявкнула Валерия Вадимовна. – Сами себя и своих детей грабите! Я бы вас так и бросила гнить, да вот детей ваших жалко! Затем и нужны эти деньги, и слушайте внимательно, говорить буду один раз!

Это заявление убило все иронические и недоверчивые выкрики. Денис чуть не рассмеялся в голос, увидев, что многие даже рты открыли – чтобы лучше слышать.

То, что говорила Валерия Вадимовна, было Денису знакомо из тех начал политической экономики, которые он уже успел постичь в последний год. Это были знаменитые «деньги с передержкой» – в определенные периоды они применялись в Империи, и у англосаксов, и в некоторых других – и все еще существующих и уже нет – государствах, как средство экстренного излечения экономики. Суть таких денег состояла в том, что они служили только средством платежа, но не могли служить средством накопления, так как в конце

определенного периода (как правило – года) автоматически обесценивались на определенный процент, и этот процент – путем чаще всего проставления штампа в банке – выплачивал тот, у кого деньги находились на момент обесценивания. Естественно, что люди старались как можно скорей избавиться от денег, покупая товары или оплачивая услуги. Введение таких денег вызывало взрывной рост экономики и на корню убивало спекулятивное накопление. Помнится, когда Денис понял, как работает эта система, то пришел в восторг и пристал к учителю: почему нельзя сделать эту систему постоянной?! Если честно, объяснения он не очень понял и сразу признался в этом (учитель огорчился). Но людей вокруг беспокоили иные проблемы. После того, как Валерия Вадимовна умолкла, вопросы рухнули градом, и площадь потонула в шуме...

– Нет, ты погоди, Вадим-на-а! – с незлым азартом орал кто-то из толпы. – Не, ты погоди! Это что ж получается – на эти деньги ничего купить нельзя!

– Дурень, не купить нельзя, а накопить их нельзя! – орал в ответ. – Ничего не понял!

– А ты все понял?! Вадимнаааа!!!

– А чего?! Это дело! Смотри, я сразу домишко поправлю, вот тут же!

– Школу даешь! Школу надо, мужики, сколько можно-то?!

– Да сначала окраины разгребем, помойка же, Вадимна верно сказала!

– Какие эти деньги на вид-то будут?!.

Валерия Вадимовна улыбалась и успевала отвечать нескольким людям сразу, бросаясь словами, как мячом.

– Я ничего не понял, – признался Володька, дергая Дениса за рукав. – Денис!

– Погоди, – Денис мягко отстранил его.

Мама спустилась с помоста (там уже отвечал на вопросы Полянцев) и теперь шла к Денису, издалека улыбаясь. Толпа расступалась. Женщину еще окликали, пытались придержать... но большинство людей все поняли, видели, **куда** она идет – и унимали активных соседей.

«Странно, – подумал Денис, – ведь эти люди несколько дней назад приходили нас убивать. Вон то лицо я узнаю. И вон то... Странно... или ничего странного?»

Надежда, вдруг понял он. Они всего лишь поверили в то, что им дают. Как все просто... Оказывается, они – **люди**, просто люди, которые боялись верить.

Всего лишь немного надежды.

Мама обняла его, и Денис, не стесняясь, прислонился к ней. От мамы пахло горячей тканью, немного – туалетной водой и чуточку – ружейным маслом.

– Ты что, лисенок? – пощекотал ухо ласковый шепот.

Денис потерся щекой о плечо белого мундира, потом – резко отстранился:

– Ничего. Ты здорово говорила, правда. Теперь все изменится...

– Все? – Валерия Вадимовна усмехнулась. – Нет, Денис. Это только первый шаг...

Денис не стал возражать. Он вдруг вспомнил о Володьке, огляделся...

...Володьки не было. Ни рядом, ни где.

* * *

Сидя на верхней ступеньке крыльца, Олег снова читал какую-то растрепанную книжку. Денис – ниже – снова резал по дереву. Настроение отчего-то было так себе. Не поганое, но так себе. Как будто сделал что-то неправильное.

Соседский пацан, что ли, просунул бы? Но между прутьями забора не торчала голова, и только Презик – подарок соседа – валялся под флагштоком. Щенок за эти дни сильно подрос и, видимо, решил, что флаг надо охранять изо всех сил. А чтобы не тратить время зря – заодно и спать. Во сне щенки растут. Особенно хорошо наевшиеся. Их долг – спать и есть, охраняя флагшток.

Подумав все это за Презика, Денис засмеялся – настроение улучшилось. Олег кинул на него удивленный взгляд:

– Ты чего развеселился-то? Вот пошлют сегодня вечером наши ребята и тебя, и меня заодно – тогда похихикаем.

– А могут? – Денис отложил часть наличника и нож, покрутил пальцами.

– Ну-у... – Олег закрыл книжку и прислонился затылком к перилам. Посмотрел на Дениса искоса. – Сегодня утром сказал бы – могут. А после сегодняшнего – не знаю... Поучишь меня еще савату? Пошли, а?

– погоди, – Денис потянулся за книжкой, лежащей на поднятом колене Олега. Это было издание довоенных времен – какой-то Рыбаков, «Приключения Кроша». – Олег, я не пойму, а вот где ты эти книги берешь? Раритет... Не первую у тебя вижу. В Верном я видел в магазине – они состояние стоят. Да и в Империи – дорого. Неужели в местной библиотеке... о – еще не был!

Олег хмыкнул:

– И не бывай. Тупое зрелище... Хуже, чем клуб...

Денис сделал скептическое лицо.

– Серьезно говорю. Пять шкафов, забитых брошюрками про приключения непонятно кого неясно где.

– Тогда откуда? – Денис пролистал книгу. – Сохранность хорошая. А? – Он передал книгу Олегу, но, когда тот взялся за нее – не выпустил. Мальчишки смотрели друг на друга. – Ну, колись.

– Это приказ? – Губы Олега сложились в ироничную улыбку.

Денис разжал пальцы:

– Это даже не просьба.

Олег встал, тоже полистал книгу. Вдохнул, полистал снова. Положил на перила. Взял, полистал. Опять положил. Денис с интересом смотрел на метания Олега. Когда тот начал кусать щеку, Денис подал голос:

– И?

– Это далеко, – буркнул Олег.

– Велик возьмем. Ты ж его даже перебрал.

– Я никому не рассказывал.

– Ты и сейчас ничего не рассказываешь.

– Я есть хочу.

– Ничего, Ольга Ивановна простит неявку.

Олег вздохнул:

– Ладно. Только я повезу.

* * *

Олег неплохо крутил педали. Денис болтался на багажнике и размышлял, что надо бы добыть лошадь. В станицу Лихобабыю можно ездить только верхом, если подумать – через луг велик не пойдет, а кружным путем, по дороге – вдвое дольше. Не наездишься.

«Стоп, – удивленно оборвал себя Денис. – А зачем мне ездить в Лихобабыю, да еще часто? Вот еще новости...»

Они выбрались за пределы поселка уже довольно давно, какое-то время ехали на юг, в сторону гор, потом – вели велосипед за руль с обеих сторон на подъем и уже полчаса потихоньку спускались в ложину, в глубь леса, по заросшей полуразбитой дороге, тут и там покрытой мхом; через нее протянулись мосты лиан. Тут было влажно и жарко – и только шуршание велосипедных шин по остаткам старой дороги нарушало тишину. Да еще пыхтел крутивший педали Олег.

– Давай поменяемся, – предложил Денис.

Олег, не оглядываясь, дернул лопатками под мокрой насквозь рубашкой:

– Приехали почти. А замечаешь, что мы по городу едем?

Только теперь Денис сообразил, что слева и справа все еще видны почти поглощенные

лесом развалины. В сущности, они уже стали частью дикого ландшафта. Различить их можно было только присмотревшись – и зная, **что** должен увидеть.

– Что за город? – спросил Денис.

Олег снова дернул лопатками:

– Не знаю. Я смотрел, даже скелетов не осталось. Наверное, он погиб, когда возник Голодный. Сразу, вмах... Фух. Приехали!

Мальчишки соскочили с велосипеда, и Олег ловко выбил ногой подножку. Вытер локтем пот и мотнул головой:

– Это здесь.

– Что? – Денис огляделся.

Олег достал из седельной сумки фонарик, пожужжал ручной динамкой. Помолчал, глядя в землю. Потом – поднял строгие глаза на Дениса:

– Библиотека.

* * *

Пять лет назад Олег добрался сюда случайно. Вернее – как случайно? Из извечного мальчишеского любопытства. Шел себе и шел потихоньку, присматривался, прислушивался. О разрушенном и заброшенном городе он знал давно, да о нем все знали. Олег уже и не помнил, собирался на него посмотреть специально – или и такой цели себе не ставил. Город оказался неинтересным, сначала Олег, как и Денис сегодня, и не понял даже, что давно идет по нему. А когда понял, то разочаровался. Здорово. Он сильно устал, хотел пить и решил, что двинет обратно, как только немного отдохнет.

Местом отдыха он выбрал один из пологих холмов – то, что осталось от многоэтажных зданий.

Жизнь – странная штука. Холм стоял почти век. Переплетенный корнями деревьев, он был прочен, как камень, и камень скрывал в себе. Тощий тридцатикилограммовый пацан мог бы устраивать на нем пляски с целым выводком себе подобных. Но... Олег выбрал, чтобы присесть, **именно то** место... которое и провалилось под ногами коротко вякнувшего мальчишки.

И снова ему повезло. Он не рухнул в какой-нибудь безвылазный подвал с высоты третьего этажа и на каменный пол. Он съехал по осыпи в прохладную и сухую темноту, показавшуюся ему ледником после влажной духоты леса. Ошеломленный произошедшим, Олег тем не менее тут же вскочил и молча рванул наружу.

Ему это удалось. Дыра не сомкнулась, под землей его никто не схватил. Тяжело дыша, отбежавший на десяток метров от черной дыры мальчишка опасливо смотрел на нее.

Смотрел-смотрел – а потом пошел искать деревяшки для факелов...

...Сначала Олег почти ничего не видел – факел помогал плохо, наоборот – стучал темноту вокруг, и мальчишка здорово испугался. У него было ощущение огромного зала, наполненного какими-то странными звуками – шепотом, шорохами... Он бы, наверное, бросился обратно – но подумал, что, едва он вылезет из дыры наполовину, как ЭТО все-таки схватит его за оставшиеся в подземной темноте пятки – и тогда конец. Стоять на месте было как-то спокойней, хотя и очень страшно.

Но потом он догадался поднять факел выше, а глаза привыкли. И Олег начал различать в большом (не таком огромном, как ему почудилось с перепугу, но большом) помещении стеллажи у стен. А на стеллажах стояли книги.

Центр помещения занимала какая-то ломаная мебель, провода, лежали несколько человеческих мумий, серых и ссохшихся. Но Олега они не пугали, потому что были признаками вполне реальной жизни прошлого. В отличие от Петрограда, у здешних мальчишек не было легенд о ходячих мертвецах. А вот книги...

Столько книг Олег никогда в жизни не видел. Их были не сотни – тысячи, наверное. Когда-то сверху обвалилось все здание, надежно замуровав этот зал и, видимо, не пустив

сюда даже радиацию – а также сырость, плесень, позже – крыс и многое другое. Олегу повезло с провалившейся боковой частью кургана. Никто бы и подумать не мог, что скрывается внутри лесистого холма...

Олег вообще любил читать, но книги попадались редко, а те, которые попадались часто, были неинтересными, и пиетета (слова он не знал, но смысл понимал) перед ними мальчишка не испытывал. Он прошелся вдоль стеллажей. Укрепил факел на столе – наклонно. Посмотрел вокруг мумий, но там не было ничего интересного. Тогда он стал перебирать книги.

Сперва искал картинки. Но картинок было много, все были яркие и интересные, а многие и непонятные, что сначала только усиливало интерес, – и Олег быстро пресытился ими. Он походил еще, понял, что замерзли ноги, и хотел было уходить, но потом решил все-таки взять что-нибудь наугад и почитать прямо здесь. Для пробы.

Ему попалась тоненькая книжечка с длинным названием – «Сальто-мортале с подкидной доски». Автора звали нелепо – Радий. Что такое «радий», Олег знал отлично, и имя автора ему не понравилось. А вот фамилия у этого Радия была хорошей – Погодин. Олег даже повторил ее вслух несколько раз: «Погодин, Погодин...» – и ему почудилось, что книги отзываются шорохом. Но это было уже не страшно. Мальчишка сел поближе к факелу – на стол, со скрещенными ногами – и открыл книжечку.

Первые строки ему не понравились. Они были какие-то странные, как будто плохой перевод с иностранного языка. Какой-то Яшка, какая-то девчонка... И говорят так, как ни мальчишки, ни девчонки не говорят никогда... Олег уже хотел сердито запулить разочаровавшего его автора вдоль стеллажей и свалить, но вдруг моргнул...

Яшка поступил еще хуже – он обиделся. И ушел в чисто поле.

В чистом поле что-то скрипело.

Это был знаменитый Полевой скрип. Услыхавший его пересечет границу привычной действительности и попадет на Дорогу не широкую и не узкую, по которой идти страшно, но не идти нельзя.

Некоторые думают, что и сама Дорога, и всякие разговоры про знаменитый Полевой скрип, Ворота Посреди Поля, Перекрутную Дыру – выдумки плешивых стариков, у которых жизнь не удалась. Но!.. ³⁰

По коже Олега пробежал мороз. Он посидел, глядя на эти строчки, и прочитал еще раз – вслух:

– Услыхавший его пересечет границу привычной действительности и попадет на Дорогу не широкую и не узкую, по которой идти страшно, но не идти нельзя...

Мальчишку дернул озноб страха... нет... не страха... восторга, что ли?.. да нет, и не восторг это был... Олег даже за огромные деньги не смог бы объяснить, **что именно** испытал. Но именно в тот миг он понял, что **автор – волшебник**. И за всеми чудными и странноватыми словечками и оборотами стоит Полевой скрип – и «услыхавший его пересечет границу привычной действительности и попадет на Дорогу не широкую и не узкую, по которой идти страшно, но не идти нельзя». Он повторил эти слова еще несколько раз, дрожаще вздохнул и вернулся к книжке.

Идти страшно, но не идти нельзя...

...С тех пор Олег стал неистовым фанатом Библиотеки. Хотя, признаться, именно Библиотека во многом была виновата в том, что мальчишка сделался жестким, непреклонным и угрюмым.

Люди вокруг были недостойны этих книг.

Они ничему не научились даже после ядерных вихрей. Остались дерьмом. Погубили мир, о котором писали книги, – еще до войны погубили жадностью и проницательностью. И

³⁰ Я сам открыл для себя эту маленькую повесть Радия Погодина совсем недавно. И был поражен... В общем, не могу объяснить, простите.

теперь отстраивали такой же...

... – Я почему... с тобой... – Пламя факела ровно горело в прохладной темноте, шепот Олега щекотал висок. – Потому что ты – как в этих книгах...

Мальчишки сидели на том самом столе, на котором пять лет назад Олег открыл для себя Библиотеку. Факелы горели с обеих сторон.

– Да ну, – буркнул Денис смущенно, оглядывая книжные стеллажи. И тут же забыл о приятном признании Олега, восхищенно выдохнув – еле слышно: – Но это же... сок-ро-вище-е-е...

– Я его дарю, – сказал Олег.

Денис даже икнул и повернулся к Олегу, едва не слетев со стола:

– **Кому ?**

Олег вздохнул:

– Ну... тебе. И отряду, если будет... если получится у нас. Неправильно, что я один с этим... только раньше бы это просто никто не оценил.

– Отсюда все надо вывезти... – начал Денис, но потом смешался и положил руку на плечо Олега: – Прости. Я...

– Не надо слов, – грубовато, даже с насмешкой, ответил тот, окидывая стеллажи беспечным взглядом.

Но Денис заметил, что глаза у него блестят. И, сам смутившись еще больше, соскочил со стола, прошелся вдоль стеллажей, светя высоко поднятым факелом.

Наверное, до войны библиотека эта не считалась большой. А может, это была даже и не библиотека, а так – частное собрание. Да и сейчас она не выглядела солидной в сравнении... да хотя бы со школьной библиотекой Денисовой школы. Но все эти книги – они были **оттуда**. Из прошлого. И это делало их не просто ценными – бесценными это их делало...

– А где этот... Погодин? – спросил Денис.

Олег тоже мягко соскочил со стола, подошел.

– Вот его книги. Их тут много.

– Я возьму? – Денис поводил пальцами по сухим и... **теплым** корешкам.

– Зачем ты спрашиваешь? – В голосе Олега прозвучала обида.

Но Денис резковато ответил:

– Раз будет отряд и будет своя библиотека, да еще **такая** – то должен быть ответственный. Ты и будешь.

– Я?! – Олег заморгал, и по ресницам запрыгали рыжие искры факельного огня.

– А ты как думал? – усмехнулся Денис.

Олег встал прямо, вытянул руки по швам и тихо ответил:

– Есть...

* * *

От поездок туда-сюда, утренней работы и митинга мальчишки здорово умотались. Денис даже поймал себя на вполне малодушной мысли – что ему не хочется идти ни на какую встречу, а хочется пораньше лечь спать, и все. Пришлось лезть под холодный душ. А когда Денис оттуда вылез, то обнаружил, что Олег дрыхнет себе на неразобранной постели...

...Когда с покупками вернулась Ольга Ивановна – ее переполняли новости, – то обнаружила, что передавать их некому. И ее сын, и Денис спали.

Рядом с постелью Дениса – на придвинутом стуле – лежала старая книга с выцветшей обложкой... и пистолет. Небольшой, черный, курносый и увесистый даже на вид.

Ольга Ивановна вздохнула и пошла вниз – разбирать сумки.

Мальчишки спали около трех часов, и Денис проснулся первый. Ошалело открыл глаза и несколько секунд не мог понять, что с ним и сколько времени – сбились внутренние часы. Сильно затекла левая рука – морщась и хихикая, Денис переложил ее на грудь правой рукой и с полминуты покорился, пока она отходила. Тем временем поднял голову Олег. Тоже

какое-то время смотрел на Дениса тупым взглядом, потом спросил:

– Сколько времени?

– Шестой час, – Денис сел. – Не пора?

– Пора! – Олег вскочил с кровати. – Припоздать даже можем...

– Возьмем велик, – предложил Денис, начиная одеваться.

Олег помотал головой:

– Не, бесполезняк. Там с полпути уже и на вездеходе не проедешь, если только верхами. Пробежимся... Ой, твои еще не пришли?! – спохватился он.

– Хе, – гордо ответил Денис. – Они и ночевать не вернутся. И завтра могут не прийти весь день и даже на ночь опять. Ты соображаешь вообще, **что** сегодня сделали?! – неожиданно рассердился он и понял, что нервничает.

– Не шуми, понимаю, – ответил Олег. – Моей-то маме что врать будем?

– Скажу, что уходим по делам, и это не вранье, – решительно ответил Денис.

* * *

На улице опять собрались плотные тучи, было страшно душно – в Петрограде Денис решил бы, что собирается дождь. Но тут все по-другому.

Все по-другому, встряхнулся он на ходу. Олег шагал рядом молча, явно думал о чем-то не слишком приятном. А между тем Денис обратил внимание, что с ним начали часто здороваться незнакомые люди – с какой-то уважительной готовностью. Пару раз он тоже поздоровался – а потом начал взметывать ладонь в пионерском салюте. И обрадовался, увидев, что люди воспринимают это как должное.

«Не дери нос! – оборвал он себя. – Это здороваются с твоими родителями, а не с тобой... пока».

И задрал нос еще сильнее – в предвкушении грядущих побед.

– А ты правда решил идти со мной работать? – вдруг спросил Олег.

Денис не сразу понял, о чем речь, а сообразив, пожал плечами:

– Почему нет? В твоей мясной конторе теперь все будет по-новому...

– Кроме людей, – серьезно сказал Олег.

Денис нахмурился:

– Не понял?

– А что тут понимать? – Олег покусал уголок губы по своей привычке. – Тут дело такое... Ну, дали Митрохину десятку. Ну, поставили на его место честного человека, а Тимофей Ильич и правда очень хороший человек... Но тут, понимаешь...

– Да что ты мямлишь?! – Денис рассердился. – Хочешь быть пионером – так учись говорить четко и прямо!

Это получилось как-то слишком назидательно. Но Олег не обиделся. Он вздохнул:

– Денис... Там ведь подворовывал не только Митрохин. Многие. И простые работяги тоже. Митрохина сняли – все радовались, да. Потому что завидовали, что он может воровать больше, чем обычный рабочий. А вот предложи ты вместо тех очистных труб, которые там ставят, деньги за стоимость этих труб раздать на руки – как думаешь, что бы выбрали?

У Дениса даже рот приоткрылся.

– Иди ты, – выдохнул он. И спросил прямо: – И ты воровал?

– Иногда, – буркнул Олег.

Денис хотел ругнуться... но вместо этого словно кто-то подсказал ему новый вопрос:

– А сейчас тебе стыдно?

Олег кивнул, не глядя на Дениса.

– А еще будешь?

– Нет, – Олег посмотрел на Дениса прямо. – И другим не дам.

– Почему? – продолжал допытываться Денис.

– Потому что сейчас это все равно что у себя красть, – ответил Олег. И добавил: – **Я**

понял, к чему ты... Но не все поймут, командир. **Не все**.

Денис опять задумался – и за городскую окраину на юго-востоке они выбрались молча. Свернули с дороги на лесную тропку, которая сразу круто полезла в гору. Стало сумрачно, даже сумрачней, чем днем, когда ехали к Библиотеке.

– Там почти никто не купается, только наши пацаны, – вдруг сказал Олег (Денис даже вздрогнул). – Во-первых, далеко, а во-вторых – глубоко и опасно.

– Там правда дна нет? – вспомнил Денис.

Олег пожал плечами:

– Черт его знает. Наши пробовали донырнуть – не выходит. А батискаф куда-то там попал, запутался, еле подняли.

– А, был батискаф? – Денис вспомнил рассказ Мишки. – Экспедиция?

– Были, два года назад, мы часто бегали смотреть... Там много прудов, целая цепочка. Штук тридцать, разные, некоторые переплунуть можно, а другие – по десятку километров шириной.

– Чудищ нет никаких? – деловито спросил Денис.

Олег хмыкнул:

– Ну, если по правде – никто ни разу не видел. Но и рыбы мало, хотя вода чистая. Только два пруда, которые помельче, Советом латифундистов зарыблены. Пресноводной рыбой, они за нее хорошо берут.

– Ловил? – лукаво уточнил Денис.

Олег засмеялся:

– Было. Не ловил, с прутом охотился.

– С прутом? – не понял Денис.

Олег показал рукой:

– Ну, такой стальной прут, метра два. А на конце расплющенный и заточенный. На базаре продают. Хочешь, потом покажу?

– Хочу, – мгновенно кивнул Денис. – А как охотиться – покажешь?

– Покажу. Да у меня есть такой прут, только я его в... одном месте заныкал, когда к вам переезжали.

– Почему? – удивился Денис.

Олег хихикнул:

– Как ты себе это представляешь? Здрасьте, мы к вам жить – и на пороге стоит парень с копьем.

Мальчишки дружно заржали. Денис представил себе эту картину и даже рукой махнул:

– Да, я бы точно тогда тебя на порог не пустил.

Тропинка между тем ухнула в сырой распадок, где каменные отвесные склоны – метров по шесть высотой – плотно оплетал вьюнок. На толстых стеблях словно бы сами собой шевелились мясистые белесоватые листья и поворачивались огромные – с человеческую голову – бледно-лиловые цветки, похожие на раструбы древнего граммофона.

– Граммофончики, – сказал Олег, и Денис вздрогнул:

– А? Знаешь, я тоже про это подумал... Вообще, не очень красиво, неприятно даже, – он покосился на вьюнок. – Как в кино, – вспомнилось ему. – «Ведьмин Лог». Видел?

– Откуда? – удивился Олег, и Денис, замаявшись, пояснил:

– Я подумал... в общем, мне показалось, что я тебя сто лет знаю. А мы с Войко бегали на «Ведьмин Лог» три раза. Вот я и...

Ему показалось, что Олег обиделся. Может, и правда обиделся. Но уже через полминуты сказал отрывисто:

– Расскажи, а? Кино...

...Когда Денис закончил говорить – он рассказал кино коротко, без подробностей, все еще мучаясь от того, что все-таки обидел Олега, – тот вздохнул:

– У нас мало кино снимают. А если снимают – то или сериалы про баб, которые богатых женихов себе находят, или про полицию вранье всякое сладкое... Я ваших фильмов

и не видел даже. Ну, еще иногда про казаков фильмы снимают, вот они интересные...

– Во-первых, – торжествующе сказал Денис, – теперь у вас и наши фильмы будут, много. А во-вторых, у вас открывается государственная студия «Семь Рек». И там тоже будут снимать нормальные фильмы. Ты газеты не читаешь, а я читаю. А еще библиотекарь...

– А я библиотекарь всего несколько часов! – возмутился Олег. – А, кстати. У тебя есть что-нибудь по этой самой библиотеке? Правила какие-нибудь?..

– Есть, целый раздел в книжке, я тебе потом дам, – обнадежил Денис.

Пока шел весь этот разговор, мальчишки снова выбрались в лес и незаметно как-то подошли к берегу пруда, а теперь шагали вдоль него. Пруд был узкий, метров двадцать всего – но длиннющий, и дальнего конца было и не видать в сгущающейся темноте. Ого, подумал Денис. Это уже все, ночь. Надо же... А потом увидел дальше по берегу, за черным сплетением ветвей, колеблющееся пламя костра и шевелящиеся тени.

– Они? – спросил Денис.

– Они, – с непонятной интонацией (вроде даже с усмешкой?) подтвердил Олег.

Денис на ходу поправил рубашку, ремень, галстук. Зря вообще-то. Пришлось еще продирается сквозь кусты и заросли, причем довольно долго. Олег лез впереди, поэтому Денис все-таки успел подготовиться к встрече – хотя бы морально.

...Берег пруда – песчаный, но с черно-красным, сумрачным, песком – отлого уходил в воду. Почти незаметно – вода тоже казалась черной. Подальше над ней вытягивалась мощная ветка какого-то дерева – на ней висела веревка с вкрученной палкой. «Гарзанка», – вспомнил Денис. Были тут и лавочки – точнее, гладко вытертые мощные бревна, лежавшие тут и там; ясно было, для чего служат, потому что на них – в основном, вокруг большого костра «шалашом» – сидели десятка полтора-два мальчишек. И все они смотрели на Дениса.

А он смотрел на них.

Младшим было по девять-одиннадцать лет, старшим – по четырнадцать-пятнадцать. Самая обычная местная компания, сплоченная и недружелюбная. Потрепанная одежда, почти все – босиком. Молчание, которым встретили Дениса, было не то чтобы враждебным, но отчужденным. А самое главное, Денис ощутил, что находится в проигрыше – прямо с ходу. В аккуратной и до предела чуждой этим местам форме он и сам был чужим. Несомненно, мальчишкам форма нравилась. Но так же несомненно, что каждый из них перед приятелями, наоборот, будет выказывать всяческое пренебрежение к внешнему виду Дениса. Это раз. А если бы он приперся в чем попроще и босиком – так же немедленно было бы решено, что имперский мальчишка просто «подделывается» под местных, чего доброго – «подлизывается». В общем, по пословице – «куда ни кинь»...

Но Денис обладал громадными запасами непробиваемой уверенности и здорового нахальства. Кроме того, среди ребят он увидел Мишку и немедленно махнул ему рукой:

– Привет, а вы что, еще не уехали?

– Привет, – Мишка тоже помахал.

Остальные оживились – выходило, что странный пришелец, невесть зачем их сюда собравший, не совсем как бы и чужой – Мишку знает, Олега знает... Отчуждение в большинстве взглядов сменилось легким интересом.

– Уехали, почему? Просто мне интересно стало, я и притопал с участка.

– Делать тебе нечего, – буркнул незло плечистый парень.

Денис тем временем подошел к костру. Не глядя, сунул в чью-то руку – в ответ на просьбу «дай глянуть ножик» – свой пионерский нож и поинтересовался у плечистого:

– А что, у вас у всех дел полно?

– По уши, – отозвался тот. – Особенно с тех пор, как твоя мамка шахты позакрывала и малолеток запретила на работу брать.

– А что, тебе так нравилось в шахте работать? – снова «чтокнул» Денис.

Плечистый неожиданно сказал:

– Нравилось. Не, ну, тяжело, конечно, что говорить. И платили гроши. Но там интересно.

– Он у нас этот... Гном, – подал голос Мишка.

Денис уважительно сказал – перекрыв общий смех:

– Ну, это ты правильно. А кто тебе запретит в шахту-то вернуться? Повзрослее чуть станешь – и вперед, только уже по-человечески... А вот я вам сейчас хочу дело совсем не человеческое предложить, – Денис вздохнул и развел руками. – Пахать придется – как в шахте. Только круглыми сутками, наверное. И бесплатно.

Старый добрый прием – тот же, что с казаками: ошарашить людей каким-то нелогичным и ярким заявлением – не подвел и на этот раз. Интерес стал ошеломленным и всеобщим. А Денис, удержав паузу, продолжал, обводя взглядом изумленные физиономии:

– Плюс один: все, что сделаем – наше будет.

– А что – **все**? – немного ошалело спросил кто-то.

Видно было, что напор Дениса произвел впечатление... хотя едва ли ошарашенные им мальчишки толком поняли, о чем говорит юный имперец.

– А смотрите сами, – Денис оглянулся, подошел к одному из бревен, кивнул сидящему на нем пареньку: – Ну-ка, подвинься... вот так... – Он сел. – Смотрите сами, – он кивнул на огонь (все на миг уставились туда же). – Кто из вас умеет стрелять? Драться? У кого дома есть водопровод с канализацией? Кому ни разу не доставалось по морде от типов вроде Пинаева-младшего? Кому вообще нравится то, что у вас тут творится, жизнь тут кому нравится?! Ну, руки поднимите, что ли, – может, кто счастлив и доволен... или хоть сыт, а?

Послышался дружный невеселый смех. Тонколицый мальчишка лет двенадцати рассудительно и негромко сказал:

– Но ты-то вроде тоже не голодный, а?

– Не голодный, – кивнул Денис. – И Олег не голодный, и у Мишки скоро с едой проблем не будет. Вот я и думаю: вы-то чем хуже? Вот кто о чем мечтает? Ну, я слушаю. Подумайте так – ну вот у кого какая мечта в жизни?

Пацаны примолкли. С взрослым они бы, конечно, не стали играть в такие игры, постеснялись бы. Но, сколько бы каждый из них ни отработал в своей жизни тяжелых часов и дней, они все оставались мальчишками, а Денис – Денис был напорист, быстр и немного подавлял. Поэтому сперва робко – но пошли мечты. В основном о деньгах. Чтобы их было много-много. Денис такого не ожидал и растерялся – к счастью, увлекшиеся разговором ребята этой растерянности не заметили, а Денис сообразил, что деньги-то ребятам нужны просто чтобы еды купить, подарков родным, хороший дом... О разной придурости или просто излишествах речь не шла – не считать же излишеством искреннее чье-то пожелание каждый день есть мороженое? И Денис удачно вклинился вновь.

– Хотите дам вам всем денег? – предложил он. – Нет, я серьезно. Ну, дом не купите, но на мороженое с подарками хватит. Вот прямо завтра раздам всем желающим. За просто так, без возврата.

– Эге, – крикнул кто-то. – С чего?

– Ну, раз вам деньги нужны, – пожал плечами Денис. – Только... вот я не пойму. Ну, возьмете вы деньги. И побежите с ними по магазинам или домой. А вокруг-то все так же и останется. Потратите вы эти деньги. Обязательно потратите. Или отнимут их у вас. И что? Опять ко мне прибежите? Так у меня их уже не будет.

Мальчишки примолкли. Потом плечистый сказал:

– Мы про это вон с Олегом и с Генкой говорили. И вообще я про это думал. Ну, а что делать-то? Вот если батька твой с мамкой не врут – может, они и сделают, как в Империи у вас.

– Ага, – кивнул Денис. – Конечно. Они приехали и сделают, а вы придете и поселитесь. Со старыми вшами на новую простыню.

Мальчишки посмеялись. Тонколицый сказал:

– А ты расскажи, как у вас пацаны в Империи живут. И куда вы своих вшей дели. Только уговор – не врать.

– Клянусь – не совру, – Денис взялся за галстук. – Вот. Я за галстук держусь.

– А так не врут? – серьезно спросил тонколицый.

Денис помотал головой и спокойно-торжественно сказал:

– Нет.

– Ну... тогда рассказывай.

– Я не знаю... о чем, – вдруг вновь растерялся Денис. – Вы лучше спрашивайте... а я буду отвечать.

– А правда, что у вас богатых нет? – тут же сунулся самый, наверное, младший из мальчишек – круглолицый, стриженный ежиком. Он даже вперед подался и рот приоткрыл.

– Неправда, – ответил Денис. – У нас нет капиталистов. Тех, кто богатство нажил не своими руками и не своим умом. Нечестно. У нас не **богатых** нет. У нас **бедных** нет. Понимаешь?

– Ага! – мальчишка закивал. – Это здорово!

– А правда, что у вас людьми не торгуют? – спросил кто-то из темноты.

– Конечно, нет! – возмутился Денис. – Я про такое и не слышал даже у нас! Попробовал бы кто!

– Ага, а чего сделаешь, если лапа на самом верху? – настаивал тот же голос.

– У нас так не бывает, – отрезал Денис. Он понял, о чем речь. – Ну... я не знаю, ребята. Просто не бывает – и все. Я не могу объяснить.

– Да тихо вы, – вдруг бросил плечистый. – Пусть он про пионеров своих расскажет. Олег говорил – это важное самое.

Тут Денис был в своей тарелке – даже вздохнул незаметно с облегчением. И следующие полчаса говорил, не переставая, с тем огнем, который дает человеку только вера в то, о чем он говорит.

Его слушали. Внимательно и оценивающе, все – даже Мишка, который это уже читал, и Олег, тоже знакомый с темой.

– В общем, – тяжело дыша, как после бега, закруглился Денис, – у меня есть книжки, могу дать почитать. А фильмы можно посмотреть прямо у меня на проекторе.

– Кино, что ли, свое?! – удивился кто-то.

Его перебили:

– Погоди с кино своим. Тут не про кино разговор, – это говорил плечистый, который хвалил шахты. – А вот скажи, что нам это даст, кроме лишних хлопот?

На Дениса снова уставились все. Лицо Олега – Денис заметил – стало отчетливо-тревожным, он и сам, наверное, понял это, потому что отклонился в темноту – скрыть это выражение. Мишка кашлянул, завопил.

– Что? – Денис на миг опустил глаза, потом – решительно вскинул. – Будущее, о котором не стыдно мечтать. А не карманное, для внутреннего употребления. Понимаете? **Будущее**. Это много. Очень много.

Он сказал – и с досадой подумал, что не нашел нужных слов.

Коротко стриженный встал, повел плечами и, сделав шаг, протянул большую ладонь Денису:

– Санька... В общем, я к тебе запишусь. За себя только говорю, но слово верное...

...Когда Денис пожал – вполне торжественно – последнюю руку, то выдохнул так облегченно, что все захохотали.

– Ну, тогда ладно, – сказал он без улыбки. – Завтра в десять утра – сбор в клубе. Кто не придет – буду считать, что его тут и не было. А кто придет – не обессудьте. Вот это и будет наш первый настоящий сбор и первое настоящее пионерское дело!

– Придем, – заверил Санька. – Ты картошку-то будешь? Вон, одни угли остались, самое время печь. Или даром тащили?

– А может, пионеры картошку печеную не едят? – то ли всерьез, то ли в шутку поинтересовался стриженный младший – Пашка (или Пашкин, как его грубовато-ласково называли старшие).

Вместо ответа Денис хмыкнул, кашлянул и рванул знаменитую «Картошку».

А за спиной – щелкнул пальцами на левой и на правой руке.
На удачу.
Третий шаг был сделан.

Глава 24

Подарок

К своему величайшему изумлению, утром – когда их подняла Ольга Ивановна, Денис обнаружил на кухне соседского Никиту. Как ни в чем не бывало, он сидел за столом, пил какой-то сок и, увидев вошедшего Дениса, который на ходу завязывал галстук, слез со стула и солидно протянул руку. Как видно, страшных имперцев он уже не боялся.

– Привет, – Денис пожал его лапку. – В гости?

– Я пришел щенка проведать, – важно сказал мальчишка и, увидев входящего Презика, тут же рухнул на четвереньки.

Начался процесс братания. Денис не без интереса наблюдал за этим делом. Ольга Ивановна опасливо сказала:

– Как бы родители его не нагрянули...

– По-моему, мы его водкой не поим, – сухоvalo заметил Денис. – Вообще, это странно устроено у вас все... – но конкретизировать не стал, так как это значило говорить об очевидном. – А старшие где?

– Так ушли давно, – уже как о привычном отозвалась Ольга Ивановна. – Борис Игоревич хоть поел, а Валерия Вадимовна так и побежала, только занавески следом завились... – В ее голосе прозвучали осуждение и беспокойство.

– Так... – задумался Денис и ожесточенно почесал щиколотку. – Значит, придется без спроса.

– Что? – насторожилась Ольга Ивановна, накладывавшая порцию вошедшему Олегу, – помедлив, он поцеловал мать, перешагнул через Никиту и Презика и сел к столу.

– А? – распахнул глаза Денис. – Ольга Ивановна, а вот как вы готовите такую кашу? **Очень** вкусно...

Женщина уже собиралась пуститься в объяснения, но неожиданно и без стука в кухню ввалилась соседка – то ли мать Никиты, то ли прислуга Балугевых. Впрочем, сейчас, увидев ее поближе, Денис понял – мать, Никита был похож на нее, и сильно. Кстати, Никита пискнул и ретировался под стол.

– Доброе утро, – приветливо сказал Денис и широким жестом указал на стул. – Вы за сыном? Не ругайте его...

Красивое лицо женщины буквально расцвело в неискренней улыбке – а в глазах был страх. Она помахала рукой:

– О, нет-нет, я просто немного забеспокоилась... Никитка такой непоседливый... – Никита в опровержение этих слов сопел под столом Денису в коленку и вылезать не собирался. – Но раз он у вас – я совершенно спокойна; мне и муж говорил – раз в соседях имперцы, то за ребенка можно не волноваться, если он у них... Я бы хотела извиниться за свое несколько некрасивое поведение в первые дни нашего знакомства... – Речь лилась плавно и была похожа на ручей из здешнего отстойника – красивый, радужный и ядовитый. Денис смотрел с интересом; Ольга Ивановна – испуганно, Олег – сузив глаза, Презик – равнодушно. – Я не разобралась, что к чему... прежние соседи были редкостно неприятные люди...

«Тут вам не Империя! Приехали! Быдло безродное!» – вспомнил он злобный вопль.

И стало... **смешно**. Смешно от этой угодливости и слащавого желания понравиться, причины которого были ясны Денису полностью, от и до.

– Хотите чаю? – предложил он радушно.

Врага нельзя угощать в своем доме, но эта женщина не была врагом.

– Ой нет, что... вы! – замахала она руками. – Никита-а-а-а, – пропела она, – нам пора

домой, от тебя тут, наверное, уже устали...

Никита, как видно, убедившись, что опасность миновала, выбрался из-под стола. Прежде чем сунуть ладошку в руку улыбающейся матери, он поцеловал Презика в нос и пожал руки Денису и Олегу, а Ольге Ивановне сказал: «Спасибо!» Потом добавил, явно пользуясь ситуацией:

– Я еще приду, можно?

– Да, конечно! – замахала руками Балугева. – Главное – чтобы не в тягость... мы разве против?..

Она продолжала уверять всю улицу в своей приверженности идеям Империи, уже выбравшись со двора, – слышно было неплохо. Олег наконец смог сделать то, что явно хотел сделать давно – перекопился и изобразил, что его тошнит. Ольга Ивановна оторопело сказала:

– Ну и ну... Я ничего... я не понимаю...

– Да просто все, – Денис усмехнулся. – Почуял Балугев, что его время кончается, вот и решил к новой власти подлипнуть... Вообще, пацана жалко, – добавил он. – Если мы их вынуждены будем разогнать, то ведь и ему достанется... – Он задумался на миг, но тут же не сердито, но решительно обратился к качающей головой женщине: – Теть Оль, перестаньте перед **этими** так сжиматься. Привыкайте к мысли, что они тут больше не хозяева. Честное слово, жалко смотреть на вас. Всю жизнь работали, дочь и мужа потеряли из-за этой власти – и в рот им смотрите...

Денис хотел продолжить речь дальше... но увидел, как потупился Олег, увидел виноватое лицо Ольги Ивановны – и, смешавшись, тихо сказал:

– Извините, тетя Оль...

...Киноаппарат мальчишки вытащили через окно отцовского кабинета. У Олега в таких делах был огромный опыт, хотя он и не совсем понимал, что собирается делать командир с этой «бандурой» (Денис оскорбился – аппарат был компактный и новый) – они вроде как работать идут? Почти все прохожие провожали мальчишек с ящиком удивленными и заинтересованными взглядами.

А вот в клубе никто особо не удивился – просто потому, что там оказалось полно народу, человек тридцать мужиков и женщин, и все метались, как угорелые, кто-то уже зачищал стены под покраску, два незнакомых хорошо одетых человека спорили с Францем Ильичем по поводу разгородки второго этажа. Правда, ребята – они тоже активно участвовали в работе – тут же побросали все и собрались возле Дениса и Олега плотным кружком. Денис с удивлением (и радостью, которую не показал) увидел, что их больше, чем было вчера – и есть несколько девчонок. Правда, не было Володьки – и Денису неожиданно на миг стало грустно, оказывается, он уже привык к мелкому веселому певцу. Но только на миг, потому что со всех сторон обрушилось:

– Привет!!!

– А мы...

– А вы...

– ...ждали...

– ...работа...

– ...а теперь?..

В глазах ребят – от самого мелкого Пашки Илюхина до плечистого серьезного Саньки Бряндина, в глазах ночных знакомцев Дениса и незнакомых ему – были радость, ожидание и... тревога. И Денис на миг оробел, поняв, что смог **дать им надежду**. И теперь если он не оправдает ее – то... только стреляться. Тогда они не поверят уже **никому**. **Никогда**.

Денис засмеялся и поднял руки. Когда установилась тишина, он повел вокруг рукой и пояснил:

– Вот тут и будет школа – и наш штаб.

Все заоглядывались удивленно. Видно, мысль, что какое-то помещение будет принадлежать им, показалась непривычной – они работали, просто увлеченные общим

порывом, примером взрослых, а тут... Денис же опомниться не давал:

– В общем, сейчас еще поработаем, но уже прямо в наших местах... Франц Ильич! – окликнул Денис Шенка, пробиваясь к нему. – Франц Ильич, извините... – Мальчишка коротко поклонился его собеседникам, смотревшим удивленно. – Помнится, мы договаривались насчет сцены и трех комнат под отряд?

Франц Ильич, кажется, об этом не помнил – но, посмотрев на Дениса, качнул тростью:

– Несомненно.

– Тогда мы сейчас займемся приведением их в порядок, – определил фронт работ Денис. – Дело общее, а ребятам надо увидеть, что они стараются для себя.

Снова слегка поклонившись, он поспешил к остальным, и вся компания, загомонив, ломанулась на сцену, а с нее – в помещения. Вскоре оттуда, как по конвейеру, потек самый разный мусор.

Денис работал вместе со всеми. И только раз рывкнул, когда кто-то из мальчишек – по привычке – сплюнул на пол, с которого только что срезали слой грязи:

– Чистим и тут же гадим?!

– А?.. – вякнул мальчишка и покраснел. Казалось, он вот-вот скажет: «Я больше не буду!» – но до такого детства все-таки не дошло.

– Вообще-то... – Денис замялся. – Вообще-то пионер и курить не должен...

Похоже было, что это заявление веру в пионерию несколько пошатнуло. Кто-то почесал в затылке. Кто-то хмыкнул. Кто-то сказал что-то вроде «мда...». Но Денис понимал, что ставить так ставить – с самого начала. Рассказывать о вреде курения он не стал, вместо этого сказал:

– Кто из вас курит, кто нет – я не знаю. – Он лукавил, ему, никогда не кутившему, по запаху ничего не стоило определить даже место, по которому прошел курильщик – уже после того, как того и след простыл. – Но вот вам и еще одно испытание – у кого силы воли хватит бросить... А сейчас, – он подмигнул всем, – давайте кино крутить.

– Кинооооо? – протянул кто-то.

– Он вчера обещал... – шепнули в ответ.

– Да где тут? – недоверчиво спросил еще один.

– А прямо тут, – Денис простер руку в сторону стены (они как раз сгрудились в помещении за обитой металлом дверью, где хранилось недавно всякое ценное барахло – его Денис мысленно определил под знаменную; окон тут не было).

Олег, невольно ухмыляясь, жестом фокусника сдернул старую штору с киноаппарата.

– Ух тыыыы... – это был общий возглас.

Пошло шевеление – все быстро рассаживались прямо на полу, тесными рядами. Стены – отлично – были белыми, – а шкафы успели вытащить. Правда, начисто не обнаружилось розетки, но Денис, заправив пленку, врубил аккумулятор.

Это был фильм про Кивач...

...Если честно, Денис забыл о том, где находится и кто вокруг. Он смотрел на своих друзей – и ему казалось, что рядом они и есть; отсматривают только-только сделанную работу. Он смеялся, постукивал рукой по корпусу мягко стрекочущего аппарата – и опомнился, только когда Генка Афанасьев, сидя на камнях около речки и склонив голову к гитаре, рванул:

Уползай от меня, злая кобра-тоска!
Я тебя вышвырнул из своей души!
Я уже не держу пистолет у виска,
И потерял кинжал в колдовской глуши!

И нам еще жить – лет по двести, по триста!
И незачем плакать о прожитых днях!
Танцует гитара в руках гитариста —

...Этой песней и восходом солнца над гранитными скалами и черными елями закончился фильм.

Денис вздохнул и огляделся.

Нет. Друзей рядом не было.

Или... **были** ?

И еще почему-то было относительно светло. Денис оглянулся. Оказывается, дверь-то давно открылась, и снаружи плотной стенкой стояли взрослые. Они тоже смотрели фильм.

– Ну... вот, в общем, так... – Денис почему-то очень смутился. – А что, работы больше нет, что ли? – сердито спросил он разом у всех и стал разбирать аппарат...

...В полдень устроили «обеденный перерыв». Но обеденным он был для взрослых, которые просто разошлись по домам, только Франц Ильич и те двое молодых парней остались и без устали лазили по всем помещениям и даже, кажется, по крыше. Мальчишки и девчонки собрались на сцене и передавали из рук в руки экземпляры «Костра» и «Пионера», которые принес Денис. Не ушел никто – семнадцать мальчишек (не считая Олега), четыре девчонки. Переговоры и шепот сначала были тихими, но потом превратились в откровенный галдеж. Впрочем, в нем не было ничего страшного – галдеж звучал явно по делу. Судя по всему, пионерами хотели быть все. Но как это – никто толком не представлял, и в конечном счете вопросы сконцентрировались на Денисе. Собственно, это было то, чего он ждал.

– Начнем с того, что пионер без формы – не пионер, – категорично заявил он. Заявление и правда было категоричным – почти все присутствующие были одеты если не в обноски, то уж, во всяком случае, не в «форму», а босыми оказались трое из каждых четверых. – Вообще пионеру полагается на год четыре комплекта формы – зимка, летняя, парадка и полевая. Летняя на мне, – он провел руками по груди. – Форма бесплатная, от государства...

– Бахурев подарит, что ли? – спросил кто-то. Не со скепсисом, а скорей грустно.

Олег поглядел на Дениса тревожно. Денис понял, что если начать тратить деньги на форму, то скоро от них останется ноль, и Олег именно это подразумевал.

– Пока не подарит, – отрицательно покачал головой Денис. – Но у нас руки и головы есть?

Всеобщее переглядывание – даже несколько тревожное – подтвердило наличие и рук, и голов у всех.

– И что, никто ничего не умеет? – продолжал Денис. – Не заработаем на форму? Да не на форму, на ткань – сошьют девчонки. Не сумеете?

Все четыре девицы разом покраснели до малинового цвета. Наконец одна из них – рыжая, с двумя тугими косами – независимо пожала плечами:

– Можем... – и остальные закивали почти истово.

– Я обувь могу, только кожа нужна и все прочее, – сказал белобрысый лохматый парнишка с грубым шрамом на левой щеке. – Дядька сапожник, он меня давно научил всему. Ну и помощников пара нужна.

– Денег-то где заработать?! – выкрикнул кто-то.

– Где? – Денис на миг задумался. – Кто-нибудь из вас знает такие грибы в лесу – на буках растут, красные...

– Буковки и называются! – звонко определил кто-то. – Их тут пропасть!

– Собираем, а кому продать – я найду, – заявил Денис. – Дальше: с деревом кто работать умеет?

Поднялось сразу несколько рук.

– Скоро будет большое строительство, мебель нужна – роскошную не сделаем, а

³¹ Из песни Д. Ляляева «Нам еще жить».

простенькую потянем. Или нет?

– Потянем, мы с батей этажерки и стулья запросто делали! – раздался еще один мальчишеский голос. Его поддержали еще три или четыре.

За десять минут было найдено полдюжины способов заработать. Денис удивлялся, почему эти ребята горбатились на шахтах за копейки раньше – безголовыми они не выглядели... но Олег между делом объяснил, что любое мелкое производство и даже подсобное хозяйство раньше давилось подзаконными актами компаний, которые тут считались выше любого закона. Большинство жителей и поселка и окрестностей фактически было поставлено перед выбором: горбатиться на «Энергию» или на латифундиях до потери здоровья – или нищенствовать. А где не помогали акты – в ход шли побои и поджоги... Денис покривился от злости – и еле сумел остановить вал предложений (самые реальные он записал в свой блокнот).

– Дальше, – махнул он рукой в установленной веселой тишине. – Нам, скорей всего, придется много драться, желающие нас согнуть будут в достатке...

Мальчишки начали усмехаться – как видно, они и сами это понимали.

– Пионер должен уметь драться и стрелять. Стрелять вы не умеете – научу. Драться... – Денис тоже усмехнулся. – Вы думаете, что умеете драться, – но я вас и этому научу. Но запомните – если я узнаю, – голос Дениса стал жестким, взрослым, – что эти умения кто-то из вас использовал подло – это будет последний день в отряде для такого умельца. И уйдет он отсюда не с целыми зубами – гарантирую... Еще. В этом здании, – он обвел вокруг рукой, – мы будем учиться. А тут, – он ткнул пальцем под ноги, – будет наш отряд. У отряда должно быть имя, знамя, оркестр... но об этом и говорить рано пока, мы сейчас почти никто. А вообще отряд делится на...

– ...на звенья, – опередил Дениса тонколицый Генка Ишимов, похлопывая по коленке уставом, который весьма внимательно просмотрел.

– На звенья, – кивнул Денис. – Вообще не принято, чтобы в одном отряде были и парни и девчонки, но такое все-таки случается. Нас по числу где-то на два звена, но я предлагаю сделать три – одно будет девчоночьим.

– А кто будет командиром? – спросил чем-то похожий на рыжую с косами мальчишка, но младше нее.

– Главный в отряде – председатель совета отряда, – поправил Денис. – Это обсудим потом... а пока давайте хоть общий список составим и сходим чего-нибудь поедим. – Он без наигрыша потер живот и весело добавил: – На это деньги найдутся!

– А на мороженое? – робко поинтересовался кто-то из тех, что помладше.

– Какой обед без мороженого? – серьезно ответил вопросом на вопрос Денис.

* * *

К семи вечера Дениса, по правде сказать, шатало от усталости. Кроме того, судя по составленному списку, половина ребят была неграмотна. Плюс еще – насколько мог различить Денис – у некоторых были не в порядке легкие и кости (он пометил себе упрямую маму провести полный медосмотр). Когда разбирали устав – возникла куча мелких нестыковок; Денис мысленно подсаждал на его составителей – впервые в жизни. Устав местами просто-напросто не совпадал с жизненными реалиями поселка.

Но все же такого хорошего настроения, как сегодня, у мальчишки не было уже давно. И он – вместо того, чтобы отправиться домой – как диктовали с редким для Дениса единодушием организм и рассудок, – сообщил Олегу, что у него еще есть дела, – и отправился... в полицию.

У него и правда там было дело. Личное. И это было странно. Сколько себя Денис помнил – ни одно из дел в своей жизни он не мог назвать **личным** в полной степени. Все, что он делал, имело какие-то... ну... привязки – к друзьям, к родителям, к обществу (даже когда он еще не вполне понимал это слово). А теперь...

Приснившееся этой ночью забылось с самого утра – сразу обрушилось столько событий... А ведь ему снилась Настя. И не просто **снилась**. А...

Денису уже пару лет снились **такие** сны. И он хорошо знал, что это значит – его организм ударными темпами перестраивался из детского в юношеский. Ничего стыдного, смешного, загадочного или противоестественного в происходящем не было, это учили в школе. Но ни в одном из тягучих, сладковатых снов, которые приходили раз-другой в неделю, Денис не видел – или не запоминал? – лиц девчонок.

В этом сне он запомнил лицо Насти.

Но, пожалуй, куда более важным было то, что во сне Настя **видела**. У нее были серые с зеленоватыми искрами живые глаза. Это Денис запомнил прочно, как самое главное. Именно **это**, а не все остальное...

...Шагая по улице, мальчишка улыбался своим мыслям. На небе опять собрались плотные тучи, царила влажная духота. Но Денис для себя все решил, и от этого настроение стало еще лучше... хотя в то же время иногда у него от волнения схватывало живот так, что мальчишка невольно замедлял ход – это было стыдно, неприятно и смешно. «Настя-Настя-Настя, – начинал твердить он в такт шагам и млел от мысли, что влюбился (впрочем, этого слова он не произносил даже про себя – просто представлялось что-то солнечное и теплое, как золотистая паутинка вокруг темного силуэта в сеньях...), – Настя-Настя-Настя...» Имя сладостно гипнотизировало его, Денис физически балдел и даже не замечал, что в ответ на его широченную улыбку улыбаются и даже оглядываются ему вслед многие встречные прохожие.

Но тем не менее ноги принесли мальчишку именно туда, куда и должны были принести, – к полицейскому участку. Везение продолжалось – Кенесбаев был не просто на месте, он обнаружился у ворот полицейского участка, где распекал – лично – двух сержантов, употребляя не вполне подходящие званию и должности слова. Причем настолько часто, что суть проблемы за их сложной вязью терялась начисто. Но сержанты, как видно, ее улавливали, потому что покаянно сопели, поедая начальство глазами.

– И еще раз – и пойдете... – завершил Кенесбаев разнос сложным указанием, куда и каким путем пойдут сержанты. Только после этого он заметил Дениса, немного смутился, одернул мундир и поинтересовался: – Ко мне? Добрый вечер.

– Добрый вечер, Кенесары Ержанович, – Денис сделал вид, что ничего из предыдущего не слышал. – Да... к вам. У меня есть просьба...

– Слушаю. – Кенесбаев сделался официальным, и Денис неожиданно оробел. Но встряхнулся и продолжал: – Простите... я хотел попросить у вас разрешения пользоваться вашей конюшней. Полицейской, я имею в виду.

– Конюшней?! – Малоподвижное лицо казаха выразило искреннее изумление, даже глаза стали почти европейскими.

– Тут во многих местах лошадь – единственное средство передвижения. Я вас уверяю, что умею и ездить верхом, и обращаться с лошастью.

Кенесбаев потер лоб, пальцем подвинув вверх фуражку с полотняным назатыльником.

– Неожиданная просьба-а... – протянул он. – А что Борис Игоревич? Валерия Вадимовна?

– А при чем тут они? – немного сердито ответил Денис. – Я прошу лошадь для себя, Кенесары Ержанович.

Кенесбаев рассмеялся и приобнял Дениса за плечи:

– Ладно. Пошли выбирать. Заодно проверю, как ты разбираешься в лошадях.

– И еще, Кенесары Ержанович, – на ходу продолжал Денис. – Как вы думаете, можно ли устроить пару тренировок с оружием для ребят, которых я приведу? Знакомство с автоматом, приемы, может, пострелять... Раза два... в месяц, не чаще.

Кенесбаев сбился с шага и заглянул в лицо Денису. Молча. Потом сказал:

– Да уж. Давай о лошадях, а?

– Хорошо, – согласился Денис. – Про оружие поговорим потом, правда? И вот еще

что...

Кенесбаев ускорил шаг.

* * *

Несмотря на то что Денис вернулся домой уже в полной темнотище – отца дома еще не было (зато правление компании было ярко освещено, и Денис сделал вывод, что Борис Игоревич работает всюду). Ольга Ивановна тоже отсутствовала. На вопрос, где она, Олег – он развалился посреди комнаты и играл с радостно рычащим Презиком, пихая его ногой в живот и катая по полу, – ответил:

– За фруктами какими-то поехала, твой отец машину дал... – Он перекатился на живот (Презик вцепился в ногу мальчишке – и угомонился; видимо, решил, что победил), подпер подбородок ладонями и спросил: – Где был?

– Гулял, – беззаботно ответил Денис, раздеваясь. – Ох, я спать хочу! Устал невозможно... – Он посмотрел на улыбающегося Олега сверху вниз. – Чего лыбишься?

– Что делаю? – Олег перевалился на спину, и Презик хрюкнул во сне.

– Улыбаешься, – Денис повесил рубашку на спинку стула.

– Да так, – Олег вздохнул. – У тебя получилось.

– Во-первых, – Денис разулся и покачал обувкой, – не у меня, а у нас. **У нас** получилось. Во-вторых – пока ни фиги не получилось... Как думаешь, кому можно заказать знамя и инструменты для оркестра?

– Найдем, – ответил Олег.

...Обмотавшись полотенцем после душа, Денис никак не мог лечь спать, хотя его тянуло. Нужно было решить еще один вопрос, а как это сделать – он не знал.

Речь шла о подарке на День Девочек для Насти.

Если честно, Денис не знал, что дарить.

Нет, правда. Что можно подарить человеку, который **не видит**?! Да и еще если не знаешь, что этому человеку нравится, что нет?!

Денис хмуро слонялся по комнатам, выходил во двор и даже потаскал за собой за шкирку Презика. Псенок почти не отреагировал – так, что-то пискнул и продолжал спать. Но, как ни странно, именно после этого звука Денис начал соображать.

Он уселся на крыльцо, уложив щенка на колени (и отметив машинально, что он свешивается с обеих сторон, а ведь неделю назад умещался).

После Дня Девочек – Купальская ночь. Сразу. А что, если...

Скинув кутенка на ступеньки, Денис взлетел в дом и постучался в кабинет Валерии Вадимовны. Она была дома – дверь была обведена светящимся контуром.

– Да, – недовольно раздалось изнутри.

Валерия Вадимовна сидела за столом и читала жутко официального вида толстый том. На сына поглядела нетерпеливо. Денис помялся на пороге. Валерия Вадимовна кашлянула сердито.

– Мам, – Денис шагнул через порог. – Мам, а ты можешь для меня сделать одну вещь? Прямо сейчас?

* * *

День Девочек выдался невероятно солнечным – на небе с утра не оказалось ни единого облачка, легкий ветерок колыхал траву длинными пологими волнами. Денис выехал с рассветом. От поселка он скакал галопом, но когда съехал с дороги и двинулся к станции через луговину, то пустил Серого – так звали полицейского коня-пятилетку, хорошо выезженного, крупного и сильного – шагом.

Он вез подарок. И при мысли о нем улыбался в полной уверенности, что такого никто никогда не дарил не то что Насте – такого подарка тут не видела вообще ни одна девчонка.

Кстати, в Горном этот праздник – День Девочек – практически никто не отмечал. Кроме того, поселок по-прежнему трясло в лихорадке внезапных, массовых и бурных перемен. Это, кстати, натолкнуло Дениса на мысль постепенно вводить имперские праздники в обиход молодежи через отряд...

...А вот казаки, видимо, отмечали этот день, как и имперцы. Станица гудела и звенела от песен и голосов, была тут и там украшена. У Мелеховых вообще стоял дикий шум, и за накрытым прямо во дворе длинным столом сидели человек сто, как показалось Денису, остановившему Серого у ворот. Причем сидели вместе и женщины, и мужчины, и дети, в нарядной одежде. Все пытались перекричать друг друга, но, как раз когда подъехал Денис, поднялся седущий лохматый высокий старик – и стало тихо.

– В общем, – сказал старик, – не ко времени хоть, не его праздник, но вот как попало – давайте выпьем за Игоря! Из наших казаков в те места никто еще не заходил!

Под возобновившийся шум – на этот раз слитный и одобрителный – в другом конце встал молодой мужик («Нет, казак, – поправил себя Денис, – они обижаются, когда их называют мужиками») в полной парадной форме, всем поклонился и под общий гул выпил первым. А в следующий миг все уставились на Дениса.

– Э-э... – смеялся тот.

Но традиционную формулу ему произнести не дали. Тот же старик – он так и не сел – махнул рукой:

– Штабса имперского сын? Третьяков?! Наслышаны! Заводи коня, садись!

В общем, Денис и опомниться не успел, как оказался рядом с Гришкой за столом, а перед ним поставили сразу несколько тарелок (главное место на самой большой занимал здоровенный румяный кусок свинины, обложенный какими-то соленьями и окруженный валами золотисто-розовой жареной молодой картошки) и стакан, от которого пахло спиртным – там было что-то густое, вишневого цвета.

– Хорошо, что приехал, – прошептал Гришка. – Мы девчоночий-то день не очень отмечаем, но тут вон двойной праздник – Игорь, братан мой, вернулся.

– А куда он уезжал? – рассеянно спросил Денис, высматривая за столами Настю.

И нашел ее, столкнулся взглядом... нет. Не столкнулся. **Не мог** столкнуться. От этой мысли по спине пробежал холодок, и Денис поспешно повернулся к Гришке.

– У него командировка была, – солидно пояснил Гришка, жуя лохмотку квашеной капусты (выглядело неэстетично, но Гришка лопал со вкусом). – В эту... – он задумался. – На юге. В Тихом океане. Государство такое на островах. Тоже русское.

– Конфедеративный Союз Островов? – напрягшись, вспомнил Денис название одного из тамошних государств. Реальных, не бандитских – и пока самостоятельных.

– Нет... – помотал головой Гришка.

– Экваториальная Островная Республика? – продолжал вспоминать Денис, и Гришка закивал:

– О, точно!!! ЭОР.

– Что он там делал-то?! – подошел Денис, на миг даже теряя интерес к Насте и разглядывая молодого казака.

– Снайперов готовил, – обыденно пояснил Гришка. – Он знаешь какой? В винтовочную гильзу без оптики за пятьдесят метров попадает. Навскидку.

Интересный разговор продолжить не удалось. Кто-то ударил песню – во весь мах, так, что разом затихло все:

Ты запой-запой, да зазвени-звени
Колокольчиком, дорожная тоска.
Отпущу на ветер я слова свои
Да закину голову за облака.
Полетит жар-птицею головушка,
Горячим камнем на сыру землю падет, —

И на плаху брызнет моя кровушка
За гульбу казачью,
Да за честной народ...

И за столами подхватили:

Ой-и – на плаху брызнет моя кровушка
За гульбу казачью,
За честной народ!³²

Песня была протяжная и грустная, но лихая. Денис невольно заслушался – тем более что пели ее умеючи. Но потом – потом опять, словно бы заново, увидел Настю. И уже больше ничего не слышал и не отрывал от нее взгляда.

– Невкусно, что ли? – почти оскорбился Гришка.

– А? – словно проснулся Денис. – Нет, вкусно все, спасибо...

– Как там дела-то у вас? – начал допытываться казачонок.

Но на этот раз даже тема пионерии не могла отвлечь Дениса от созерцания девчонки. Он паялился до такой степени беззастенчиво, что, если бы тут воспринимали слепую девчонку как будущую женщину, вопросы наверняка возникли бы. А так даже Гришка отстал – тем более что гулянка перешла в танцы, а точнее – пляску, и Гришка рванул показывать умение. Посмотреть было на что – четверо мальчишек под одобрительный лихой свист, хлопки и выкрики старших похватили брошенные им синеватые хищные шашки и... буквально оделись призрачным свистящим коконом, при этом черт-те что выделывая ногами – то распластываясь по самой земле, то подскакивая на высоту своего роста.

Денис тишком выбрался из-за стола. И почти не удивился, когда увидел, что одновременно поднялась и Настя – и пошла – безошибочно – ему навстречу.

– Здравствуй, – тихонько сказала девчонка, вставая в двух шагах от Дениса. – Ты на меня все время смотришь. Приехал и смотришь.

– Я... да... Я... тебя приехал... с праздником, – Денис мучился от сосущего желания взять ее за руки, за пальцы, за самые кончики. И чудовищно краснел, снова тупо и дико благословляя ее страшную слепоту. – Я хотел... День Девочек... поздравить... – Он с ужасом осознал, что кошмарно, противоестественно, **смешно** косноязычен. И хотел бежать – бежать, бросив коня, бежать – и больше никогда, **никогда**, **НИКОГДА** сюда не возвращаться.

Мальчишке понадобилось, может быть, самое сильное за всю жизнь напряжение воли, чтобы остаться на месте. Он набрал в грудь воздуха и продолжал уже тверже, почти нормальным голосом:

– Я привез тебе подарок.

– Подарок? – Настя чуть откинула голову, словно была намного ниже ростом, чем Денис – и хотела его рассмотреть как следует. Брови девчонки чуть приподнялись. – Мне? Ты?

– Да, конечно, – Денис достал из поясной сумки плоский конверт. – Вот... У вас есть, на чем пленку прокрутить?

– Магнитофонную? – уточнила Настя. – Конечно. А что за подарок?

В ее голосе прозвучало любопытство – отчетливое, хотя и тщательно сдерживаемое.

– Это надо послушать, – уклонился от ответа Денис.

– Можно сейчас, – предложила Настя.

И, не дожидаясь ответа, повернулась и направилась к дому – уверенно, разве что немного медленней, чем обычно ходят другие. Денис огляделся – на них никто не смотрел,

³² Из песни А. Земскова «Сполохи».

гулянка шумела.

И пошел следом...

...С магнитофоном незнакомой марки Настя тоже обращалась так, словно все видела. И конверт взяла не глядя, и кассету извлекла легко, и вставила ее точно, и кнопку нажала уверенно.

– А что там? – снова с типично девчоночьим любопытством спросила она. Денис, пристроившись на краю скамьи и осматриваясь – в небольшой и очень аккуратной даже для девчонки комнатке Насти он был впервые, – собирался уже было ответить... но тут из вынесенных динамиков послышался голос самого Дениса – только «овзросленный» техническим ухищрением. Денис полупел-полуговорил:

Не будет места ереси в моей земле
И не найдут отступники пощады.
Костер вам за безбожие наградой,
Безумцы, закосневшие во зле!

И снова его же голос, только другого тембра:

Сегодня, ваша милость, снова ведьма,
Проклятая язычница из леса,
Творила свое злое чародейство,
Посеяв ересь в христианских душах.

– Это ты! – засмеялась Настя удивленно, но тут же оборвала сама себя, чуть наклонившись к магнитофону – слушала, как Денис... или кто?... сказал мрачно:

– Введите...

...Я раньше видел этот чистый взгляд
На фресках храма в светлый час служенья.
Развейся, колдовское наваждение!
В чем пред тобой, о, Боже, виноват?!

Дай сил, Господь, мне духом не упасть...
Ты тяжкое послал мне испытанье.
С лицом Мадонны – ведьма на закланье...
О, велика ты, чародейства власть!

Я обвиняю, женщина, тебя
В отступничестве, черном колдовстве
И наведении порчи в деревнях.
По воле Господа – свершится правосудье!

И – женский голос, красивый и взволнованный:

Уймись, моя безумная душа...
Не страх виной, что сердце гулко бьется.
Судьба-злодейка надо мной смеется,
И от себя теперь не убежать.

Оковы сердца крепче камня стен.
Взвилась костром в душе любовь слепая.
О боги! Лишь на вас я уповаю,

Не дайте сил разрушить этот плен!

Ты с ненавистью смотришь на меня,
И замерзает все под сталью взгляда.
Не тронь моей души! Прошу, не надо!
Уж лучше сгинуть в бешенстве огня.

– Ойй... – выдохнула Настя и подняла ладони к губам.

– Как ослепляет эта красота!
Ужели это – дьявола создание?
Смертельный яд проник в мое сознание,
Не исцелиться силою креста.

Зачем она молчит, не пряча глаз?
Зачем она не ищет оправдания?
Зачем я не хочу ее признания?
Зачем мы повстречались лишь сейчас?

Молчишь! К чему молчание теперь?
Раскаянье облегчит твою душу.
Бог милосерден к грешникам заблудшим.
Безумная, покайся и поверь!

Готова ты сознаться в прегрешеньях?

Голоса взлетали по очереди... А Денис не слышал – он смотрел на Настю, как смотрит измученный жаждой человек на кружку с водой. У него еще мелькнула логичная и ироничная мысль: «Ну тебя и развезло...» – но тут же исчезла, соскользнула в темноту по краю золотистого силуэта девчонки...

– Я расскажу тебе, как пела ночь,
Как я кружилась в сумасшедшем танце,
И как хотелось плакать и смеяться,
Как беды от костра бежали прочь...

Как сила девяти заветных трав
От хвори и напасти помогала.
Так в мире было с самого начала,
А ты в своей жестокости – неправ...

О, если бы ты мог пойти со мной,
Сложив с себя обеты и оковы.
Оставь Христу его венец терновый!
Сумей пройти свободным путь земной.

– Остановись, безумная! Молчи!
Ты смертный приговор себе пророчишь!
– Ты посмотреть на мир вокруг не хочешь,
Распятая душа твоя кричит!

– Довольно! – истошный крик.

Святая Дева, укрепи мой дух,
Не дай поддаться дьявольским речам,
Дай силу усмирить огонь греховный...
Но небеса молчат, мольбам не внимая...

– На части душу рвет бессилья крик.
Мы над бездонной пропастью застыли.
О, как мы друг без друга раньше жили?
Продлись же, вечность, – хоть еще на миг!

– Оружием Господь избрал меня,
Благословляя на святое дело.
Когда огонь обнимет это тело,
Найду ли сил не погасить огня?...³³

Песня закончилась, только лента шуршала. Настя протянула руку, выключила магнитофон. Стало совсем тихо, лишь со двора неслись звуки казачьей гулянки – но они были словно бы вдали.

– А с кем ты пел? – тихо спросила Настя.

– Это моя мама, – ответил Денис так же тихо.

Девчонка вдруг весело сказала:

– Это хорошо!

– Что? – удивился Денис.

– Красивый голос, – пояснила Настя. И снова засмеялась. Непонятно. – И за подарок спасибо. Красивая песня... только грустная. Я по истории учила – это про те времена, когда женщин жгли за колдовство, да?

– Учила? – вырвалось у Дениса.

Но Настя не обиделась.

– Есть же звуковые учебники, – она безошибочно кивнула в сторону полки с кассетами и книгами. – И книги Брайля. Только я их не люблю.

Денис опять пережил острый приступ желания – желания поцеловать ее в глаза. Ни разу в жизни он не целовал девчонок всерьез и даже испугался этих накатывающих волн желания, которые почти лишали его возможности контролировать себя. Мальчишка поспешно отодвинулся, кашлянул и сказал:

– Скоро Иван Купала... Послушай... Если я приеду за... – он прокашлялся. – За тобой... ты пойдешь со мной гулять в лес?

– Я? С тобой? – Лицо Насти стало растерянным. Потом растерянность скользнула, как за крепостную стену, за насмешливость. – Тебе что, делать нечего?

– Ты пойдешь? – спросил Денис упрямо – как хватаются за врага, балансируя на краю пропасти.

Пальцы Насти прошлись по панели магнитофона, словно стирая невидимую пыль.

– Если ты не приедешь – значит, ничего и не говорил, – сказала она, поднимаясь. – А теперь уезжай.

– Да, – Денис тоже встал.

Гришка поймал Дениса за порогом. И удивленно спросил:

– А ты чего приезжал-то?!

– Кормят у вас хорошо, – ляпнул Денис.

Гришка вытаращил глаза.

³³ Песня Тэм Гринхилл (Н. Новиковой) «Инквизитор и ведьма».

* * *

Денис проехал полпути. Проехал несколько не в себе – то мотался в седле, то начинал горланить песни кусками, перескакивая с одной на другую, то разговаривал с конем. Ему совершенно не было дела вообще ни до чего, кроме бешено, с искрами и брызгами крутящегося внутри него радужного шара из счастья. Совершенно нелепого и даже неуместного вообще-то на «общеполитическом фоне».

Когда мочевого пузырь дал о себе знать, Денис слез с коня. И, сделав дело, обернулся, услышав шум приближавшейся машины.

Списанный армейский вездеход затормозил неподалеку. За рулем сидел мужчина. Еще двое, лет двадцати пяти – тридцати, в простой одежде, обошли машину и остановились – один у капота, другой у грузового люка, глядя на Дениса.

– Здравствуйте, – сказал мальчишка.

Никого из этих троих он не знал и вроде бы никогда не видел. Чувство опасности шевельнулось – а потом забилося в истерике, потому что из рукавов у обоих бесшумно выскользнули и закачались на кожаных ремешках увесистые гири.

– Здравствуй, – глумливо сказал тот, что у капота.

А от грузового люка послышалось:

– Иди сюда, ну?

В голосе была полная уверенность, что Денис пойдет.

Вместо этого Денис достал пистолет, с отчетливым щелчком снимая флажок предохранителя. Глаза мужчин невольно опустились на куцый ствол «Байкала», глядевший в живот стоящему у капота.

– Кистени на землю, – сказал мальчишка спокойно.

Пистолет в его руке был неподвижен, хотя внутри Денис мелко вибрировал. Тогда, в Верном, он так и не смог выстрелить в человека. Отвратительного, мерзкого – но не смог.

Оба мужика присели. Потом – порскнули в машину, и та сорвалась с места, прыгнула в сторону от дороги, заковыляла через подлесок в лес. Денис прицелился вслед. Потом громко выдохнул, снова щелкнул предохранителем...

...и долго не мог засунуть пистолет на место.

* * *

Борис Игоревич сидел над бумагами – отчетами с еще работающих шахт и, хмурясь, черкал в блокноте, когда в дверь поскреблись и вошел его единственный сын.

Денис был взлохмаченный, босиком, в одних трусах – но не заспанный, а скорее задумчивый. Увидев, что отец не протестует, мальчишка рухнул в кресло, пару раз качнулся на мягкой обивке... но потом поднял коленки к подбородку, обнял их руками и медленно спросил, глядя куда-то под стол:

– Паааа... А когда ты влюбился в маму – что ты чувствовал?

– Я? – Борис Игоревич несколько растерялся и снова поднял голову от бумаг, в которые уже успел уткнуться вновь. – Я... ну... – Он честно постарался вспомнить и так же честно признался: – Не помню, знаешь. Хотя... – Он потер переносицу. – В общем-то, наверное, потому и не помню, что думал только про нее. Ну, ты читал книжки? Так вот, там правду пишут.

– А она как себя вела? – Денис устроил подбородок удобнее и выжидательно посмотрел на отца.

– Сперва удивилась, – усмехнулся Борис Игоревич. – Оказывается, она с подружками поспорила, что я еще год буду раскачиваться, не меньше. А я как сейчас помню – в конце первого месяца знакомства ляпнул: «Давай поженимся!»

– Так и сказал?! – Денис вытянул шею.

– Честное слово, так и сказал.

– А она?

– А она сказала: «Давай». От растерянности.

Денис посидел еще, явно что-то соображая. Потом задал новый вопрос:

– Пап. А ты сейчас маму любишь?

– Да, – спокойно и коротко ответил штабс-капитан. Потом разъяснил: – Просто бывает любовь-чувство и любовь-жизнь. Первое должно переходить во второе. Иначе первое заканчивается ничем. А глупые люди иногда говорят: «Да не может такого быть, просто привыкли, вот и живут вместе!» А у нас ты, у нас дело, мы друг друга хорошо знаем – разве это привычка?.. Кстати, а что ты все про это? – прищурился Борис Игоревич.

Денис молча перетек поперек кресла. Поболтал пятками. Усмехнулся чему-то своему. Встал, потянулся, подошел к отцу, оперся руками о его спину и сказал:

– А меня сегодня похитить хотели. Или убить даже, я не знаю...

...Окно было открыто. Олег сопел, обняв кровать руками и ногами.

Денис подошел к окну и закрыл его. Задержал штору.

И в последний момент успел почувствовать уже знакомый взгляд с улицы. И на этот раз – заметить, как растаяла в темноте быстрая тень.

Глава 25

Волшебная ночь

Проблемы начались с медосмотра. Валерия Вадимовна сначала просто фырчала, что ей не дают работать, что у нее дела с организацией фельдшерских курсов, что она еще не была на латифундиях и вообще не обязана лазить в сопливые носы и невымытые уши каким-то недоразвитым, которые польстились на политические провокации ее ненормального сына, что вообще наступает праздник, и она собиралась... Денис мудро помалкивал. Это была правильная тактика – Валерия Вадимовна, естественно, в конце концов отправилась проводить медосмотр.

По результатам которого надо было не пионерский отряд создавать, а открывать санаторий. По крайней мере, так мрачно сказала Валерия Вадимовна. К делу она отнеслась как обычно – то есть совершенно серьезно. Из поспешно отгороженного в углу сцены «кабинета» постоянно раздавались то писк, то даже короткие вопли, которые прерывал командный голос Валерии Вадимовны, – а потом вылетал очередной осмотренный (или очередная). Как правило – ошалелые. Видимо, **настоящего** медосмотра до этого момента они не видели.

Денис вошел последним. Валерия Вадимовна поинтересовалась не без яда:

– Тебя тоже осмотреть?

Перед нею на столе лежали медкарточки – как новенькие, так и уже потрепанные.

– Я здоров! – сказал Денис. – А остальные?

– Это, – взгляд Валерии Вадимовны впечатался в потрепанные, – карточки тех из твоих протеже, которые работали на «Энергию», я их взяла в правлении. А это, – она пристукнула по новеньким, – результаты моего осмотра. Небо и земля! – она опять стукнула пальцем. – Я выпишу всем рекомендации, – Валерия Вадимовна придвинула чернильницу. – Будут выполнять – все еще можно выправить на месте... – Она задумалась и тихо сказала: – Ну, почти все.

– У кого-то что-то серьезное? – спросил Денис.

– Вот этот мальчик, Гена Ишимов, – Валерия Вадимовна говорила очень тихо, и глаза у нее были печальные. – У него не в порядке печень. Последствия облучения... очень мощного.

Денис закусил губу. Генка – рассудительный, умный парнишка, который ему сразу понравился...

– Так что же, – сказал он еле слышно, – ничего уже... И сколько он проживет?

– Не больше года, – сказала женщина.

– Года?! – Денис резко выдохнул. – Мам...

Валерия Вадимовна размышляла несколько секунд. Потом улыбнулась:

– А ты правда за них переживаешь... Ты же их знаешь всего несколько дней... – Денис неопределенно pokrивился. – Конечно, сделать можно все. И я сделаю – мальчик поедет в Империю лечиться. Думаю, через пару месяцев он выздоровеет.

– Я не буду ничего говорить ему, – решил Денис. – А ты, мам... ты сделай поскорей, чтобы он поехал, хорошо? И еще... в школу ведь положен фельдшер?

– Ладно, ладно, ладно! – Валерия Вадимовна нахмурилась. – Я все поняла. И не надо мне сейчас про наше будущее и подрастающее поколение. Из первого же выпуска фельдкурсов будет вам штатный фельдшер. Если вы эту школу вообще постройте.

– У тебя сомнения? – Денис подбоченился.

Валерия Вадимовна хмыкнула:

– Естественно, раз ты принимаешь участие в стройке. Тут вполне может возникнуть внештатный космодром.

Денис засмеялся, выдернул мать из-за стола и закружил по выгородке.

– Пусти, балбес! – Валерия Вадимовна перехватила руки сына и крутнула его так, что он волчком «вышел» наружу, откуда немедленно послышался галдеж. – Вот еще, – женщина хмыкнула, собрала карточки в стопку, глянула в наспех повешенное металлическое зеркало – и, подумав, сделала фуэте.

А потом показала отражению язык...

...Снаружи «осмотренных» поджидала нехилая компания сурово настроенных родителей. Денис, вышедший первым, сперва обалдел от вопросов – довольно угрожающих, – смысл которых сводился к следующему: зачем это детей осматривают?! Сама постановка вопроса ошарашила Дениса, а кандидаты в пионеры вообще носа наружу не казали. Постепенно в выкриках вырисовался лейтмотив: **кто-то кому-то сказал и еще кто-то услышал**, что осмотренных детей – чтобы не болтались без дела, раз уж на шахтах работы нет – отправят в лес, валить деревья. Мол, приказ Бахурева такой.

Денис стремительно осатанел. Он сбежал со ступенек (над входом уже была новая вывеска – «ВЕДЕТСЯ СТРОИТЕЛЬСТВО НАРОДНОЙ ШКОЛЫ!!!») и перекрыл взрослые голоса, перелетев на дискант:

– И меня первого туда отправят, бригадиром первой бригады!!! А из поваленного леса памятник Бахуреву будем строить!

От такого заявления толпа ошалела и примолкла, соображая, шутка это или довесок к страшной правде... а Денис усилил напор:

– Ну взрослые же люди! Вам ваши сыновья и дочери вчера дома про пионеров рассказывали?

Он угадал, – конечно же, все дома изложили свои виды на будущее. Поэтому мекание из толпы – с разных концов – было утвердительным. Денис обернулся:

– Олег, тащи сюда уставы, какие остались!

– Два всего, – Олег спустился по ступенькам.

– Давай два, – Денис сунул книжечки в первые попавшиеся руки. – Вот, почитаете – дальше передадите... если грамотные. А сейчас, раз уж пришли – по очереди внутрь, Валерия Вадимовна будет вам... – Краем глаза Денис увидел в окне лицо матери – оно выглядело весьма многообещающим. Но отступать было некуда... – ...инструкции давать, как ваших детей... гм... э... подтянуть.

– Куда? – обморочно пискнула какая-то женщина.

– В будущее! – гаркнул Денис. – Давайте, по одному заходите!

После недавних событий авторитет Вадимны в поселке был непререкаем. Поэтому толпа стремительно преобразовалась в очередь.

– Тетя Валя тебе уши оторвет, – прошептал Денису Олег.

– Сегодня Иван Купала, – шепнул в ответ Денис, – а до завтра она остынет... А кто эту чушь про лесоповал сказал? – это он обратился уже к очереди (с крыльца постепенно

спускались и подходили к родителям «осмотренные», начинались разговоры).

Выяснилось, что, как обычно, никто ничего вроде и не говорил – слух возник сам собой... Щуплый мужичок вдруг обратился к Денису:

– А скажите, значит, это... товарищ Денис... – (мальчишка спрятал улыбку). – Племян мой... Чакин... Никитка... Он сказал, что вроде как по сапожному делу нужда?

– Нужда, – кивнул Денис. – Ботинки нужны, вот такие... – он покрутил ногой.

Мужичок немедленно встал на колени и осмотрел обувь Дениса. Похмыкал и уже ничуть не заискивающим, уверенным голосом сказал:

– Хорошая работа. Уважаю. А только я лучше сделаю... – Он выпрямился.

– А! – Денис хлопнул себя по лбу. – Вы – дядя Никиты?

– Чакин Илья Ильич, – мужичок протянул руку, Денис пожал ее (у хилого дядьки оказалась крепкая лапища). – Сапожник... Я так понимаю – на всю вашу команду ботинки нужны?

Денис кивнул.

– Можно сделать, – заявил Чакин.

– На лето – и ботинки, – осуждающе сказала какая-то женщина. – Не напасешься.

– У тебя и зимой босые бегают, – ответили ей.

Затеялся женский спор. Денис на него не обращал внимания.

– Сколько вы берете за пару? – спросил он. – Материал ваш. Кожа, что там еще...

– Эх... – Илья Ильич вздохнул. Махнул рукой. Плюнул.

Денис от нетерпения поджал пальцы в **своих** ботинках. Ну же, ну, Илья Ильич, миленький, **давайте** ...

– Никитка да еще двоих пацанов давай – и стачаю с таким. Только поработать придется. По времени. Само собой.

– Бесплатно? – Денис надеялся на это, но теперь не верил. – Уйма работы. А жить вам как?

– А как раньше жил? – Сапожник опять махнул рукой, но уже не отчаянно, а скорей лихо. – А тут – своим.

– Вот что, – Денис вздохнул. – Пятьсот тысяч в месяц буду платить. Это мало, я знаю. Но...

– Я ж сказал... – Илья Ильич нахмурился, но Денис поднял руку:

– Пожалуйста, дослушайте... Это не за ботинки. Научите ребят, которых я дам, работать с кожей. Вы же не только ботинки тачать умеете, верно?

* * *

Ивана Купалу в отличие от Дня Девочек отмечали и здесь. Денис сколько себя помнил, столько помнил и этот летний день – праздник летнего солнцеворота. Его отец несколько раз был «урядником» в районе, где проживали Третьяковы. С самого утра девушки собирали травы и цветы, плели венки и припасали травы-обереги – полынь, зверобой, а то и просто крапиву. На улицах Петрограда тут и там можно было встретить их – с целыми пучками на поясах. Парни срубали деревья – чаще всего вербы – высотой в два человеческих роста, ставили на местах, выбранных компаниями для проведения гуляний, чаще всего у воды. Девушки украшали дерево – «марену» (так называлось оно на родине Войко, и это название прижилось в их с Денисом отряде) или «купалу» – цветами и цветными лоскутами ткани. Под дерево прилаживали изображение Ярилы – связанную из соломы куклу величиной в половину человеческого роста с внушительным мужским достоинством, окрашенным в красный цвет. Перед «Ярилой» на блюдах раскладывали еду. Парни заготавливали дрова и складывали неподалеку от деревца два будущих костра. Один, большой – «Купалец» – иногда высотой был до второго этажа; в середине его устанавливали высоченный шест, на вершине которого крепили деревянное просмоленное колесо. Другой костер, колодцем, до пояса – «крада» – был нужен для сожжения лика Ярилы. Венки, крапиву для купания и

травы-обереги складывали тоже под деревом. И около четырех часов пополудни начиналось самое интересное...

Денис знал этот обряд от и до. И очень обрадовался, когда увидел, что и тут он мало чем отличается от привычного... но сегодня ему не хотелось праздновать ни с кем – ни с родными, ни с новыми друзьями. Дениса трясло от возбуждения, когда он седлал коня, мурлыча про себя, чтобы успокоиться, как бы показать самому себе: ничего необычного не происходит:

Открывай калитку тихонько —
Слышишь, праздник-то какой?
Слышишь песен голос звонкий —
Над кострами, над рекой?

И кровь прыгала в висках в ритме много раз слышанных бубнов:

Купала – Ивана Купала,
Купала – Ивана Купала —
Купала!
Хэй-хэй!

И несколько раз ткнулся лицом в гриву Серого, чтобы унять дрожь. Денис был одет, как привык одеваться на праздники – белая рубаша с красной вышивкой по вороту, обшлагам и подолу, широкий пояс с чеканной пряжкой и ножом (не скаутским – мужским русским ножом, «полевкой»), свободные синие штаны, узкие черные сапоги без каблуков, волосы схвачены вышитой повязкой. Продолжая напевать, Денис вскочил в седло и ткнул Серого:

– Но-о!..

...Погадай мне – мне не страшно!
Видишь – там, вдалеке,
Где-то папоротник в чаще
И плывут венки по реке...

...У казаков гуляли уже всюду. В роще, окружавшей станицу, Денис буквально наткнулся на хоровод – девчонки водили его вокруг дерева, одновременно передавая друг другу здоровенный черпак с чем-то золотистым. Парни дудели в рожки и били в бубны, а девчонки пели хорошо знакомое Денису:

Во поле было, во поле,
Стояла береза.
Она ростом высока,
Листом широка.
Как под этой березой
Лежал Кострома;
Он убитый – не убитый,
Да убрусом покрытый.
Деввица-красавица
К нему подходила,
Убрус открывала,
В лице признавала:
«Спишь ли, милый Кострома,
Или чего чуешь?
Твои кони вороные

Во поле кочуют».
 Девница-красавица
 Водицу носила.
 Водицу носила,
 Дождичка просила:
 «Создай, Боже, дождя,
 Дождичка частого,
 Чтобы травоньку смочило,
 Остру косу притупило».
 Как за речкой, за рекой
 Кострома сено косит,
 Бросил свою косу
 Среди покосу...

Ромка – тот самый казачонок с табачного цвета глазами с вертикальным зрачком – вроде как ненароком задел чучело Ярилы – оно упало. Кто-то из девчонок отчаянно крикнул: – Ярила умер!!!

Хоровод остановился. Парни подняли «Ярилу», затормошили его. Девчонки кричали:

Ой, ой! Помер он, помер!
 Какой же он был хороший!
 Не встанет он больше!
 Ой, да как же нам расставаться с тобою?
 И что за жизнь, коли нет тебя!
 Приподнимись хоть на часочек!

Чучело понесли вокруг деревца, пятясь задом наперед под выкрики девчонок:

Батюшка Кострома, свет Ярила!
 На кого ты нас покинул!
 Закрылись твои ясны оченьки!

Денис закусил губу. Когда в годы прошлой войны под низким беззвездным небом умерли выдуманные хитрецами боги «мировых религий» – во многом вернулась прежняя вера. Та, с которой Человечество начиналось. Вера в то, что мир вокруг – живой...

Шествие между тем дошло до погребального костра, осторожно уложило «Ярилу». Костер зажгли с четырех сторон и, переговариваясь, пересмеиваясь, стали расходиться к еде и питью.

Денис не стал вмешиваться – тронул коня и проехал стороной...

...Около мазанки Мелеховых никого не было. Ну и понятно – едва ли во всей станице сейчас можно сыскать хоть одного человека, от грудных детей до стариков... Денис въехал во двор верхом. Наклонился и постучал в дверь.

Шагов он не услышал. Но через какие-то секунды из-за двери послышалось:

– Кто там?

Знакомое. Род... **родное** .

– Иван Купала, – ответил Денис.

Дверь распахнулась.

Настя была в праздничном наряде. На поясе висели два свежих венка – слева и справа.

– Я еле осталась, с собой все звали... – Настя подняла лицо. – Но я не верила, что ты приедешь. У вас, наверное, тоже празднуют. А ты теперь, говорят, там вообще главный... Не верила... а все равно... так... ждала.

– Дай руку, – Денис протянул ладонь.

Настя упрямо мотнула головой, вышла, притворив дверь. Направилась в конюшню и через минуту, не больше, выехала на серой кобылке – боком в седле, но ловко.

– Это моя Туманка, – сказала она, подъезжая к Денису, – узкий носок ее сапога ткнулся в носок сапога Дениса. – Я на ней езжу уже четыре года. И ни разу не падала. Поедем?

«Куда?» – хотел спросить Денис.

Но вместо этого свел пятки на конских боках:

– Поедем...

...Мальчишка и девчонка ехали речным берегом – прямо в горящий в щели между облаками и горизонтом густой алый закат, со стороны которого дул теплый упругий ветер. Откуда-то из низины, где между деревьев россыпями горели и двигались огни, несло:

Разыдись темно,
Разгорись добро,
Засверкай светло,
Яри ясное
Солнце красное.

Стани-стань доли,
Яко Род вели.
Стани-стань доли,
С неба до земли!

Стани-стань доли,
Яко Род вели.
Стани-стань доли,
С неба до земли!

Стани-стань доли,
Яко Род вели.
Стани-стань доли,
С неба до земли!

Зашуми моря светлопенная,
Шелести дубы вековечная,
Засверкай мечи разудалая,
Расплодися земля бо ярая,
Всполыми огню искрозарие.
Да творите славу преогромную
Самому Купале Сварожичу!
Гой!

– Гooooooooооййй!!! – прокатилось по реке с нескольких сторон, соединилось, ахнуло в берега: – ГОЙ!!!

Влике Триглаве – многославе!
Диде-Дубе-Снопе нашиа,
Вминьте сварожцей славящей,
Кие есте отроче ваше.
Свароже, кие нам дороже,
Свароже – наш великий Боже.
Перуне, брады златоруне,
Перуне силе нам даруе.

Велесе, дерзаце небесе,
Велесе, благо дари веси.
Бонде над нами благодсти Божское,
Ноне а присно, от веку а до веку! Гой!³⁴

– ГООООЙЙ!!!

– Гой, – сказал Денис.

– Гой, – отозвалась Настя, поворачивая голову – так, как поворачивают зрячие. – Послушай... какой ты? – тихо спросила она.

Вопрос застал Дениса врасплох. Мальчишка даже покосился в седле и заморгал.

Какой он? А **какой** ? Как это объяснить **человеку, который никогда ничего не видел?**

НИКОГДА.

НИЧЕГО.

Нос короткий, ресницы длинные, как шутит мама. Хотя у него и ресницы короткие – короткие и густые, пушистые... Но что такое **длинный, короткий, пушистый** – если ты никогда ничего не видел?

– Я не знаю, – прошептал мальчишка. – Как... какой? Обычный.

Десятки, сотни, тысячи слов теснились на языке у мальчишки. Он мог описать ими все, что угодно. Но... все это богатство ничего не значило для Насти.

Для нее ничего за этими словами не стояло. Только чернота.

Но и этого слова она не понимала...

Денис отчаянно замотал головой.

– Ты что? – встревоженно спросила девчонка, снова поворачивая в его сторону голову – она было отвернулась, глядя... (**глядя?!**) вперед.

– Ничего, – буркнул Денис.

– Девчонки говорят, что ты красивый мальчик...

Уфффф... А все-таки иногда хорошо говорить со слепыми. Они не видят, как краснеешь. Хотя... она и почувствовать может, наверное – Денис мог поклясться, что от него сейчас понесло жаром, как от печки.

– Обычный, – ответил он хрипло. И чуть дернул головой, когда пальцы Насти коснулись его лица.

– Тебе... неприятно? – Девчонка отстранилась и склонилась назад в седле. – Прости... Я понимаю... – Она откинула волосы назад и с каким-то вызовом добавила: – Меня и в жены никто не возьмет. Побоятся, что и дети будут... сле... такие же.

– Глупости! – вырвалось у Дениса. – Я не побоюсь!

– Ты? – словно колокольчики-струйки в ручейке заплескались.

Денис обмер от наслаждения.

А Настя продолжала насмехаться:

– Ой жених! Не казак даже, да и смелости тебе не хватит – к нашим посвататься. У нас знаешь как? Украсть надо, а отец и братья с нагайками караулят, верхом гонятся... Зашибут запросто.

– Я не боюсь! – сердито сказал Денис. – Понятно? Не боюсь! Никого и ничего! – Он ожег бока Серого ладонью, усмирив уздой захрапавшего удивленно коня. – Ничего! Никого не боюсь! – почти зло выкрикнул мальчишка с полыхающим лицом.

– Подожди, – Настя сняла с пояса венки из полыни и безошибочно опустила его на голову Денису. От горьковатого запаха голова зашлась, поехала. Второй венок Настя надела себе. – Да, ты не боишься, – задумчиво сказала она. – Я чувствую. Но это не главное... Смелых вокруг много. А ты... – она не договорила.

На реке пели:

Божия треба – свети освящайся,
От земли до неба – свети освящайся,
От соли да хлеба – свети освящайся,
Пребуди лепа – свети освящайся!

Около одного костра – совсем близко – было видно, как кто-то с караваем в руках ходит вдоль ряда и все касаются хлеба правой рукой. Подальше снова водили хоровод, слышались девичьи голоса:

Как ходили девочки
Около Мареночки,
Около Купало
Солнце заиграло...

Денис засмеялся – увидел, как на этот хоровод один за другим налетают парни... и вот уже один, ловко выхватив ветку, бежит к реке, замирает у воды, размахивая веткой, ломает ее, бросает подбегающим, а остаток кидает через плечо и кричит:

Плыви, Купало, за водою,
Да за святою росою!

Под смех в воду полетели цветы, крапива... и вот уже кто-то первым, разбросав одежду, прыгает в воду – а через миг река закипает сразу в нескольких местах...

– Поедем к ним, – попросила Настя.

Денис удивленно посмотрел на нее, но, помедлив, кивнул:

– Конечно, поедем...

...Около Купальца – костер уже зажгли – их встретили совершенно как своих, хотя Денис и не узнал никого из веселящихся – то ли не было их тогда среди казачат и публики, то ли их изменил праздник. Только какая-то девчонка, проверяя, хлестнула Дениса крапивой по рукам и крикнула весело:

– Человек! – и тут же их затащили в хоровод, в песню...

Хоровод распадался – со смехом, с шутками – и снова составлялся. Парни несколько раз затевали схватки – то ли шуточные, то ли всерьез, не поймешь. Костер оседал, рассыпался, фыркал синеватым и зеленоватым пламенем – и стало понятно, что вокруг-то уже совсем темно.

А Денис ждал. Он ведь знал, что будет скоро – и ждал, ждал, ждал... Настю он отвел к какому-то бревнышку, усадил, а сам отошел чуть в сторонку и прислонился к дереву. Кстати, девчонки на него посматривали... и вот, когда кто-то взялся загадывать загадки, одна из девчонок выкрикнула:

А ну – угадайте, узнайте —
С конем, а не казак,
Это как?
Не казак, а не мужик —
Как такому жить?!³⁵

³⁵ Напоминаю, для казаков слово «мужик» является оскорблением. Так что никакой подколки над Денисом в загадке не было.

Денис засмеялся. И еще кто-то – уже из парней – крикнул:
– Простая загадка! Вон он стоит – имперец!
– А вот моя загадка! – сказал Денис.

Вместо глаз – два огонька,
Коса долга,
Ум короткий,
Язык, что плетка.

– ТонькааАААА! – восторженно заорали вокруг, и девчонка сердито фыркнула, спрятала лицо в косу. Но тут же выпрямилась: – Прогорел костер! – И, прыгнув к одному из мальчишек, хлопнула его по плечу – крепко, так, что того шатнуло на сторону: – Догоняй!

Поднялась кутерьма. Девчонки хлопали парней по плечам, метались, парни ловили руки, цепко перехватывали пальцы в пальцы, намертво – и тут же прыгали через рдеющую здоровенную грудку углей, проносились тенями на ту сторону догоравшего костра...

Плеча Дениса коснулась чья-то рука. Он оглянулся.

– Догоняй, – сказала Настя, и мальчишка сжал ее пальцы.

– Беги рядом со мной, – сказал он.

Настя дернулась:

– Я пошутила... зачем тебе... это же...

– БЕГИ РЯДОМ! – крикнул Денис резко и повелительно.

И бросился вперед – как в атаку. Вокруг изумленно заахали, но это Денис слышал как бы с той стороны кромки.

Ему показалось – жар костра сам перебросил их через угли.

Он так и не выпустил руку Насти – отвел ее к тому бревнышку, сел рядом. Девчонка растерянно дышала.

– Денис... – начала она.

– Ну не надо, – тихо попросил мальчишка.

– Хорошо, – покорно согласилась она.

– Все ли простили обиды?! – крикнул кто-то.

Согласный гул был ответом. На Дениса и Настю продолжали бросать удивленные взгляды, но никто ничего не говорил и не спрашивал – начался ночной пир, все собирались к огню, со смехом делили, передавали друг другу что находилось-попадалось под руками... У Дениса оказались какие-то блины, кружка с пивом, кусок окорока, несколько больших полукруглых ломтей свежего хлеба, штук пять вареных яиц... Одно он тут же стукнул о лоб и, очистив, вложил в руку Насти:

– Будешь?

– Я такая голодная-а-а... – протянула она жалобно и искренне.

– Тебя покормить? – в полушутку спросил Денис.

И зашелся от сладкого восторга, когда Настя приоткрыла рот.

– Давай, что же ты? – с легким лукавством сказала она.

Вокруг звенели смех и песни. Смешивались, переходили друг в друга, аukaлись за деревьями и эхом гуляли по реке. Денис не очень обращал на них внимание – но неожиданно, действительно «вдруг», совсем рядом под гитару одна из девчонок запела – и Денис встрепенулся, повернулся туда...

Есть такой подарок от судьбы —
Дар из НИХ, из тех – сродни проклятью...
Вздрагивать от не своей беды,
Как своим – болеть чужим несчастьем!
Холодом обиды не своей
Правда чужака ударит в спину...

Надо б отвернуться,
Надо бы проснуться,
Надо бы забыть – да поскорей...
Надо бы отвлечься,
Надо бы отречься,
Надо бы... да легче вовсе сгинуть!

«Надо бы отвлечься, надо бы отречься, надо бы... да легче вовсе сгинуть!» – повторил про себя Денис и беспокойно шевельнулся...

А песня продолжалась:

Есть такой подарок по судьбе —
Дар из НИХ, из тех, с которым – в пропасть...
Чуют, как в теплеющей воде
Мигом кровь перекипает в гордость!
В каждой мелкой слабости пустой —
Ад без боя отданной границы!
Надо б без гордыни...
Надо бы терпимей...
Надо бы простить... да что с тобой?
Надо бы отвлечься,
Надо бы отречься,
Надо бы... да легче удавиться!

А еще такой подарок есть —
Дар из НИХ, из тех – сродни безумью...
Видеть жизни огненную сеть
В каждом блике – солнечном и лунном!
Если даже с кляпом – не смолчать!
Если даже без ушей – ты слышишь!
Надо бы спокойней...
Надо бы достойней...
Надо бы... Зачем же так кричать?!
Надо бы отвлечься,
Надо бы отречься,
Надо... да без этого не дышишь!

«Надо... да без этого не дышишь!» – повторил Денис снова.

А девчонка, склонив голову к гитаре, пела, пела, пела...

Вот такие редкие дары —
Прокляты – и столь благословенны...
Вот такие правила игры .
От небес – до огненной геенны...
Правилом положено – играть.
Только – это каждый САМ решает:
Спать или смеяться,
Плакать или драться,
Отрекаться или принимать?
Я не утверждаю
И не убеждаю

Просто – выбираю. Выбираю³⁶.

– Про тебя, – тихо сказала Настя, обнявшая руками талию Дениса. И вдруг добавила: – Знаешь... я думала, что **никогда в жизни** вот так парня обнимать не буду... – и спрятала лицо на плече Дениса, прошептала: – Спасибо тебе, Дениска...

Денис тут же забыл про песню – его крепко хватанул столбняк.

– За что? – пролепетал он сухими, вспыхнувшими изнутри губами.

Настя не ответила. Несчастные губы Дениса – он ощущал это – стали до боли чувствительными, реагируя даже на прикосновения одна к другой.

А в ночи вспыхнуло и под громкие крики покатилося к воде, подпрыгивая и разбрызгивая огонь, первое пылающее колесо...

– Пошли пускать венки, – сказала Настя, и Денис перешел на следующую ступень столбняка.

«**Пускать венки?! Это же...**»

Но вслух этого он сказать не мог.

– Пойдем, – прохрипел он, стараясь не начать кусать губы, чтобы болью унять невероятную чувствительность.

И поднял девчонку с бревна – за кончики пальцев...

...Стоя по колено в воде, Денис перевязывал травяным жгутом соломенный плотик. Неожиданно быстрое течение смешно и щекотно высасывало из-под пяток ил, и мальчишка переминался с ноги на ногу, то и дело поглядывая на девчонку, стоявшую в двух шагах от него – тоже по колено в воде.

– Готово, – сказал Денис, выпрямляясь.

– Готово, – эхом отозвалась Настя.

Безошибочными движениями (**не может** она быть слепой, чушь!!!) она сняла венки с себя и мальчика, положила их на качнувшийся плотик. Денис, одной рукой обняв Настю за плечи, другой подтолкнул его. И чуть не сказал: «Смотри!» – мимо плыли множество таких же плотиков.

Но Настя, кажется, что-то такое почуяла. Денис услышал рядом ее голос – и опять не сразу сообразил, что эти же слова – не в лад, но одни и те же, да! – поют над рекой десятки, если не сотни девичьих голосов:

Ой на святого,
Ой на Купалу
Девки гадали,
Венки кидали.
Кидали в воду,
В воду быструю.
Скажи, реченька,
Про жизнь молодую
С кем, наша реченька,
Век вековати
Кого, наша реченька,
Любым назвати?
Долго ль я жити
Долго ли буду?
Неси, реченька, венок,
Не дай потонути...

³⁶ Э. Корали. «Песенка о проклятых дарах».

– Он плавает? – спросила Настя.

– Он плавает, – ответил Денис.

И поднял девочку на руки. Настя вздрогнула, но не вскрикнула – обхватила мальчишку за шею сильными руками, и Денис вынес ее на берег. Поскользнулся на мокрой траве, но удержался на ногах – и, ощутив, что Настя даже не вздрогнула, а лишь крепче обняла его за шею, понял с замиранием: **она ему верит**. Девчонка показалась ему легкой-легкой, легче Володьки тогда, на дороге. На лице – чуть запрокинутом – и ожерелье Насти играли отблески догорающего костра.

– Ты будешь купаться? – спросила девочка.

Денис кивнул. Спohватился, сказал:

– Да...

– Тогда поставь меня на место, – засмеялась Настя и качнула ногами. – Поставь, поставь.

Денис выбрался на берег чуть в стороне от костра. Впрочем, многие уже разбрелись по парам. Денис это знал. Но знал и другое – есть крепкое предание, что дети, которых зачали в этот день, будут несчастливы. Они всю жизнь будут искать то, чего нет, затевать сумасшедшие, неисполнимые дела – и высшее наслаждение человека – поиск нового – обернется для них разочарованием и пустотой в конце срока. А еще... еще Денис боялся. Он испытывал физическое желание – очень сильное, испытывал, понимал, что это такое – и боялся, что обидит Настю неумением, сделает ей больно, оттолкнет.

Этого он бы уже не перенес.

Настя между тем выскользнула из одежды – из **всей** одежды, как полагалось – и, вновь безошибочно переступая, вошла в воду, поводя руками. Обернулась, позвала:

– Денис?

– Я... иду... – мальчишка отвернулся. Это было нечестно – смотреть на нее, когда она не видит. – Я сейчас.

Воздух – влажный и теплый – показался Денису холодным, обжег тело. Мальчишка обхватил себя за плечи, шагнул в воду поскорей, запрокидывая голову – и увидел в разрыве туч острый взблеск звезды.

– Мы будем там, – прошептал он совершенно не относящееся к происходящему, но пришедшее на ум само собой.

Сделал еще шаг и положил руки на плечи Насте (она вошла в воду по пояс) – сзади, вытянутые. Подойти ближе он... в общем, не стал подходить ближе. Настя была горячей, как печка.

– Если хочешь – можешь взять меня... как женщину, – послышался ее голос, и лицо Дениса запылало.

Он сглотнул и сказал:

– Я... я хочу... Но я не буду... я...

Он с испугом подумал, что попал в ловушку – его отказ Настя могла воспринять как нежелание связываться со слепой, а согласиться!.. Но девочка шагнула назад-вбок, ловко уйдя из-под рук, склонила голову на плечо Денису, обняла его за шею и прошептала:

– Спасибо... Я ведь ничего не умею и очень боюсь...

– Я тоже ничего не умею, – признался Денис, касаясь темной воды перед собой ладонью. – Ни разу ни с кем не был. Я...

Он шагнул еще, поглубже в воду, и почувствовал, что остывает. Чуть ли не шипя, как брошенный в чан кусок раскаленного металла. Сравнение показалось ему смешным, и он, оттолкнувшись ногами, ушел под воду. И поразился, когда цепкие пальцы девочки – щелк! – сомкнулись на щиколотках, и Настя, скользнув вдоль его тела своим, со смехом выскочила на поверхность, притопив мальчишку.

– Ах!.. – вынырнув, выдохнул он возмущенно. – Нечестно!

– Почему?! – рассмеялась Настя и опять с головой ушла под воду. – Пошли искать папоротник! – крикнула она, выныривая снова, у берега. – Вдруг он зацвел специально для

нас?!

Над рекой раздавались смех, голоса и плеск. Костер вспыхнул ярче – те, кому не нашлось пары, подбросили дров...

...На седом от росы лугу над речным берегом стояли Серый и Туманка – бок о бок, положив головы на спины друг другу. Было даже странно, что они нашли друг друга. Или ничего странного, все правильно? Охнув от холода – ноги опалило неожиданно ледяной росой, обувь так и осталась у костра – Денис попятился с луга обратно в лес, сказал через плечо:

– Наши кони на лугу целуются. А папоротника нет.

– Он от тебя прячется, – серьезно произнесла Настя. – А я слышала, как он звенит – будто колокольчик где-то в траве. Только ничего не говорила... Денис, зачем я тебе?

– Ты? – Денис удивился, словно его спросили, зачем ему воздух. Поразмыслил честно.

Настя тем временем подошла и положила руки ему на бедра, уткнулась в грудь щекой.

– А я не знаю, – признался он. – Я тебя увидел и подумал: вот, я без нее не могу. И все. Что еще-то? – почти обиженно спросил он.

Настя коротко выдохнула, прижалась сильнее, больше ничего не спрашивая. Денис обнял ее, стиснул почти судорожно – и заржали кони, сперва Серый, потом Туманка.

– Едет кто-то, – отстранилась Настя.

– Да тут сейчас полно народу ездит, – засмеялся Денис.

Настя покачала головой:

– Нет... чужой...

Денис начал озираться. Нет, он не испугался и не насторожился – ага, сейчас, враг на станичной территории... такой лихой самоубийца-мазохист-экстремал. Просто стало интересно – неужели Настя **так** слышит?

– Эй, кто там стоит? – послышался смутно знакомый мальчишеский голос.

Денис услышал окрик раньше, чем увидел всадника – и недовольно поморщился: какой же он следопыт-то? Одно название?! Ответила Настя – спокойно и бесстрашно:

– Тут Лихобабы, так что ты уж называйся сам.

– Пашка я, Бойцов, – отозвался мальчишка, и теперь Денис увидел что-то темное, движущееся по опушке. – Настька, ты, что ли? Ме-ле-хо-ва-а!

– Ага! – крикнула Настя в ответ и понизила голос: – Это сын одного хорошего мужика, у них кафе на перевале – «Приют» называется. Мы с его дочерью, с Иринкой, записями меняемся.

– А, Пашка, я его знаю, – до Дениса дошло, почему ему знаком голос.

Между тем Бойцов-младший спросил:

– Имперец не у вас? Денис Третьяков?

– Я тут, – со смехом отозвался Денис, и Пашка тоже захохотал:

– Ну и встреча! А я тебя часов десять уже ищу! В Горном сказали... – Но, перекрывая его слова, послышался голос еще одного мальчишки – радостный и звонкий:

– Денис, привет!

– Володька... – только и успел сказать Денис, а слетевший с седла мальчишка уже был рядом – разогнался явно прыгнуть на шею, но затормозил и солидно пожал руку. На Настю посмотрел ревниво, и Денис мысленно усмехнулся, а потом – ругнул себя: пацан пропал на несколько дней, а он о нем и вспомнил-то пару раз, не больше... А ведь могло всякое случиться. – Настя, это... – начал он, кладя руку на плечо младшему мальчишке.

– А его все знают, – улыбнулась Настя.

Подъехавший Пашка соскочил с коня – он был в маскухе, в легких ботинках, светлые волосы, как и в прошлую встречу, перехвачены лентой, «Медведь» в руке – стволом вниз. Поздоровался с Денисом, уважительно и бережно подержал протянутую Настей руку.

– Ты где этого нашел? – Денис подтолкнул Володьку в плечо.

Тот ответил сам:

– А, я в кафе пел, – и беззаботно махнул рукой. – А потом Пашка меня подвез.

«Подвез, – подумал Денис. – Не в поселок, а – сюда подвез. Ко мне».

И спросил у Пашки деловито:

– Ты меня чего искал?

Тот положил – легко – самозарядку стволом на плечо.

– Я те журналы, которые ты мне дал, прочитал подробно, – неспешно начал он. – Изучил, можно сказать. И услышал, что ты тут пионерский отряд создаешь. Отец сказал: «Я не против». Может, ты меня к себе возьмешь? Дело, похоже, стоящее. Я, правда, далеко живу, но, может?..

– Почему нет? – спокойно отозвался Денис. Внутри у него все бурлило от радости, но... не показывать же этого?

Пашка тоже вел себя совершенно флегматично – только кивнул.

– Вот за этим и искал, – подытожил он.

– Ты что, обратно поедешь?! – возмутилась Настя.

– Ну да, – ответил Пашка.

– Нет уж! – воскликнула Настя. – Пошли с нами – солнце караулить!

– А мне с вами можно? – грустно спросил Володька.

Вместо ответа Пашка подхватил его и усадил на коня. Володька немедленно перестал дуться и гордо выпрямился.

«Да, – подумал Денис, – иногда так мало нужно, чтобы выпрямить человека – всего-то посадить его в седло. Хотя, похоже, Володьку жизнь не так уж и согнула. А я бы смог оставаться таким веселым, если бы – ни дома, ни близких, ни нормальной еды? Ох, вряд ли...»

– Ну, так мы идем? – с высоты седла спросил Володька. Развел ноги, явно собираясь прищипорить коня пятками, и Пашка хмыкнул, взялся за узду:

– Разнесет.

– Пошли, – Денис по-хозяйски положил руку на плечо Насте.

И все четверо – мальчишка и девчонка, еще один мальчишка – ведущий под уздцы коня, на котором сидел третий мальчишка – двинулись неспешно вдоль берега. Солнце перед восходом распихало тучи, проглянуло между их нижним краем и горизонтом. А на той стороне кто-то пел:

...мы явились на свет
В жесточайшем, стремительном веке —
Чтобы люди людьми
Оставались в пиру и в бою!

Этот мир как всегда
Нам немножечко тесен...
Но лежит впереди
Чей-то песенный след...
Мы уходим туда
По следам наших песен —
Оставляя другим,
Оставляя другим
Нашей памяти свет!

Мы уходим туда
По следам наших песен —
Оставляя другим,
Оставляя другим

Глава 26

Паучье знание

– Я так думаю, что библиотеку надо перетащить в штаб.

Денис поморщился. Слово «штаб» казалось ему немного претенциозным – но так получилось, что оно прижилось – не оторвешь, прижилось мгновенно. Наверное, так и рождаются традиции, вздохнул мальчишка. Не слишком понятные, но свято соблюдаемые.

Они с Олегом приколачивали к последнему окну резные наличники. Денис между делом наконец-то закончил эту работу, и теперь дом Третьяковых обрел достойный вид. Такой, что прохожие выворачивали шеи, чтобы подольше рассматривать резьбу, а кое-кто даже останавливался. Подходили уже и с вопросами – где можно достать такие панели? Денис с совершенно непроницаемым лицом принимал заказы и назначал сроки – почему нет? Капитализм так капитализм, как он шутил. Хотя, когда он будет выполнять заказы, честно говоря, мальчишка пока не знал; обучить, что ли, пару ребят этому делу?

– Давай перетащим, – согласился он, любуясь резьбой. – Сегодня?

– К вечеру, – уточнил Олег. – Здорово получилось... Кстати, как думаешь... – он помедлил. – Таньку Васюнину можно в командиры девчоночьего звена?

– Третьего, – поправил Денис и отряхнул руки. – Можно, я думаю... Кстати, – передразнил он Олега, – как думаешь, а ты сам первое звено возьмешь?

– Я? – Олег вдруг покраснел, и Денис необидно засмеялся:

– Мечтал?

Олег покраснел еще сильнее и буркнул:

– Да ну...

– Никитка! – гаркнул Денис, и мелкий сосед возник из кустов, как из-под земли – в полной готовности и с улыбкой во всю физию. Следом шел Презик и зевал. – Тащи в дом, – Третьяков-младший кивнул на инструменты, разбросанные по траве. – А мы пойдем в душ.

Душевую кабинку мальчишки соорудили во дворе, чтобы не соваться в дом и не морочиться с тамошним душем. Всякий раз после их совместного посещения на полу можно было устраивать заплыв, и Валерию Вадимовну это страшно бесило, а Ольгу Ивановну – огорчало. Ей всякий раз казалось, что «хозяйка» злится на самом деле. Ну так или иначе Олег и Денис взялись и соорудили за углом дома легкую кабинку, на которую взгромоздили найденный на свалке бачок, а к нему присобачили самодельный душ – шланг с наконечником от лейки и зажимом. Там можно было «свинячить» (так выразилась Валерия Вадимовна) сколько угодно. Но Денис заметил, что родители тоже наведываются в уличный душ и даже собирался в удобный момент проехаться по этому поводу – насчет арендной платы.

Отойдя подальше, Денис еще раз полюбовался резьбой и удовлетворенно хмыкнул. Получилось то, что надо. Теперь по крайней мере дом будет знать, что живущие в нем люди его любят и о нем заботятся... Пока он любовался своим произведением, Олег оккупировал душ и при попытке Дениса затребовать себе законное место вышвырнул наружу ботинок – он летел точно в лоб Третьякову-младшему.

– По-моему, это наглость, – заметил Денис, перехватив летевшую обувь. – Ты что, так растолстел, что в кабинке места не осталось?

– Если попросишь как следует – пуцу, – сообщил изнутри Олег и произвел звук, наводящий на мысли о бегемоте.

Денис вздохнул, подкинул в руке ботинок и с криком «граната!» швырнул его в

³⁷ Из песни А. Земскова «По следам наших песен».

кабинку. Потом пригнулся и влетел следом. Раздались звуки беспощадной борьбы – настолько отчетливые и страшные, что Презик, подняв ухо (у него наконец-то начало стоять правое – левое пока болталось тряпкой), протрусил к душе и гавкнул туда, после чего (исчерпав все силы) повалился рядом с кабиной набок и немедленно уснул...

... – Раньше со связью было хорошо, – Денис ожесточенно вытирал голову полотенцем. – Были такие штуки – сотовые телефоны. Как сейчас радио, только их было много.

– А, я сто раз видел, – заявил Олег. Он сидел на лавочке и перешнуровывал ботинок. – Их часто находят. Я как-то разобрал один, думал – пойму, как устроен.

– А ими все равно пользоваться нельзя. – Денис усмехнулся, вспомнив, как они с Войко нашли однажды буквально залежи изящных аппаратов в титановых корпусах и, наигравшись, сдали титан в приемку. – Во-первых, они работали через спутники. А во-вторых, они мозги пекли излучением. Пару лет поговорил каждый день – и дебил.

– Серьезно? – спросил Олег.

Денис кивнул и добавил:

– Сейчас разрабатывают для связи браслеты со встроенным радиотелефоном. Я в журналах видел... Вот что. Давай-ка я сейчас в библиотеку пойду, а ты ступай на стройку и приведи человек пять. Перетаскивать так перетаскивать... А остальным скажи, чтобы место сразу приготовили.

– Да мы и всемером будем месяц таскать, – заметил Олег.

– Вызови вертолет, – предложил Денис.

Олег отмахнулся:

– Ладно... Ты по пути зайти к Чакиным, – вспомнил Олег, – насчет ботинок, как там дела. Адрес знаешь?

– Сто лет назад записал, – проворчал Денис, вешая полотенце сушиться на верх кабинки. – Зайду.

* * *

Выглянуло солнышко, по небу быстро разбежались – кругом, интересно так! – тучи, и Денис замедлил шаг.

«А скоро ли будет так, чтобы солнце днем светило постоянно? – подумал он. – Мне не надоест...»

Маршрут был уже выверенный. Дома Денис взял оборудование, снял с плана поселка увеличенную копию и обозначил на ней все дома «своих» пионеров и кратчайшие пути от дома Третьяковых к каждому. Разброс, кстати, был солидный, если что – убегаешься. Денис подумывал о том, чтобы собрать простенькие рации, как только появится возможность.

В нескольких домах он уже бывал. Олег знал, кого выбирать и с кем дружить – люди, жившие в этих лачугах, не опустили и не охамели. Но от этого тяжелей вдвойне было видеть крохотные комнатухи, полы, выстланные чисто вымытыми кусками линолеума, подогнанными друг к другу – ужасающую картину опрятной нищеты. Дениса встречали в таких домах с напряженным достоинством: мол, ты, конечно, имперец, но и мы – люди, так что... И он снимал у порога обувь и низко, серьезно кланялся хозяевам, а распрямляясь – улыбался всем сразу. Острым чутьем подростка Третьяков-младший отчетливо понимал: если чего эти люди и не простят – так это жалости и высокомерия. В результате хозяева оттаивали почти сразу. С ужасом Денис думал, что скоро придется заходить и в иные дома – с киснувшими под окнами лужами помоев, перекошенные какие-то, ощеренные, как лица и души их хозяев. И немного малодушничал: отряд окрепнет, всяко не одному...

...Над крыльцом Чакиных гордо висела вывеска, которой еще позавчера не было и которую Денис увидел издалека – и хмыкнул.

ОБУВНОЙ МАСТЕР ЧАКИН И. И.

Илья Ильич сидел под этой вывеской. Свои дети – две девочки и мальчик – у него были еще совсем мелкие, но рядом устроились Никитка, еще один парень из отряда – Лешка Гордеев – и незнакомый мальчишка лет одиннадцати с покрасневшим ухом. Никитка с Лешкой ловко работали короткими острыми «косячками» и пересмеивались, слушая мастера. Денис прокрался вдоль забора и тоже услышал речь Ильи Ильича:

– ...кожу портить. Из твоих ушей, что ли, драгоценных заказ мастерить? Малы, таких ушей на ботинок полсотни надо.

– Да-а-а... – проныл мальчишка, – а чего крутить-то так?!

– А как ты кожу, так и тебе ухо. Я ж тебе сколь раз показывал!.. И ты губы не дуй, сам пришел, сам просился. Дело верное, воздух свежий, от людей уважение. Теперь, раз у нас тоже вроде как Империя, руки нам освободили – рай прямо, сиди да работай! – И он в подтверждение своих слов оптимистично ткнул молотком по подошве ботинка, надетого на изогнутую «лапу».

– День добрый, Илья Ильич! – Денис вошел во двор. – А я...

– Никитка, живо, – махнул рукой мастер, встал и, подойдя, протянул ладонь. – Денису Борисовичу... Вот, – он с немного смешной гордостью показал на вывеску. – Теперь у меня дело свое, у Аркадия Тимофеевича **самого** зарегистрировался... а с вас вроде как можно плату-то и не брать – уже и заказчики есть.

– Ну, об этом мы больше не говорим, – отрезал Денис.

Никита с очень серьезным, даже торжественным видом спустился с крыльца, неся пару ботинок. Типичных пионерских, из легкой кожи, на гибкой «чуткой» подошве, с кожаными – тонкими и прочными – шнурками. Денис залюбовался обувью, как любовался каждым предметом, который делали «с душой».

– Отлично! – искренне сказал он.

Илья Ильич кашлянул – то ли смущенно, то ли довольно – и предложил:

– Ну, тогда и бери их себе, для почина, так сказать.

– Ну нет, – живо возразил Денис и покрутил ногой, поставленной на каблук. – У меня есть, а когда у одного две пары, а у другого – ни одной – это нечестно. Ну-ка, Никита, примерь.

– Да они мне велики, – засмеялся Никитка и повторил движение Дениса – поставил ногу на пятку и покрутил ступней. – Пусть Лешка меряет, у него нога больше.

Гордеев вспыхнул, не покраснел, а даже побурел. Посмотрел на мастера, который развел руками. Посмотрел на Дениса, который весело скалился. Посмотрел на свои ноги, вскочил и метнулся куда-то за дом. Денис не успел даже спросить, куда он намылился – Лешка вернулся на пятках, ноги у него были мокрые. Усевшись на ступеньку, он тщательно вытер пятки о штанины и стал натягивать ботинки так, словно они были из тонкой бумаги.

Это было смешно. Но Денис больше не смеялся. Отведя глаза, он спросил:

– Илья Ильич, а у вас второй готовой пары нет? И еще... Никит, будь другом, сбегай к девчонкам, спроси у них...

* * *

Генка полулежал на кровати в своем уголке – под самодельной полочкой с книгами. Читал он, правда, не книгу, а устав и, увидев осторожно входящего Дениса, сразу сел. Улыбнулся. На полу у изголовья стояла собранная небольшая сумка с длинным ремнем, поверх нее аккуратно лежала одежда.

– Привет, – Денис положил на пол объемистый сверток, который принес под мышкой, пожал Ишимову руку. – Как настроение?

– Мама отпускать не хотела, – Генка чуть ли не один из здешних ребят называл мать «мамой». Денис иногда думал, каково было этому парнишке – тихому, умному, любящему читать – в шахте... – Говорит – если уж умру, то лучше дома, а не за тридевять земель. Отец

на нее гаркнул, а сам, по-моему, тоже не верит. Сперва не верили Валерии Вадимовне, что я болею, – он недоуменно пожал плечами, – теперь не верят, что выздоровею...

– Да не умирают у нас от этого... и у вас не будут скоро, – сказал Денис сердито. – Ничего там у тебя страшного нет, тем более, что в самом начале обнаружили.

– Я в атласе посмотрел, где она, эта печень, – Генка обхватил руками поднятое колено. – Знать не знал, что она у меня вообще есть. И не болит она...

– Ну и хорошо. Моя мама, знаешь, как говорит? – Денис уселся на кровать. – Болезнь легче предупредить, чем лечить. Съездишь, заодно Империю посмотришь... Сейчас... – Денис достал блокнот и карандаш, черкнул на колене строчку. – Ты возле Сочи жить будешь, вот тут адрес одного парня, Саньки Краморова, мы с ним в «Орленке» вместе были. Зайдешь, когда время будет, скажешь, что от меня, в смысле, от Дениса Третьякова. Он там тебе все покажет-расскажет и вообще.

– Спасибо, – Генка взял листок. – Да... как у тебя, – сказал он негромко, вертя бумажку в пальцах, – везде друзья, знакомые...

– Ну вот с Санькой познакомишься – и у тебя в Сочи друг будет, – спокойно ответил Денис. – Считаю – начало.

Генка свел брови... а потом широко улыбнулся:

– Да, правда.

– Деньги... – начал Денис.

Но Генка сразу закрыл головой:

– Валерия Вадимовна выписала из фонда... Много, я думаю маме оставить.

– Не дури, – отрезал Денис. – У нас пока что бесплатного мало. Деньги тебе пригодятся... Волнуешься?

Генка пожал плечами, опустил ногу, поднял другую и вновь обхватил руками колено:

– Да я не знаю. Мне охота ехать... и правда волнуюсь. А ты не знаешь, как там лечат? Резать не будут?

– Зачем? – удивился Денис. – Там нечего вырезать, не печеньку же твою...

– Ха, – Генка широко улыбнулся и показал большой палец. Денис толкнул его в локоть локтем и получил ответный толчок. – Жаль, что со школой без меня все будет.

– Ну, зато потом приедешь – прямо к другим делам. Дел-то полно... – Денис поднялся.

– Уходишь? – грустно спросил Генка, ставя ногу на пол.

– Да... то есть... – Денис махнул рукой. – Давай-ка я тебе галстук повяжу, чтобы ты уж если ехал, то пионером, – немного неловко предложил он.

Генка грустновато улыбнулся:

– Да ну... спасибо, конечно, но только вид у меня все равно будет... одежда так себе.

– Ну, во-первых, галстук вещь такая, что его можно и на голой шее носить, – начал Денис. И спохватился: – А, да! Я тут тебе кое-что принес... в довесок к галстуку.

Он поднял сверток с пола и развернул.

Генка смотрел внутрь с минуту, не меньше. Было тихо-тихо, Денис покачивался с пятки на носок, улыбался и посвистывал. А когда Генка поднял растерянные и благодарные глаза, явно подыскивая слова, – подмигнул и сказал:

– Ладно, ты обживай все это... а галстук повяжу перед самым отъездом.

Повернулся «кругом» и направился к выходу.

– Денис... – начал Генка взволнованно.

– Перед отъездом, – весело раздалось уже за дверью.

* * *

В Библиотеке на столе лежала записка:

«Ждали, куда пропал то? Потасили первую партию – Погодина взяли кстати. Если пришел – подожди, я приду один, наверное, дел много на стройке. Олег».

– Ну и ладно. – Денис карандашом поставил на места дефис и запятые, сунул записку в карман. Прошелся вдоль стеллажей и решил подождать. Потянулся, засмеялся (смех прозвучал в помещении странно). Первая половина дня ему понравилась. Очень.

Олег со своими оставили на столе карбидную лампу. Денис раскочегарил ее и, чтобы ждать было не так скучно, начал выбирать книжку «на почитать». Именно потому, что книг было много, выбрать никак не удавалось. Денис, то поднимая, то опуская лампу, ходил вдоль рядов – туда-обратно. В дальнем углу светились строгим необлезшим золотом какие-то солидные тома. Денис посветил, разобрал на одном: «Зигмунд Фрейд. Психопатология обыденной жизни». Рядом – какой-то «Ле Корбюзье. Градостроительство». Эрнест Глезер... Салливан... Фромм... Кафка... Камилла Палья... Берн... Андреа Дворкин... Катарин МакКиннон... Еще какие-то совершенно незнакомые фамилии, солидные издания на хорошей бумаге... Хмыкнув, Денис вытянул несколько книг и, перетащив их на стол, устроился за ним, ближе пододвинув лампу. Раскрыл наугад сразу две...

...Карбидная лампа освещала лицо Дениса – сосредоточенное, с быстро бегающими по строчкам блестящими глазами, покрытое мелкой испариной. Губы мальчишки кривились, пальцы подергивались на поверхности стола. Открытых книг вокруг было не меньше десятка – временами он отодвигал одну, придвигал другую – резкими, нервными, какими-то **не своими** движениями, облизывал губы, тяжело дышал...

Мир вокруг не существовал для него – превратился в размытую тень на грани сознания; вот-вот – и исчезнет совсем, стертый прочитанным...

...«Читай... читай... – шептали книги. – Ты познаешь все и вся... ты сможешь править людьми, как марионетками, ибо будешь знать всю гниль их душ, которую они скрывают даже от себя... Мы – смех над всем, мы – страх всего, мы есть власть, мы есть боль, мы есть наслаждение... Не бойся, читай, читай... нас много, мы – квинтэссенция знаний о том, что делает человека воистину свободным – **свободным от всего** ... возьми нас, возьми нас, мы отдаемся тебе... выпусти нас, неси нас... и все начнется вновь с тебя, **с тебя... С ТЕБЯ!!!**»

Шепчущая тишина взвизгнула и расхохоталась, выпивая глаза мальчишки и втекая сквозь них в его душу...

...«Дениска! Дурак! Назад!» – прозвенел мальчишеский голос.

Простучали стремительные легкие шаги. Справа метнулись в огне лампы растрепанные русые волосы, огонь галстука, блеск тревожных глаз, протянутая рука...

...Дениса рвануло от стола.

На старой полироли расплывались пятна пота. **Его** пота.

Пахло зверем.

Животным .

Им. **Денисом** .

Голоса утихли, но **шепот – шепот остался** .

И все-таки он не имел более силы над Денисом. Мальчишка вновь был собой.

– Серёжка? – позвал он.

Нет, конечно, не было никого. И шуршала просто тишина Библиотеки, никакие не голоса.

И все-таки Денис готов был поклясться – **его отдернул от стола Серёжка** . С иллюстраций в книгах Шепелева. В точности.

А если бы... **не отдернул** ?

Денис тихо застонал, стиснул виски кулаками. И вспомнил – вспомнил стихи, написанные на даже не желтом уже – коричневом от старости и непогод листке бумаги, оставшемся от какой-то книги... Он нашел листок в петроградских развалинах и прочитал, и удивился, что этот листок уцелел... или не было тут ничего удивительного, и уцелел он именно потому, что на нем было напечатано то, что было напечатано?

Денис помнил стихи наизусть.

Ночь. Луна. Пуста дорога,

Мне пятнадцать лет,
В жизни видел я немного,
А хочу весь свет...

Света целого не надо —
Часть страны родной,
Я из тех, что был когда-то
За моей спиной.

Просто встать навстречу солнцу.
Руку вверх поднять,
Не смотреть через оконце —
Жить — не доживать!

Не боясь удара в спину,
Знать, кто враг и нет,
Если враг — тогда скотина,
Если друг — тогда навек!

Чтобы знать, за что сражаться —
Стоя умирать...
Не за тех, кто отожрался
Будем воевать!

Чтобы предок мной гордился,
Так же, как я им.
Он врагу не покорился...
...Честь не посраим!³⁸

...Когда Олег соскочил в Библиотеку — то замер в ужасе и недоумении.

Денис — в расстегнутой рубашке, галстук сбился на сторону — развел у стены костер.
Он жег книги .

— Что ты делаешь?! — заорал Олег и бросился на Дениса. Сшиб его с ног. — Зачем ты их жжешь, скотина?!

Денис со страшной силой и невероятной легкостью отбросил Олега и вскочил. Оскалился.

— Ты не все прочитал! — хрипло сказал он. Вдохнул, опустил плечи. Протянул Олегу руку. — Прости... вставай. Вставай.

— Иди ты! — Олег оттолкнул руку друга, встал сам. — Зачем ты жжешь книги?! Я думал...

— Ты плохо думал и не все прочитал, — повторил Денис. — Они разные... книги. И хорошо, что тебе первым попался Погодин. Это и правда доброе волшебство. Наверное, оно и дальше тебя хранило... что тебе не попала под руки ни одна из... **этих** . **Эти** ... — он ткнул ногой связки солидных томов. — Эти должны сгореть, Олег. **Должны** . Это из-за них была война. И я очень хочу надеяться, что это последние экземпляры в мире...

— Ты заболел? — Олег заморгал. Покосился на книги. Да, ни одну из этих он не читал...
— Денис, ты что?..

Денис чуть покачивался. И бормотал:

— По темным пыльным углам... ждали... пауки... своего часа... ты мог взять их...

³⁸ Стихи П. Зубкова.

добрый волхв... вэджа, вэджа, арья вэджа... огонь, огонь, гори ярче... гниль материализма... декаданс и моральное разложение... подлость мышления... выжигающий душу разврат... искажение нашей истории и умаление наших великих деяний... литературное предательство солдат Отечества... чванливое обезображивание великого языка...

По лицу и телу мальчишки текли огненные струи. Он говорил чужим языком, и в голосе проскальзывали барабанные нотки кого-то взрослого... Олег робко примолк и нагнулся, поднял толстый том – Зигмунда Фрейда. Перелистал, вчитался в пару абзацев. Лицо мальчишки исказили ужас, отвращение, брезгливость. Он опустил книгу и окинул взглядом книжные стопки на траве.

– **Все** такое? – пробормотал он. И выдохнул решительно: – В огонь...

...Мальчишки сидели возле груды легкого серого пепла, кое-где еще пронизанной синеватыми шепчущими огоньками. В лампе давно кончились карбид и вода, из пролома падали косые лучи – солнце на небе светило вовсю. Денис был бледен и тяжело дышал. Олег выглядел немногим лучше.

– Они сопротивлялись, – прошептал Олег, обнимая друга за плечи. – Честное слово... я чувствовал... как злые зверьки...

– Пауки... – выдохнул Олег. – Пауки и мокрицы... – Он вытер мокрое лицо грязной от пепла рукой, размазывая черные полосы. Бледно улыбнулся. – Пошли помоемся где-нибудь. И наберем книг, чтобы пустыми не ходить. Как там на стройке-то?

* * *

Тем вечером – Денис и Олег как раз собирались со стройки домой – около своего дома неизвестными был застрелен из автомата государственный контролер безопасности Игорь Григорьевич Есипов. Находившийся рядом полицейский патруль вступил в перестрелку с убийцами – их было двое, оба погибли. Был убит и один из полицейских.

Глава 27

Право знамени

Ураган тряс поселок всю ночь.

Вообще Седьмой Горный и эта местность в целом редко попадали под удары ураганов – они приходили с юга, и горы хребта Голодный вставали на их пути практически непреодолимой стеной. Денис, выросший в Петрограде, даже немного скучал по ураганам – когда все вокруг воет и гудит, а над городом мигают алые огни штормового предупреждения. Поэтому, когда на дом Третьяковых обрушился удар стихии, Денис только на несколько секунд приоткрыл глаза (можно сказать – не просыпаясь), довольно вздохнул, перевернулся на другой бок, повозился, устраиваясь уютней – и подумал, что от такого ветрища опять разбухнет Невский пролив...

Хотя прорвавшийся через перевалы ураган так и не смог добудиться мальчишку, пусть только что не качал дом, пытаясь сорвать крышу или на крайний случай вышибить окна, но других дел он наделал немало. За Валерией Вадимовной приехали около двух часов ночи – в одном из рабочих кварталов селевым потоком снесло практически все хижинки. Борис Игоревич уехал одновременно с нею – объявили, что подтапливает две шахты, причем как-то странно – вроде бы там не должно было начаться затопление.

Валерия Вадимовна под утро, используя Кенесбаева как рычаг силового воздействия, а личное распоряжение Полянцева – как поддержку авторитета, без колебаний забрала для оставшихся без жилья семей резервный фонд «Энергии». Денис подозревал, что мама его возвращать и не собирается, а присоединит к спешно отстраиваемым коттеджам – тем, которые отец конфисковал у Шульце. И, честно говоря, был не в восторге от такого решения родительницы. Дело в том, что пострадавшие не были светлыми личностями – скорее они относились к разряду тех людей, которые не испытывали моральных терзаний от того, что

живут в грязи, и не особо хотели из нее выбираться. Поэтому Денис был уверен, что маминого благородства они не оценят точно.

Но все это мальчишки узнали только утром. Как обычно в такую погоду, хорошо спалось, и Ольга Ивановна, как ни старалась, разбудить их не смогла. Проснулись они, только когда инстинкт позвал Олега на работу. Он выбрался из-под одеяла, посидел на скомканной простыне, зевая, шурясь и улыбаясь одновременно, потом буркнул: «Опаздываю...» – и наконец вскочил, «подорвался», он именно «подорвался». Причем с таким шумом, что и Денис проснулся тоже. Он какое-то время созерцал суету в комнате, а когда Олег высунулся в дверь и отчаянно завопил: «Мааааа, ну чего ты меня не подняла?!» – засмеялся, потянулся, встал и подошел к окну.

И присвистнул.

Двор больше походил на озеро. Около флагштока бродили по воде Презик (как есть) и Никитка (в подвернутых штанах; сандалеты он пускал по воде, они тонули, мальчишка доставал их и опять пускал). Оба были навывлет мокрые и довольные. По улице бежал ручей – а точнее, маленькая речушка. Речушку форсировали две женщины с колясками – от двора Третьяковых, и Мишка – ко двору (он был полностью одет, потому что дальше мокнуть уже некуда). Чуть подальше в кузов грузовика затаскивали здоровенный сломанный сук. Небо было пронзительно-голубым, только в самой его середине стояла неподвижно странно четкая спираль облака.

– К нам Мишка идет, – сообщил Денис, снова потягиваясь. Олег (он влезал в штаны, держа в зубах бутерброд с колбасой) мотнул головой. – На сегодня стройка отменяется, пойдем завалы разгрести. Как свои дела сделаешь – собирай всех, кого мы с Мишкой не оповестим. Встреча у школы.

Олег на секунду задумался, потом – кивнул и проглотил остаток бутерброда:

– Ну что, правильно. Я велик возьму?

– Бери, чего спрашивать, – Денис отмахнулся.

– Ага, я побежал!

Олег с грохотом ссыпался по лестнице. Что-то крикнула вслед Ольга Ивановна, но, видимо, было уже поздно... Когда Денис спустился вниз, она со скорбным видом наблюдала, как Мишка переминается у порога и с его одежды вода стекает на коврик.

– Привет, сильно лило? – Денис пожал ему руку. – Ольга Ивановна, покормите нас?

Она тяжело вздохнула и, кивнув, отправилась на кухню.

– Сильно, – Мишка проводил ее опасливым взглядом и начал разуваться. – Вообще было ох. Сестры обрелись, мать чуть ли не обратно в поселок переселяться собиралась. Нет, серьезно страшно. Я когда в Лихобабьей работал, мы один раз под такой же ураган в степи попали. Чуть не улетели.

– А я все проспал, – признался Денис. – И Олег чуть на работу не опоздал.

– Я видел, – хмыкнул Мишка. – Вылетел из ворот на веле, как на водном мотоцикле.

– Никит, заходи тоже! – крикнул Денис во двор, и Никита прилепал тут же, оставляя мокрые следы и волоча Презика поперек брюха. Тот висел совершенно индифферентно. – Оставь животное, – приказал Денис и проследил за выполнением.

– Низины все позатопило, – рассказывал Мишка, устраиваясь за столом. – Даже с главной дороги видно – руины... Наш старый дом тоже завалился.

– Скоро пойдем помогать разбирать. – Денис кивком поблагодарил Ольгу Ивановну, принимая из ее рук тарелки, в которых громоздились рис, жареная курица, крупные мидии и фасоль. Наливая молоко, женщина озабоченно сказала:

– Олег убежал, не поел... Миша, а погибшие есть?

– Не знаю, Ольга Ивановна, я близко не подходил, – ответил тот, благовоспитанно убирая локти, – он навалился на стол, говорил с Денисом – и добавил: – Спасибо. Я не завтракал сегодня.

– И куда вы все спешите?.. – вздохнула женщина, ставя тарелку перед Никитой, который посматривал в окно – видимо, чтобы убедиться: щенок еще не умер от истощения и

не утонул.

– Жить, – Денис вонзил вилку в румяный кусок курицы.

Ольга Ивановна пожаловалась:

– В магазинах-то перебои... Пахомов на себе рубаху на Совете рвал, кричал – мол, рухнули налаженные связи, новые установить – время нужно, затяните пояса ради новой власти... А мне знакомая сказала – одну колонну с продуктами вовсе разграбили...

Мальчишки переглянулись. В глазах Мишки Денису почудилось что-то нехорошее, похожее на тоску, – с чего бы? И, дождавшись, пока Ольга Ивановна выйдет, Денис довольно бесцеремонно спровадил Никитку из-за стола:

– Поел? Иди, за Презиком присмотри. – И, проследив за радостно умчавшимся мелким, спросил у Мишки: – Чего еще?

– Да ничего, с чего ты взял? – Мишка сгреб на вилку пальцем фасоль, смутился, скинул в тарелку, начал накалывать по одной.

– Да как ничего, если ты только что сидел нормально, а сейчас закваску поставил?

Это было местное выражение – в Питере говорили просто «скис». Мишка вздохнул:

– Да... Про караван слышал? Это правда. В том же караване нам для дома панели везли. Все и пропало – что не забрали, то переломали...

Денис отложил вилку.

– Это вы там что же, под навесом сидите?! – выдохнул он. – Ой-ей... я сразу не сообразил...

– Под навесом, – кивнул Мишка. – А скоро зерно привезут, скотину пригонят... А нам все это деть некуда.

Денис думал несколько секунд. Потом тряхнул головой и схватил со стола салфетку. Чертыхнулся, кинул ее, вскочил и потащил Мишку за собой.

Наверху, в комнате, он присел к столу боком, почесал в затылке и начал черкать карандашом на листке из уже сделавшегося знаменитым блокнота. Закончив что-то набрасывать, поднял глаза на Мишку, который удивленно переминался рядом:

– Вот что. На завалах мы без тебя поработаем. Я сейчас позвоню Кенесбаеву, а ты пойдешь к нему и получишь коня. Скажи в Лихобабы. Найдешь там Ромку. У него глаза такие... – Денис хотел показать, но Мишка кивнул:

– А, это Вильфорд, я его знаю. А зачем, Денис, ты чего?

– Ему отдашь вот это, – Дениса уже смело со стула, он на ходу сунул Мишке записку и шагнул к телефону.

Мишка развернул бумажку, вчитался и закрутил головой:

– Да нет, ты чего?!

– Ты еще здесь?! – рявкнул Денис. – Пошел, куда сказано! Ребят я без тебя оповещу!

Мишка вспыхнул, сжал кулаки... но потом вдруг улыбнулся и махнул рукой:

– А, где наша не пропадала! – и выбежал из комнаты.

Денис набрал номер Кенесбаева:

– Кенесары Ержанович... ах, его нет? Извините, это Денис Третьяков... да, Третьяков-младший. А Кенесары Ержанович не говорил вам, что у нас с ним договоренность относительно коня?.. О, вот как хорошо! Тогда, пожалуйста, сделайте вот что...

...Положив трубку, Денис какое-то время созерцал дверь. Потом крикнул: «Ольга Ивановна, я убежал!» – и с крыльца босиком соскочил в теплую воду, в полете повесив на шею связанные шнурками ботинки с заткнутыми в них носками.

* * *

К счастью, из отряда (Денис так про себя уже называл их команду) – по крайней мере, из тех, у кого побывал Денис, – дома остались целы, хотя некоторые подтопило, а у некоторых протекли крыши. Видно было, что местные непривычны к ураганам, потому что многие даже не сразу могли сообразить, что к чему и куда имперец собирает их детей.

Впрочем, Денис еще раз убедился, что в ребятах не ошибся... точнее, в них не ошибся Олег. Пусть и из бедных семей – но не из опустившихся. По крайней мере, среди тех, у кого был Денис, не нашлось никого, кто бы заявил, что не отпустит сына (или дочь) помогать там непонятно кому.

А ураган нашалил здорово. Он вылил столько воды, что она никак не желала уходить. Только здания «Энергии», построенные на возвышенностях, гордо и непроницаемо торчали над поселком – недостижимые для любых неприятностей.

Денис показал им язык. И подумал, что отец там сейчас наводит порядок. Мало не покажется.

Ему надо было еще заскочить домой переодеться. И Денис сильно удивился, когда, домчавшись туда и швырнув так и не пригодившиеся ботинки на крыльцо, ворвался в дом и... обнаружил там Олега.

Олег стоял над умывальником в ванной и рассматривал бурые пятна на снятой с себя безрукавке. Но это было еще ерундой, эти пятна. Сам Олег выглядел куда «красивей».

Под глазом у него был великолепный (Денис даже крикнул уважительно) уже созревший фингал. Нижняя губа напоминала отбивную. Правая скула – рассечена. На ребрах – тоже синяки.

– Хорошо, что ты форму не надел, – сказал Денис. – И кто тебя так?

Олег оглянулся, поморщился:

– Наши, на комбинате. Я за проходную, – а там двое через дырку в заборе четыре светильника выносят. Новяк, позавчера привезли, я, помнишь, рассказывал? Я им говорю: стой, несите назад. Они сперва: ты чего? А я чего? – Олег вздохнул, подергал рубашку на пальцах. – Я ничего... Назад, говорю, несите. Они тащат. Я перед дырой встал, что-то там еще сказал... так... матюком... Ну, один – Сереня, он меня постарше на пять лет – мне по шее. Я его кинул. Как ты учил. В забор прямо получилось, хорошо так. Ну, а дядя Слава меня в глаз. А ему уже под сорок, кулаки – как гири. Это он еще, видно, сдержался... Дальше попуталось все. Охранник прибежал, я сижу с этими светильниками... Он меня за шкуру и в правление. Там Тимофей Ильич: «Продать хотел? Я от тебя этого не ожидал, Ветлугин...» А я как понял, что он на меня думает, у меня как будто язык отнялся... – Олег прислонился к раковине. Денис, не сводя с него глаз, устроился на краю ванны. – Сперва молчал, а потом говорю ему: «Да вы что, Тимофей Ильич, я ж и раньше крал, вы ж знаете, так чего – не ожидали? Извините, что попался. Вызывайте, – говорю, – полицию...» Ну, тут он присмотрелся как следует и спрашивает: «Кто ж тебя бил, а, воришка?» А я ему: «Да вот – честные работяги не давали краденое вынести. Вы погодите, они скоро на меня за избиение жалобу черканут». А сам думаю: от так вот... А он вдруг говорит: «Ну, иди, Олег. Спасибо тебе... и извини». Ну, я и пошел, – он пожал плечами.

Денис слушал молча, только языком изнутри щеку толкал. Потом коротко посмотрел вниз – на пол – вверх – на потолок – и прямо – в глаза Олегу.

– А все-таки он проиграл, – сказал Денис.

– Монфор? – Олег улыбнулся. – Ой, больно! Да, похоже, что – да.

– Ольга Ивановна видела? – понизил голос Денис, полоща руки под струей воды.

Олег вздохнул, развел руками.

– Ясно-о...

– А Мишка где? – спохватился Олег.

Денис коротко рассказал, и Олег тихо ругнулся:

– А все-таки он еще силен, сука... Думаешь, казаки помогут?

– Черт его... – неопределенно ответил Денис и почувствовал сладкую тяжесть внизу живота. В последнее время у него при слове «казаки» возникал один-единственный образ, вызывавший в свою очередь именно такую реакцию и желание немедленно ехать (нет, лететь!) в Лихобабы. – Ладно, если идти, то идти. Сейчас уже Пашка приехать должен.

– Думаешь, привез? – снова задал вопрос Олег, рассматривая ребра.

– Да что ты сегодня... с вопросами?! – рассердился Денис. – Откуда я знаю?! Сейчас и

увидим! Идешь?!

– Иду! – весело огрызнулся Олег...

...Пашка сидел на крыльце бывшего клуба (который уже обрел черты школы), одной рукой гладил конскую морду, тычущуюся ему через плечо, а другой задумчиво ворочал пальцем в дырке. Дырка была в боку его рубашки, и ее происхождение Денис угадал сразу.

– Хороший сегодня день, – задумчиво сказал он.

Пашка поднял голову, увидел физиономию Олега и рассмеялся. Кивнул на сверток на седле:

– Привез.

– Вижу, – Денис присел рядом. – Как сам доехал? Не сквозило?

– Да так, – Пашка коротко зевнул. – Это когда я уже спустился. К поселку, в смысле. Дал на радостях галопом – меня за полу – дерг! Я с коня по кустам – бац, бац! Мимо, он лежал, гад, наверное, а потом сразу только затрещало... Пехом не догнал бы с такой форой, а коню там ноги ломать. Во чего нашел.

Он порылся в кармане и перебрал Денису гильзу. Тот ее поймал и оценил:

– Семь, шестьдесят два на пятьдесят четыре... Кто-то разнюхал, **что** ты повезешь.

– Да фиг-то там, – беспечно ответил Пашка. – Увидали – Боец Середней едет, ну и лупанули. Это, может, и не из-за наших дел, а из-за семейных. На нас многие злы из здешних жирненьких.

– И часто в тебя стреляли? – прищурился Денис.

Пашка дернул плечом, показал что-то неопределенное бровями.

– Может, назад поедешь? Ну тебе-то что с нами вязаться?

– Журналы твои понравились, – непроницаемо ответил Пашка. – Форма красивая, опять же. Так что это не обсуждается... Олег, тебя-то кто так?

– Несознательные элементы, – ответил тот в тон Бойцову.

Пашка оскалился, рывком встал, бережно снял с седла сверток и протянул Денису:

– Сестра с мамой работали. Держи. Все, как ты просил.

Денис принял плотный скруток и кивнул...

...Ребята собирались довольно активно, буквально один за другим или небольшими группами. Здоровались, рассаживались на ступеньках, негромко переговаривались (в основном обменивались впечатлениями о ночном урагане). Последним прибежал – именно прибежал – Пашка Илюхин, Пашкин. Видок у него был интересный – младший в команде был облачен в здоровенные мужские трусы, которые – будь хороший ветер – здорово придали бы ему скорости. А так они скорей мешали, то и дело стремясь упасть и превратиться в добротные конские пуги.

Крыльцо полегло. Пашкин с абсолютно хладнокровным видом обошел всех, здороваясь за руку с теми, кто еще мог пошевелиться, потом преданно уставился на Дениса.

Надо сказать, что Денис стойчески не поддавался общему пароксизму веселья. Переждав хохот, он довольно сухо поинтересовался у Пашкина, что все это значит.

– А то и значит, – без особого смущения отозвался тот, – что мамка барахло заперла и говорит: нас не смыло, и нечего у других возиться, еще придавит чем. А отца нет, он бы ее с... это... сагитировал. Ну, я ж не мог приказ не выполнить. Я ж не виноват, что мам... мать у меня такая несознательная.

– Вот и сделаешь ее сознательной, – приказал Денис. – Чтобы не летать по улицам в таком виде.

– Сделаю, – без особой уверенности отозвался мальчишка и потер мягкое место. – Только опасное это дело, – заключил он, вызвав еще один приступ повального хохота.

– Ну, все? – Денис осмотрел команду.

– Гуляевых нет. Ни Мишки, ни Борьки.

– У Гуляевых особое задание, – сказал Денис, снова вспомнив Лихобабыю. – Так. Кто без обуви – остаются тут, на подхвате у Франца Ильича, тут работы непочатый край еще... На завалах босиком покалечитесь... Сань, ты старший, – кивнул он подтянувшемуся

невольно Брядину. – Остальные – на разборку завалов со мной.

* * *

Что Кенесбаев не очень-то доволен, Денис понял еще на подходе к отделению полиции. Начальник стоял на крыльце – удачно. Неудачным было то, как он смотрел на Дениса, и тот поспешно принял вид страшно уставшего и тяжело уработавшегося несчастного мальчика.

Да он и правда устал. Полянцев был рад любой помощи, и мальчишек поставили на работы без скидок на возраст. Поэтому к обеду Денис уже притомился, – а когда остальные уселись вокруг подъехавшей полевой кухни обедать (и немного отдохнуть, чего уж там), – вспомнил, что у него дела-дела-дела. И вот здрасьте. Такие неласковые взгляды...

– Добрый день, Кенесары Ержанович! – тем не менее весело поприветствовал он начальника. И озабоченно спросил: – Коня вернули?

– Вернули, – неласково ответил Кенесбаев. – Денис, мы ж договаривались, что я тебе буду коня давать. А ты...

– Так я ж за ним и пришел! – захолопал глазами мальчишка. – Сам. Вот он я. Мне конь нужен.

Кенесбаев смерил Дениса внимательным взглядом и сообщил:

– У нас, казахов, детей бить не принято. Хорошо, что ты не казах... У отца на работе телефон ведь три девяносто семь?

– Папа занят, – быстро сказал Денис. – Не будете же вы отрывать офицера ОБХСС, – он укоризненно покачал головой, – от важных дел ради такой мелочи, как я? Коня можно взять?

– Бери, – буркнул Кенесбаев. – И чтоб тебя тут не было в две минуты.

– Двух мне хватит, – заверил Денис. – Мне одной хватит, поэтому вторую я – можно? – потрачу на вопрос насчет стрельб. Помните, мы говорили?

– Когда оформитесь в Думе, – обреченно сказал Кенесбаев, – как пионерский отряд, тогда будут вам стрельбы.

– Ну, вот видите, как все хорошо разрешилось, – улыбнулся Денис. И прыгнул с крыльца – чтобы не провоцировать.

– Твои на разборке?! – крикнул вслед Кенесбаев.

Денис помахал рукой на бегу:

– Ага! Нам песня строить и жить помогает!

* * *

Что на участке у Гуляевых происходит нечто не вполне обычное, Денис понял издали. Потому что трудно думать об обычном, если за километр слышно, как в степи – ровном поле с наслаждением орут несколько глоток:

Как на сколе льда сидит черный гриф,
Сиплым голосом материт весну.
Как мою ладонь жжет каленый гриф.
Пой до одури, дурак, приструнив струну,

Да хмельной отвар пей до донышка —
Может, что-нибудь и пригрезится.
Покати шаром – красным солнышком,
Завернись клубком – белым месяцем...

– Беспредельная весна!³⁹ – самозабвенно подытоживал-заводился кто-то уж совсем на

³⁹ Из песни А. Земскова «Беспредельная весна».

ультразвуке.

– Интересно, – признал Денис, придерживая коня и, привстав на стременах, пытаясь рассмотреть, что там происходит. Но мешал пологий большой холм.

Зато он не мешал запахам – и Денис хищно зашевелил ноздрями. Его живот бодрым «уууу...» напомнил, что сегодня хозяин только завтракал, и было это давнооо... Из-за кургана пахло едой. Вкусно пахло, и Денис прищипорил Серого.

Причина воплей и запаха разъяснилась довольно быстро. Раньше Денис на участке Мишки не был ни разу (толкнулось раскаяние – хорош пионерский лидер!). Но сомневался, что Мишка плюс три существа женского пола способны так его раскурочить даже за месяц. Кстати, «существа женского пола» – Елена Александровна, Маришка и Иришка – священнодействовали возле полевой печки, сложенной из камня-дикаря, и выглядели веселыми и довольными. Елена Александровна ворочала в большой кастрюле (наверное, привезенной со старого места жительства) здоровенным половником (при виде которого Денис мечтательно прищурился – и подумал, что надо будет Ольге Ивановне ненавязчиво посоветовать купить такой же), девчонки метались на подхвате. Участок был перерыт траншеей неясного назначения, над которой двое пацанов при помощи системы блоков и песни (той самой, услышанной издалека) ставили разлапистый тонконогий ветряк. Еще двое воздвигали посреди участка что-то вроде плетеной из лозы подарочной коробки. Мишка, его младший брат Борька и Гришка Мелехов в каком-то бассейне месили неаппетитного вида коричневую массу. Предваряли это безобразие два воротных столба (забора не было) с раскинувшейся между ними надписью на доске:

ХУТОР «ДРУЖЬ А»

Последнюю букву дописывал сидящий на доске верхом мальчишка лет десяти. Несмотря на то что писал он, находясь не в самом удобном положении – над надписью и постоянно рискуя упасть, буквы получались достаточно ровные. Именно он и заметил Дениса и заорал:

– Проверка едет!

До Дениса уже дошло, что тут казачата (а их кони привязаны за «подарочной плетенкой»). Все побросали работу и выбрались навстречу Третьякову-младшему.

– ‘даров, – Гришка, изгвазданный глиной по пояс, как будто не мял ее, а купался в ней, пожал Денису руку первым.

Подошли остальные, и даже младший (в нем Денис узнал брата отсутствовавшего, кстати, Ромки) ловко соскочил сверху и подставил для пожатия локоть (остальное было в краске).

– Вовремя приехал, к обеду, – сказал Гришка.

– Денис Борисович, – мать Мишки величала Дениса после «ходатайства» только так, – и правда садитесь с нами...

– Спасибо, – Денис все еще удивленно оглядывался. – Э... а, черт... я думал, вы, там, материалами поможете...

Казачата заржали.

– Что это ни пса не наше дело – это он не подумал, – заметил один из поднимавших ветряк.

А Гришка добавил:

– Какими материалами, чудной? Лесом? У нас лесопилки нет. А это, – он кивнул на яму, – под ногами валяется. У нас все дома в станице из самана построены. Соломы мы с собой навезли... Это поселковые, дурачье, хибары из говна лепят, глины им набить лень...

– Садитесь обедать! – позвала Елена Александровна. – С утра работаете!

На обед оказалась пшенка – с луком, мясом и грибами, которую все трескали так, что в кастрюле живенько показалось дно. После этого Гришка скомандовал:

– Ну, еще поработаем! А потом... – он не договорил, Денис вмешался, разуваясь:
– Дальше мы ему поможем. Миш, ты понял, как? – Мишка (он все это время молчал с видом весьма ошалелым) кивнул. – А тебе... вам – спасибо! – обратился он к неспешно и деловито разбредающим на места казачатам.
– Не на чем, – хмыкнул Гришка. – Эй, а ты чего делать собираешься?
– С детства мечтал всласть повозиться в грязи – и чтоб мне за это ничего не было, – сообщил Денис и с удовольствием прыгнул в глину.

* * *

Солнце коснулось верхушек влажного густого леса, когда в старой Библиотеке – под землей, при свете факелов – собрались двадцать четыре человека.

Немного непривычно было видеть местных ребят в пионерской форме. Денис даже с некоторой оторопью понял, что отвык от такого количества «форменных». И еще более непривычно было видеть «чистую» форму – ни нашивок, ни аксельбантов, ни значков, ни даже самих галстуков. Защитного цвета рубашки, забранные в синие шорты. Широкие ремни, на которых висели пионерские ножи в чехлах. Защитные гетры. И высокие коричневые ботинки. Синие береты с кокардами были заткнуты, как Денис учил, под левый погон. Все были молчаливы, и в старой Библиотеке слышался только шорох шагов и дыхание, усиленное подземельем.

Факельный круг получился не очень ровным – держателей не было, факелы вставляли туда, куда приходилось. Но ровное, тянущееся кверху пламя было настоящим, и его багряный свет уничтожил все полутени, наградив окружающее рубленой четкостью и сделав незнакомыми знакомые лица. Денис ощутил, как его потряхивает – все сильнее и сильнее. По правилам, сейчас вдоль стен должны были стоять остальные пионеры, и знаменная группа со склоненным знаменем – позади Дениса. Но... но отряда пока не было. Он был один – один под ждущими взглядами, он – и знамя за спиной.

Третьяков-младший справился с волнением усилием воли. И подумал, что вся жизнь – она вот такие шаги. Выше, выше, выше – даже когда кажется, что выше и трудней уже некуда, и думаешь облегченно: ну, уж это-то последняя высота! Полгода назад – мог ли он думать, что будет создавать пионерский отряд в такой дали от Петрограда?

Спокойно, все нормально, мы тут, мы пришли – почти услышал Денис веселые голоса. Пламя факелов покачнулось, и он не стал оглядываться, только еще больше выпрямился. Ну да, конечно. Ребята не могли не прийти. Это было бы нечестно.

Растаяли остатки неуверенности и волнения. Четко повернувшись, Денис взял знамя и неспешно развернул его, утвердил на импровизированной подставке – полусклоненным. На черном шелке с золотой окантовкой растительного орнамента и золотыми снопами по углам в центре золотилась прямая ладонь. И на ней полыхали три лепестка пламени.

БУДЬ ГОТОВ! – ВСЕГДА ГОТОВ! – горело золото над гербом. А ниже герба шла надпись – **ПИОНЕРСКИЙ ОТРЯД ИМЕНИ РАДИЯ ПОГОДИНА**.

№№ п/п	Должность	Имя, фамилия	Возраст
1	Председатель совета отряда, инструктор, пионер; стрелок и разведчик	Денис Третьяков	14 лет
2	Член совета отряда, командир первого звена, новичок	Олег Ветлугин	14 лет
3	Член совета отряда, командир второго звена, новичок	Павел Бойцов	13 лет
4	Член совета отряда, командир третьего звена, новичок	Татьяна Васюнина	14 лет

№№ п/п	Должность	Имя, фамилия	Возраст
5	Командир знаменной группы, новичок	Михаил Гуляев	14 лет
6	Знаменосец, новичок	Тимофей Ланц	13 лет
7	Оркестрант, новичок	Олег Марков	12 лет
8	Оркестрант, новичок	Сергей Марков	10 лет
	Первое звено		
9	Новичок	Александр Брядин	15 лет
10	Новичок	Борис Гуляев	11 лет
11	Новичок	Ал Васюнин	12 лет
12	Новичок	Геннадий Ишимов	12 лет
13	Новичок	Павел Илюхин	9 лет
14	Новичок	Виктор Шацких	13 лет
15	Новичок	Владимир Шацких	10 лет
16	Новичок	Петр Минаев	14 лет
	Второе звено		
17	Новичок	Сергей Павлухин	12 лет
18	Новичок	Никита Чакин	12 лет
19	Новичок	Алексей Гордеев	13 лет
20	Новичок	Дмитрий Данилов	11 лет
21	Новичок	Геннадий Раймонд	14 лет
22	Новичок	Аркадий Раймонд	13 лет
	Третье звено		
23	Новичок	Надежда Минаева	13 лет
24	Новичок	Мила Раух	12 лет
25	Новичок	Вера Борисова	11 лет

– Начинаем, – сказал Денис. – Сейчас еще не поздно повернуться и уйти. Потом сделавший это станет предателем. Принесенная клятва убьет его. Это проверено... – он сглотнул. Получилось громко и нервно. Но никто не пошевелился. – Минута. Есть минута, чтобы думать, – он поднял руку. – Время пошло.

И так было тихо. Но оказалось, что может быть еще тише. Потрескивали факелы.

Тикали часы. Денис слышал, как они тикают.

– Минута прошла, – сказал он, отследив ровно шестьдесят секунд – он специально заставлял себя делать все методично и спокойно, волнение становилось слишком сильным. – Никто не хочет уйти?

Строй колыхнулся. Но это было шевеление из-за все того же волнения – никто не вышел. Денис кивнул. Помолчал еще несколько секунд – и произнес четко, звучно:

– Олег Ветлугин, для принесения клятвы на верность нашему братству – подойди ко мне...

...Глядя прямо в глаза Денису, Олег вытянул вперед правую руку. В левой он держал нож. С каменным лицом Олег провел по подушечке ладони под большим пальцем. Кровь – странно черная и живая в факельном свете – показалась из разреза сразу, и Денис, взяв галстук из стопки рядом, положил его на порез. На алой ткани расплылось темное пятно. Но Денис посмотрел на него мельком – при произнесении клятвы принимающий должен глядеть в глаза дающему ее.

Олег говорил так же спокойно, как порезал себе руку, почти равнодушным, **посторонним** каким-то голосом:

– Я, Олег Ветлугин, вступая в ряды пионеров Империи, перед лицом своих товарищей и памятью предков торжественно клянусь и присягаю на честность, верность, храбрость и память. Все, что смогу, – Отечеству! Все, что смогу, – нации! Все, чего не могу, – смогу! Если же я нарушу эту клятву – пусть не останется от меня на земле ничего, кроме позора! Слава России! Слава, слава, слава! – на последнем слове его голос немного сорвался, и Денис поспешно склонил голову.

Он снял галстук с руки Олега и заученным движением повязал под воротник рубашки друга. Расправил ткань на груди.

Олег поднял голову.

У него не было глаз – **обычных** глаз. Вместо них были две ярких сияющих звезды.

– Член совета отряда, командир первого звена, новичок Олег Ветлугин, встать в строй, – скомандовал Денис.

Они обменялись салютами, и Олег немного неловко повернулся – и пошел на место.

– Павел Бойцов, для принесения клятвы на верность нашему братству – подойди ко мне...

ПИОНЕРОТРЯД

им. Радия Погодина

Снаружи было совсем темно, но новые факелы – уже не торжественные, а веселые – рассеяли эту темноту, а голоса – много голосов – прогнали и тишину. Все находились в приподнятом пьяноватом состоянии от мыслей – может быть, еще не вполне оформившихся, – что произошло нечто очень важное и слишком сложное, чтобы осознать это произошедшее вот так сразу.

– Эх... жаль, Генка не с нами, – сказал Сашка Брядин, расправляя новенький галстук, и печально добавил: – Он так мечтал... А теперь придется его принимать, когда вернется.

* * *

Третьяков-старший почему-то был дома. Он сидел за столом на кухне, но не ел, а просматривал какой-то список, и Денис, вошедший первым, глазами попросил сунувшегося следом Олега: погоди, а? Тот понятиливо слинял к матери.

Отец обернулся, и Денис увидел у него под глазами черные круги. Сказать по правде, Денис его таким и не помнил никогда. Несколько секунд постояв у порога, он мягко подошел к уже отвернувшемуся Борису Игоревичу, обнял сзади за шею и тихо спросил:

– Пап, ты чего?

– Двадцать шесть человек из ночной смены захлебнулись, – сказал штабс-капитан. –

Никто не предупредил. Сигнализация вообще была отключена, охранник пропал с поста... – Он вдруг вскочил (Денис отшатнулся) и со страшным матом запустил в стену скомканной портупеей – она с лязгом отскочила. – Пинаев, стерва, тут же прискакал – ах, да как же это?! Мы начинаем собственное расследование, не волнуйтесь... А Шульце по семьям самолично ринулся – соболезнования раздавать! Шахтам хана. Обеим. Там одной откачки на месяц. А ведь я их как раз не закрывал... Денис, понимаешь, – Борис Игоревич подошел, поднял портупею, растянул; она щелкнула упруго, – там могло еще целых три подтопить. Запросто. Закрытые. Но они уцелели. А эти – эти не должно было. А вот...

– Двадцать шесть человек... – повторил Денис, потирая лоб. – Ты думаешь, это... специально? Двадцать шесть человек... А кто? Па, можно глянуть список?

Отец молча пододвинул бумагу...

...Среди погибших оказались Гордеев и Васюнин – отцы Лешки Гордеева и Таньки и Альки Васюниных.

ВСТРЕЧАЯ ДРУЗЕЙ

Просыпаясь, Генка видел на потолке два косых четырехугольника света, разделенные темной полоской.

Когда он проснулся вот так в первый раз и увидел этот потолок, то удивился и даже испугался – в той комнате, где он спал, не было ничего похожего. Тогда он привстал на локтях и полминуты, не меньше, рассматривал, хлопая глазами, непонятную обстановку небольшой комнаты: светло-голубой потолок, светло-коричневый пол с темно-коричневым ковриком у низенькой кровати, неярко-желтые стены, в одной из которых было окно (именно в него по утрам прямоком заглядывало солнце), а почти всю вторую занимала здоровенная стеклянная панель. Одна половинка панели задвигалась за другую, и можно было выйти на балкон, нависавший прямо над морем на высоте двадцати метров (второй этаж и скала). В третьей стене была дверь в коридор (слева от нее висела картина: какой-то мальчишка сидит в хлебном поле над книгой – скрестив ноги – и смотрит в небо с мечущимися ласточками, а справа – распорядок дня в рамочке), а в четвертой – две узкие дверцы, скрывающие маленькие туалет и ванную. Из мебели в комнате стояли (кроме кровати) стол с письменным прибором из диабазы (камень Генка узнал сразу) и лампой на гибкой любопытной шейке, стул около стола, мягкое кресло напротив окна, тумбочка рядом с кроватью и шкафчик между дверями в ванную и туалет, а на нем – радиоприемник.

В первый день Генка все это толком не рассмотрел. Он очень устал от езды в поезде до Новочеркасска – ехать было долго и скучно, люди вокруг казались совершенно чужими и даже опасными, Генка не привык доверять незнакомцам – и обалдел от первого в своей жизни перелета от Новочеркасска до Сочи на вертолете, который опустился прямо на крышу какого-то здания рядом с территорией больницы. Если честно, ему от одиночества и тоски по дому очень хотелось плакать. Когда высокая женщина в белой форме (Генка такую видел несколько раз на матери Дениса) приветливо поздоровалась, забрала у него пакет с документами, который Генка робко протянул, а потом положила руку на плечо со словами: «Ну, пойдем, Гена», – он хлопнул носом и поплелся следом, размышляя о том, что, наверное, умрет тут, и все. Почему-то эта мысль засела в голове, как ржавый кривой гвоздь.

Добравшись до комнаты, Генка удивился – женщина сразу же ушла. Мальчишка почему-то испугался, что его заперли, но тут же убедился, что это не так. Он высунулся в коридор – там было пусто, тихо, темновато (уже вечерело). Мальчишка подошел к кровати, посидел, чувствуя, как свинцовеет тело, пробормотал: «Спокойной ночи, мааа...», кое-как разделся и повалился на нее.

Он проспал всю ночь напролет, без сновидений. И, проснувшись, увидел на потолке эти самые косые четырехугольники. А на балконе кто-то ходил и напевал незнакомую песню на полупонятном языке: «Барвиночку алэнькый, стэлыся щэ ныжчэ, мий ридный коханэнькый,

присунь щэ блыжчэ...» Генка на цыпочках прокрался к двери – и отшатнулся: оттуда появился невысокий, но плечистый, кривоногий и мощный седой мужик лет за сорок, с черными усищами и пронзительными голубыми глазками на кирпичного цвета лице. Мужик был в легком белом халате и такой же шапочке, белых брюках и тонких серых туфлях. Что такие халаты носят врачи, Генка отлично знал, но сам вид мужика его напугал. Тот смотрел свирепо, как будто собирался сожрать мальчишку живьем.

– А, Ишимов! – У мужика получилось не «а», а какое-то «га», и вообще в речи проскакивал акцент – не такой, как у Дениса, но приятный даже. – А скажи мне, Ишимов, у тебя такой обычай – заваливаться спать с немытыми пятками?..

...Так Генка познакомился с главврачом больницы «Солнечная Скала» Петром Юрьевичем Омельченко. Петр Юрьевич был украинцем – человеком из того народа, который построил Эйфелеву Башню, снес Пирамиду Хеопса за то, что в ней молились Злым Силам, и отстоял город Киев от нашествия танковых орд зулусов. По крайней мере, так говорил Омельченко, и, хотя Генка подозревал, что врач именно что врет, слушать его было интересно и весело. Петр Юрьевич обожал ловить рыбу, разговаривать «ридною мовою» (хотя великолепно знал русский), отпускать молодым медсестрам комплименты и по вечерам на пороге своего домика (находившегося тут же, на территории комплекса) петь с женой длинные грустные песни на два голоса. Еще он любил, чтобы его боялись и считали страшно суровым человеком – благо, внешность к этому располагала.

Пациентов-детей в «Солнечной Скале» не было. Если бы Генка побольше разбирался в форме и знаках различия Империи, то он бы понял, что тут много космолетчиков. Больница и лично Петр Юрьевич занимались вопросами последствий облучения. «Солнечная Скала» считалась ведущей в этом отношении для всего Человечества, а Омельченко консультировал напрямую сразу несколько министерств и служб, и его заключение было решающим. Всего этого Генка знать не знал и не подозревал, что ребенок с такой, как у него, болезнью для больницы буквально подарок. Впрочем, когда он рассказал Петру Юрьевичу о шахтах, то увидел врача на самом деле разозленным. Омельченко фыркнул, как балхашская нерпа, потирал щеки и шею, бормотал что-то о «бисовых дитях» и еще совсем уж некрасивое, но более понятное.

Правда, случилось это намного позже. А первая встреча для Генки закончилась тщательным и даже болезненным осмотром – после того, как он, окончательно оробевший, прилепал из ванной. Он боялся, что и все лечение будет таким же – попробуйте свести локти за спиной или вытерпеть, когда здоровенная лапища давит на живот так, что он, кажется, вот-вот прилипнет изнутри к спине!

Но опасения оказались напрасными. Более того, какого-то явственного лечения (как его понимал Генка) почти не было. Правда, в семь утра, как штык, его поднимал с постели сам Петр Юрьевич, выволакивал на балкон и заставлял делать гимнастику – почти такую же, как показала мама Дениса там – дома. Сам он при этом лупил кулачищами висевшую там же боксерскую «грушу» и, совершенно не сбиваясь с дыхания, рассказывал бесконечные интересные истории из своей прошлой жизни, проведенной в самых отдаленных уголках Земли и Солнечной системы. Истории были смешные, и Генке казалось, что вся жизнь врача была таким вот веселым калейдоскопом приключений, где даже стрельба выглядела нестрашной...

В восемь начинался завтрак. Потом – это время Генка не любил больше всего – его на час запикивали голышом в какой-то похожий на трубу аппарат. Лежать там было удобно, но пошевелиться не давали плотные мягкие фиксаторы, что-то гудело и щелкало, и нельзя было спать, при малейшей попытке голос Омельченко гудел прямо в ухо: «Хлопчэ, вжэ ж нэмае ниякой ночи, видкрый ясни очи!» – с такой силой, что гул отдавался в виски.

После этого, как правило, Генку вертели, крутили и донимали вопросами другие врачи, среди которых были явные иностранцы – не из Русской Империи, в смысле. Это было повеселей, но не очень-то приятно чувствовать себя манекеном или экспонатом... Потом – несмотря на лето – мальчишка до часа дня отправлялся в небольшой класс, где с ним

занимались по нескольким предметам. Это Генке нравилось – раньше в школу он не ходил и думал: если в Империи все учителя такие и все так учат, то понятно, почему имперцы такие умные... В два был обед. А после обеда... в первый день Генка опять ожидал процедур или чего-то вроде, но на робкий вопрос, заданный попавшемуся в коридоре Петру Юрьевичу: «А что мне делать?» – Омельченко рыкнул: «А що душа забажасе – гуляй, хлопче, до самой ночи!» Генка похлопал глазами – он думал, что это шутка. Но оказалось, что Омельченко не шутил. Генка в самом деле был свободен до восьми часов – до ужина. Совершенно свободен, если исключить то, что Омельченко в первый же день конфисковал у него всю обувь и заявил, что летом тут в его возрасте обутыми ходят только «кутюрье якыйсь, мий молодийшый так говорит». «Кутюрье» Денис называл – Генка помнил – бестолковых и самовлюбленных людей, а мысль о том, чтобы ходить босиком, ничуть его не смущала.

Правда, в первые несколько дней Генка никуда не ходил – он обнаружил библиотеку и просто задохнулся от восторга, войдя туда. Когда Омельченко отыскал его там и выволок на улицу, мальчишка даже обиделся.

Но долго обижаться не получилось...

...Нельзя сказать, что Генка получил какое-то откровение от окружающего мира. И горы, и море не были ему в новинку, хотя здешнее море было теплей, а горы не такие лесистые, как на его родине. Но его потрясла сама мысль о свободе, которую он получил. Можно было идти куда угодно и что угодно делать, а в кармане были деньги.

«Сочи» как таковые оказались тремя десятками поселков и деревенок, разбросанных по горам и низинам – да еще двумя десятками больниц, пионерских лагерей и домов отдыха на самом побережье. (Говорят, тут когда-то был большой город с таким же названием, но море слизнуло его еще во время ядерной войны.) Люди, жившие в округе, показались Генке куда удивительней, чем море, скалы или еще что-то. Он это понял в первый же день, когда, оттопав километров десять по разным дорогам и тропинкам, выбрался к какому-то кафе и присел отдохнуть на ограждение, поглядывая по сторонам – не шуганут? Вместо этого молодой мужик, что-то мастеровивший за стойкой, окликнул мальчишку: «Что принести?» – «Я... нет, ничего, я просто так посижу... немного...» – отозвался Генка, готовясь сползти с ограждения и улепетнуть. Мужик засмеялся, махнул рукой – и через пару минут принес стакан виноградного сока, синего, а на просвет – багрового – и тарелку с жареной рыбой, которая называлась «камбала» (Генка уже знал о ней, видел в книге в библиотеке). «Денег нет – не беда», – заметил мужик. Генка покраснел – деньги у него были – и, поев, перед уходом подошел расплатиться. Мужик, назвавшийся как-то неразборчиво «Аперыч», посмотрел удивленно, потом снова посмеялся, деньги взял, но нагрузил мальчишку кульком, в котором было килограмма два винограда, а в другую руку сунул полторалитровую бутылку с тем же соком. И за это деньги брать уже отказался.

А самое главное – такой мужик тут был не один. Создавалось впечатление, что людям доставляет удовольствие делать друг другу приятное. Наверное, они этого и не замечали, потому что привыкли – а Генка остро подмечал каждую мелочь. Казалось невероятным и странным, что такие добрые, веселые и открытые люди могут быть жесткими и непреклонными – а ведь Генка был свидетелем: это и правда так!

Писем домой Генка написал всего три, да и те короткие. А по тому адресу, который дал Денис, он идти стеснялся. Какой-то незнакомый Санька Краморов... он, может, и не помнит Дениса? А тут припрется непонятно кто...

Кстати, пионеры в окрестностях было полно. Генка часто их встречал за каким-то делом – иногда совсем непонятными, а иногда – вполне обычными, вроде купания или игры в футбол. Но подходить робел. Хотя иной раз ужасно хотелось надеть привезенную с собой форму... но потом возникала мысль: да какой из него пионер? Так... не пойми кто. Как будто самозванцем пролезает в компанию героев.

Правда, местные мальчишки никакими особенными не выглядели. Были они – ровесники – повыше и покрепче Генки, с неуловимой грацией и «запасцем» в движениях, да еще открытые очень. Им ничего не стоило позвать незнакомого пацана в игру или попросить,

сунув деньги, сбегать «за мороженкой, а то мы, видишь, вот эту штуку отпустить не можем – а? Пожалуйста! И себе купи...». Может, эта открытость как раз и отталкивала Генку, заставляя чувствовать себя самозванцем. А так – пацаны как пацаны. Загорелые до черноты, почти все босиком и мало кто в шортах или рубашке от формы, чаще галстук был повязан просто на голую шею, да еще и рядом с амулетом в виде старой гильзы или дырявого камешка.

Генка им завидовал. Жизнь в рабочем поселке с ее неизбежными мерзостями, которые были совсем рядом, научила тихого и любившего читать Генку мгновенно выпускать колючки, ругаться и вообще многим вещам, которые раньше казались неотъемлемой ее – жизни – частью. Эта убежденность здорово пошатнулась после знакомства с Денисом. А сейчас казалась стыдной... и мешала подойти к ребятам.

Он казался себе малозначительным и нелепым рядом с ними...

...Было около пяти вечера (Генка определил это по солнцу), когда мальчишка – остатками какой-то тропы, обдирая ладони о колючие ветки жестких кустов, срываясь и отплевываясь пылью, – взобрался на небольшое плато, которое наметил еще вчера, но времени не оставалось посмотреть, что там? А *там*, несомненно, было что-то очень интересное – недаром же осыпалась тропа и вообще так трудно туда залезть? Возможно, эта логика и показалась бы странной взрослому, но Генка не был взрослым.

Наверху было много солнца, и Генка понял удивленно, что небо чистое – совершенно, как ни крути головой. Солнечный свет лился сверху беспощадным, давящим, но в то же время приятным потоком. Дул ровный горячий ветер, и в сторону покрытого белыми барашками моря кивали шишковатые сухие метелки желто-серых сорняков. Мир был огромным, гулким от ветра, жарким от солнца, и пустым до такой степени, что хотелось вскинуть руки – и полететь. И верилось, что это возможно – просто раскинув руки.

И ЕЩЕ!!! Генка даже глазами захлопал. А потом заулыбался – ага! Он угадал – не могло тут не быть чего-то интересного!

Чуть дальше от края, на который взобрался мальчишка, высилась мраморная колонна – отбитая на примерно в трех метрах от земли. А сразу за ней стоял... танк.

Наверное, он приехал сюда еще в те времена, когда плато было частью берега – то есть еще до войны. И...

Генка направился туда. Шишки на сорняках тыкались ему в ноги, оставляли белые росчерки и тут же присыпали их тонкой серой пылью. Прикосновения были щекотными и почти живыми. И почти живым были удары ветра – повернешь голову чуточку – и он шепчет в ухо, непонятно и горячо...

Колонна оказалась неувовимо-розовой. В какой-то момент мальчишке даже показалось, что она светится изнутри. Танк стоял чуть сбоку (пушка глядела в море) – черный и рыжий от ветра и дождей, башня приподнята левым краем. Люки танка были закрыты, гусеницы ушли в жесткую землю до верхних траков звеньев. Генка и раньше видел танки. Этот был повыше и в то же время с очень маленькой башней.

Когда мальчишка подошел вплотную, то понял, что он тут не первый. Но понял мельком, не расстроился почему-то. Дело в том, что позади танка стояли стоймя две гильзы – яркие, начищенные, – а между ними – плита розового гранита с белыми буквами. Подойдя еще ближе, Генка прочел вслух:

«Экипажу 234, в первые дни войны принявшему бой с турецким десантом».

У низа плиты лежали цветы. Свежие, не сухие, хотя на таком ветру и солнце все должно высыхать очень быстро. А в мрамор древней колонны жестким поспешным росчерком чего-то острого глубоко были врезаны строки – сами похожие то ли на ножи, то ли на вековые трещины камня, черные на розоватом и явно такие же старые, как танк, хотя и намного моложе колонны:

И, переполнившись гневом, закипает наша планета,
И люди поднимаются, чтоб заглянуть за край...

*...А рай, если вдуматься – это то же гетто,
Пошел он к черту, зачем он нам нужен – рай?!
Вашингтон должен быть разрушен!
Об этом знают все, кто рядом с нами!
Вашингтон должен быть разрушен!
Ведет к победе нас наше знамя!
234-й экипаж.
Родина, прощай, живи, прости.*

Генка стоял долго. Ветер временами толкал его так, что мальчишка покачивался. Он знал о той войне немало, понимал умом, что воевали русские, люди одной с ним крови... но не мог раньше как-то себя... ну... что ли, соединить с ними, **с теми**. Это было давно, и даже слово «**Вашингтон**» сейчас не вспоминалось. Оно было чужим, как силуэт танка.

И все-таки... именно сейчас...

...Танк качался на гусеницах и бил, поднимая вихри пыли, выплевывая из чехла эжектора тошнотную гарь. Бил торопясь, бил, бил – по морю, туда, где ползли к берегу плашкоуты (а до серых кораблей вдали он достать не мог...). В танке были трое. Трое, для которых не существовало больше ничего, кроме прыгающей панорамы в прицелах. Панорамы – и ненависти, ненависти, которой не ожидали от них те, кто сейчас – в вое и визге – умирал на плашкоутах под бьющими 125-миллиметровыми фугасами.

Потом пришел огонь...

...Генка вздрогнул. Под пальцами – он шел вокруг танка, ведя руками по броне, теплой и мощной – была рваная дыра. Что попало сюда – мальчишка не знал, но понимал, что танк погиб именно от этого удара. Помедлив, мальчишка приблизил лицо к дыре. Оттуда пахло сухостью. Генка отстранился и погладил броню. Огляделся... и поразился острой мысли, что и тогда, наверное, еще было так же, и, наверное, этим людям внутри хотелось выскочить из танка, и бежать, и чтобы было небо, и солнце, и ветер... и жизнь. А они – остались и стреляли. Почему-то это было для них важнее жизни.

Наверное, они были похожи на Дениса. Только постарше.

Генка вдруг подумал, что надо бы положить к памятнику какие-нибудь цветы. Он и сам не знал, откуда оно взялось – это желание. Денис много говорил о памяти, даже как-то раз зашла речь, что нужно создать музей. Но ребята – даже те, кто знал это слово – не понимали, зачем он нужен – музей? Что там, в прошлом, такого важного? И Денис сердито махнул рукой.

«Когда вернусь, – подумал Генка, – обязательно скажу, что музей нужен. И сюда приду с цветами. Куплю на набережной в Берендеевке, рядом с Аперычем».

Уходить отсюда не хотелось. Но и торчать возле памятника было как-то неловко. Генка, поглядывая на памятник через плечо, медленно пошел туда, где из зарослей сухой травы торчали вперемешку обломки известняка и мрамора.

«А ведь, наверное, тут когда-то стоял каменный храм, – подумал Генка, вскакивая на один из таких обломков. – Что за народ его построил? Наши, русские? Или тут жил кто-то еще? Надо будет взять в библиотеке какую-нибудь книжку про историю этих мест, а то все только про природу читаю...»

Генка перескочил на соседний обломок, побалансировал на нем, раскинув руки, потом – просто так – сделал «ласточку», крутнулся на одной ноге и подумал, что ничем не болен и надо так и сказать сегодня Петру Юрьевичу. Мол, пора ехать домой. Извините, что время на меня потратили...

При мысли о доме Генку охватило двойственное чувство. Ему хотелось домой – к родителям, к ребятам, у которых там сейчас полно интересных дел. А с другой стороны – тут все было так просто и тихо...

Он встал на обе ноги, оглянулся на танк и вздохнул. Да. Сбежать – это подлость. А ведь ему ничего такого особенного дома и не грозит. Наоборот – там вроде бы начало

налаживаться! И если уж он даже сейчас готов сбежать, то что из него будет потом? Но и Петру Юрьевичу говорить ничего не буду, нашел компромисс мальчишка. Когда скажет – домой, тогда и скажет.

Он еще попрыгал с камня на камень, удаляясь от танка и колонны к дальнему краю плато. И собирался уже возвращаться, когда – совершив последний, самый лихой прыжок – увидел у своих ног, за камнем, мальчишку.

Мальчишка был обычный – загорелый, в синих шортах с ремнем, на котором висели нож и небольшая сумка. Он сидел на корточках, втиснувшись под косо торчащий большой каменный обломок – почти над обрывом плато, над видневшимися в сотне метров внизу красными и коричневыми крышами поселка.

Мальчишка был в крови.

В крови были босые ноги, которыми он прорыл в осыпи щебенки две борозды – упирался. В крови были плечи, на которых лежал обломок известняка, и в крови были руки, которыми мальчишка поддерживал этот обломок. В крови были искусанные губы. Волосы у мальчишки оказались серые, и Генка не сразу понял, что это пыль на них лежит.

Зато он как-то сразу понял другое – мальчишка держит этот обломок. Держит, как последняя тоненькая ниточка – здоровенный груз, лишнее движение – и ниточка порвется, груз упадет... куда?

Генка посмотрел вниз. На крыши. И понял последнее – **туда**.

Обломок весил килограммов триста. Генка физически ощутил, как трещат у пацана кости и мышцы. Сколько же он тут так сидит?!

– Я сейчас! – с этим прорвавшимся наконец хриплым криком рванулся он помогать.

Мальчишка – все это время, пока Генка его разглядывал, он смотрел молча, нездешними от натуги и усталости глазами – разлепил корку на губах и еле слышно просипел:

– Неее... камни... подложи... – и еле-еле повел головой влево-вправо.

Генка понял, чего хочет парнишка, – подпереть глыбу с боков. И бросился подтаскивать обломки, сам рискуя загреметь вниз кувырком. Сопел, тянул и пихал камни, которые с трудом смог бы поднять в обычной ситуации, толкал их, проверяя надежность... Мальчишка закрыл глаза, по лицу его, по груди, смешиваясь с дорожками крови, бежал пот, капал даже с висящего на плетеном шнурке дырявого сердолика-амулета, а галстук был черным – промок насквозь и прилип к груди. Наконец Генка – разбив себе пальцы и посбивав ноги – нагромоздил слева и справа от сидящего мальчишки две солидных каменных подпорки и сказал, запаленно дыша:

– Мо... жно...

– Не... я... боюсь... отпустить... – процедил мальчишка.

Генка еще раз пошевелил свои подпорки и потащил мальчишку под мышки наверх. Сжался, когда плечи паренька вышли из-под камня...

Глыба осталась стоять нерушимо...

...Наверху мальчишка упал в колючки и молча стал корчиться, пытаясь разогнуться – не получалось. Он скрипел зубами и возил щекой по известняку. Генка, присев рядом, начал с силой мять ему плечи, руки, ноги, поясницу – так, что у самого заболели пальцы. Мальчишка заорал наконец, по лицу произвольно покатились слезы. Всклипывая, он кое-как распрямился, хотел лечь на спину, но Генка почти силой уложил его на живот. Кожа на плечах мальчишки была изорвана в клочья вместе с мясом.

– У тебя пить есть? – просипел мальчишка. – Я флягу уронил. И вообще все снаряжение. Хоть бы ни на кого не попало...

– Хорошо еще, что флягу, а не эту булгу. – Генка вздохнул: – Нет у меня воды... Ты как туда попал-то?

– Дурак потому что, – ответил пацан. Он был постарше Генки, выше и крепче. – Там пещерка после дождей открылась, я вообразил, что подземный ход старый. Думал наших удивить... полез один. Ну а там как сдвинется, как поползет все... Я наружу шарахнулся,

гляжу – глыбина эта подается вниз. Ну я и подставился. Даже не думал... Страшно там, на спине?

– Не радость, – не стал скрывать Генка. – Да ты весь хорош...

– В поселок надо, к участковому, – мальчишка повозился. – А то эти твои подпорки – не вечные. Чуть шевельнет лишку – и здравствуй, подарок...

– Куда ты пойдешь, у тебя вместо пяток фарш, – удержал его Генка. – Я схожу. Ты только скажи, куда – я не местный...

Мальчишка вдруг хихикнул. Повозил ногами:

– Да прямо внизу под этой глыбой и отделение, и дом его. Я только сейчас сообразил.

– Я быстро добежу! – Генка вскочил. – Я сейчас, я быстро! Я сейчас!..

...Неужели по этому склону он взбирался почти час? Остатки тропинки, кусты... Генка летел вниз, понимая одно – если сейчас он запнется, то к подножию прикатится его труп. Со сломанной шеей. Мальчишка летел, раскинув руки, откинув назад корпус и не закрывая глаз, – а ноги мелькали, как спицы в велосипедном колесе, бросая его то через кусты, то над ямой, то над каменным обломком – бросая раньше, чем успевал отреагировать замерший от ужаса и восторга мозг. Внизу, восхищенно разинув рот, стоял мальчишка лет восьми – и громко ругались две молодые женщины. Генка пролетел между ними – как камень, сорвавшийся с горы – и не сбавил скорости, ворвавшись на улицу поселка...

...За двадцать пять лет неспешной (сначала небезопасной, но вот уже лет десять – почти курортной) участковой службы штабс-капитан Хороль видел всякое. И мальчишки к нему врывались не раз – в том числе и в таком вот виде: словно за околицей упал космический корабль. И информацию излагали иной раз намного бессвязней.

Но вот фляжку у него еще ни разу не уносили. А этот – кстати, совсем незнакомый – унес прямо с портупеи, вырвав тренчик.

– Гм. Потом доем, – сказал штабс-капитан, с сожалением глядя на тарелку с початым только-только борщом (даже густой имат сметаны еще не успел размешать...) и затягивая ремень. – Рация где?

– На сейфе. А борщ я накрою, чтоб не остыл, – спокойно произнесла жена. – Хорошо, что фляжку налила. Похоже, она этому хлопчику ну очень сильно нужна.

– Ремня им всем нужно, – безапелляционно заявил участковый. И подумал, что средненький-то где-то бродит, как бы он там не начудил чего...

...На полпути вверх Генка выдохся. И на плато залез на чистом самолюбии, а уж как доковылял до лежащего все там же в колючках мальчишки – вообще трудно было сообразить. Кстати, тот так и валялся на животе – и, судя по мерному сопению, спал. Солнце высушило кровь на коричневой коже, превратив в почти незаметную корку, а сорняки и известняк припудрили ее.

– Ну ничего себе, – пробормотал Генка, сел рядом и махом отвинтил колпачок. Только теперь он ощутил, что и сам хочет пить до одурения.

Но, сделав несколько глотков, остановился и побулькал фляжкой над ухом спящего парня.

– Ммммм... ага-а... – пробормотал тот и, пошевелившись, взвыл: – А-у! Ууу... ыть-сссс...

Генка засмеялся и показал ему фляжку:

– А участковый сейчас будет.

– Угу, сейчас... Ему сюда ползти час... – Мальчишка присосался к фляжке, жадно начал глотать, потом отвел ее от губ и спросил: – Хочешь?

– Я напился уже, – Генка прищурился на солнце.

– Хорошо, что тебя принесло, – уже без сомнений парень допил воду. – А то я бы так тут и изображал Атланта. Пока меня бы не прихлопнуло. У меня даже орать не получалось... Поделом, но как-то... – он хотел пожать плечами, но скривился: – Ого, а больно...

– А что за подземный ход ты искал? – поинтересовался Генка.

– С позиции в горы, – пояснил спасенный, качая фляжкой. – Тут раньше был другой берег – вон, где море сейчас, – а на нем стояли батареи. Танк-то стрелял не от самого обрыва... Перед войной батареи забросили, а коммуникации сохранились. И по ним можно пройти в горы. Вот я и искал. Он же в каждой трещине может открыться... Эй, а ты вообще откуда?

– Отдыхаю тут, – Генка не сказал «лечусь».

Мальчишка кивнул.

– Я так и думал, ты говоришь так – «ооотыыхаюууу тууут...», – необходимо передразнил он протяжную по сравнению со скороговоркой местных речь Генки.

Тот засмеялся:

– Ага, не то что ваше «слушай сюда пойдешь вон туда... апотомтрытытытытытытыты... понял?!»

Мальчишка тоже засмеялся, и Генка подумал, что тот – старше, а совсем не задирает нос, и это здорово. И предложил:

– Может, давай вниз? Ну, он придет, тут нет никого... Увидит, что камни упасть могут, вызовет помощь – и все. А то ведь тебе достанется.

Мальчишка вздохнул. Покачал головой:

– Нее... Не пойду я куда. А то опять на весь отряд потянут. У нас и так отношения... напряженные.

– С участковым? – уточнил Генка.

Мальчишка вздохнул снова:

– Со всеми. Кроме рыбнадзора. Год такой... неудачный... Погоди, – мальчишка внимательно посмотрел на Генку. – А ты... как ты так быстро успел-то?

– Я вниз бежал, – признался Генка.

Мальчишка присвистнул. Его серые глаза зазолотились искорками:

– Бе-жал?! Там же...

– Ну, я спешил, – вздохнул Генка. И вдруг добавил: – А здорово было бежать... – И, на миг задумавшись, продекламировал:

*Я ветер ловлю руками —
Не веришь? Пойди, взгляни!
И вот уже под ногами
Не чувствую я земли!*

*А ветер не то чтобы вьется
В горячих моих руках...
Он рвется – он не дается,
Внушая щемящий страх!
Как конь необъезженный дикий,
Лягает – аж стынет кровь!
Смотри, как с победным криком
Его оседлаю вновь!*

И смутился. Мальчишка выслушал внимательно. Спросил:

– Чьи стихи-то? 40

– Я... не помню, – соврал Генка. Он не мог заставить себя сказать, что строчки просто сами собой пришли ему на ум, он и сказал их.

Мальчишка вздохнул:

– Жаль, для наших песня отличная могла бы получиться. Морячки наши с планеристами за нее передрались бы...

Снизу слышался забористый матерочек – это лез и одновременно разговаривал по радиации участковый. А в небе – на одном уровне с плато – стрекотал серо-оранжево-синий вертолет гражданских спасателей...

...Генка летал на вертолете всего раз и не представлял себе, что эта машина так буднично может приземляться прямо в улицу – на небольшую площадь... или площадку? Для спасенного это явно было обычным делом – он и в иллюминатор-то не глядел, смотрел в пол, на свои ноги – забинтованные и с надвинутыми сверху большими тапочками. Генку, хотя он попытался отбрыкиваться, прилетевшая женщина-медик оборудовала точно так же, заявив, что иначе просто госпитализирует. Правда, у мальчишки были забинтованы еще и плечи, и руки... И участковый, летевший тут же, многообещающе смотрел только на него – что ему до Генки-то?

«Что ему до меня?» – еще раз подумал Генка, когда они высадились, и штабс-капитан повел спасенного мальчишку к себе в дом.

Точнее – как повел? Не тащил, не приказывал, просто мотнул головой и зашагал впереди, а парень поковылял следом, не поднимая головы. Отчего-то именно то, что он шел сзади, выглядело довольно жалко – не впереди (вроде как под конвоем), а позади, как нашкодивший щенок за хозяином...

Генка не ушел. Он купил у торговавшей неподалеку бабульки кулек кураги, сел наискось от входа в участок и стал ждать. Сам не зная, зачем. Что он мог сказать этому мальчишке? А вот так сидеть – еще решит, что он, Генка, напрашивается на благодарность за спасение...

Эта мысль пришла в голову Генке на исходе часа. И он решил уйти – но тут дверь открылась и появился его новый знакомый. Выволочка явно была тяжкая. Мальчишка вышел из дома участкового с головой ниже плеч. И, увидев Генку, не удивился даже, а подошел и сел рядом. Тяжело вздохнул. Сказал хмуро:

– Вот так. Завтра вечером отец вернется с моря – и быть мне драному. Плюс еще снаряга моя во дворе у Арнольдины Юрьевны петуха убила. Наповал. Шестьдесят пять копеек. А у меня деньги вообще в минусе.

Генка представил себе картину с петухом, и ему сделалось смешно. Но смеяться он, конечно, не стал. Вместо этого сказал:

– Ты же герой.

– Ага, – криво усмехнулся мальчишка и, подобрав из-под ног ракушку, подбросил ее в руке, потом запустил по улице. – Долбопун я, а не герой. Правильно дядя Артем сказал – таким героям надо руки отрывать, чтобы не совали, куда не надо. Ой, а в отряде еще будее-ет... – он даже зажмурился, но решительно встал. – Пойду докладываться... – но задержался, рассматривая Генку. – Как тебя зовут-то? – спросил наконец мальчишка.

Генка тоже встал, неуверенно протянул руку:

– Генка. Ишимов, Генка.

– Ну, давай, Генка, – улыбнулся мальчишка. – А я Краморов, Санька. Звеньевой второго звена отряда... хотя, наверное, уже бывший звеньевой, – поправился он грустно.

Но Генка этого не услышал.

– Краморов? Санька? – изумленно спросил он. – Ты?!.

...Появление Генки Петр Юрьевич воспринял довольно философски. Можно даже сказать – насквозь философски, только распорядился снять повязки и еще раз осмотреть мальчишку, да хмыкнул: «С ветром наперегонки бежал, что ли?»

«Ветер, – подумал Генка. – Я ветер ловлю руками». И, глядя из-за медсестры на врача, сказал:

– Петр Юрьевич, мне после ужина надо уйти в город.

Омельченко с интересом посмотрел на мальчишку, склонил голову к плечу, став похожим на нерпу более обычного. Промолчал, и Генка не мог понять, что это за молчание

и чего от него ждать. Но, видя, что Петр Юрьевич говорить не собирается, продолжал сам:

– Мне... мне **очень** надо, – сказал он это негромко, но с силой.

Петр Юрьевич шевельнул усами. Он явно хотел сказать что-то ироничное и даже язвительное. Но, посмотрев в глаза Генки, вздохнул и кивнул:

– Лады. Чтоб к полуночи был в постели – я проверю! И кеды возьми, тебе сейчас так бегать не стоит, – и хохотнул: – Ветер ты все равно уже точно обогнал.

Генка хотел сказать тысячу слов благодарности сразу. И поэтому не сказал ни одного, только закивал и поерзал на кушетке...

...Домик, в котором размещался штаб отряда, был самый обычный – небольшой, вцепленный в известняковый склон, который ослепительно сиял днем и был призрачно-белесым, словно светящимся изнутри ночью, и из того же известняка построенный. Из того же известняка была и низкая – по пояс мальчишке – ограда с калиткой из тонких прутьев, украшенной эмблемой пионерской организации: раскрытой ладонью с тремя языками пламени.

А за заборчиком расхаживали часовые. Аж трое, причем в полной форме с шевронами полных пионеров, и было ясно, что Генку они не пропустят. Причем не из вредности, а просто потому, что нечего ему там, внутри, делать. Прорваться силой не представлялось возможным, пролезть тишком – несмотря на ночь, очень лунную, кстати, – тоже. Генка оценил все эти возможности, лежа в сухой придорожной канаве.

Правда, была еще одна возможность – и мальчишка собирался с духом, чтобы попробовать ее реализовать.

Над углом домика поднимались тонкие металлические трубы ветряка – видимо, в подвале, как во многих домах тут, стоял котел-нагреватель, не столько для отопления, сколько просто для горячей воды, а грело воду электричество. Две трубы крепились к скале за домом. Плетение труб и тросов было частым и явно надежным, а ветряк был отключен...

...Часовые Генку заметили, только когда он – с колотящимся бешено сердцем и в полном восторге от самого себя – соскочил с крыши прямо на крыльцо.

– Эй, эй, стооой! – заорал кто-то из них, и двор наполнился отраженным стенами стуком бегущих ног – но Генка уже нырнул в дверь и захлопнул ее.

Он не ожидал, что сразу попадет в ярко освещенное помещение. И даже вскинул руку к глазам – как от удара в лицо. Но потом медленно опустил ее. Сзади его уже схватили (а он и не сопротивлялся), но рослый коротко стриженный парень, сидевший за столом, поднялся и бросил:

– Эй, постойте-ка. Ты кто?

Кроме него тут были еще трое мальчишек – один на подоконнике, двое на стульях сбоку от стола – и Санька. Все – в полной форме, Санька даже форменные легкие ботинки натянул на ноги вместо тапочек. Сидел он на стуле у стены – напротив стола – и смотрел на Генку удивленно. Остальные, впрочем, тоже.

– Эй, это Генка из «Солнечной Скалы», – сказал тот, что сидел на подоконнике, и соскочил на пол. Улыбнулся. – Он нам помогал зонд запускать.

Генка вспомнил этого мальчишку, но как зовут его – не знал... да и неважно это было. Старшим тут явно был парень за столом – и Генка, не пытаясь освободиться от все еще придерживавших его часовых, начал, глядя прямо ему в глаза:

– В общем, я пришел сказать... сказать, что Санька не виноват. Ну, не так уж виноват, – поправился Генка.

Мальчишки в комнате быстро переглянулись. Старший – только теперь Генка увидел на его рукаве нашивку вожакого – спросил:

– Слушай, как ты сюда попал-то?

– По ветряку, – признался Генка.

Генка сидел у громадного – такого громадного и прозрачного, что не было заметно ни краев, ни стекла – окна бешено несущегося по идеально ровной дороге автобуса, внимательно глядя в это самое окно. За ним до призрачно синееющих на горизонте гор тянулась степь, покрытая пышной темно-зеленой травой. Там и сям на ней виднелись табуны разномастных лошадей – и пасущие их босые мальчишки что-то кричали и махали руками. Слов не было слышно, но на сердце у Генки становилось тепло. Ему вообще сейчас было очень хорошо – он утонул в удобнейшем кожаном кресле, над самым колесом, то есть выше всех остальных, упираясь ногами – кеды ерзали рядом, на полу – в какую-то удобно изогнутую трубу. Автобус шел очень ровно, слышался только мягкий монотонный шум – не столько двигателя, сколько обтекавшего машину воздуха, и Генке казалось, что он летит на небольшой высоте. Это было интересней, чем на вертолете, и Генка даже почти позабыл о том, что скоро уезжает...

Солнце уже клонилось к закату, но стояло еще высоко, и под ним, невероятно далеко, блестело море – казалось, что оно очень плавно поднимается к почти неразличимому горизонту, но это, конечно же, была иллюзия. Низко над землей шли облака, похожие на пушистые комки растрепанной ваты. Под ними плыл громадный серебристый дирижабль с множеством продольных граней – он прошел так низко над шоссе, что Генка услышал ровный гул его двигателей. Он знал, что будет там – судя по громадной надписи на борту, это и был прогулочный дирижабль «Витязь», где их ждали на экскурсию, – но при взгляде на эту трехсотметровую громадину, снизу похожую на какое-то невероятное, затвердевшее облако, ощущение реальности исчезло. Вокруг были его друзья, впереди снова было море и целый мир новых, неведомых еще впечатлений ⁴¹.

«Я ветер ловлю руками, – Не веришь? Пойди, взгляни!» – вспомнилась Генке песня.

Они сидели в ряд над самым обрывом и, глядя, как кружится – снова и снова, и никак не хочет падать – запущенный планер-«крыло», распевали под гитару...

Он вспомнил Праздник мальчиков – 14 сентября, старую итальню, холодок пропасти под ногами и тонкий брус, на середине которого его ждал Санька – с галстуком на протянутых руках. И свои шаги по сухому дереву (на бруске едва хватало места поставленным рядом ступням), и то, как сорвался вниз страх – один, без Генки – в тот момент, когда Санькины пальцы ловко завязали на его шее сложный узел галстука, и глаза Саньки, казалось, светившиеся в полумраке итальни, и свой голос: «Я, Геннадий Ишимов, вступая в ряды пионеров Империи...» – и голоса мальчишек с каменных уступов: «Слава, слава, слава!!!»...

...Он подарил местным ребятам песню. Они ему – дружбу. И ничего, что через два дня он уедет. Песня останется с ними. А дружба – с ним.

Генка поерзал в кресле и негромко засмеялся.

⁴¹ Выделенный жирным шрифтом текст написан А. Ефимовым.